ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Литвак Николай Витальевич

СТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ КАК РЕФЛЕКСИВНОГО ИНСТИТУТА: ОБОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ

Специальность 22.00.05 – Политическая социология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Научный консультант:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Кравченко Сергей Александрович

Москва – 2018

Оглавление

Введение....4

Глава 1. Дипломатическая служба: её деятельность в условиях усложняющейся информационной и коммуникационной социокультурной динамики....37

1.1. Рефлексия как атрибут современного информационного сетевого общества с ускоряющейся социокультурной динамикой: обоснование рефлексивно-информационного подхода....37

1.2. Становление рефлексивной социально-информационной реальности в эпоху сетевых электронных средств информации и коммуникации....56

1.3. К рефлексивному дискурсу дипломатической службы: история и современность специфического социально-политического информационного и коммуникационного процесса....73

1.4. Дипломатические информация, коммуникация и их рефлексия как социально-политические феномены....85

Глава 2. Формирование и развитие дипломатической службы от элемента бюрократической структуры к становлению рефлексивного института, особого социально-профессионального сообщества....122

2.1. Формирование дипломатической службы как особой социально-функциональной бюрократической структуры....122

2.2. Развитие дипслужбы в направлении рефлексивного института под влиянием Великой французской революции 1789 г.....133

2.3. Становление дипслужбы как рефлексивного института, особого социально-профессионального сообщества....150

Глава 3. Трансформация дипломатической службы в эпоху сетевых электронных средств информации и коммуникации и «текучей» современности....164

3.1. Социология международных отношений и внешней политики в эпоху сетевых электронных средств информации и коммуникации (ЭСИК)....164

3.2. Новая социо-природная и политическая среда дипломатической службы....181

3.3. Новая дипломатия смыслов: возможности культуральной социологии для её интерпретации....203

3.4. Трансформация и рефлексия информационных процессов дипслужбы в эпоху сетевых ЭСИК....232

Глава 4. Кейс-стади: трансформация и рефлексия французской дипломатической службы в эпоху сетевых ЭСИК 264

4.1. Социология и рефлексивная специфика современной дипслужбы Франции ..264

4.2. Французская дипломатическая служба и общие социально-политические процессы.....285

4.3. Рефлексия противоречий традиционных и современных информационных и коммуникационных аспектов дипломатической службы 317

Заключение 329

Библиография.....336

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена новой социально-политической реальностью, в которой оказалась современная дипломатическая служба вследствие существенных *изменений в социуме, международных отношениях и внешней политике*, которые происходят под влиянием *развития науки и технологий,* новых – э*лектронных средств информации и коммуникации* (ЭСИК[1]). За исторически короткий промежуток эти средства приобрели всеохватывающий характер, с их помощью теперь создаётся и распространяется огромный, во многих случаях экспоненциально растущий объём информации, переходящий в качественно новое состояние, описываемое как «большие данные»[2]. Сегодня, в частности, МИД Франции получает ежедневно примерно тысячу дипломатических телеграмм, ежемесячное же количество документов из загранпредставительств составляет десятки тысячи страниц и более 12,5 млн. электронных сообщений. При этом количество его сотрудников даже уменьшилось по сравнению с доцифровой эпохой, и *выбор* информации, принимаемой во внимание для принятия решений, представляет собой всё более острую социально-политическую проблему.

Большинство людей планеты в наши дни пользуются сотовой связью, компьютерами и интернетом, контактируя между собой, независимо от места пребывания. Резко увеличились и качественно изменились *мобильности*, принимающие формы потоков населения, информации, контактов, культурных артефактов[3]. Всё большее количество негосударственных организаций ведёт деятельность, коммуникацию в трансграничном, глобальном масштабе. Электронные социальные сети по разным оценкам побеждают в конкуренции с телевидением, которое само примерно полстолетия назад было новейшим средством информации и коммуникации, в свою очередь потеснившим печать и радио. С 1960-х годов постулированы первые концепции информатизации, а с 1990-х годов во многих странах мира официально началось строительство *информационного общества*, поддержанное на уровне ООН и других международных организаций. В его основе лежит

---

[1] Под ЭСИК мы понимаем *системы связи* (односторонней, однонаправленной – радио, телевидение; дву- и многосторонней, диалоговой – телеграф, телефон) и *оборудование для действий с информацией* (её представления, хранения, переработки в электронной форме – посредством ЭВМ, компьютеров). В современных условиях эти системы и оборудование используются для создания всё более разнообразных по размерам и качеству *сетей*, объединяющих различных акторов, взаимодействующих между собой, с сетями других акторов и с окружающей средой в целом.

[2] Термин «большие данные» (англ. big data) впервые предложил К. Линч, редактор номера от 3 сентября 2008 года журнала Nature, имея ввиду совокупность гигантских объёмов различных, в т.ч. необработанных, неструктурированных данных. Сегодня под ними подразумевается не только такие данные, поступающие с очень большой скоростью и в очень больших объемах (т.е. *поток*), но и подходы, методы и технологии работы с ними, включая параллельные вычисления и новые, не применявшиеся ранее. варианты использования.

[3] *Урри Дж*. Мобильности. М. : Праксис, 2012.

массовое внедрение ЭСИК, которые в т.ч. способствуют порождению в социальных процессах *рефлексий*, т.е. всё более частого, переходящего в постоянное, самонаблюдения, размышления о своих действиях, самопознания, влияющего на последующие действия акторов и вызывающего их *самоизменение* (П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка, Дж. Александер). В совокупности эти факторы вызывают *ускорение* (Х. Роза[4]) и *усложнение* социокультурной динамики (С.А. Кравченко[5]), придают «текучий» (З. Бауман[6]), *становящийся* (П. Штомпка[7]) характер новой социальной реальности, всё более строящейся по *сетевому* принципу (М. Кастельс[8]) в контексте глокализации[9].

Вместе с тем, результаты становления информационного общества в различных странах мира амбивалентны, часто носят проблемный характер, производят новые формы неравенства и насилия, в т.ч. символического, и в этой связи получают иногда взаимоисключающие оценки. Это свидетельствует о недостаточном теоретическом обосновании концепций, тем не менее, уже положенных в основу практических планов и программ, что определяет актуальность критики и дальнейшей разработки их теоретических положений, понятийного аппарата и методологии. Эта новая ситуации активно обсуждается в социологическом сообществе, которое констатирует новые вызовы социологическому знанию, ещё не так давно предлагавшему значительные прогностические возможности, а сегодня нуждающемуся в дальнейшей разработке, соответствующей новой социальной реальности[10].

Новая технологическая и социально-политическая среда ставит под вопрос эффективность и само существование многих традиционных социальных и социально-политических институтов, в т.ч. государств и их дипломатических служб, или, по меньшей мере, некоторых их функций. Они, в свою очередь, трансформируются, побуждают акторов к рефлексии, обновляя в данном контексте системы и практику коммуникации и работы с информацией. Речь идёт о превращении дипломата в социального актора, принимающего решения с учётом перманентных изменений, *становления* социально-политической, инфокоммуникационной среды, в которой он действует. Сегодня министерства иностранных дел имеют свои порталы в интернете, а их

---

[4] *Rosa H.* Social Acceleration: A New Theory of Modernity. Columbia: Columbia University Press, 2013.
[5] *Кравченко С.А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография. М. : МГИМО-Университет, 2012.
[6] *Bauman Z.* Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
[7] *Sztompka P.* Society in Action: The Theory of Social Becoming. Chicago: University Of Chicago Press, 1991.
[8] *Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Polity, 2015; *Castells M.* Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford: Blackwell, 1996-1998.
[9] *Roudometof V.* Glocalization. A Critical Introduction. Routledge, 2016.
[10] *Литвак Н.В.* К итогам XIX Международного Конгресса франкоязычных социологов: новые подходы к изучению неопределенности // Вестник МГИМО (У). – 2013. – № 1. – С. 188-191; *Кравченко С.А.* К итогам конференции Европейской социологической ассоциации // Социологические исследования. – 2016. – №4. – С. 147-154.

сотрудники ведут аккаунты в крупных социальных сетях. Как и многие другие госслужащие, дипломаты пытаются отслеживать новости, касающиеся хотя бы их непосредственной сферы ответственности, что становится всё сложнее, несмотря на применение новых технологий и оборудования. Для того, чтобы выяснить, или уточнить, каковы их задачи в этой *электронной экосреде*, необходимо обратиться к истокам формирования современной дипломатической службы, установить суть и формы её инфокоммуникационной деятельности как социального института, её *рефлексии* на происходящее (П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка, Дж. Александер), а также *саморефлексии*, которые становятся неотъемлемыми факторами современного социологического исследования.

Наиболее подходящим кейсом для такого исследования, с нашей точки зрения, является дипломатическая служба Франции, как модель в рамках концепции становящегося рефлексивного института. Французская дипломатия, начиная с Нового времени, считалась (а многими считается и теперь) классическим образцом государственного внешнеполитического инструментария[11]. Многие институты и их функции в их *современном качестве* (министерство иностранных дел и сеть постоянных загранпредставительств, учебные заведения по подготовке дипломатов, дипломатические архивы и терминология, культурная, экономическая и научная дипломатия и др.) впервые появились именно во Франции и послужили примером для других, как коллективные акторы рефлексивного типа (с учётом зарождения и постепенного становления рефлексии). Французский дипломатический протокол и французский язык долгое время были официальными протоколом и языком мировой дипломатии и дипломатической переписки. Это – следствие результатов, достигнутых французскими дипломатами, основным содержанием деятельности которых была работа с информацией и её коммуникация. Как теоретический, так и практический интерес представляет рассмотрение современных информационных рефлексивного характера процессов именно в этой дипслужбе, старающейся адаптироваться к основными изменениями в мире, в т.ч. вызванным научно-техническим развитием, уже осуществившей свою «цифровую

[11] Например. в статье «Дипломатия» современной Британской энциклопедии американские профессор истории С. Маркс и дипломат Ч. Фриман пишут, что первое министерство иностранных дел было основано кардиналом Решилье, а дипломатические успехи Луи XIV привели к тому, что в международных отношениях французский язык заменил латынь, став по существу «лингва-франка», и оставался языком дипломатии вплоть до XX в.; что после Венского (1815 г.) и Аахенского (1818 г.) конгрессов была внедрена очерёдность подписания соглашений в соответствии с французским алфавитом, и только начиная с мирных конференций по итогам Первой мировой войны (Версаль, 1918 г.) переговоры стали идти параллельно на двух языках (добавился английский), а сегодня французский остаётся официальным языком ООН. С XVIII в. французский термин «дипломат» стал использоваться для обозначения персоны, уполномоченной вести переговоры от имени государства, и другие крупные державы создали свои МИД по образцу французского. *Marks S., Freeman Ch. W.* Diplomacy / Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] URL: https://www.britannica.com/topic/diplomacy#toc59476 (дата обращения: 07.07.2014).

революцию». Поскольку эта дипслужба развивалась под влиянием высококачественного французского образования и науки, в т.ч. философии, социологии, психологии, политологии, французские дипломаты традиционно являются примером высокообразованных чиновников-акторов, специалистов-международников. Кроме того, они же – авторы весьма обширной научной, публицистической и мемуарной литературы, которая представляет и значительный социологический и политологический интерес, в т.ч. как определённая *саморефлексия* дипломатических работников.

Для России формулирование такой концепции является актуальным, так как внешняя политика традиционно считается её политическим руководством условием выживания страны, обеспечения её безопасности, суверенитета, развития, и, поэтому, она, как и дипслужба, находится под сильным влиянием и контролем главы государства.

Степень разработанности проблемы. Внешней политике и дипломатии, как одной из её составных частей, а также дипломатической службе, как институту её осуществления, исследователями, в целом, уделяется значительное внимание. Новые эффекты глобализации и становления информационного общества в последние годы заставляют вновь обращаться к этим темам. В области социологического теоретического осмысления и формирования методологического аппарата исследования информационного общества, коммуникации, социологии международных отношений и дипломатической службы в последние десятилетия работал целый ряд крупных социологов. Сама дипслужба, её акторы – дипломатические агенты12, действуя объективно на стыке разных государств, народов, культур и цивилизаций, но также разных общественных слоёв и групп, за время своего существования собрали и переработали огромный эмпирический материал, послуживший основой для социологических, а также исторических, политологических, психологических, экономических теорий.

В диссертации предпринята попытка исследовать становление, динамику и рефлексию дипслужбы в современную эпоху в контексте необходимости рефлексии относительно сложного социума, «гуманистического поворота» в социологии, «постдисциплинарной социологии, открытой для диалога с другими науками»13, дополненной, в данном случае метатеоретическим рефлексивно-информационным

---

[12] В данном исследовании термин «дипломатические агенты» используется в соответствии с пунктом «е» Статьи 1 Венской конвенции о дипломатических сношениях, в котором определяется, что «дипломатический агент» есть глава представительства или член дипломатического персонала представительства. Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961 года. [Электронный ресурс:] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel (дата обращения 16.03.2014).

[13] *Кравченко С.А*. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М. : МГИМО-Университет, 2015. С. 310.

подходом. С его позиции вышеописанная многокачественная реальность является неотъемлемой, существенной характеристикой современного рефлексивного общества и его человека-актора.

Ключевым для исследования был избран принцип не только современного прочтения классических и новых социологических концепций (прежде всего, структурно-функционального и системного подходов Э. Дюркгейма, работ П. Рикёра по герменевтике, Р. Барта и М. Фуко по социальным механизмам языка, Ю. Хабермаса, М. Крозье, П. Бурдьё, А. Гоулднера, У. Бека, Э. Гидденса, М. Арчер, П. Штомпки и др. по социологии рефлексивности, в т.ч. в государственном управлении), но параллельного исследования одних и тех фактов сложной социокультурной динамики разными средствами, поскольку концепции, адекватно описывающие определённые факты и процессы, сохраняют своё значение и после разработки нового инструментария и новых теорий. Речь при этом идёт не о возврате к идее кумулятивности знания (в данном случае – социологического), а о его пока ещё не завершённости в смысле целостности, системности микро- и макросоциологии и теорий среднего уровня, и предложении в этой связи теории среднего уровня – концепции дипломатической службы как *рефлексивного института*.

В этой связи был осуществлён отбор пяти групп источников релевантных авторскому подходу теоретических и эмпирических источников, а также социальных кейсов.

В *первую группу вошли ставшие уже классическими пионерские работы по исследованию характера и содержания информационного общества, методологического и категориального аппарата для его изучения, в т.ч. заложившие основы соответствующих социологических подходов*.

Со второй половины XX столетия постоянно растёт сегодня уже огромный массив работ по проблематике информационного общества[14], требующий не только всё большего времени для изучения и нового прочтения, но и новых подходов теперь уже и к самой этой совокупности концептуальных разработок. До сих пор генезис концепций информационного общества (в преамбулах новых исследований, в разделах о состоянии изученности проблемы) описывается, как правило, как последовательное развитие единой теории. Продолжают развиваться релятивистские и постмодернистские подходы, которые,

[14] Если одна из первых работ по теориям информационного общества Ф. Уэбстера состояла из 320 страниц (*Webster F.* Theories of the Information Society. Routledge, 1995), то в 2004 г. – уже 449 страниц (*Webster F.* The Information Society Reader. Routledge, 2004), а Р. Манселл в 2009 г. понадобилось 1926 страниц (*Mansell R.* The Information Society. L. : Routledge, 2009. 4 vols.).

интерпретируя развитие информационного общества через призму своего инструментария, по существу, критически задействуют теории рефлексивной социологии.

Однако, несмотря на количественный рост таких концепций, они по-прежнему пока не удовлетворяют ни самих теоретиков, ни практиков, использующих их в политических и социальных процессах, ввиду слишком общего характера построений и выводов. Слабость же осуществления прогнозов оборачивается нарастанием пессимизма в оценках происходящего и в ожиданиях будущего. Более того, как констатирует академик РАН А.В. Торкунов, «…произошло «привыкание» к тому, что ещё десять-пятнадцать лет назад называлось новыми вызовами и угрозами. Противодействие терроризму, наркотрафику, криминализированной миграции, незаконным финансовым потокам стало составной частью международной активности государств и многосторонних институтов»[15]. Причём обе стороны (общество и преступники) в той или иной степени используют новые информационно-коммуникационные технологии (мобильную связь, компьютеры, интернет, сбор и работу с информацией и т.д.).

Терминология и описания различных сторон нового – *информационного общества* появились с начала 1960-х годов в Японии и США (Ю. Хаяши, Т. Умесао, Й. Масуда, М. Маклуэн, Ф. Махлуп, Дж. Стиглер)[16]; становление концепций приходится на 1970-е и начало 1980-х годов (Д. Белл, З. Бжезинский, П. Дракер, Й. Масуда, Р. Лэйн, У.И. Мартин, А. Минк, Г. Маркузе, С. Нора, М. Постер, М. Порэт, У. Приест, У. Ростоу, П. Страссман, Т. Стоуньер, А. Турен, Э. Тоффлер, Х. Эванс, Ж. Эллюль и др.)[17]. В 1980-90-е годы основной тенденцией в становится исследование отдельных проблем на основе аксиоматической предпосылки бесспорного становления нового общества ввиду распространяющейся информатизации – стремительного и массового внедрения

---

[15] Современные международные отношения / под ред. *А.В. Торкунова, А.В. Мальгина*. М. : МГИМО (У) МИД России, 2012. С. 8.

[16] См.: *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Washington : Transaction Publishers, 1981; *McLuhan, M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto : University of Toronto Press, 1962; *Stigler G.J.* Essays in the History of Economics. Chicago : University of Chicago Press, 1965.

[17] См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : REFL-book, 1994; *Bell D.* The End of Ideology : On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe: The Free Press, 1960; *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y. : Basic Books, 1973; *Brzezinsky Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y. : The Viking Press, 1970; *Drucker P.* Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993; *Ellule J.* Changer de révolution: L'inéluctable prolétariat. P. : Seuil, 1982; *Lane R.* The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society // American sociological review, 1966, Vol. 21, № 5; *Martin W.J.* The Information Society. L. : Aslib, 1988; *Nora S., Minc A.* L'informatisation de la société. Rapport `a M. le Président de la République. 1978; *Porat M.* The Information Economy. Washington. US Department of Commerce, 1977; *Porat M.* Global Implications of an Information Society // Journal of Communication, 1978, № 28; *Poster M.* The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Chicago : University Of Chicago Press, 1990; *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983; *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1970; *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1983; *Touraine A.* La Société post-industrielle. Naissance d'une société. P., 1969; *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et defférents. P., 1997.

компьютеров и интернета (Б. Бенаму, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М. Волль, Э. Гидденс, Д. Каплан, М. Кастельс, М. Крозье, П. Леви, Ж.-Ф. Лиотар, Н. Луман, П. Мюссо, Т. Петцингер, Д. Уолтон и др.)[18].

В России феномен нового общества в разное время привлекал внимание многих социологов, философов, культурологов (А.Н. Авдулов, И.Ю. Алексеева, Т.П. Воронина, С.И. Дука, В.В. Егоров, А.Д. Еляков, Л.М. Землянова, Д.В. Иванов, Л.Г. Ионин, И.А. Лазарев, С.А. Кравченко, И.С. Мелюхин, А.И. Ракитов, Е.А. Роговский, А.Д. Урсул, Г.С. Хижа, Р.И. Цвылев, Ф.И. Шарков и др.)[19].

Эти концепции критиковались как западной (Э. Гидденс, Т. Роззак, Ю. Хабермас, Г. Шиллер, Д. Шиллер)[20], так и советской наукой (Э.А. Араб-Оглы, Ю.А. Замошкин)[21], в основном, с позиций марксистского и позитивистского подходов, скептически рассматривавших перспективы общественного развития на основе «информационной парадигмы».

---

[18] См.: *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 2005; *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб. : Питер, 2004; *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities or The End of the Social and Other Essays. N.Y. : Semiotexte, 1983; *Castells M.* Information Age; *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. : Grasset, 1979; *Crozier M.* État modeste, État moderne. Stratégies pour un autre changement. P. : Seuil, 1986; *Lévy P.* L'Intelligence collective: pour une anthropologie du cyberspace. P. : Découverte, 1994; *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: rapport sur le savoir. P. : Les Editions de Minuit, 1979; *Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. Berlin: Walter de Gruyter, 1991; *Musso P.* Télécommunications et philosophie des réseaux, la postérité paradoxale de Saint-Simon. P. : PUF, 1997; *Petzinger T.* The New Pioneers: The Men and Women Who Are Transforming the Workplace and Marketplace. Simon & Schuster, 1999; *Volle M.* Économie des nouvelles technologies. P. : Economica, 1999; *Volle M.* De l'Informatique: Savoir vivre avec l'automate. P. : Economica, 2006; *Wolton D.* Informer n'est pas communiquer. P. : CNRS Éd., 2009.

[19] См.: *Авдулов А.Н.* Информационное общество: эволюция, современный этап, уроки для России // Россия и современный мир. – 2005. – № 4; *Алексеева И.Ю.* Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. – 1999. – № 1; *Воронина Т.П.* Информационное общество: Сущность, черты, проблемы. М. : ЦАГИ, 1995; *Дука С.И.* Информационное общество. Социогуманитарные аспекты. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004; *Егоров В.В.* На пути к информационному обществу. М. : Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2006; *Еляков А.Д.* Российское общество в информационном измерении // Социологические исследования. – 2009. – № 7; *Землянова Л.М.* Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник МГУ, серия 10 Журналистика. – 1999. – № 2 ; *Иванов Д.В.* Виртуализация Общества. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000; *Ионин Л.Г.* Социология в обществе знаний : от эпохи модерна к информационному обществу. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007; *Кравченко С.А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009; *Лазарев И.А., Хижа Г.С, Лазарев К.И.* Новая информационная экономика и сетевые механизмы развития. М., 2006; *Мелюхин И.С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999; *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М., 1991; *Роговский Е.А*. США: информационное общество (экономика и политика). М., 2008; *Урсул А.Д*. Информатизация общества. М. : Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1990; *Цвылев Р.И.* Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М. : Наука, 1996; *Шарков Ф.И.* Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации // Социологические исследования. 2001. – № 8. – С. 52-61.

[20] См.: *Habermas J.* Technik und wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969; *Roszak T.* Where the Wasteland Ends. Politics and Transcendence in Postindustrial Society. N.Y., 1972; *Schiller H.* Old Foundations for a New (Information) Age / Schement J.R., Lievrouw (eds.) Competing visions, complex realities: Social aspects of the information society. Norwood : Ablex Publishing, 1987. Pp. 76-83; *Schiller D.* Digital Capitalism. Cambridge : MIT Press, 2000.

[21] См.: *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973; *Замошкин Ю.А.* «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. – 1990. – № 3.

По мере накопления теоретических знаний о характере информатизации, описывающие её концепции информационного общества всё чаще рассматривались как самостоятельное направление социологической науки. Исследования этой группы теорий в качестве принципиально новой парадигмы были предприняты Г. Бехманном, Б. Гийо, Р. Манселл, А. Маттеларом, Ф. Уэбстером[22] и др. Среди отечественных исследователей это А.Н. Авдулов, Е.Л. Вартанова, И.А. Лазарев и др. При этом для концепций информационного общества остаются присущими такие характерные теоретико-методологические трудности, как:

−недостаточная разработанность терминологии, отсутствие общепринятого понятия не только информационного общества, но и информации;

−неопределённость характеристик информационного общества, а, следовательно, и понимания его отношения к другим типам общественного развития: хотя в целом его относят к группе формаций, сменивших «аграрное» и «индустриальное» общества, в первую очередь, в связи с наиболее популярным из них *постиндустриальным* обществом, информационное общество определяют и как его часть (И.А. Лазарев), и как его новый этап (Д. Белл, И. Масуда, Э. Тоффлер, Е.Л. Вартанова, Т.П. Воронина, Е.А. Роговский), и как следующий этап после постиндустриального общества (М. Порэт), и как фазу индустриального общества (Ю. Хабермас, Э. Гидденс);

−отсутствие исследования отложенных рисков резкого роста информатизации.

Виду такого разнообразия, нами была дана классификация этих концепций, включающая шесть видов подходов: «документалисты», «сигнальщики», «экономисты», «социологи», «сетевики», «виртуалисты»[23] – в соответствии с фактором, который их авторы считают основным. Однако невнимание к остальным факторам, тем более к их сочетанию, не говоря уже о неиспользовании рефлексивного подхода, пока не позволяет получать валидные модели новой становящейся реальности информационного общества.

Во *вторую группу включены работы, в которых разрабатывалась методология исследования и проблемы международных отношений и дипломатии, в т.ч. их социологические аспекты*. Послевоенная работа американца Г. Моргентау[24] вновь постулировала точку зрения на международные отношения, как арену острого противоборства государств, где военный и дипломатический подходы являются двумя

---

[22] См.: *Бехманн Г.* Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 10-28; *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010; *Guyot B.* Management de l'information dans les organizations. Eléments de method. P. : Editions Hermès-Lavoisier, 2006; *Mattelart, A.* Histoire de la société de l'information. P. : La Découverte, 2001.

[23] См.: *Литвак Н.В*. К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социологические исследования. 2010. №8. С. 3-11.

[24] См.: *Morgenthau H.J*. Politics among nations: the struggle for power and peace. NY : A.A. Knopf, 1948.

составляющими одной политики. Эта позиция хорошо подкреплялась реалиями начавшейся холодной войны. Однако европейские, в первую очередь, французские исследователи отнеслись к ней критически, направив своё внимание на социологическое переосмысление международной сферы. Ещё в военное время представители школы «Анналов» предложили *многофакторный* метод изучения исторических процессов, включив в предмет исторических исследований экономические, демографические, психологические, биографические и прочие факты, явления и процессы. В этом контексте П. Ренувен и Ж.-Б. Дюрозель[25] применили метод «глобальной» истории к «событийной» истории международных отношений. С 1960-х годов Р. Арон, Г. Брайар, М. Мерль, А. Турен, Н. Элиас, позднее А. Зольберг, Б. Бади, М.-К. Смоутс[26] и др. активно включились в создание новой социологии международных отношений. Это направление подробно рассмотрено П.А. Цыганковым[27]. Он же классифицирует два основных подхода – последователей теоретического наследия Э. Дюркгейма и М. Вебера, наиболее яркими представителями которых во французской социологии международных отношений являются Р. Арон[28] и Г. Бутуль[29]. В свою очередь сами французы, в частности, М. Мерль выделяют три направления: «социологическое» Р. Арона, «эмпирически-описательное» К.А. Кольяра, Ш. Зоргбиба, С. Дрейфюса, Ф. Моро-Дефарга, и «марксистское» П.Ф. Гонидека, Ш. Шомона, Э. Жува и др.[30]

Одной из основных проблем Р. Арон определяет процесс принятия решений и, как следствие, большую зависимость ситуации в международных отношениях от лидеров государств, хотя и имеющих возможность обращаться к экспертному сообществу. Отсюда предметом *социологии* международных отношений он называет поведение международных авторов и потому – также социальные, ценностные, идеологические факторы[31]. Сторонник Арона Ж.-П. Деррьеник, называя социологию международных отношений социологией действия, формулирует основную проблему как проблему выбора, по существу – рефлексии на возможные альтернативы. Она в свою очередь,

---

[25] См.: *Renouvin P., Duroselle J.-B.* Introduction à l'histoire des relations internationales. P. : Armand Colin, 1964.
[26] См.: *Aron R.* Une sociologie des relations internationales // Revue francaise de sociologie. 1963. Vol. IV. №3; *Badie B., Smouts M.-C.* Le Retournement du Monde. Sociologie de la Scène Internationale. P. : Presses de Sciences Po, 1999; *Braillard G.* Theories des relations internationales. P., 1977; *Merle M.* Sociologie des relations internationales. P. : Dalloz, 1974; *Touraine A.* Pour la sociologie. P., 1974; *Touraine A.* Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P. : Fayard, 1984; *Zolberg A.R.* L`influence des facteures «externes» sur l'ordre politique «interne» / Grawitz M., Leca J. (eds). Traité de science politique. P. : PUF, 1985. 4 Vol.
[27] См.: *Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений. М. : Радикс, 1994.
[28] См.: *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann-Lévy, 1962.
[29] См.: *Bouthoul G.* Traité de polémologie. Sociologie des guerres. P. : Payot, 1970.
[30] См.: *Merle M.* Sur la « problématique » de l'étude des relations internationales en France // Revue française de science politique. 1983, n°3. P. 403-427.
[31] См.: *Aron R.* Memoires: 50 ans de reflexion politique. P. : Julliard, 1983.

формируется из имеющейся информации, которая оценивается на основе определённых критериев, в зависимости от целей, преследуемых акторами[32].

К пятидесятилетию выхода и в развитие вышеупомянутой монографии П. Ренувена и Ж.Б. Дюрозеля Р. Франк выпустил капитальный коллективный труд «Об истории международных отношений»[33], в котором определил международные отношения, как «совокупность отношений, которые люди и их группы устанавливают между собой через границы», таким образом, сделав важный шаг в определении природы международных отношений, как *социальной*, межчеловеческой, предложив перейти от статичной, по его мнению, концепции «глубинных сил» к собственной – более динамичной, рассматривающей процессы и внутри участников международных отношений, а не только между ними. Совсем недавно группой социологов во главе с Г. Деваном была представлена ретроспектива существующих точек зрения на социологию международных отношений в свете нового прочтения классических социологических работ. Ранее Г. Деван[34] предложил считать социологическими фактами также и международные факты, т.е. события и процессы в международных отношениях. С этой точки зрения международные отношения подлежат изучению не только собственно «теориями международных отношений», которые имеют, в основном, англо-саксонское происхождение, но и социальными и гуманитарными науками в целом, в первую очередь – *социологией*. С позиции такого подхода эта группа исследователей изложила видение международных отношений с позиций десяти ключевых социологических концепций, которые ими были определены как: сцены (Гофман), структурации (Гидденс), поля (Бурдьё), взаимозависимости (Элиас), господства (Вебер), лояльности (Хиршман), рациональности (Будон), конфликта (Зиммель), реципрокности (Мосс) и интеграции (Дюркгейм)[35]. Несмотря на новаторство такого подхода, книга не имеет общих, точно сформулированных выводов, что, по существу, означает фактическое признание статус-кво в наличии разных точек зрения на предмет и методы исследования социологии международных отношений. Сразу вслед за этой работой Г. Деван выпустил ещё одно коллективное исследование уже непосредственно по методам исследований этой области[36].

В тоже время, У. Бек формулирует концепцию *институализированного космополитизма* в виде общих цивилизационных угроз, которые обретают

[32] См.: *Derriennic J.-P*. Esquisse de problematiqie pour une sociologie des relations intemationales. Thèse sc. pol. P., 1977.
[33] См.: *Frank R*. (dir.). Pour l'histoire des relations internationales. P. : PUF, 2012.
[34] См.: *Devin G.* Sociologie des relations internationales. P. : La Découverte, 2009.
[35] См.: *Devin G.* (dir.). Dix concepts sociologiques en relations internationales. P. : CNRS Éditions, 2015.
[36] См.: *Devin G*. (dir.). Méthodes de recherche en relations internationales. P. : Presses de Sciences Po (P.F.N.S.P.), 2016.

внетерриториальный характер и ведут к формированию соответствующих *космополитических норм*[37]. Снижение важности отношений между государствами, тем более, эрозия их монополии, вызванные как целенаправленной, так и ненамеренной космополитизацией международных отношений, сопровождаются *интерференцией побочных эффектов* – потоков капиталов, культурных символов, рисков, террористических атак, миграционных потоков, антиглобалистских движений, экологических и экономических кризисов. В этой связи, по мнению Бека, необходимо переосмысление международных отношений и их концепций: «Термин "международный" определенно не должен прекращать функционирование в словаре политики и политической теории. Отношения между государствами, конечно, остаются важными, но они более не исключительны или монополизированы... Сочетание "международные отношения", представляющее фетиш-концепты "государства" и "нации", выхолащивается, потому что во всемирном обществе риска национальные проблемы более не могут быть разрешены на национальной основе; потому что права человека направляются против государств и "защищаются" государствами против других государств; и потому что высоко мобильный капитал принуждает территориально фиксированные государства к уменьшению своей власти и самотрансформации»[38].

Крупный вклад в исследование этой проблематики вносят научные школы МГИМО МИД России, в течение многих лет активно изучающие международные отношения, дипломатию и дипломатическую службу, обращая особое внимание на рефлексию структур и акторов. Выработанные ими подходы, методы и результаты изложены в фундаментальных коллективных трудах под руководством А.В. Торкунова, Т.В. Зоновой, Р.Ф. Додельцева, А.Н. Панова[39], в целом ряде монографий и статей А.В. Торкунова, Т.А. Алексеевой, В.И. Антюхиной-Московченко, Ю.В. Дубинина, А.А.Злобина, Т.В. Зоновой, В.И. Попова, О.П. Селянинова, И.Г. Тюлина, М.А. Хрусталева, А.В. Шестопала[40]. Хотя

---

[37] См.: *Beck U.* Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006.
[38] Ibid. P.37.
[39] См.: Дипломатия иностранных государств. Под ред. Т.В. Зоновой; МГИМО (У) МИД РФ. М. : РОССПЭН, 2004; Практическая психология для дипломатов. Под ред. Р.Ф. Додельцева. 2-е изд., расш. и перераб. М. : МГИМО-Университет, 2011; Дипломатическая служба зарубежных стран: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М. : Аспект-Пресс, 2015.
[40] См.: *Алексеева Т.А*. Современные политические теории. МГИМО (У) МИД РФ. М. : РОССПЭН, 2007; *Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталев М.А*. Основы теории международных отношений. М. : МГИМО, 1988; *Дубинин Ю.В*. Мастерство переговоров. М. : «АвиаРус - XXI», 2007; *Зонова Т.В*. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития. М. : РОССПЭН, 2003; *Попов В.И*. Современная дипломатия. Теория и практика. М., 2000; *Селянинов О.П.* Дипломатические отношения государств. М. : МГИМО, 2004; *Торкунов А.В*. По дороге в будущее-2. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Аспект Пресс, 2015; *Тюлин И.Г*. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М. : Международные отношения, 1988; *Шестопал А.В., Литвак Н.В*. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО (У). – 2016. – № 5. – С. 106-114: *Литвак Н.В., Шестопал А.В* Роль культуры во внешней политике новой России / 25 лет внешней политике России / Сборник материалов X Конвента РАМИ: В 5 томах. М. : МГИМО-Университет, 2017. Т.1. С. 42-64.

большинство работ по этой тематике носят исторический, экономический и политологический характер, тем важнее их положения по исследованию социологических аспектов этих областей и, тем более, исследования непосредственно по *социологии международных отношений вместе с проблематикой современной, т.е. электронной массовой коммуникации и информации*. Это труды Г. П. Бакулева, Е.Г. Дьяковой, В.И. Игнатьева, М. М. Назарова, Е.А. Назаровой, Г.Г. Почепцова, В.П. Терина, А.Д. Трахтенберга, А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова, С.В. Чугрова[41] и др. Примечательно, что ещё до эпохи интернета, одним из первых рассматривал проблему влияния научно-технического развития на международные отношения и их социологию Д.В. Ермоленко[42].

В *третью группу* источников *вошли работы по социологии бюрократии и государственного аппарата, поскольку дипломатическая служба рассматривается в данной диссертации как его структурная часть*. Из большого массива таких исследований для целей данной работы были использованы произведения Ф. Берну, П. Блау, П. Бурдьё, Дж. Бюзино, М. Вебера, Ф. Дюпюи и Ж.-К. Тенига, М. Крозье, К. Лефорта, Р. Мертона, Ж. Рейно, Р. Сансольё, Ф. Сьёра, Э. Фридберга[43] и др.

Согласно М. Веберу, внёсшему основополагающий вклад в оформление бюрократии как одного из предметов социологической науки, идеальная – она же *рациональная* модель организации социальных процессов для достижения определённых целей и является бюрократией. Он же определил основные черты такого положительно направленного

---

[41] См.: *Бакулев Г.П*. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М. : Аспект Пресс, 2005; *Вебер М*. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990; *Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д*. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999; *Игнатьев В.И*. Социология информационного общества. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016; *Назаров М.М*. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М. : Едиториал УРСС, 2000; *Назарова Е.А*. Провокации в средствах массовой коммуникации / Провокации: сферы коммуникативного проявления: сборник статей. М. : Русайнс, 2016. С. 73-89; *Почепцов Г.Г*. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук, 2001; *Терин В.П*. Массовая коммуникация: социокультурные аспекты политического воздействия: исследование опыта Запада. М. : Изд-во Института социологии, 1999; *Цыганков А.П., Цыганков П.А*. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М. : Аспект Пресс, 2008; *Чугров С.В*. Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т.Иногути) // Полис. Политические исследования. – 2016. – №4. – С. 182-191.

[42] См.: *Ермоленко Д.В*. Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и проблемы социологических исследований международных отношений). М. : Международные отношения, 1977.

[43] См.: *Bernoux Ph*. La Sociologie des entreprises. P. : Éditions du Seuil, 1995; *Bernoux Ph*. Theories sociologiques et transformations des organisations. [Электронный ресурс] URL: http://ses.ens-lyon.fr/articles/theories-sociologiques-et-transformations-des-organisations-25419 (дата обращения: 10.06.2014); *Blau P*. The dynamics of bureaucracy. A study of interpersonal relationships in two governments agencies. Chicago: The university of Chicago press, 1973; *Bourdieu P*. La noblesse d'Etat. Grandes écoles et esprit de corps. P. : Éditions de Minuit, 1989; *Bourdieu P*. Les structures sociales de l'économie. P. : Seuil, 2000; *Busino G*., Les Théories de la bureaucratie. P. : PUF, 1993; *Weber M*. Économie et société. Tome 1 : Les catégories de la sociologie. P. : Pocket, 2003; *Dupuy F., Thoenig J.C*., Sociologie de l'administration française. P. : Armand Colin, 1983; *Lefort C*. Éléments d'une critique de la bureaucratie. P. : Gallimard, 1979; *Crozier M*. Le Phénomène bureaucratique. P. : Seuil, 1963; *Crozier M*. Le Monde des employés de bureau. P. : Seuil, 1964; *Crozier M., Friedberg E*. L'acteur et le système. P. : Seuil, 1977; *Merton R.K*. Bureaucratic structure and personality // Social Force, 18 (4), May 1940. Pp. 560-568; *Reynaud J.D*. Les Règles du jeu. L'action collective et la régulation sociale. P. : Armand Colin, 1989; *Sainsaulieu R*. Sociologie de l'organisation et de l'entreprise. P. : Presses de la FNSP, 1987; *Scieur Ph*. Sociologie des organisations : introduction à l'analyse de l'action collective organisée. P. : Armand Colin, 2005.

социального механизма (абстрагирование человека-исполнителя регулятивных норм и правил от своего субъективного начала, обладание знаниями, необходимыми для выполнения своей строго определённой и регламентированной работы, действие в составе иерархической системы только в рамках своей компетенции и проч.)[44]. В произведении «Политика как призвание и профессия» М. Вебер среди прочих даёт определение политики, как «стремления влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них»[45], включая государства. В этой же работе он подробно раскрывает взаимоотношения между бюрократами – экспертами, специалистами и политиками. Политикам, высшему политическому руководству, бюрократия, нанимаемая и управляемая, необходима для обоснования и осуществления своей власти над остальным обществом, в первую очередь, над «сословиями», под которыми Вебер понимает социальные группы, обладающие силовым или хозяйственным ресурсом.

Функционалист М. Крозье оттолкнулся от позиции Р. Мертона, который считал, что тенденция к наиболее полной рационализации и детализации бюрократической деятельности ведёт к «обучению неспособности» к творчеству[46], формированию всё более жёсткой структуры и, в конечном счёте, её параличу, и развил эту тему, введя понятие *бюрократического замкнутого круга*. Обилие правил (хотя иногда и их недостаток) порождает *зоны непредсказуемости*, для действия в которых бюрократы создают параллельные официальным властные отношения, которые, в свою очередь, порождают новые проблемы, требующие ещё больше безличных правил для ограничения этих параллельных полномочий и сопутствующего им произвола. Но одновременно эти правила являются предметом торга в организациях и, тем более, в контексте параллельных, неформальных властных отношений, что позволило, в частности, Ф. Дюпюи и Ж-К. Тёнигу, поставить под сомнение якобы очевидную жёсткость бюрократических организаций, которая во французских условиях, по их мнению, проигрывает «гибкости»[47], т.е. рефлексивности.

Следующий подход в развитии внутренних процессов в бюрократии М. Крозье и Э. Фридберг описали, введя понятие стратегического анализа в отношении организаций, как *свободу акторов* и их рефлексии по отношению к структуре организации. Организация представляет собой «человеческую конструкцию» и потому может лучше выполнять свои задачи, осознавая и ориентируясь на стратегические цели организации, а также постоянно уточняя, согласовывая характер своих действий между сотрудниками в рамках «системы

---

[44] См.: *Weber*. Op.cit.
[45] *Вебер М*. Политика как призвание и профессия / Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 652.
[46] См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006.
[47] См.: *Dupuy F., Thoenig J.C.* Op.cit. P. 39-52.

конкретных действий», которую они создают для достижения результата. Теперь уже имеется широкое поле для переговоров и компромиссов, хотя между акторами и их группами ведётся борьба за полномочия, которая носит неявный, скрытый характер[48].

П. Бурдьё для исследования социальной действительности, в т.ч. бюрократии, разработал собственный теоретический инструмент в виде рефлексивного структуралистского конструктивизма, синтезированный из методических положений Маркса, Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, но не сводимый к ним. Его основной идеей было объяснение рождения символических форм, которые производят и которыми обмениваются социальные акторы, конфликтом групп, обладающих различными ресурсами, по поводу их положения в социальной иерархии, социальных статусов, в т.ч. посредством таких «символов», как философские труды и произведения искусства. Дипломатическая служба, её положение в госаппарате и обществе является ярким примером, подтверждающим многие аспекты такого подхода этого социолога. Важное значение в контексте данного исследования имеет концепция П. Бурдьё о *полях* – особых социальных пространствах, системах социальных позиций акторов[49], конкретизированная в отношении чиновников, их формирования, воспитания и обучения, в специфических характеристиках которых во Франции этот социолог видел основы их специфичности и как французских бюрократов. Один из основных смыслов его теории заключался в определении и рассмотрении *взаимного дистанционного влияния полей* социальных институтов, в т.ч. дипслужбы, и их акторов[50].

В *четвёртую группу источников вошли работы по рефлексивной социологии, как основного методологического инструмента данного исследования*.

В связи со становлением сложного, нелинейно развивающегося общества, вышеупомянутые реалии которого уже не могли быть валидно описаны посредством имевшихся теорий, в последней трети XX в. сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «кризис социологии» в смысле формирования устойчивого противостояния между позитивистским подходом и парадигмами интерпретативной социологии. Из попыток разрешить противоречие структурно-функциональный подхода и социальной обусловленности науки и знания постепенно возникает *рефлексивная социология*, часто называемая также «социологией социологии»[51] или «метасоциологией» с новым теоретико-методологическим инструментарием. Среди уже весьма значительного

---

[48] См.: *Crozier M., Friedberg E.* Op.cit.
[49] См.: *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007.
[50] См.: *Bourdieu P.* La noblesse d'Etat...
[51] См.: *Gouldner A.* The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y. : Basic books, 1970; *Bourdieu P., Wacquant L.J.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

массива соответствующих трудов необходимо выделить основополагающие для этого направления социологии работы Дж. Александера, М.С. Арчер, У. Бека, П. Бурдьё, Л. Вакана, Э. Гидденса, А.У. Гоулднера, Д. Дзоло, С.А. Кравченко, С. Лэша, Дж. Урри, Н. Фрезер, Ю. Хабермаса, А. Хоннета, П. Штомпки и др.[52]

В *пятую группу* источников *вошли работы по проблемам дипломатической службы*. Среди них большой массив теоретических и прикладных работ дипломатов прошлых эпох (А.М. д'Отрив, Ж. Отман, Ф. де Кальер, Р. де Шамуа, А. де Викфор, Г. Флассан, К. Мартенс, Л. Морёй, Ф. Массон и др.[53]) и наших современников (И. Базуни, Л. Бели, Ч. Коган, С. Коэн и др.[54]), а также таких социологов и политологов, как Ж. Байю, К. Люсе, Ж. Вимон, Ф. Дюпюи, Ж. Тениг, Дж.Р. Бэрридж, М. Кинз-Сопер, Т.Дж. Отт, М.-К.

---

[52] См.: *Alexander J.C.* The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003; *Archer M.S.* Culture and Agency : The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; *Archer M.S.* Structuration versus morphogenesis / S.N. Eisenstadt and H. J. Helle (eds), Macro-Sociological Theory, vol. 1. L.: Sage, 1985. P. 58-88; *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive modernization. Stanford: Stanford University Press, 1994; *Beck U.* Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2007; *Bourdieu P.* The Forms of Capital / Richardson J. (eds), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y. : Greenwood. 1986; *Giddens A.* Structuralism, post-structuralism and the production of culture / Giddens A., Turner J.H. (eds), Social Theory Today. Stanford: Stanford University, 1987; *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М. : Академический Проект, 2003; *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003; *Дзоло Д.* Сложность и демократия: реалистический подход. М. : ГУ–ВШЭ, 2010; *Кравченко С.А.* Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М. : МГИМО-Университет, 2016; Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Н. : Издательство Новосибирского университета, 1995; *Urry J.* What is Future? Cambridge: Polity Press, 2016; *Урри Д.* Мобильности. М. : Праксис, 2012; *Урри Д.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М. : Высшая школа экономики, 2012; *Fraser N.* Une réflexion pour l'ère postindustrielle. Le Monde, 23.01.2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/01/23/une-reflexion-pour-l-ere-postindustrielle_1632567_3232.html (дата обращения: 05.03.2012); *Habermas J.* On the logic of the social sciences. Cambridge, 1988. P. XIII; *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). Frankfurt am Main, 1981; *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1968; *Honneth A.* Le savant et le politique. Les contradictions et échecs d'une grande théorie critique. Le Monde, 23.01.2012. [электронный ресурс:] URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/01/23/le-savant-et-le-politique_1633316_3232.html (дата обращения: 05.03.2012); *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996; *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2008.

[53] См.: *Hauterive A. M. B. de L.* de. Conseils à un élève du ministère des Relations extérieures. P., 1800; *Hotman J.* L'Ambassadeur. P., 1603; *Callières F. de.* De la manière de négocier avec les souverains : de l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyez, et des qualitez necessaires pour réussir dans ces emplois. Amsterdam : La Companie, 1716; *Chamoy L. R. de.* L'idée du parfait ambassadeur. P. : Delavaud, 1912; *De Wicquefort A.* L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye: Steucker, 1680. 2 Vols.; *Flassan G. de R. de.* Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française depuis la fondation de la monarchie jusqu' à la fin du règne de Louis XVI. P. : Lenormant, 1809; *Martens K. von.* Guide diplomatique ou Traité des droits, des immunités et des devoirs des ministres publics, des agens diplomatiques et consulaires dans toute l'étendue de leurs fonctions : précédé de considérations générales sur l'étude de la diplomatie, suivi d'un traité du style des compositions diplomatiques, d'une bibliographie diplomatique choisie, et d'un catalogue systématique de cartes de géografie ancienne et modern, rédigé par M. Ch. Picquet. P. : J. P. Aillaud, 1837; *Moreuil L.-J.-A. de.* Dictionnaire des chancelleries diplomatiques et consulaires, à l'usage des agents politiques français et étrangers et du commerce maritime : rédigé d'après les lois, ordonnances, instructions et circulaires ministérielles, et complété au moyen de documents officiels. P. : Jules Renouard et Cte, 1855; *Masson F.* Le Département des affaires étrangères pendant la Révolution. P. : E. Plon. 1877.

[54] См.: *Bazouni Y.* Le métier de diplomate. P. : Harmattan, 2005; *Bély L.* Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. P. : Fayard, 1990; *Cogan Ch.* Diplomatie à la française. P. : Jacob-Duvernet, 2005; *Cohen S.* (dir.) Les diplomates. Négocier dans un monde chaotique. P. : Autrement, 2002.

Кесслер, М. Лориоль, Ф. Пьоте, Д. Делфоли, В. Мартин, А. Утрей, С. Пекино, Л. Пьерри, М. Ваисс, П. Верлюиз, Б. Хокинг, Я. Мелиссен, Р. Шаун, П. Шарп, С. Хофман и др.[55]

Объектом исследования является дипломатическая служба как социально-политический институт и социально-профессиональное сообщество.

Предметом исследования является трансформация информационных и коммуникационных аспектов социально-политической деятельности дипломатической службы и её рефлексия индивидуальными и коллективными акторами в условиях современного информационного общества.

Цель диссертационного исследования заключается в обосновании концепции становления дипломатической службы как рефлексивного института и его деятельности как рефлексивного социально-политического информационно-коммуникационного процесса, осуществляемой в эпоху электронных средств информации и коммуникации (ЭСИК).

Для достижения цели исследования поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть на примере Франции возникновение дипломатической службы и её трансформацию в рефлексивный институт в эпоху электронных средств информации и коммуникации с позиций политической социологии и общей теории информации, и её деятельность, как *рефлексивного социально-политического информационно-коммуникационного процесса*, а также выявить и интерпретировать его характерные признаки.

---

[55] См.: *Baillou, J., Lucet, Ch., Vimont, J.* Les affaires étrangères et le Corps Diplomatique Francais. T. I, II. P. : Editions du CNRS, 1984; *Dupuy F., Thoenig J.C.* Op. Cit.; *Berridge G. R., Keens-Soper M., Otte T. G.* Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001; *Kessler M.-C.* Les ambassadeurs : une élite contestée ? Journée d'études franco-italienne 25 avril 2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.cersa.cnrs.fr/IMG/pdf/MCK-Ambassadeurs.pdf (дата обращения: 26.10.2015); *Loriol M., Piotet F., Delfolie D*. Le travail diplomatique. Un métier et un art. Rapport de recherche pour le ministère des Affaires étrangères et européennes (MAEE). Université Paris I Panthéon Sorbonne – CNRS. 2008; *Martin V.* La diplomatie en Révolution : structures, agents, pratiques et renseignements diplomatiques : l'exemple des agents français en Italie (1789-1796). Thèse de doctorat en Histoire. Soutenue en 2011 à Paris 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.theses.fr/2011PA010662 (дата обращения: 14.10.2014); *Outrey A.* Histoire et principes de l'administration française des Affaires Étrangères (I-II) // Revue française de science politique. 1953, Volume 3, Numéro 2, pp. 298-318 ; Numéro 3, pp. 491-510; *Péquignot St.* Figure et normes de comportement des ambassadeurs dans les documents de la pratique : un essai d'approche comparative (ca. 1250 - ca. 1440) / De l'ambassadeur. Les écrits relatifs à l'ambassadeur et à l'art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle. Rome: Publications de l'École française de Rome, 2015; *Pierry L.* Le Ministre des Affaires étrangères. Naissance et évolution d'un représentant de l'Etat. Thèse présentée pour obtenir le grade de Docteur en Droit de l'Université d'Avignon et des Pays de Vaucluse. 2011; *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Splendeurs et misères du travail des diplomates. P. : Hermann, 2013; *Vaïsse M.* Les documents diplomatiques français : outil pour la recherche ? La revue pour l'histoire du CNRS [En ligne] URL:, 14 | 2006, mis en ligne le 03 mai 2008. [Электронный ресурс] URL: http://histoire-cnrs.revues.org/1836 (дата обращения: 12.12.2015); *Verluise P.* Quelle France dans le monde au XXI e siècle ? 2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.diploweb.com/france/35.htm (дата обращения: 12.12.2012); *Hocking B., Melissen J., Shaun R., Sharp P.* Futures for diplomacy. Integrative Diplomacy in the 21st Century. Report 1 – The Hague : Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2012; *Hoffman S.* Classic Diplomacy in the Information Age. Foreign Affairs, 80 (4), 2001. P. 137-142.

2. Обосновать потенциальную возможность и необходимость исследования дипломатической службы в контексте современных социологических концепций информационного и сетевого обществ. Проанализировать основные социологические подходы к проблематике информационного общества, международных отношений и дипломатической службы в контексте социально-политического исследования дипломатической службы в эпоху ЭСИК.

3. Обосновать потенциал исследования дипломатической службы с позиции рефлексивной социологии, рефлексирующей не только по поводу объекта своего исследования (социума), но и предметного поля, своего теоретико-методологического инструментария.

4. Ввиду множественности подходов к социологическому исследованию международных отношений и дипломатической службы, представить авторский – рефлексивно-информационный подход в качестве инструментария для социологического исследования проблематики усложняющейся динамики дипломатической службы, как рефлексивного актора международных отношений, внешней политики и дипломатии. Дать определение *рефлексивно-информационного подхода.*

5. Исследовать процесс формирования, развития и рефлексии «дипломатической информации» и «дипломатической коммуникации», «дипломатии», «дипломатической службы», «дипломата», «посла» в контексте политической коммуникации и информации, социологии политики.

6. Определить существо, формы и этапы становления и функционирования рефлексии дипломатической службы.

7. Исследовать специфику подготовки, социализации, деятельности, интересов, ценностей социально-профессионального сообщества «дипломатические агенты» («дипломаты»), а также его саморефлексию.

8. Выявить механизмы взаимодействия, трудности и противоречия, а также перспективы отношений социально-профессионального сообщества «дипломатические агенты» в среде – с другими частями государственного аппарата, социальными сообществами, группами и обществом в целом.

9. Исследовать основные направления, результаты и проблемы трансформации дипломатической службы вследствие рефлексии на изменения, вызванные внедрением ЭСИК в общественную жизнь и международные отношения.

10. Определить и исследовать изменения деятельности и новые проблемы социально-профессионального сообщества «дипломатические агенты» в эпоху электронных средств информации и коммуникации.

11. Исследовать социально-политическое воздействие среды на структуру, функции и деятельность дипломатической службы.

12. На основе исследования становления и развития информационных и коммуникационных процессов в дипломатической службе, выяснить степень преемственности и специфичности в современном социуме, как правило, описываемом сегодня, как информационное, сетевое общество, общество знаний, вследствие изменений в средствах информации и коммуникации.

Гипотеза исследования

Изменения, вызванные внедрением в общественную жизнь и международные отношения электронных, в т.ч. сетевых, средств информации и коммуникации (ЭСИК), выстраиванием на этой новой технологической основе социальных и межинституциональных отношений, а именно: рост количества акторов, в т.ч. негосударственных, их контактов, производимой и распространяемой ими информации, ускорение и усложнение социума, создают новую среду, в которой приходится действовать дипломатической службе. С одной стороны, резко возрастает информационная и коммуникационная нагрузка на дипломатов, хотя её рост и ограничен как социально-психологическими, так и культурными возможностями человека. С другой стороны, усиливается тенденция снижения в общественном и политическом сознании значения и роли профессиональной дипслужбы, на смену которой якобы приходит новая форма «народной дипломатии» – «сетевая дипломатия» всё более многочисленных негосударственных акторов.

Однако предварительное исследование позволяет предположить, что, несмотря на эти факторы, современная дипслужба не утрачивает своего значения. Это связано, с её качественным изменением – трансформацией в рефлексивный институт, способный решать актуальные социально-политические задачи в современном становящемся, «текучем», усложняющемся социуме. Только такой, рефлексивной дипслужбе, её дипломатическим агентам, сама суть деятельности которых заключается в определении и понимании разных культур и их интересов, по силам поиск и согласование совместных, компромиссных, взаимоприемлемых позиций и действий при происходящем стремительном увеличении количества и разнообразия акторов и производимой ими информации.

Теоретическая и методологическая основа исследования

В связи с усложнением социокультурной динамики современного общества и международных отношений, их многофакторности и многокачественности, теоретико-методологическую основу диссертационной работы составила совокупность подходов и методов. Ключевым для исследования был избран принцип не только современного прочтения классических и новых социологических концепций, но интегративного, параллельного исследования одних и тех фактов и процессов разными аналитическими инструментами. В т.ч. междисциплинарная методология (на стыке социологии, политологии, истории, психологии, философии) была дополнена метатеоретическим авторским *рефлексивно-информационным* подходом, что позволило рассмотреть дипломатическую службу с позиций *рефлексивной социологии* и *общей теории информации* (ОТИ), а её деятельность – как *рефлексивный социально-политический информационный и коммуникационный процесс*.

В качестве базового инструмента исследования применены структурно-функциональный (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон) и структурно-деятельный подход рефлексивного характера (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Т. Лукман, П. Штомпка[56]). Данные подходы позволили обеспечить комплексность анализа феномена рефлексии дипломатической службы. Методология социологии политики основана на подходах, определениях (общества, политики, социально-политических процессов), разработанных классиками социологии. Классическая социологическая методология Э. Дюркгейма, К. Маркса[57], синтез структурного и эволюционного подходов позволяют осуществить комплексный анализ становления и развития рассматривавшихся концепций. Неклассические принципы методологии М. Вебера, Р. Мертона[58], заложившей основы рефлексивного подхода, с учётом роли информационистских концепций в западной рационалистической социологии используются при интерпретации текстов теоретиков современного информационного общества и международных отношений для выявления социологической специфики их концепций. Постнеклассическая методология зарубежных (Э. Гидденс, А. Турен, М. Фуко, Н. Луман и др.[59]) и отечественных (А.В. Дмитриев[60], Н.Н.

---

[56] См.: *Гидденс Э.* Устроение общества…; *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики…; *Лукман Т.* Герменевтика как социологическая парадигма? / Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива / общ. ред. С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2000; *Штомпка П.* Социология…

[57] См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996; *Маркс К.* Социология. Сборник. М., 2000.

[58] См.: *Вебер М.* Избранные произведения…; *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. *Merton R.K.* On the Shoulders of Giants. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

[59] См.: *Гидденс Э.* Социология. М. : Едиториал УРСС, 1999; *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. *Foucault M.* L'Archéologie du savoir. P. : Gallimard, 1969; *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Бороноева. СПб. : Петрополис, 1994. С. 25-

Зарубина, С.А. Кравченко, А.В. Носкова, Ж.Т. Тощенко[61], С.С. Фролов[62], О.Н. Яницкий[63] и др.) социологов, а также подходы постструктурализма применяются для анализа усложняющейся социокультурной динамики, а также для выявления методологических трудностей, характерных для социологических концепций информационного общества на современном этапе. В этой же связи большое значение для исследования рассматриваемой проблематики принадлежит работам, развивавшим новые подходы, многие из которых прямо или косвенно способствовали формированию *рефлексивной социологии*. П. Бурдьё предложил социологам не допускать влияния на свои исследования социальных факторов, воздействующих на учёных в конкретный исторический момент, социальных детерминант, используя для этого «социоанализ»[64], постоянную *рефлексию*. Среди этих детерминант он назвал и символическое насилие со стороны более влиятельных социологов, и вообще социальное использование культуры. Существенный вклад в рефлексивное направление в социологии внесла теория *социального становления* П. Штомпки, согласно которой члены общества, действующие акторы (у Штомпки – *агенты*) и социетальные *структуры* взаимосвязаны и взаимообусловлены (нет акторов вне структур и структур без агентов). При этом акторы в определённых пределах действуют независимо от структур, произвольно[65]. Существенную роль в этом процессе играет *рефлексия*. По мнению социолога, «Потенциальные возможности агентов в значительной степени зависят от того, что люди в данном обществе действительно думают и во что верят (на уровне индивидуального и коллективного сознания), и от того, что их заставляют думать и во что верить идеологические структуры (идеологии, предписания, традиции, «встроенные» в социальное сознание)»[66]. Значимой является позиция Э.

42; *Луман Н.* Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып.3. СПб., 2000.

[60] См.: *Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т.* Неформальная политическая коммуникация. М. : РОССПЭН, 1997; *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора. М. : РОССПЭН, 1998; *Дмитриев А.В.* Общая социология. М. : Современный гуманитарный университет, 2001; *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002; Провокация: сферы коммуникативного проявления: сборник статей / колл. авторов; под ред. чл-корр. РАН А.В. Дмитриева. М. : РУСАЙНС, 2016.

[61] См.: *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008; *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М. : Новый хронограф, 2011; *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015; *Зарубина Н.Н.* Деньги как социокультурный феномен. М. : Анкил, 2011; *Кравченко С.А*. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. 2010. – № 5. – С. 13-22; *Кравченко С.А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009; *Носкова А.В.* Мировая и российская социология: сравнительный анализ предметных полей // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. С. 332-334.

[62] См.: *Фролов С.С*. Особенности восприятия отношений власти представителями различных социальных групп // Социология власти. – 2012. – № 2. – С. 102-111.

[63] См.: *Яницкий О.Н*. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М. : РОССПЭН, 2008; *Yanitsky O.N*. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. M. : Taus, 2010.

[64] См.: *Bourdieu P., Wacquant L*. Op.cit.

[65] См.: *Штомпка П.* Социология социальных изменений…

[66] Там же. С. 278, 279.

Гидденса об увеличении «рискового риска», т.е. риска рукотворного, порождаемого действиями, о последствиях которых акторы не имеют определённого мнения или вообще не думают. Социолог критичен в этом смысле и к научному сообществу, поскольку и учёные по многим актуальным для социума вопросам не имеют и не вырабатывают общей позиции[67]. Важными для настоящего исследования являются рефлексивные концепции аутопойесиса Н. Лумана, инсценирования реальности и «не-события» Ж. Бодрийара, *культуральной социологии* и динамики смыслов, значимости перформанса Дж. Александера, «текучего» и релятивистского характера современности З. Баумана[68]. Обобщая последнее обстоятельство, С.А. Кравченко выделяет четыре составляющие динамики современных социальных реалий: движение к большей открытости, фактор скорости социальных изменений, возрастающую рефлексивность социума и влияние современного кризиса на социум[69].

Концептуальные разработки Т. Куна имели важное значение для изучения структуры и генезиса теоретического знания в контексте информационизма, изменения его научных парадигм. В виду значительного разнообразия информационистских теорий, для их исследования важная роль принадлежала холистской методологии анализа общественного развития А.Б. Гофмана[70], а также подходам Н. Лумана, Ю. Хабермаса, П. Штомпки к исследованию коммуникации.

Использован системный подход, посредством которого устанавливались состав и структура систем, свойства их элементов и их взаимосвязи, позволяющие рассматривать явление или процесс как систему, т.е. целое, обладающие специфическими свойствами, невыводимыми из свойств его частей.

В исследовании использованы следующие методы:

– сравнительный анализ, позволяющий выделить основные, повторяющиеся и уникальные свойства процессов и явлений и осуществить индуктивное приращение знания;

– проблемно-ситуационный и историко-проблемный анализ, в рамках которого в динамике исследуются отдельные ситуации, участниками которых являются множество

---

[67] См.: *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004.

[68] См.: *Луман Н.* Понятие общества …; *Луман Н*. Социальные системы. СПб. : Наука, 2007; *Baudrillard J*. L'esprit du terrorisme. Le Monde, 3 novembre 2001; *Alexander J.C.* The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003; *Alexander J.C.* The Drama of Social Life. Malden: Polity, 2017; *Bauman Z.* Liquid Times…; *Sztompka P*. Op.cit.

[69] *Кравченко С.А*. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. – 2010. – №10. – С. 14-25.

[70] *Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М., 2001; *Гофман А.Б.* Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. – 2005. – № 1.

разноплановых акторов, по-разному рефлексирующих на общую ситуацию, что затрудняет её исследование другими методами;

– общенаучные методы формальной и диалектической логики.

Эмпирическую и информационную базу исследования составил массив данных зарубежных социологических исследований, материалы международных научных конференций, СМИК и Интернет-сайтов:

- аналитические материалы ООН, Европейского Союза, Государственного Совета, Сената, Национального собрания, МИД[71] Франции по проблемам информационного общества, международных отношений, дипломатии, дипломатической службы;

- законы, указы, нормативные акты, касающиеся внешнеполитической деятельности, дипломатии, дипломатической службы;

- данные МИД Франции, профсоюзов, действующих в МИД, репрезентирующие состояние и динамику дипломатического социально-профессионального сообщества;

- данные социологического исследовательского проекта «Дипломатическая работа. Профессия и искусство», осуществлённого по заказу МИД Франции[72],

- данные социологического исследования французского дипкорпуса, осуществлённого с разрешения МИД Франции (более 150 интервью с дипломатами всех уровней в центральном аппарате и загранпредставительствах МИД Франции, а также включённое наблюдение на совещаниях, приёмах и проч.)[73],

- данные сравнительных эмпирических социологических исследований Ф. Мартеля «О культуре в Америке» (700 интервью в 35 штатах США и 434 первичных документа) и «Мэйнстрим. Исследование этой культуры, которая нравится всем» (1250 интервью в 30 странах)[74];

- эмпирические исследования зарубежных социологов по рассматриваемой проблематике, опубликованные в монографиях и научных периодических изданиях;

- выступления учёных и политических деятелей по проблемам, входящих в предметную сферу исследования внешней политики, дипломатии, дипломатической

[71] В этой работе, если это не оговорено особо, везде употребляется «МИД», «министерство иностранных дел», тогда как в действительности эта часть государственной структуры неоднократно переименовывалась: до революции было Департаментом по иностранным делам Государственного совета при королях Франции, а его руководитель – Государственным секретарём по иностранным делам; после революции в некоторые периоды оно, кроме МИД, также называлось «Министерство внешних связей» (Le ministère des relations extérieures – в частности, в 1794-1814 и 1981-1986 годах), «Министерство иностранных и европейских дел» и даже «советом», «комиссией» по иностранным делам и т.д. С 31 марта 2014 г. действовало официальное название «Министерство иностранных дел и международного развития» (Le ministère des Affaires étrangères et du Développement international), а в настоящее время – «Министерство европейских и иностранных дел» (Le ministère de l'Europe et des Affaires étrangères).

[72] См.: *Loriol M., Piotet F., Delfolie D*. Op.cit.

[73] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit.

[74] См.: *Martel F*. De la culture en Amérique. P. : Gallimard, 2006; *Martel F*. Mainstream. Enquête sur cette culture qui plaît à tout le monde. P. : Flammarion, 2010.

службы и её модернизации, опубликованные в материалах научных конференций и СМИК.

Научная новизна исследования

1. В работе дипломатическая служба изучена со времени её формирования (в современном виде) до состояния на нынешнем этапе рефлексивного модерна с позиции авторского рефлексивно-информационного подхода. Предложено рассматривать дипслужбу как становящийся рефлексивный социально-политический институт, специальную службу в системе органов государственной власти, а её деятельность, как рефлексивный социально-политический информационно-коммуникационный процесс, осуществляемый в современном информационном обществе, в среде электронных средств информации и коммуникации (ЭСИК), всё более сетевых, обуславливающих «текучесть» современности и усложняющуюся социокультурную динамику.

2. Обоснована возможность и осуществлено исследование дипломатической службы в контексте современных социологических концепций информационного общества, а также нового прочтения работ классических (М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.) и современных социологов для социально-политического исследования дипломатической службы в эпоху ЭСИК.

3. Обоснован потенциал и перспективы исследования дипломатической службы с позиции рефлексивной социологии, как рассматривающей рефлексию и своего предмета исследования, и рефлексирующей относительно себя самой, своего теоретико-методологического инструментария и результатов.

4. Представлен и опробован *рефлексивно-информационный подход* к исследованию социально-профессионального сообщества «дипломаты» и его социально-политической деятельности. Как *социальные* и *политические* рассмотрены *информационно-коммуникационные процессы* в дипломатической службе, в контексте их социокультурной динамики, глобальных и локальных социальных измерений с опорой на критический анализ классических и новейших теоретико-методологических социологических подходов.

5. Исследован процесс формирования и развития, выявлен и обоснован общий и современный смысл базовых для данной работы понятий «дипломатической информации» и «дипломатической коммуникации», «дипломатии», «дипломатической службы», «дипломатического агента» («дипломата») как актора в контексте политической коммуникации и информации и социологии политики.

6. Определены существо, формы и обоснованы этапы становления и функционирования рефлексивной дипломатической службы, её развития из инструмента

коммуникации монархов-суверенов через функциональный элемент бюрократической структуры в рефлексирующий государственный институт.

7. Осуществлено комплексное социологическое исследование социально-профессионального сообщества «дипломатические агенты» («дипломаты»). Выявлены социально-политические механизмы подготовки его членов, их социализации, деятельности, воспроизводства, их интересы, ценности. Определены такие специфические характеристики этого современного сообщества, как сочетание высокого уровня разностороннего общего образования и специальной подготовки (общекультурная, философская, логическая, интеллектуальная, языковая, страноведческая, научно-теоретическая, психолого-коммуникационная). Раскрыты механизмы формирования и поддержания этого высокого образовательного и интеллектуального уровня дипломатов посредством жёстких условий учёбы и отбора в профессию и на должности.

8. На основе выявления механизма взаимодействия современной рефлексирующей дипслужбы и внешней к ней социально-политической среды сформулировано противоречие между подходами и позициями дипломатических агентов, как экспертов-специалистов, и политиков, высшего политического руководства, ставящего дипломатической службе информационные и коммуникационные задачи и использующего дипломатическую информацию, с позиции не только внешнеполитических, но и других – внутриполитических, а также частных (социальных групп, отдельных личностей) задач и целей.

9. Исследованы основные направления, результаты и проблемы трансформации дипломатической службы вследствие рефлексии на изменения, вызванные внедрением ЭСИК в общественную жизнь и международные отношения.

10. Определено и исследовано такое изменение в деятельности социально-профессионального сообщества «дипломатические агенты» в эпоху электронных средств информации и коммуникации, как «цифровая революция», и сформулировано применительно к дипломатической службе противоречие между информационными и коммуникационными возможностями эпохи ЭСИК и естественными (биологическими) и культурными возможностями личности, отдельного человека, члена общества.

11. Определены факторы воздействия социально-политической среды на структуру, функции и деятельность дипломатической службы, не только позволяющие ей развиваться, но и затрудняющие выполнение поставленных перед нею задач.

12. Показано современное переосмысление роли дипломатической службы, которая, несмотря на усиление конкуренции за производство информации по внешнеполитической

проблематике, продолжает иметь преимущество и потому остаётся востребованной и в новых условиях глобализации и эпохи ЭСИК.

Положения, выносимые на защиту

1. Современная (в условиях информационного общества этапа электронных средств информации и коммуникации, всё более сетевой его организации, «текучести», усложняющейся социокультурной динамики) дипломатическая служба представляет собой специальную службу в системе органов государственной власти, *рефлексивный социально-политический институт*, обладающий как чётко определённой структурой, так и некодифицированным, но, тем не менее, воспроизводящимся комплексом социальных норм, ценностей, правил поведения, образа мыслей, специфической социально-политической практикой, основанной на постоянной рефлексии среды и самого института, позволяющей ему самоизменяться в соответствии условиями этой среды и для выполнения своих профессиональных задач. Деятельность дипломатической службы – это *социально-политический рефлексивный инфокоммуникационный процесс,* осуществляемый ею как системой специализированных органов (Министерство иностранных дел и его заграничные представительства) по выполнению внешнеполитических задач, поставленных высшим политическим руководством страны *специфическими дипломатическими средствами*. К этим средствам, используемым не только во внешней среде, но и в своей собственной инфраструктуре, относятся: дипломатическая *коммуникация рефлексивного типа* с целью сбора законными способами информации и обмена ею, *работа с информацией, рефлексия* среды (международных отношений, внешних к дипслужбе акторов – представителей иностранных и собственного государства, их действий) и *саморефлексия*.

2. Как органичная, системная часть социума и современного госаппарата, дипломатическая служба подлежит исследованию в контексте нового прочтения классических и современных социологических концепций, особенно затрагивающих проблематику информационного общества, ввиду усложняющегося социально-политического феномена дипломатической службы и её деятельности, многократно усиливаемой электронными средствами информации и коммуникации. С одной стороны, современная дипломатическая служба обладает всеми классическими характеристиками бюрократии, представляя собой рациональную модель организации социальных процессов (М. Вебер), акторы которой исполняют регулятивные нормы и правила, абстрагируясь от своего субъективного начала. Но, с другой стороны, «бюрократический замкнутый круг» (М. Крозье) порождает «зоны непредсказуемости», для действия в которых бюрократы создают параллельные официальным властные отношения, которые,

в свою очередь, порождают новые проблемы. Поэтому современная дипслужба подлежит исследованию с позиций концепций становления социума (П. Штомпка), «текучести» (З. Бауман), перформатизации смыслов (Дж. Александер), усложняющейся социокультурной динамики (С.А. Кравченко). Поскольку современный этап информационного общества характеризуется сильным влиянием на социум электронных средств информации и коммуникации, перманентно отражающих производство событий и «не-событий», деятельность дипслужбы необходимо рассматривается с позиций теорий информационного, сетевого, информационального общества.

3. Основным эвристическим потенциалом в исследовании современной дипслужбы в условиях становящегося, усложняющегося, «текучего», сетевого социума эпохи ЭСИК обладает рефлексивный подход (П. Штомпка, П. Бурдьё, Н. Луман, Дж. Александер). Рефлексия дипломатических агентов международных отношений, своего и зарубежных социумов, а также саморефлексия дипломатов-акторов составляют важнейшие качественные характеристики их современной социально-политической деятельности.

4. Представленный в работе рефлексивно-информационный подход позволяет исследовать в динамике сложные социально-политические системы, находящиеся в многофакторном поле влияния более общих социально-политических процессов, в т.ч. дипслужбу и её деятельность. Он предполагает рассмотрение общества, международных отношений и дипслужбы с позиции производства и обмена (коммуникации) информацией между социальными акторами и их социальными сообществами, как структурно-функциональными рефлексирующими системами. Все социальные и политические явления и процессы в дипломатической службе и во внешней к ней социокультурной среде могут быть описаны как информационно-коммуникационные, которые, в свою очередь, представляют собой явления и процессы социально-политические. Никакие социальные связи не могут быть построены и осуществляться без производства информации и коммуникации, на которые необходимо рефлексировать.

5. Общий смысл дипломатии, как деятельности становящихся рефлексивных институтов (дипслужб), заключается в целенаправленной деятельности международно признанных суверенных субъектов по *определению* (посредством переговоров) и *закреплению общих* для двух или более участников такой коммуникации *обязательств*, оформляемых в дипломатическом документе (договоре, «дипломе», т.е. в двух или более идентичных экземплярах для каждой из сторон-участниц). Дипломатические агенты (дипломаты-акторы) – это государственные служащие, осуществляющие эту – дипломатическую деятельность по поручению и в интересах своего суверена (монарха, государства, народа), а также рефлексирующие соблюдение заключённых договоров и

изменения ситуации или намерений такие изменения совершить. В этой связи, сущность обязанностей, деятельности *посла-агента* заключается в выполнении поручений политического руководителя своего государства, которого он представляет при контактах с руководством другой страны, но также постоянная коммуникация со средой и её рефлексия. Функции, объединяемые понятием «дипломатические», осуществляемые дипломатическими агентами, имеют различный характер и могут быть классифицированы на *процедурные*, которые возможно формализовать и перепоручить исполнителям, не обладающим дипломатическими компетенциями, и собственно дипломатические, как такие информационно-коммуникационные функции, которые позволяют выявлять и понимать сходства и различия своей и других культур для нахождения точек соприкосновения, формирования общих, взаимоприемлемых, компромиссных позиций в межгосударственных отношениях.

6. Дипломатическая служба развилась в современный рефлексивный институт в результате поэтапного процесса. Из первоначального инструмента коммуникации (передачи посланий, информации) через функциональную структуру, осуществляющую сбор, переработку и создание новой информации (в т.ч. концепций) об иностранных государствах, международных отношениях, национальных интересах, она трансформировалась в аутопойетическую (Н. Луман) службу в системе госорганов, рефлексирующую по поводу поставленных ей задач, среды, в которой она действует, включая своё руководство, и, наконец, самой себя.

Основы такого направления информационно-коммуникационной деятельности были заложены преимущественно французскими дипломатами. Многие из них формулировали соответствующие квазиконцепции, прообразы подходов и теорий будущих французских классиков социологии. Ими были сделаны социально-политические выводы, в частности, о том, что в монархических, феодальных государствах необходимо отслеживать динамику социальной группы военно-политической верхушки, от которой зависят основные решения, но в тоже время выявлять и учитывать настроения в народе, общественное мнение. Разработанная дипломатами для целей практической работы методология полевых и теоретических исследований, накопленный в результате деятельности дипломатической службы огромный массив первичных, в т.ч. социально-политических данных и их масштабное исследование, заложили основы для будущих работ социологов и не только.

7. Специфика дипломатической службы, как рефлексивного института и дипломатических агентов (дипломатов-акторов), как социально-профессионального сообщества, обусловлена их особым местом и ролью в государственном аппарате и

социумах собственной и других стран, предопределяющей их социальные и личные качества. Главным специфическим фактором является межкультурный характер среды (причём, как в своей, так и в других странах), в которой современные дипломатические агенты действуют осознанно и целенаправленно, профессионально рефлексируя, отдавая себе отчёт в различиях и динамике культур, интересов, социальных практик, знание которых является для них неотъемлемыми условиями профессии, профессиональной деятельности. Это предопределяет необходимость высокого уровня общего и специализированного культурного развития, глубокого знания не только других культур, но и своей собственной, т.е. рефлексии и саморефлексии, которые только и *позволяют выявлять и понимать сходства и различия культур* для выполнения профессиональных задач. Кроме того, саморефлексия послужила основой организации институтов специальной дипломатической подготовки для целевого производства соответствующих специалистов, обладающих широким набором знаний и навыков для деятельности в мультикультурной среде.

8. Для деятельности дипслужбы характерно противоречие между подходами и позициями дипломатических агентов, как экспертов-специалистов, и политиков, между глубоким пониманием дипломатами политических процессов в международных отношениях в целом и в отдельных странах, и другого характера приоритетами высшего политического руководства, ставящего дипломатам задачи и использующего подготовленную ими дипломатическую информацию. Постоянство и воспроизводство этого противоречия происходят не из различий в уровнях подготовки и даже компетентности в вопросах международных отношений и внешней политики, но из разных интересов. Политиками международные, внешнеполитические обстоятельства рассматриваются только в контексте, взаимосвязи с совокупностью общегосударственных, внутриполитических, а иногда и частных (социальных групп, отдельных личностей) интересов, включая и интерес сохранения власти. Урегулируется это противоречие диалектически: соблюдая бюрократические, корпоративные нормы, действующие дипломатические агенты выполняют указания руководства, в т.ч. противоречащие их пониманию ситуации. Но не связанные более службой (в отставке) дипломаты часто публично высказывают собственные взгляды, критику решений, принятых политиками, даже если их собственные позиции во время дипломатической службы были сформулированы под влиянием нередкого для этой профессии эффекта локалитиса.

9. Внедрение электронных средств информации и коммуникации в общественную жизнь и международные отношения вызвало существенные изменения в социально-

политической среде и процессах в ней. Резко увеличилось количество и разнообразие акторов, особенно негосударственных, включая частных лиц, а также коммуникации с ними и между ними, производимой, распространяемой и получаемой ими информации. Все эти акторы включаются в различные сети социальных отношений. Как и в случае с информационным обществом в целом, в настоящее время развивается новый этап реализации сетевого принципа в социальной коммуникации. Сегодня он формируется под влиянием ЭСИК и потому характеризуется теми же свойствами, что и современное информационное общество: детерриторизация пространства, расстояния (т.е. возможность подключиться к сети независимо от местонахождения), «сжатие» времени подключения к сети и общения в ней до «исчезновения» длительности контакта и передачи информации, установление общения «он-лайн». Ускорение и усложнение социума и его динамики, вызвали существенные изменения и в работе дипломатической службы. Вследствие становления современной дипломатической службы как рефлексивного института, ей в целом удаётся выявлять и рефлексировать количественные и качественные изменения социально-политической внешней (в международных отношениях) и внутренней (в своей стране) среды, в которой она действует, включая новизну её инфо-коммуникационных аспектов. Как следствие возникли новые виды дипломатии (культурная, научная, публичная, трансформационная, сетевая, цифровая и др.).

10. Отвечая на новые рукотворные вызовы, дипломатическая служба осуществляет процесс своей технической и структурно-функциональной модернизации, обновления, прежде всего, в части коммуникации и работы с информацией, стремится сохранить доверие к себе, как необходимому элементу государственной власти, а также как к профессиональному сообществу. Отсюда широкое присутствие в интернете, максимально возможная открытость относительно деятельности Министерства иностранных дел, большой объём публично доступного информационного материала, применение современных социальных интернет-технологий в коммуникации с внешней средой и в своём собственном социо-профессиональном сообществе.

Однако, несмотря на внедрение самых современных средств и технологий коммуникации и информации, дипломаты-акторы, как правило, оставаясь в том же количестве, что и до информатизации, оказались вынуждены рефлексировать относительно всё возрастающих информационных перегрузок, отслеживая всё более многочисленные и активные информационные источники в условиях современного всё более «высокоскоростного общества» (Х. Роза). Т.е. обостряется *противоречие между информационными и коммуникационными возможностями эпохи ЭСМИК и естественными (биологическими) и культурными возможностями отдельного человека*,

члена общества (невозможно понимать, знать и узнать всё), и даже специализированного социально-политического института в целом (в данном случае – дипслужбы).

11. Отбор в дипслужбу, её состав и деятельность находятся под сильным влиянием характера политических сил, которые контролируют, прежде всего, исполнительную власть, а также от общих социально-политических процессов. На примере кадрового процесса во французском МИД показано значение изменений вследствие такого влияния в периоды, когда у власти были Президенты-социалисты (Ф. Миттеран и Ф. Олланд). Под, в целом, объективными предлогами демократизации этой специальной службы, равенства, социальной справедливости, включая повышение прозрачности одного из самых болезненных вопросов – назначений на должности, общая тенденция во французском обществе и частично профсоюзное движение в МИД сегодня действуют в направлении потери специфики мидовских кадров, как наиболее высокообразованных и высококвалифицированных специалистов. Такие формальные требования, как количественный паритет мужчин и женщин, срок, проведённых на той или иной должности для занятия следующей, или «равный» подход к проблемам сотрудников разных категорий (от собственно дипломатов до вспомогательного персонала) без экспертного, объективного учёта индивидуального вклада и способностей, не способствуют валидной оценке труда работников, престижу профессии. Знания и компетенции мидовцев как социально-профессионального сообщества в целом, их вклад в общее социально-экономическое развитие страны также специально не учитываются. Главным фактором, поддерживающим высокий уровень образования и компетенций дипломатов, остаётся система учёбы и поступления на службу посредством жёсткого контроля и отбора кандидатов, способных к работе в этом специфическом рефлексивном институте.

12. Сегодня электронные СМИК сообщают о подавляющем большинстве событий публично и в режиме реального времени, а граждане, включая высших политических руководителей, имеют возможность получать эти сообщения через развитые системы коммуникаций, а не только по дипломатическим каналам. В результате валидная информация, системно собираемая и производимая дипломатами, столкнулась с сильной конкуренцией быстрой, но поверхностной информации, в которой доминируют инсценированные «не-события» (Ж. Бодрийяр), что вызвало в общественном и политическом сознании новый всплеск мнений о снижении значения и роли профессиональной дипслужбы. Несмотря на это, современная дипломатическая служба остаётся востребованной и даже усиливает своё значение. Это связано, во-первых, с увеличением количества и культурного разнообразия акторов (в т.ч. политически

поддерживаемого в условиях глокализации), и хаотичного характера производимой ими информации, что усложняет согласование совместных, компромиссных, взаимоприемлемых позиций и действий. Во-вторых, такое согласование возможно именно дипломатическими средствами и силами компетентных дипломатических агентов, сама суть деятельности которых заключается в определении и понимании специфики разных культур, позволяющих находить пути для их согласования посредством рефлексии интересов, ценностей, личностей контрагентов и своих собственных. В-третьих, для достижения результатов негосударственным акторам в конечном итоге приходится по-прежнему обращаться к государствам и их дипслужбам, бороться за своё влияние на них. Поэтому и в условиях новой социальной инфокоммуникационной реальности по-прежнему необходима дипслужба с её рефлексирующими агентами высокой квалификации, поддерживаемой системами специального образования и отбора в профессию.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования

Работа вносит теоретический и практический вклад в исследование и осмысление проблем современной дипломатической службы, действующей в условиях сложного современного информационного общества, современных международных отношений посредством выявления и систематизации множественности форм деятельности дипслужбы, процессов её модернизации под влиянием всего общества и отдельных индивидов. В научный оборот введён новый теоретический, эмпирический и фактологический материал, взятый на большом историческом промежутке (французский – начиная с XV в.).

Самостоятельное прикладное значение имеет представленный в работе авторский рефлексивно-информационный подход, позволяющий исследовать в динамике сложные социально-политические системы, находящиеся в многофакторном поле влияния более общих социально-политических процессов.

Аналитические положения и выводы, представленные автором, могут быть использованы для исследования конкретных внешнеполитических ситуаций, состояния и прогноза развития как зарубежных, так и отечественной дипломатических служб, в осуществлении консультативной и экспертной работы.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании курсов по теории информации, социологии информационного общества, социологии международных отношений, социологии дипломатической службы, в т.ч. они изложены в двух учебных пособиях «Современные концепции информационного

общества» (М.: МГИМО-Университет, 2013), «Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции» (М.: МГИМО-Университет, 2015).

Апробация результатов исследований

Материалы исследований были представлены на XIX Конгрессе Международной ассоциации франкоязычных социологов (Рабат, 2012); VII (Москва, 2012), VIII (Москва, 2014), IX (Москва, 2015), X (Москва, 2016), XI (Москва, 2017) Конвентах РАМИ; XVIII (Москва, 2013), XIX (Москва, 2014), XX (Москва, 2015), XXI (Москва, 2016) Шишкинских чтениях; XXIII Международном философском Конгрессе (Афины, 2013); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» (Москва, 2014); Международной конференции «Актуальные вопросы информационной и кибербезопасности» (Москва, 2016).

Опубликованы в 35 научных работах общим объёмом 61,85 п.л., в т.ч. в 24 статьях в журналах, списка научных рецензируемых журналов, включённых в Перечень ВАК при Минобрнауки, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук, и 2 монографиях Н.В. Литвака: «Информационное общество: перманентная эволюция» (М.: Колос, 2008) и «Информационные процессы в современной дипломатической службе. Опыт Франции» (М.: МГИМО-Университет, 2016).

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности:

Положения диссертации, выносимые на защиту, соответствуют формуле специальности 22.00.05 «Политическая социология». Данная специальность предполагает исследование взаимодействия политики и общества, политических процессов и явлений в различных социальных средах.

Пункт 1. Методы, функции, формы проявления политической власти в системе общественных отношений. Политическое сознание и поведение социальных групп, общностей, классов, организаций, индивидов. Взаимосвязь и взаимовлияние политической и социальной сфер общественной жизнедеятельности.

Пункт 4. Три подхода к политической социологии: первый, основанный на понимании Максом Вебером политически направленного действия; второй, разработанный под влиянием Сеймура Липсета и Стейна Роккена, охватывающий сравнительное и историческое исследование политических систем и процесса формирования наций; третий, опирающийся на некоторые течения западного марксизма и современную политическую теорию, в центре которого – теории государства.

Пункт 5. Политика и социальная сфера жизни общества. Политические интересы социальных субъектов. Причины и различные аспекты политического поведения.

Социализация как процесс вхождения индивида в социальную среду. Сущность и этапы политической социализации. Бюрократия и бюрократическая система. Социологические подходы к изучению групп интересов, групп давления и лобби.

ГЛАВА 1. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА: ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕЙСЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ И КОММУНИКАЦИОННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

1.1. Рефлексия как атрибут современного информационного сетевого общества с ускоряющейся социокультурной динамикой: обоснование рефлексивно-информационного подхода

С середины 1980-х годов внимание исследователей всё более концентрируется на таких новых чертах современного общества, как институциональная и индивидуальная рефлексивность, что позволяет говорить о становлении рефлексивного модерна, приходящего на смену модерну индустриальному. Это новое состояние общества характеризуется ускоряющейся и усложняющейся социальной и культурной динамикой, которая качественно изменяет функциональность структур и деятельность людей. Соответственно, возникает *рефлексивная социология* с новым теоретико-методологическим инструментарием, повлёкшим «переоткрытие» реалий информационного общества, характера коммуникаций, международных отношений и дипломатической службы.

В XX-XXI вв. социум претерпел огромные количественные и качественные изменения. Для нового состояния обществ характерна *ускоряющаяся и усложняющаяся социальная и культурная динамика*, принимающая характер «текучести»[75], формирования социальных отношений преимущественно по *сетевому* принципу[76]. При этом возникли *рефлексивные институциональные структуры и рефлексивные акторы*.

Рефлексия исторически применялась и исследовалась сама в философии, в Новое время став основным методологическим принципом, позволяющим посредством саморефлексии перейти к якобы независимому объективному мышлению (Р. Декарт), элементом познавательной активности – «наблюдением ума над своей собственной деятельностью» (Дж. Локк). Трансцендентальная рефлексия И. Канта это «такое состояние души, в котором мы, прежде всего, пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия. **Рефлексия** есть осознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания...»[77]. Причём в рамках этой парадигмы рефлексируются не сами предметы (поскольку они суть «вещи в себе» и принципиально непознаваемы), а только результаты нашего взаимодействия с ними («вещи для нас»). Этот подход был продолжен феноменологами, исследовавшими в т.ч.

[75] См.: *Bauman Z.* Liquid Times...
[76] См.: *Castells M.* Information Age...
[77] *Кант И.* Критика чистого разума / Собр. соч. : В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 314.

интенциональные структуры сознания (Э. Гуссерль), и нашёл логическое завершение в феноменологической социологии П. Бергера и Т. Лукмана[78] в виде социального конструирования реальности.

Историзм социологии, как любой науки, любой социальной реальности и сознания вообще, их формирование под влиянием социальных условий выходит на первый план у К. Маркса, обосновавшего зависимость формы общественного сознания от практически-духовного освоения мира. Обнаруживается эта зависимость и у наук, тем более, наук социальных, теории которых, в свою очередь, сами становятся материальными силами, как только они овладевают массами[79]. Маркс показал, что социальные науки, их концепции и теории имеют идеологическую ценность, влияют на мышление и поступки людей. Полемизируя с позитивизмом, М. Вебер, автор «понимающей социологии», определил, что социальные науки пытаются *понять* (термин, так описывающий социологическое познание, был предложен В. Дильтеем) феномены общественной жизни в терминах категорий человеческого опыта[80], что делает невозможным использование для их исследования естественнонаучных методов.

Рефлексивная социология представляет собой принципиально новый подход к исследованию социальной реальности, основанный на постоянной рефлексии процесса познания и самого исследователя, их влияний на результаты исследования, а также и на саму исследуемую реальность.

Согласно современным словарям, рефлексия – это «размышление, полное сомнений и колебаний, склонность анализировать свои переживания»[81], «размышление, самонаблюдение, самопознание»[82], «форма теоретической деятельности человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов»[83], «способность акторов бессознательно ставить себя на место других и действовать так, как они» (Дж. Мид)[84]. Научная рефлексия «направлена на критическое исследование научного знания, методов и приемов получения научных результатов, на процедуры обоснования научных теорий и законов»[85].

---

[78] См.: *Бергер П., Лукман Т*. Социальное конструирование реальности. М. : Academia-центр, Медиум, 1995.
[79] *Маркс К*. К критике гегелевской философии права / К. Маркс. ПСС. Издание второе М. : Издательство политической литературы, 1955. Т.1. С. 422.
[80] См.: *Вебер М*. О некоторых категориях понимающей социологии / Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 495-546.
[81] *Кузнецов С.А*. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт. 1998. С. 1120.
[82] Большой Российский энциклопедический словарь. М: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 1319.
[83] Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1975. Т. 22. С. 55.
[84] *Кравченко С.А*. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М. : МГИМО-Университет, 2011. С. 355.
[85] Энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2004.

К последней трети XX в. из противостояния двух основных теоретических социологических подходов – позитивистской и понимающей социологии, сформировался так называемый «кризис социологии». В попытке разрешить противоречие структурно-функциональный подхода и социальной обусловленности науки и знания У. Бек показал диалектический характер научного знания и, главное, социальной и политической *практики* отношений научного сообщества с обществом, как целым. Например, «методический скептицизм наук», в т.ч. и относительно достигнутых результатов, теперь рассматриваемых только как *текущие*, а также и относительно самих подходов к исследованиям, их методологии, подвергаемых «мучительным вопросам и сомнениям», именуемым «теоретическим изучением основ», в отношениях с остальным обществом в тоже самое время превращается в свою противоположность, изложение догм, задача которых *исключить сомнения*, обосновав политический и социальный выбор, за что, собственно, современная наука и финансируется и признаётся обществом[86]. *Политическая рефлексия* представлена У. Беком в виде концепции «рефлексивного модерна», практика которого (широкое внедрение новых технологий) становится предметом политического, общественного и научного «обращения» (обнаружения, сокрытия, управления и проч.) с возникающими или потенциальными технологическими рисками. Говоря о демонополизации познания в связи с *рефлексией науки* относительно внедрения своих результатов, социолог рассматривает, прежде всего, научно-техническое развитие, риски, порождаемые которым, наиболее очевидны. Но затем логически приходит и к обобщению, что «научная цивилизация вступила в такую фазу развития, когда она учитывает уже не только природу, человека и общество, но всё более – самоё себя, свои продукты, воздействия, ошибки… речь теперь идет не об «освобождении от *изначально* данных зависимостей», а о дефиниции и распределении ошибок и рисков, *возникших по собственной вине*»[87]. Выход У. Бек видит в выработке нового пути к *конвенционализации* с перспективой новой методологической рефлексии и самокритики науки в её соотнесении с реальностью. При этом он (а также Э. Гидденс и С. Лэш) полагает рефлексивность свойством современного общества (рефлексивного модерна), однако, допускает его существование без саморефлексии, т.е. осознания, что общество рефлексирует, ставит её появление под вопрос[88]. Поэтому задача, которую Бек формулирует для социологии, это – «практически эффективное изменение

[86] См.: *Бек У.* Общество риска. М. : Прогресс-традиция, 2000.
[87] Там же. С. 240-241.
[88] *Beck U., Giddens A., Lash S.* Op.cit. P. 175-177.

самопонимания»[89], т.е. рефлексия, соответствующая рефлексивности, как свойству действительности.

Свою попытку пересмотреть рефлексию как «философию сознания» И. Канта (развивавшуюся также Гуссерлем, Дильтеем и др.), а также и Г.В.Ф. Гегеля (вообще определившим понятие субъектом рефлексии), причём в рамках критики марксистской теории, предприняли представители Франкфуртской школы. М. Хоркхаймер разрабатывал проблематику социальной обусловленности не только теорий, но и самих теоретиков[90], а Ю. Хабермас обратился к психоанализу, который он назвал единственным реальным примером науки, принимающей во внимание методическую рефлексию[91]. «Я» не дано изначально, а появляется в результате интерсубъективной коммуникации посредством языка, которая искажается и потому нуждается в рефлексии. Исследуя лингвистический и герменевтический аспекты, Ю. Хабермас отметил влияние на исследователей и исследования, особенно в социальных науках, и *самого языка*[92]. Рефлексия вообще свойственна человеку. Любое истолкование, интерпретация носит, конечно, субъективный характер, что сформулировано и в веберовском определении соответствующей науки: «Социология… есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»[93]. Но и следующее за этим его же определение социального действия («Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»[94]) позволяет интерпретировать его и как действие также *рефлексивное*. Т.е. любое социальное поведение человека по М. Веберу субъективно осмысленное в соответствии со своими ценностями и целями и более того, ориентировано на такое же (социальное) поведение других людей. Но ценности и цели Другого непосредственно ненаблюдаемы, а могут быть в некоторой степени определены только посредством языковой коммуникации. Более того, и собственные ценности и цели не существуют вне языковых форм, в связи с чем, именно на них Ю. Хабермас и предлагает сосредоточить внимание, определяя

---

[89] *Бек У*. Общество риска... С. 276.
[90] См.: *Horkheimer M.* Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Hrsg. von A. Schmidt u. G.Schmid Noerr, 1985.
[91] См.: *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse…
[92] *Habermas J.* On the logic of the social sciences. P. XIII.
[93] *Вебер М.* Основные социологические понятия / М. Вебер. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 602.
[94] Там же.

феноменологический, лингвистический и герменевтический подходы в интерпретации коммуницируемых смыслов.

При первом подходе восприятие невозможно отделить от коммуникации, поскольку факты должны быть интерпретированы символами (причём одинаково понимаемыми участниками конкретной коммуникации), и, следовательно, суждения возможны не о фактах, а о некоторым образом интерпретированных фактах. *Лингвистический подход*, показанный на концепции Л. Витгенштейна, предполагает что язык, его элементы и правила являются одновременно правилами самой практической жизни и неотделимы от неё. Но тогда понимание (изучение) любого другого языка представляет собой новую, другую практику социализации наблюдателя. Т.е. лингвистического подхода недостаточно для изучения, понимания социальных практик, поскольку он сам является их результатом. Наконец, *герменевтический подход*, показанный на примере Г.Г. Гадамера, предполагает, что любая коммуникация основана на наличии или предварительном формировании «общего языка», как результата взаимопонимания. Это взаимопонимание в свою очередь предполагает и самопонимание, самосознание, т.е. рефлексию, которая и лежит в основе действия. Однако все эти субъективные подходы предполагают единство наблюдаемого поведения и его интерпретации наблюдателем, в то время, как общество, согласно Ю. Хабермасу, структурируется не только использованием языка, но также трудом и доминированием. Поэтому предложенное им решение состояло в сочетании функционалистского и герменевтического подходов, которое он описал в своей «Теории коммуникативного действия»[95].

В условиях современного усложняющегося общества эту же проблематику развивает Д. Дзоло[96]. Отмечая «непрозрачность» для актора общества, социальной группы, Другого и даже собственного опыта актора («личные опыты несопоставимы в принципе»[97]), он предлагает «рефлексивную эпистемологию» или иначе – «рефлексивную социологию», которая и должна заняться проблемами «самопрозрачности», исследуя в т.ч. оказывающие на познавательный процесс психологические аспекты (страсти и эмоции, включая свойственные современному «обществу риска», а порой и доминирующие в нём страх, тревогу, связанных с ними ожиданий и переживаний и проч.), которые находятся (во всяком случае, сегодня) вне общественных институтов и структур, но существуют и влияют на них и на актора. Что касается языка, то именно посредством его актор пытается описать и описывает свои реальные состояния и переживания, решая проблему

---

[95] См.: *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). Frankfurt am Main, 1981.
[96] См.: *Дзоло Д.* Сложность и демократия: реалистический подход. М. : ГУ–ВШЭ, 2010.
[97] Там же. С. 34.

«самопрозрачности» и «прозрачности» взаимодействующих с ним акторов и социальных структур.

Для разрешения вышеупомянутого «кризиса социологии», А. Гоулднер, оттолкнувшись от критики структурно-функционального подхода Ч.Р. Миллзом, вообще объявил такой подход идеологией (американского среднего класса). Научную же социологию он представил как «критически рефлексивную» социологию, а также как «социологию социологии», обосновав необходимость рефлексии обусловленности самих учёных и науки в целом. Основываясь на марксовом понимании социальных процессов, он считал, что ни одна гуманитарная теория не свободна от ценностных оснований, идеологических и даже профессиональных (в т.ч. в среде учёных) мифов и предрассудков, которые также должны стать объектом рефлексии[98]. И эта рефлексия должна осуществляться с позиции не стороннего наблюдателя (позитивиста), а активного участника исследуемого социального мира (что, правда, как логически доказал и к чему призывал Гоулднер, означает в конечном итоге сознательное активное влияние на наблюдаемые общественные процессы).

Для исследования новой – рефлексивной (У. Бек) социальной действительности П. Бурдьё обосновал «рефлексивную социологию»[99], осуществив интеграцию структуралистского подхода (Э. Дюркгейм, К. Леви-Стросс), переоценивавшего, по его мнению, роль внешних факторов по сравнению с деятельностью актора, с постструктуралистским (Ж. Деррида). Рефлексия предопределяет и субъективность выбора последующих действий («импровизаций» по Бурдьё), и жизненной стратегии вообще, что является предметом исследования феноменологического экзистенциализма (Ж.-П. Сартр). Характер рефлексии человека обусловлен четырьмя видами *капитала* – экономическим, культурным, социальным и символическим[100]. Основной идеей этого нового теоретического инструмента – структуралистского конструктивизма, синтезированного из методических положений Маркса, Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, но не сводимого к ним, – было *объяснение* рождения символических форм, которые производят и которыми обмениваются социальные акторы, *конфликтом* групп, обладающих различными ресурсами, по поводу их положения в социальной иерархии, социальных статусов, в т.ч. посредством таких «символов», как философские труды и произведения искусства. Стало возможным, в т.ч., обоснование ситуации, когда доминирование той или иной социальной группы зависит не только от имеющихся материальных ресурсов, но может быть также результатом накопления символических

[98] См.: *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003.
[99] См.: *Bourdieu P., Wacquant L.J.* Op.cit.
[100] *Bourdieu P.* The Forms of Capital… P. 241-259.

благ, таких как знания, культура, отношения. Таким образом, по мнению А. Хоннета, П. Бурдьё смог впервые согласовать подходы Зиммеля и Вебера, т.е. предложить как одновременно расшифровывать артефакты, феноменологию повседневности и повседневные же практики социальной борьбы за господство[101]. Дипломатическая служба, её положение в госаппарате и обществе является ярким примером, подтверждающим многие аспекты такого подхода французского социолога.

Одним из инструментов исследования субъектов, включая самих исследователей, П. Бурдьё определил «практический смысл»[102], с помощью которого одновременно описывается и среда (социальная структура), и субъект (мотивы). Т.е. исследовать необходимо *габитус* (Habitus) – объективно существующие социальные структуры, субъективно, причём, бессознательно, воспринятые акторами и определяющими его действия, и сами эти «схемы восприятия мыслей и действия»[103]. В отношении самих социологов это означает учёт в т.ч. и конкретного места конкретного учёного в обществе и научном сообществе. Как раз рефлексия и способна ослабить производимое на основе этого «символическое насилие» против других коллег, помочь социальным наукам «избежать релятивизма, связанного с тем, что они суть продукт исторических существ, при условии, что они подвергнут историзации самих себя»[104]. Т.е. проследить возникновение и развитие и самой науки социологии, как социального института посредством, таким образом, «социологии социологи».

Н. Фрезер отметила, что введение П. Бурдьё нового – культурного инструментария для социологических исследований взамен исключительного экономического, который оказался недостаточным в условиях становления общества потребления, позволило исследовать тот вид капитализма, при котором привилегии зависят не только от собственности, но и от социального и культурного капитала: социальных сетей, университетских дипломов, символических достижений, «хорошего вкуса». Именно такие виды «ренты» обуславливают социальную стратификацию, особенно в экономике, ориентированной на коммуникационные технологии, информационные услуги и монополию на знания, поддерживаемую и распространяемую «предприятиями, производящими культуру»[105]. Вместе с тем, социолог не впадает в «культурализм», т.е. не

---

[101] См.: *Honneth A.* Le savant et le politique. Les contradictions et échecs d'une grande théorie critique. Le Monde, 23.01.2012. [электронный ресурс:] URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/01/23/le-savant-et-le-politique_1633316_3232.html (дата обращения: 05.03.2012).

[102] См.: *Бурдье П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2002.

[103] *Бурдье П.* Опыт рефлексивной социологии / Теоретическая социология. Антология в 2 т. М. : Кн. Дом «Университет», 2002. Т. 1. С. 117.

[104] *Бурдье П.* За рационалистический историзм // Социо-логос постмодернизма. М. : Ин-т экспериментальной социологии, 1996. С. 9-29. – С. 22.

[105] См.: *Fraser N.* Op.cit.

считает, что только культурные аспекты определяют социальное положение актора. «Поле» П. Бурдьё – это некоторый особый, отдельный социальный объект, входящий в общее социальное пространство, состоящий из акторов, занимающих в нём специфические независимые позиции, характеризуемые имеющимся у них капиталом, или иными словами – система социальных позиций акторов. Таким образом, каждое такое поле с одной стороны автономно, имеет собственные мотивации, законы, которые неизвестны акторам других полей, а с другой стороны оказывает влияние на другие поля и само испытывает их влияния. Структура каждого поля характеризуется неравным распределением различных видов капитала, за который и борются соответствующие акторы. По мнению П. Бурдьё основных таких видов четыре: экономический, культурный, социальный и символический. Этот подход позволил ему преодолеть исключительно экономическую парадигму определения классов и их борьбы. Исторически неравное распределение капитала определяет структуру поля, акторы которого борются за позиции.

В конце XX в. автор *неофункциональной* теории Дж. Александер предложил *культуральную социологию*. Культуральная социология, в отличие от *социологии культуры,* исследующей создание материальных культурных объектов под влиянием ценностей, норм, образцов поведения и т.д., ищет *«кулътуралъные структуры»* – как правило*, бессознательные, латентные* механизмы деятельности людей, сформированные под влиянием относительно устойчивых смыслов социальной жизни, которые «являются не только внешними по отношению к акторам, но и внутренними. Они значимы,… структурированы, социально производятся, даже если они невидимы. Мы должны научить сделать их видимыми»[106]. Кроме этого, Дж. Александер отмечает релятивизацию смыслов и морали в современном обществе, которая поэтому больше не может служить критерием истинности. Он же сформулировал концепцию *кодирования, декодирования и перекодирования реальности* в контексте «спирали означивания» («spiral of signification»), предложенной К. Томпсоном[107]. На примерах формирования и динамики смыслов конкретных травм и зла он показал, как первоначальный рассказ о каком-либо события в дальнейшем, как правило, политиками, перекодируется в убеждение о травме, которой общество якобы подверглось в результате этого события. Впоследствии, в результате конкуренции за его интерпретацию, оно же может затем перекодироваться религиозными деятелями, учёными, журналистами, государственными бюрократами и т.д.[108] При этом социолог обратил основное внимание на то, как бессознательные культуральные структуры участвуют в этом процессе, определяя мышление и поведение людей. В

[106] *Alexander J.C.* The Meanings of Social Life… P. 4.
[107] *Thompson K.* Moral Panics. London: Routledge, 1997. P. 20-24.
[108] *Alexander J.C.* The Meanings of Social Life... P. 94-101.

современном мире, по его мнению, такие структуры всё чаще формируются сознательно, например, посредством *перформативности* (спектализации) социальной жизни, к проблематике которой обратился уже целый ряд социологов[109]. Таким образом, Дж. Александер показал *относительность* и *динамику* ценностей и интересов, структур и их функций, поскольку все они не нечто, обладающее какими-либо качествами как таковые, а всегда только *означаемое*, результат, как сознательно, целенаправленно, так и бессознательно, сконструированный акторами под влиянием в т.ч. латентных *смыслов*. Агенты дипломатических служб принимают в этих процессах самое активное участие, причём, не только кодируя и перекодируя смыслы, но и раскодируя их для объяснения собственному политическому руководству.

Если в эпоху индустриального модерна структура, как считал Э. Дюркгейм, являлась «внешней» по отношению к индивиду, так как она, будучи социальным фактом, «навязывала» ему «способы мышления и чувствования», «принуждала» к определенному поведению[110], то ныне, утверждает Э. Гидденс, структура является, как «внешним», так и «внутренним» фактором, который «не только принуждает, но и даёт возможности». Полагая, как и У. Бек, рефлексивность одной из важнейших характеристик современного социума, он отмечает, что «Структура не является чем-то «внешним» по отношению к индивидам: будучи своего рода «отпечатками» в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее «внутренней», нежели внешней (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности. Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она «всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия»[111]. Люди также обретают *иную природу* – из индивидов, получающих идентификации и жизненные шансы от общества, они превращаются в *агентов, деятелей* как в силу своей рефлексивности, так и рефлексивности окружающих. Рефлексивность по Э. Гидденсу – это явление, основанное на «непрерывном мониторинге деятельности, осуществляемом самими индивидами и окружающими людьми». Такой рефлексивный мониторинг включает в себя контроль собственного поведения, контроль действий других людей, а также контроль социальных и физических факторов своей среды. Рациональным синтезом этого мониторинга является «целостное «теоретическое представление» о мотивах собственных действий»[112]. Это же касается и научной рефлексии, рефлексии относительно результатов эмпирических исследований и теорий социальных процессов:

---

[109] См., например: *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000; *Дебор Г.* Общество спектакля. М. : Логос, 2000; *Кравченко С. А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. М. : Издательство «МГИМО-Университет», 2006.
[110] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. С. 413.
[111] *Гидденс Э.* Устроение общества… С. 72.
[112] Там же. С. 41, 43-44.

Э. Гидденс считает необходимым постоянное же участие социологов в описываемых процессах, вхождения, выхода и повторного вхождения в них[113].

Социальная активность чрезвычайно усилилась под воздействием фактора научно-технического развития, особенно в сфере информации и коммуникации (прежде всего, электронных средств – радио и телевидения), обусловившего новую динамику и усложнение современного социума, ускорение глобализации, рефлексию и саморефлексию акторов[114]. Ещё активнее эти процессы пошли с массовым внедрением персональных компьютеров, интернета, мобильной связи. П. Штомпка определяет, что для Э. Гидденса рефлексивность – это «знание и проводимая людьми интерпретация собственных действий, действий других людей или общественных ситуаций, в которые они втянуты, существенным образом влияют на принимаемые ими решения, на способ их поведения и на характер общества, в котором они живут»[115]. Сегодня это проявляется в виде тенденции к торможению негативных последствий деятельности акторов, включая учёных и внедрение их научных достижений, выражаемой в расширении социальных движений, оказывающих соответствующее влияние на свои правительства. В свою очередь, этому способствует характерное для современности широкое распространение средств коммуникации, резко увеличившее как распространение знаний, в т.ч. понимание угроз, так и общение акторов, облегчающее их мобилизацию к совместным действиям[116]. В тоже время, «Теорию структурации» Э. Гидденса подвергла критике, например, М.С. Арчер, предложившая собственную «теорию морфогенеза». Её основное положение заключается в специфике социокультурных систем, обладающих сложным взаимовлиянием своих структур и действий и способных полностью переструктурироваться в результате человеческой деятельности[117].

Существенный вклад в «рефлексивную социологию» внесла теория *социального становления* П. Штомпки, согласно которой члены общества, действующие *агенты* и социетальные *структуры* взаимосвязаны и взаимообусловлены (нет агентов вне структур и структур без агентов). По его мнению, с одной стороны, «общество – это и есть люди, индивиды в их взаимосвязях»[118]. Но с другой, его пояснения к этому определению открывают новые исследовательские перспективы природы рефлексии. Люди,

---

[113] Там же. С. 31.
[114] См.: *Гидденс Э.* Модерн и самоидентичность / реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология : Энтони Гидденс : рефератив. сб. / под ред. Ю. А. Кимелева. М. : ИНИОН РАН, 1995.
[115] *Штомпка П.* Социология… С. 38.
[116] Там же. С. 593.
[117] См.: *Archer M.S.* Culture and Agency. Cambridge: Cambridge University Press. 1988; *Archer M.S.* Structuration versus morphogenesis, in: S. N. Eisenstadt and H. J. Helle (eds), Macro-Sociological Theory, vol. 1, pp. 58-88, London: Sage, 1985.
[118] *Штомпка П.* Социология… С. 550.

существующие вне социальных связей и структур, такая же абстракция, как и социальные структуры, «существующие» сами по себе. Они неразрывны, и потому каждое социальное явление, определяемое как факт, представляет собой «частицу индивидуально-структурного поля»[119]. Агенты при этом имеют некоторую свободу действий от этих структур, которая, в свою очередь, зависит от *рефлексии*, от того, что люди в данном обществе думают и во что верят. Деятельность агентов нелинейна, испытывает влияние обратных связей, и потому каждое действие в т.ч. создаёт новую социальную реальность, модифицируя текущую, включая самого агента, его деятельностные способности и сети отношений.

Этот подход опирался в т.ч. на описание влияния на деятельность людей их субъективных представлений, которое Р. Мертон, сформулировал как механизм так называемых *самосбывающихся пророчеств.* Вера людей в некоторую теорию может подвигать их на следование ей, даже если её выводы не имеют под собой объективных оснований. Но в результате изначально ложные прогнозы осуществляются. Таковы, например, экономические кризисы, вызванные убеждённостью инвесторов в валидности теории экономического цикла и выводящих свои активы их тех или иных акций без объективных на то оснований[120], или предотвращение негативных для человека климатических изменений вследствие распространения в экологическом движении теорий критического влияния антропогенного фактора посредством ограничения или запрещения загрязнения среды выбросами промышленной и человеческой жизнедеятельности. Р. Мертон показывает, что в таких случаях теории, сами по себе – только абстрактные знания, будучи осознанными и взятыми на вооружение людьми через конкретные их действия воздействуют на действительность[121]. П. Штомпка призывает непосредственно обратиться к принципу рефлексии, согласно которому «в человеческом обществе знания имеют прямые и непосредственные практические следствия. То, что люди думают о социальных изменениях, принципиально важно для того, чтобы подвигнуть их к действиям. Следовательно, эти взгляды, концепции самым непосредственным образом влияют на направление и перспективы социальных изменений. Вот почему обогащение теоретических знаний о социальных изменениях одновременно имеет и большое практическое значение – для осуществления самих изменений»[122]. Кроме *крайнего релятивизма* и вытекающей из него потери ориентиров для социальной оценки

[119] Там же.
[120] В тоже время последняя, 2017 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена Р. Талеру как раз за психологическое объяснение поведения участников экономических отношений, как объективного фактора, который необходимо учитывать при разработке экономических теорий.
[121] *Merton R.K.* The Self-Fulfilling Prophecy // R.K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompki. Chicago: The University of Chicago Press. 1996. P. 183-204.
[122] *Штомпка П.* Социология социальных изменений… С. 15.

происходящего, П. Штомпка также называет *непрозрачность,* неопределённость, нестабильность социальных ситуаций, в которых действуют люди, одной из характерных черт современности. Её источниками являются растущая *сложность* «абстрактных систем», *человеческий фактор*, не справляющийся с нею, *непредвиденные и непреднамеренные результаты* действий людей, которые при наличии сложных систем накладываются на взаимовлияние всё большего количества факторов, действующих одновременно[123]. Но к непрозрачности ведёт и рефлексивность современных социальных знаний, способность и склонность людей размышлять над общественным устройством, строить прогностические модели и формулировать самосбывающиеся пророчества, что «приводит к тому, что не только мы не можем быть уверены в правильности наших представлений об окружающемся мире, но и сам этот мир меняется, ставя нас перед фактом новых общественных феноменов, которые появляются в результате действий, мотивированных именно этим знанием и анализом»[124].

П. Штомпка формулирует «четыре типичные позиции, которые люди занимают перед лицом усилившегося риска и нестабильности»: *прагматическое принятие* жизни такой, какая она есть, *последовательный оптимизм* и вера в то, что опасности и нестабильность исчезнут в силу того или иного фактора, включая НТП, *циничный пессимизм,* заключающийся в вере в неизбежность осуществления угроз и потому – в установке жить сегодняшним днём, и *радикальная борьба* с источниками угроз посредством общественной мобилизации [125]. Отсюда собственное определение рефлексивности П. Штомпки: это «способность общества критически мыслить о самом себе, видеть негативные и патологические явления, определять, какие опасности грозят ему в будущем, и на основе этого принимать превентивные меры, способные задержать или отвратить некоторые тенденции»[126].

Развивая понимание новой социальной реальности с позиции своей концепции *мобильностей*, Дж. Урри дополнил толкование институциональной рефлексивности ещё одним фактором, влияющим на характер деятельности дипломатов – *сложными саморефлексивными системами*, созданными человеком, но имеющими некоторую самостоятельную логику существования. Речь идёт о сетях социоматериальных гибридов «экономического, физического, технологического, политического и социального»[127]. Опираясь на разработки Э. Гидденса, Дж. Урри описывает, как люди, будучи рефлексирующими личностями, самостоятельно формируют динамичные комплексные

[123] *Штомпка П.* Социология... С. 598.
[124] Там же. С. 599.
[125] Там же.
[126] Там же. С. 600.
[127] *Urry J.* Op.cit. P. 62,68.

механизмы своего поведения, и какое место в этом имеет новая технологическая и потому и социальная реальность (транспорт, связь)[128]. По его мнению, формируются «сборные инфраструктуры» (например, из потоков образов, людей и практики «туристической рефлексивности»), которые представляют собой «глобальные гибриды», состоящие из «сочетания технологий, текстов, образов, социальных практик и т.д.», которые в таком комплексном состоянии могут глобально же распространяться и воспроизводиться[129]. Наконец, социолог постулирует сами системы коммуникации и информации эпохи глобализации в качестве новых субъектов рефлексивности, которая возрастает и наиболее эффективно действует в виде экспертных сообществ. Поэтому и социологию он предложил рассматривать в качестве дисциплины, исследующей социальную реальность в понятиях «русел», «потоков», т.е. коммуникационных (транспорт, связь) *сетей* и их *содержания* (информации, документов, технологий), а также новой *мобильности*[130].

Таким образом, к настоящему времени рефлексивность как принцип социологического исследования, рефлексивная социология стали основными инструментами современного этапа развития социологического знания. Идёт ли речь о рефлексивной модернизации или разрешении соотношения объекта и субъекта, рефлексия призвана исследовать объект, на который она же влияет в ходе исследования, оставляя открытым вопрос как учитывать это влияние, и как вообще возможна научная рефлексия? Т.е. к постоянно растущей сложности современного общества следует добавить и ещё один аспект, связанный с его социологическим изучением. Не только наблюдение, но и рефлексия наблюдаемого и самой социологической науки постоянно порождает всё новую сложность, а также и всё время *новую реальность* (как в обществе, так и в науке), поскольку наблюдение и рефлексия *влияют*[131] на свои объекты, предметы. Отсюда следует необходимость не только постоянного характера этих процедур, но и отношения к их результатам и самим объектам (т.е. обществу и науке о нём) как *становящимся* явлениям (П. Штомпка).

Индивидуальная саморефлексия отличается от самосознания более узким предметом и целенаправленностью – на исследование, изучение не только своего опыта, но и самих способов мышления с целью их упорядочения и обоснования, а также связи с внешним к актору социальным миром, которое включает в себя также самоидентификацию. Поэтому даже научная саморефлексия с самого начала имеет дело с субъективным опытом,

[128] *Урри Д.* Мобильности... С. 249.
[129] Там же. С. 463.
[130] См.: *Урри Д.* Мобильности…; *Он же.* Социология за пределами обществ...
[131] Если же применить ещё и копенгагенскую интерпретацию принципа неопределённости Гейзенберга для квантовой механики, то можно говорить о вполне кантианском подходе, согласно которому наблюдатель описывает не объекты сами по себе, а только их свойства, проявляющиеся только в акте наблюдения, да ещё и в зависимости от свойств самого наблюдателя, т.е. от того, что именно он может, способен пронаблюдать.

сформированным в конкретной среде, в т.ч. научной, и с постоянно новыми жизненными переживаниями конкретного человека, и, как следствие, постоянно же должна контролировать это влияние и эти новые обстоятельства на ход и результаты рефлексивной деятельности. Это же относится и к *групповой и институциональной саморефлексии*.

Рефлексивно-информационный подход

Формулирование *рефлексивно-информационного подхода* заключается не в том, чтобы находить в классических (и тем более, «доклассических», т.е. до появления первых концепций информационного общества) и даже новых социологических работах термины «информация» и «коммуникация». Тем более, что они не до конца определены и до сих пор, а ранее, до второй половины XX в. им вообще не уделялось отдельного и пристального внимания, как в концепциях информационного общества. Главное – это поиск и выявление в социально-политических процессах и явлениях аспектов, имеющих отношение к информации и коммуникации, как некоторым социологическим фактам, сущностям. Для решения задач данного исследования мы определяем *рефлексивно-информационный подход* как рассмотрение общества, международных отношений и дипслужбы с позиции производства и обмена информацией между социальными акторами и их социальными сообществами, как структурно-функциональными *рефлексирующими* системами.

Для продолжения существования любого конкретного общества необходимо восполнение его естественных потерь путём передачи новым членам (родившимся или кооптированным) информации об основах соответствующей культуры. Эта задача не решается сама собой; процесс воспроизводства человека как члена общества с определённым мировоззрением не так объективен, как кажется или как принято считать. Наоборот, его характеризует целый ряд реальных проблем, наиболее значимые из которых следующие:

-носителями информации, знаний являются только люди, понимающие их, способные ими пользоваться, т.е. фиксирования и складирования информации (на материальных носителях или даже выучивания наизусть) недостаточно;

-жизнь каждого человека конечна, смерть влечёт за собой потерю, как его интеллектуального потенциала, так и его функции в обществе;

-характерный якобы для современной эпохи «информационный взрыв» не только принципиально не отличается от подобных «взрывов» в прошлом, особенно в периоды бурного развития наук, но и неизбежен для каждого человека, отражая противоречие

между количеством информации для обязательного усвоения и ограниченными человеческими возможностями по работе с информацией.

Кроме того, согласно постулату «*стрелы времени*», обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место *ускоряющаяся динамика человеческих сообществ*, в контексте которой, как отмечает С.А. Кравченко, «в настоящее время активно идёт процесс формирования новой социальной реальности, обладающей качествами *сложного общества*. Мир как на глобальном, так и на локальном уровнях сталкивается с *усложняющейся социокультурной динамикой общества,* невиданными ранее бифуркациями, рисками, травмами, разрывами, парадоксами»[132].

С точки зрения информационного подхода все общества можно поделить на относительно *стабильные (или традиционные)* и динамичные, *меняющиеся усложняющимся образом*. Стабильность первых обеспечивается жёстким требованием от неофитов точного, безусловного изучения (иногда и без достаточного понимания) и применения традиции, т.е. информации, уже доказавшей своё практическое значение для выживания конкретного общества. Такая информация вырабатывается поколениями посредством жёсткого эволюционного отбора и, как правило, представляет собой компактное (посильное для психики отдельного человека) чёткое содержание, необходимое для решения стереотипных практических задач. Но и в традиционном обществе создаётся новая информация, новое знание, и тогда психических возможностей человека, выработанных форм передачи знаний становится недостаточно. Новая информация включается в процесс эволюционного отбора, в результате которого, либо сохраняется устойчивость традиции, а новое отбрасывается, либо новая информация вытесняет часть старой. Но поскольку последняя носила необходимый характер, воспроизводство общества теряет устойчивость. Как же урегулируется такое противоречие и происходит накопление новой информации? Как минимум, можно определить два основных пути:

-на основе общего мировоззрения несколько человек организуют совместную согласованную деятельность, доверяя друг другу как носителям различной технологической информации.

-происходит рефлексия информации, *обобщающая* новую и старую с целью сохранения максимально возможного, но, тем не менее, жёстко ограниченного её объёма.

---

[132] *Кравченко С.А.* Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. – 2015. – № 14. – С. 13-29.

Первый путь возможен на основе доверия, понимания взаимозависимости и соответствующего отношения друг к другу. Второй осуществим только до определённых и очень небольших пределов[133].

Проблема количества информации вовсе не современна. О том, что «Многочисленность фактов и сочинений растёт так быстро, что в недалёком будущем придётся сводить всё к извлечениям и словарям», писал не современный теоретик информационного общества, а Вольтер, живший до открытия электричества, пластмасс и антибиотиков. За две тысячи лет до него специалист по информации – библиотекарь и эрудит Каллимах, потративший свою жизнь на чтение и составивший 120-ти томный каталог крупнейшей в то время библиотеки, считал своим девизом гераклитово «Большая книга — большое зло». Современное общество приблизилось к непрерывному и полному материальному фиксированию всего происходящего с нами и вокруг нас (аудио, фото, видеозапись и проч.), а развитие ИКТ позволяет быстро оперировать с информацией. Но любая ситуация, когда количество информации, данных, знаний нарастает так, что среди них всё сложнее отыскать необходимые, означает неадекватно организованную работу с ними – они недостаточно переработаны и структурированы в т.ч. в эпохи развитой, институциональной науки.

Такая ситуация характерна и для науки, хотя в ней более осмысленно чередуются процессы специализации и интеграции, изменения научной картины мира. Хотя и учёные-профессионалы не решают такую задачу автоматически, и если обращаются к проблеме обобщения, то в основном – в рамках собственных же наук или иногда – межотраслевой интеграции. Трудности обобщения знаний даже на дисциплинарном уровне задерживают исследования, приводят к неоднократной трате сил на открытие одной и той же «Америки» и т.п. Обобщение остаётся во многом подвижнический трудом, работой, требующей огромного напряжения волевых, интеллектуальных и физических сил, и выполняемой лишь энтузиастами.

Однако проблемы замедления производства и даже регресса научно-технических знаний не идут ни в какое сравнение с проблемами общества ввиду такой же ситуации с информацией о самом обществе. Делаются попытки со всё более раннего детства передачи всё более сложных знаний, в основном, естественнонаучного и прикладного характера. Всё чаще это делается под предлогом достижения более высокой конкурентоспособности во взрослой жизни и получения более высокой зарплаты. Множество специальных, технологических знаний отвлекает ресурсы сознания

[133] См.: *Литвак Н.В.* Обобщение информации и воспроизводство общества. Доклад на XXIII Всемирном философском конгрессе. Афины, 2013. [Электронный ресурс] URL: http://www.congress2013.dialog21.ru/Doklady/litvak.htm (дата обращения: 09.03.2017).

от комплексного психического и нравственного развития. Более того, в любом возрасте они могут изменять даже сформированное мировоззрение, поскольку не контролируемое сознательно личное *информационное содержание сознания* (ИСС) представляет собой переменную величину. Даже язык может быть вытеснен из сознания и заменён другим, когда человек перестаёт им пользоваться, оказавшись в другой стране или осуществляя свою жизнедеятельность, в основном, с помощью специального, профессионального языка.

В. Виндельбанд, отмечая колоссальный объём культуры по сравнению с возможностями отдельного индивида, считал, что по этой причине постепенно утрачивается возможность и практика единой, т.е. социальной связи между людьми, и потому обществу грозит опасность распасться на группы и атомы, связанные уже не духовно, а только необходимостью совместного проживания[134]. Но эта необходимая единая культурная, человеческая связь между людьми, которая собственно и есть общество, и потерей которой В. Виндельбанд был озабочен больше ста лет назад, в эпоху профессионального производства знаний и информации создаётся частично и крайне редко. Это задача философов, а не специалистов конкретных наук. Проблема вовсе не в разрастании культуры, а в состоянии рефлексии общества и его работы с информацией. Сегодня всё новые ресурсы направляются на развитие инфраструктуры хранения и перемещения информации, создание корпусов языков и математической обработки текстов. Всё это важно. Но общество – это не фабрика по производству товаров и услуг, а сообщество индивидов, выживающих путём совместной деятельности и культурного воспроизводства, а также саморефлексии. С помощью же развития технологий, в т.ч. информационных, можно лишь бесконечно улучшать сами же технологии – обработку бесконечного массива данных, изобретение новых сочетаний материалов, конструкционных решений и т.д.

Уже тысячи лет, в целом, можно решить проблемы голода и болезней, не говоря уже о войнах и насилии вообще. Однако, как и прежде, сегодня информационные ресурсы, как и любые другие, не используются в интересах всего общества. В качестве человеческого «информационного минимума» можно предложить научно выработанные и обобщённые знания о всём спектре взаимоотношений между людьми, биологической и психической природе человека, системе ценностей конкретного общества. Владея им, человек может успешно решать проблемы выживания и воспроизводства общества, управляя имеющимися ресурсами, количество которых абсолютно второстепенно. Возможно, что и не удастся создать некоего основного содержания культуры, «главной» информации в

[134] *Виндельбанд В.* Фридрих Гельдерлин и его судьба / Вильгельм Виндельбанд. Избранное : Дух и история. М. : Юристъ, 1995. С. 136.

объёме, доступном для осознанного усвоения каждым обыкновенным человеком. Но для общества, прежде всего, важен *баланс* между технологической и мировоззренческой информацией, т.е. информацией о том, кто такой человек и как может функционировать общество. Нарушение этого баланса в пользу специальных наук и приводит к недоумению учёных по поводу прихода к власти в обществе «реакционных» и даже античеловеческих сил и личностей. Отсюда – необходимость постоянного обновления, переопределения объёма базовых знаний в связи с постоянной выработкой новых знаний и ограниченными возможностями личности, чтобы новые знания, особенно технологические, не вытесняли базовые – мировоззренческие. Обобщение – это и инструмент работы с информацией, и её динамический результат. Этот вывод вписывается в предложенную С.А. Кравченко концепцию нового – *гуманитарного поворота* в социологии, предполагающего для анализа сложного социума «синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы *парадигма сложности, имеющая социологический стержень*»[135]. Такая необходимость следует из подхода к исследованию социума, как необходимо развивающегося в *единстве с природой*. А, кроме того, для «поиска и утверждения *новых форм гуманизма,* включая *гуманистическую направленность* любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сетевом сообществе народов»[136].

Ограниченность обычной, произвольной долговременной и оперативной человеческой памяти позволяет оперировать лишь небольшим объёмом текущей информации и обуславливает непостоянство ИСС. Этот факт давно используется, в частности, религиями, организующими постоянное повторение своих идеологических установок и создающими с этой целью целый набор соответствующих текстов и практик. Поэтому общество в целом, не поддерживая мировоззренческую часть ИСС, а концентрируясь на производстве и освоении новых фундаментальных и прикладных знаний, постепенно входит в область цивилизационного риска. Игнорирование научного и мировоззренческого подхода к постоянному переопределению информационного минимума превращает научные и художественные достижения в информационную помойку, а растущие вширь и вглубь библиотеки и компьютерные базы данных – в интеллектуальные руины[137].

Таким образом, используемый в данном исследовании *информационный подход* состоит в рассмотрении любых *социальных* процессов и явлений с позиции производства

---

[135] *Кравченко С.А*. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 12-23.
[136] Там же.
[137] См.: *Литвак Н.В*. Обобщение информации и воспроизводство общества…

их участниками *информации,* рефлексии относительно её и обмена ею – *коммуникации*. Несмотря на расхожие высказывания о «деятельности» общества как целого, а тем более его институтов, социальных групп, сообществ, организаций, включая государства, такое определение является метафорой, метафизическим определением. П. Штомпка объединил целую группу социологов с весьма отличающимися социологическими подходами (А. Турен, Э. Гидденс, М. Крозье, М. Арчер и др.) по их особому отношению к деятельности, назвав это направление «теорией деятельности»[138]. Развивая её, он предложил свою «теорию становления»[139] (динамического характера общества, постоянно изменяющегося, причём источником изменений является оно само), которая в т.ч. обосновывает неразрывность агентов и структур, людей и общества, его институтов. Они не существуют отдельно друг от друга, а «общество – это и есть люди, индивиды в их взаимосвязях»[140]. Люди, из которых только и «состоят» социальные группы и институты, являются единственными настоящими, действительными действующими лицами, субъектами социальных действий. Сами же люди в свою очередь живут и действуют особым – *информационным* способом – совместно, *социально* производя информацию, рефлексируя относительно её, и обмениваясь ею.

Для данной работы определим *информацию* как интериоризированный в словах (и реже – в терминах и понятиях) *результат взаимодействия и рефлексии* человека, члена общества, участника социальных связей, со средой, имеющий для него какое-либо значение. Это определение – сокращение более общего определения, данного при разработке *общей теории информации* (ОТИ): «*информация — это сигналы* (различаемые наблюдателем изменения среды или его самого), *которым наблюдатель может придать какое-либо значение* (в определённой системе отсчёта), результат, продукт деятельности сознания наблюдателя (описания человеческим сознанием объектов, процессов, состояний и отношений)»[141]. Также, определим, что *социальная коммуникация* – это контакт, *объективная связь* между акторами, субъектами, людьми, посредством которой и в результате которой некоторые знания, информация могут стать *общими* для участников этой коммуникации.

---

[138] *Штомпка П.* Социология… С. 549.
[139] См.: *Sztompka P*. Op.cit.
[140] *Штомпка П.* Социология… С. 550.
[141] *Литвак Н.В*. Информационное общество: перманентная эволюция. М. : Колос, 2008. С. 396.

1.2. Становление рефлексивной социально-информационной реальности в эпоху сетевых электронных средств информации и коммуникации

Информационное общество и адекватные ему, как новой становящейся реальности, концепции постиндустриального, коммуникационного, информационального общества, общества знаний – это теоретические построения (среднего уровня) второй половины XX в. Дипломатическая же служба возникла на несколько столетий раньше. В тоже время её деятельность в большой степени посвящена как раз работе с информацией, постоянно усложняющейся вследствие развития коммуникации. Уже только этот факт свидетельствует в пользу точки зрения, согласно которой информационное общество – феномен вовсе не прошлого века. Отвечая на такую критику, сторонники новизны информационного общества как такового уточняют, что ведут речь о, во-первых, новой информационной инфраструктуре (средствах коммуникации и работы с информацией) и, во-вторых, о новом социальном (в широком смысле, включающем экономику, политику, культуру) значении информации. Что касается инфраструктуры, то в центре её описания сначала находились электронные средства связи (радио и телевидение), а сегодня – электронные устройства производства, хранения и обработки информации (компьютеры). Новое же социальное значение описывается как превалирование производства информации и обмена ею над производством и обменом товарами и услугами, определяемое, в первую очередь, по финансово-экономическим показателям.

Для данного исследования важны следствия из таких концепций относительно государства и дипломатической службы, как его части, а также международных отношений. По прошествии нескольких десятилетий после формулирования первых таких концепций можно не только сравнить их прогнозы с действительностью, но и исследовать новые концепции, построенные с учётом реалий внедрения некоторых положений первоначальных концепций. Подробно основные теоретико-методологические положения современных социологических концепций информационного общества были рассмотрены нами ранее[142]. Для решения задач исследования необходимо отметить следующие аспекты этих концепций и их критики.

Принятые к началу 1970-х годов в странах Запада такие социально-экономические меры, как ограничение стихии рынка, массовое бесплатное образование и медицина, американский социолог Д. Белл представил как становление постиндустриального, а затем и информационного общества с якобы характерным для него гуманизмом. Однако оценки происходящего западной элитой были другими, о чём свидетельствовал, в частности,

[142] См.: *Литвак Н.В*. Современные концепции информационного общества. Учеб. пос. М. : МГИМО (У), 2013.

доклад, подготовленный для «Трёхсторонней Комиссии» в мае 1975 г.[143]. На обсуждение представителями ведущих стран Запада[144] эксперты представили анализ «современного демократического кризиса» и варианты выхода из него при помощи «управляемости» демократии. Был сделан вывод, что главным для поддержания её жизнеспособности и эффективности является осознание гражданами правильной связи между свободой и ответственностью, а до тех пор необходимы ограничения в пользу экспертов-управленцев. В этой связи большие надежды возлагались на *информатизацию как новый инструмент управлени*я. Анализ исторической обстановки появления первых «классических» «информационистских» работ японцев и американцев, выявил, что их предпосылкой послужило осознание важности сбора, упорядочения и представления для практического использования научной, технологической, статистической информации в условиях быстрого научно-технического развития, стимулируемого двумя основными факторами: гонкой вооружений «холодной войны» и торгово-промышленной конкуренцией в новой послевоенной конфигурации мира. Ведь обескровленная Европа лежала в руинах, теряя потенциал колоний, а США стали самой богатой мировой «лабораторией и мастерской», перед транснациональными корпорациями которых теперь были открыты огромные и пустые рынки как «третьего мира», так и самого Старого света. Как отмечали С. Нора и А. Минк, главные шаги по информатизации были сделаны странами, оказавшимися в «крайних» ситуациях: США – из-за огромного благосостояния, и Японии – в силу «борьбы за существование» среднеразвитой, перенаселённой, полностью зависящей от внешней торговли страны, основная сила которой состояла в прочности традиционного социального консенсуса[145]. Поэтому были поставлены и решены задачи запуска процессов по созданию масштабных баз данных, компьютеризации труда, автоматизации производства, т.е. стимулированию научно-технического развития, роста производительности труда на основе организованного производства, сбора и использования информации. Затем усилиями представителей гуманитарных наук и философов было предпринято большое количество попыток концептуального развития проблематики информационного общества. Тем не менее, изначально терминология и концепция такого общества были созданы специалистами (Ф. Махлуп, Т. Умесао, Ю. Хаяши, Й. Масуда), занимавшимися исследованием и осмыслением разворачивающегося научно-технического развития, появления всё более наукоёмких производств,

[143] См.: *Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y., 1975.

[144] В состав Трёхсторонней комиссии, организованной в 1973 г., входят политики (в т.ч., бышие президенты США), банкиры, директора крупнейших предприятий (по 1/3 японцы, американцы и европейцы). Организацию возглавили владелец «Чейз Манхэттен Бэнк» Д. Рокфеллер (президент) и профессор З. Бжезинский (исполнительный директор).

[145] *Nora S., Mink A.* Op. cit. P. 46-47.

капитализацией знаний и образования в совершенно конкретной исторической обстановке и с конкретными прагматическими экономико-технологическими целями. Это до сих пор сказывается в *технократической* специфике рассматриваемых концепций.

Основные понятия, используемые при построении социологических концепций информационного общества, это — *информация, знания, общество, информационное общество*. С начала XX в. термин «информация» был введён в ряд естественнонаучных областей науки для обозначения данных или знаний. К середине века математики, физики и инженеры, работавшие в области систем связи, стали обозначать им сведения и сигналы, передаваемые системой знаков. Затем, в основном, усилиями представителей социальных и гуманитарных наук, появилось множество различных попыток[146] дать всеобъемлющее определение информации как явления, объекта и даже субъекта (т.е. самостоятельно существующего и действующего, живущего собственной «жизнью»). При всём разнообразии, неопределённости и самом общем характере используемой социологической терминологии, понятие *информационного общества* постепенно выдвинулось на первый план, хотя его общепризнанного определения также пока не существует. Методологически подходы к его определению можно разделить на:

–основанный, прежде всего, на терминологии («информация» и производные от неё слова), которая, правда, сама нуждается в уточнении;

–исходящий не столько из терминов, сколько из существа вопроса, а именно – значения и роли знаний и информации.

Большинство определений отражают доминирование признаков какого-либо из дисциплинарных подходов, применяемых при их описании – социального, экономического, технократического, культурного, психологического и др.

Идея информационного общества зародилась в Японии после Второй мировой войны, а термин был введён практически одновременно в начале 1960-х годов. Ю. Хаяши, профессором Токийского технологического института и американским экономистом Ф. Махлупом. По существу хранение и использование информации и знаний и, конечно, средства коммуникаций (связь и транспорт) исторически постоянно находились в сфере внимания общества, и их состояние оказывало всесторонне влияние на его жизнь. Поэтому сторонники информационного общества, как только современного феномена, делают акцент на изменении значения и роли информации. Наиболее часто называемые специфическими характеристики информационного общества это: быстрый рост

[146] Возникла изучающая её наука – информатика, а само понятие стало одним из наиболее используемых в литературе – от научной до философской и публицистической. Термин «информатика» впервые был использован французом Ф. Дрейфусом в 1962 г. Член-корреспондент АН СССР А.А. Харкевич предложил назвать им новую дисциплину.

количества информации и знаний, «информационный взрыв», вызванный высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий, техники и инфраструктуры, превращение информации и знаний в стратегический производительный ресурс наподобие природных и людских ресурсов, доминирование информационных работников в структуре занятости, а информационного сектора экономики – в структуре ВВП.

Многие западные исследователи акцентировали внимание на роли и значении не столько информации, сколько знаний, что породило определение *общества знаний* (Р. Лэйн[147], П. Дракер[148]), получившее затем развитие во многих работах (Р.Манселл, Н. Стер[149] и др.), которое можно рассматривать наравне, а иногда и в конкуренции с информационным обществом. В начале 1970-х годов Й. Масуда[150] и Д. Белл[151] предложили первые комплексные теоретические разработки причин и траекторий социальных изменений во второй половине XX в., связав их с внедрением новых информационно-коммуникационных технологий и изменением роли и значения информации и научно-технических знаний. На этой основе они же и многие другие социологи, экономисты, философы создали целый ряд футурологических утопий, положенных в основу планов построения информационного общества в большинстве государств мира. Несмотря на разнообразие, онтологическая картина первых концепций представляет собой последовательное развитие двух направлений:

1.Обоснование изменения социально-экономического и политического устройства общества в связи с внедрением новой технологической основы (информационно-коммуникационных технологий) как наступления качественно (а не только исторически) *новой* эпохи, стадии цивилизации, типа общества, в т.ч. *преодолении капитализма,* появлении *новых социальных отношений и нового человека,* процессов и явлений с приставкой *пост-*;

---

[147] См.: *Lane R.* Op. cit.

[148] См.: *Drucker P.* The Age of Discontinuity. Guidelines to our Changing Society. N.Y., 1969.

[149] См.: *Mansell R., When U.* Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development. Oxford : Oxford University Press, 1999; *Stehr N.* Knowledge Societies: The Transformation of Labour, Property and Knowledge in Contemporary Society. London, 1994.

[150] Основатель, президент и директор Японского Института по информатизации общества, директор Института по развитию использования компьютеров в Японии, один из авторов «Плана для информационного общества — национальная цель к 2000» (1972), который позже был дополнен и вышел в виде книги «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1980), описавшей новое общество как «Компьютопию».

[151] Профессор Колумбийского и Гарвардского университетов; назначался членом президентских комиссий по технике, автоматизации и экономическому прогрессу (1964 г.) и по разработке национальной программы на 1980-е годы (1979 г.). Возможно, что власти США видели в нём нового Кейнса, выработавшего рецепты борьбы с «Великой депрессией», что впечатлило Д. Белла как пример эффективного государственного вмешательства в «свободную рыночную» экономику.

2. Развёртывание идеи *рационализма* в направлении всеохватывающего управления обществом с помощью информационно-коммуникационных технологий, имея ввиду возможность стремящейся к абсолютной и всеохватывающей формализации социальных факторов и процессов, их обработки с помощью специального программного компьютерного обеспечения.

В отличие от марксизма, согласно которому одна формация сменяет другую, информационисты подчёркивают, что постиндустриальное общество не замещает индустриальное и даже аграрное общество, а добавляет к ним новое измерение, в частности, в области использования данных и информации[152]. Д. Белл прогнозировал даже, что ведущая роль теоретического знания определит и положение *учёного* как центральной фигуры нового общества, а вместо фирмы «университет или какая-либо другая форма института знаний будет центральным институтом в последующие сотни лет благодаря своей роли источника инноваций и знания»[153]. Новую элиту составят люди с наивысшей квалификацией, получаемой образованием, а не благодаря собственности, наследуемой или приобретаемой, или политическому успеху. Опираясь на выводы Р. Мертона об этосе современной науки[154], социолог определил научное сообщество передовым слоем нового общества, которое к тому же представляет собой уникальное явление человеческой цивилизации: без идеологии, но с нравственными устоями, близкое «к идеальному древнегреческому полису — республике свободных мужчин и женщин, объединенных общей целью поиска истины»[155]. Ж. де Роснэ счёл, что формирующееся сетевое общество, действительно представляет собой новую по своей сути, электронную демократию, опирается на средства массовой информации и коммуникации (СМИК) масс (т.е. принадлежащие массам и создаваемые ими самими, в отличие от традиционных СМИК)[156]. И интернет – это не просто вид ИКТ или новое СМИК, но «технология отношений» и «информационная экосистема»[157]. Примером такой «электронной агоры» стал штат Калифорния, в реальном, а затем и виртуальном пространстве которого после Второй мировой войны начали взаимодействовать технократические идеи инженеров-компьютерщиков, либертарианские и анархические взгляды хакеров, хиппи и т.д.

Другая основополагающая идея — идея *рационализма*, как стремления к построению наиболее валидной картины мира, осуществлению наиболее эффективного взаимодействия с природой и другими людьми. Научно-техническое развитие в целом, а в

---

[152] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y. : Basic Books, 1976.
[153] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество... С. 463.
[154] *Мертон Р.* Указ. соч. С. 770.
[155] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество… С. 508.
[156] См.: *De Rosnay J.* La révolte du pronétariat. Des mass media aux media des masses. P. : Fayard, 2006.
[157] *De Rosnay J.* 2020: Les Scénarios du futur. P. : Des Idées & des Hommes, 2007. P. 73.

современную эпоху — развитие особенно информационно-коммуникационных технологий, есть одно из проявлений нового этапа рационализма. Его спецификой является обусловленность новых подходов к социальным реалиям, находящимся под сильным влиянием новой технологической, в первую очередь, инфокоммуникационной реальности, самим существом технических систем, которые по определению не могут создаваться иначе, чем на рациональных принципах. Т.е. рациональность, имманентная технике, электронным средствам информации и коммуникации, становится «встроенной» и в концепции, описывающие соответствующий социум. Активный сторонник основателя кибернетики Н. Винера Д. Дюбарль уже через два месяца после запуска первого в мире большого компьютера (1948, США) описал его применение в будущем для «рационального управления», что станет возможным в силу способностей новых машин «выполнять мыслительные функции». Аргументом в пользу такого решения был тезис о неспособности политиков и политической системы в целом управлять обществами, тем более во всемирном масштабе[158]. По мнению Д. Белла, «основным методологическим достижением второй половины XX в. стало управление организованными множествами – теориями множеств с большим числом переменных и комплексными организациями и системами, требующими координации деятельности сотен тысяч и даже миллионов людей»[159] на основе результатов кибернетики, теорий игр, принятия решений и др. С развитием компьютеров, программного обеспечения, математических теорий возникает «интеллектуальная технология», т.е. алгоритмы, чёткие правила принятия решений, выраженные в компьютерной программе или наборе инструкций, и представляющие собой способ формализации суждений и их стандартного применения вместо интуитивных суждений[160]. Цель, которую преследуют создатели этой новой, «интеллектуальной технологии», заключается в «упорядочении» массового общества, в котором сегодня миллиарды людей постоянно принимают миллиарды решений. И если каждое частное решение в отдельности непредсказуемо, то новые теории, тем не менее, позволят рассчитать совокупную составляющую процесса[161]. Т.е. Белл полагал, что компьютерная программа сможет урегулировать общественные противоречия. В конце 1970-х годов в специальном докладе по вопросу об отношениях между новыми информационными технологиями и обществом, подготовленном по поручению Президента Франции В. Жискар д'Эстена, резюмировалось, что «только власть, обладающая надлежащей информацией, сможет способствовать развитию страны и

[158] *Dubarle D.* Une nouvelle science : la cybernétique – Vers la machine à gouverner… Le Monde, 28.12.1948.
[159] *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества / Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 331–332.
[160] *Там же.* С. 332.
[161] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество… С. 43–44.

гарантировать её независимость»[162]. На примере США уже во второй половине XX в. можно было наблюдать, как национальное планирование осуществляется и на государственном уровне, и в крупных корпорациях, имеющих пятилетние, а то и десятилетние планы[163]. Последующая разработка – пост-фордизм – предусматривала всё то же общество контроля – более гибкого, с некоторой автономией структурных единиц, но, тем не менее, контроля – постоянного и безграничного[164].

Сразу после своего появления концепции информационного общества стали подвергаться критическому анализу. Большое количество проблем отмечали и сами их авторы. *В качестве центральной проблемы указывалась возможность двоякого использования информационно-коммуникационных технологий, как и любой другой техники, т.е. не только на пользу, но и во вред человеку и обществу*. Поскольку с самого начала и до сих пор создание и использование новых технологий контролируется политиками и военными. Кроме того, с конца XX в. стали появляться концепции *постгуманизма* (термин ввёл П. Слотердайк), предполагающие вообще отход от антропоцентризма. С этой проблематикой связана критика ещё одного серьёзного изъяна нового общества – его *технизация.* Логически последовательный, но всё же человеческий рационализм М. Вебера всё более переплетается с идеями о рациональности, как внешней по отношению к человеку категории, обусловленной имманентной сущностью самой техники, которая навязывает её человеку. Информационное общество З. Бжезинского — это такая «технотронная эра», когда социальную структуру, ценности и т.д. определяют электроника и информатизация[165]. Обобщая футурологические концепции, Ж. Эллюль настаивал, что «все утопии были триумфом технологизма,… технического рационализма под прикрытием мечты… Характернейшая черта утопии — это маниакальная страсть к организованности. Обитатель утопии безнадёжно и окончательно инфантилен»[166]. Хотя сегодня утопия – уже не просто теоретическая модель (современная техника позволяет перейти от тяжёлого труда к распределению благ, производимых на автоматизированных и информатизированных заводах). Эта же информатика может обеспечить бюрократии тотальный контроль над обществом, что будет означать исторический тупик человечества. Выход, по мнению Ж. Эллюля, состоит в отвержении не техники, а идеологии техники. Однако современная политика не может решить эту задачу, поскольку сама полностью детерминирована этой самой техникой. Отсюда и единственная её цель – рост

---

[162] *Nora S., Minc A.* Op. cit. P. 122.
[163] См.: *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества…
[164] См.: Société de la connaissance, société de l'information, société de contrôle. Entretien avec *Armand Mattelart* // Cultures & Conflits, 64, hiver 2006.
[165] См.: *Brzezinski Z.* Op. cit.
[166] *Эллюль Ж.* Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 147-152.

производства, развёртывание мощностей и т.д. Техника становится средой, в которой всё более и живёт человек, и опыт которого всё более зависит именно от этой среды[167].

С появлением в середине 1990-х годов дешёвых персональных компьютеров и массового интернета ученик А. Турена М. Кастельс выдвинул на лидирующие позиции в изучении информационного общества *сетевой* подход, также сформулировав понятие «информационального общества»[168] (вместо информационного). Однако для большинства даже теоретических разделов работ стала характерна эклектика самых разных идей, положений и данных, часто объединяемых лишь одновременностью происходящего или даже самим фактом включения в один текст. Эта бессистемность, как правило, аргументируется чрезвычайной сложностью современных обществ и идущих в них процессов, их «открытостью», а также новейшими достижениями постмодернизма и синергетики по поводу хаотичности и неравновесности объектов и происходящих с ними процессов, применительно в данном случае к человеку и обществу.

Продолжает расти количество определений информационного общества — практически каждый исследователь стремится дать своё собственное. Это отражает как трудность задачи, так и её недостаточную разработанность, сохраняющуюся неопределённость. Однако, большинство социологов, экономистов, политологов и философов сразу начинает построение концепций, особенно, если речь идёт о каких-либо отдельных сторонах информационного общества, пренебрегая или лишь поверхностно определяя такие его базовые понятия, как *информация* и *общество*. При том, что к концу XX в. понятие общества подверглось существенному пересмотру набравшим силу течением постмодернизма. В частности, один из наиболее сильных его представителей, Н. Луман критиковал следующие положения прежних подходов:

1) Допущение, что общество состоит из людей и из отношений между ними, интегрируясь благодаря согласованию их мнений, что является гуманистическим предубеждением, которому не хватает строгости понятий.

2) Допущение территориального многообразия обществ, которое якобы можно наблюдать извне, как *разных*, отличающихся друг от друга групп людей или территорий, что не находит подтверждения в социологическом смысле, несмотря на действительные различия в языке, культуре, государственном устройстве и проч.

3) Теоретико-познавательное различение субъекта и объекта[169] также является предубеждением, поскольку, по мнению этого социолога, общество является самоописывающимся объектом, и для его определения решающим становится понятие

---

[167] *Там же.*
[168] См.: *Castells M.* Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford: Blackwell, 1996-1998.
[169] В том смысле, что только субъекты обладают самореференцией, а объекты – таковы, какие они есть.

коммуникации. В зависимости от того, как определяют коммуникацию, определяют и общество. Иначе говоря: понятие общества должно быть образовано автологично. Оно должно содержать и само себя[170]. Т.е. центральный тезис концепции Н. Лумана: «Общество является системой, определяющей себя – полностью и исключительно – при помощи себя самой»[171]. Этот же принцип он распространяет и на коммуникацию, которая также должна определяться через коммуникацию посредством рефлексивной самоотнесённости. В том числе, он считает, что в случае наличия неясностей, неопределённостей, коммуникация «сама принимает решения», как и насколько их прояснять. Следствиями этих положений является определение общества как закрытой аутопойетической (самоописывающей) системы коммуникации, способной коммуницировать только *в* себе, но не с самим собой и не со средой. Это придание субъективности абстрактным конструкциям, если не сказать – понятиям, граничит уже с идеализмом Платона, хотя социолог и оговаривает, что речами или мысленно невозможно упорядочивать, изменять или уничтожать вещи. Он также критически отнёсся к «социологии социологии» или «рефлексивной» социологии науки, в связи с тем, что по его мнению, в этих подходах проблемы самореференции изолируются, рассматриваются как странности или методологические затруднения. Однако и Н. Луман говорит о рефлексивной специфике современности, в которой «дистанция между индивидом и обществом побуждает индивида к рефлексии, к вопросу о Я некоторого Я, к поискам собственной идентичности». Обращает он и внимание на необходимость рефлексии несказанного. Также и неустранимое состояние незавершённости коммуникации может, по его мнению, иметь только рефлексивное решение посредством рекурсивности аутопойезиса общества, применения коммуникации к коммуникации[172].

Согласно А. Турену, если раньше, например, социология занималась изучением общества, то теперь она становится наукой о социальных отношениях, изменениях и движениях[173]. Дж. Урри предложил рассматривать её в качестве дисциплины, организованной вокруг понятий сетей, «русел», «потоков» и новой *мобильности*[174]. Основатель «мобильной социологии» (mobile sociology) подразумевает под «руслами» коммуникационные сети (транспорт, связь) и их содержание (информацию, документы, технологии и проч.). Потоки символов, обозначающих материальные и нематериальные объекты, включая акторов (людей), текущие по этим руслам, движутся независимо от

---

[170] См.: *Луман Н.* Понятие общества...
[171] *Луман Н.* Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. С. 102.
[172] Там же. С. 19, 101-102, 151.
[173] *Touraine A.* Sociology without Societies Pressures for Continuity in the Context of Globalization // Current Sociology. 2003. Vol. 51 (2). P. 123-131.
[174] *Урри Д.* Мобильности…; *Урри Д.* Социология за пределами обществ...

границ государств и виртуальных границ обществ. В этой связи, а также под влиянием концепции сетевого общества М. Кастельса, Дж. Урри утверждает уменьшение роли национальных государств и смену *социального* устройства общества на *информационное* и *коммуникационное*, т.е. включающее помимо людей и другие материальные (но не человеческие – природа, техника) и нематериальные (символы, знаки, информация) составляющие. Эти новые – *мобильные* общности людей, предметов и символов, составляющие потоки, перемещающиеся по «руслам», причём, преимущественно, горизонтально, и составляют предмет мобильной социологии. При этом материальные и нематериальные оставляющие потоков значительно влияют на поведение акторов, и их принципиально нельзя отделить от людей. Отсюда предложение социолога считать и их акторами, наряду с людьми[175].

Резюмируя эти подходы, профессор А.Б. Гофман отмечает, что если 30 лет назад идея социологии без включения в неё понятия общества выглядела как немыслимая, в её онтологии господствовал социальный реализм, а в эпистемологии – номотетическая и холистская точки зрения, то постепенно холизм, при котором социальный объект рассматривается как единое психофизическое целое, подвергся энергичной критике, влиятельность приобрёл методологический индивидуализм, когда индивиды и их действия воспринимаются как подлинная реальность человеческой жизни, а социальные институты предстают внешним полем их деятельности. Вместе с ростом популярности в социологии утилитаристских и экономических моделей человека, теорий обмена и рационального выбора на первый план выступили объяснения социальной реальности, основанные на принципах социального номинализма и психологического редукционизма. Гофман расценивает такую крайнюю позицию как теоретически ошибочную и практически вредную «для настоящего и будущего как социологии, так и её объекта, т.е. не мифического, а реального общества»[176].

Как и А. Турен, Ж. Бодрийяр, Ж-Ф. Лиотар, М. Фуко и другие заговорили о «конце социального»[177] и даже человека, «атомизации»[178] общества, т.е. его распаде на массы индивидов, не связанных между собой какими-либо ценностными или деятельностными социальными отношениями, превращении общества в нечто «отныне гораздо менее определяемое институтами, центральной властью, ценностями или постоянными правилами общественной организации, чем той областью споров и конфликтов, которая

---

[175] Там же.
[176] *Гофман А.Б.* Существует ли общество? С. 21.
[177] См.: *Baudrillard J.* Op. cit.
[178] См.: *Lyotard J.-F.* Op. cit.

имеет в качестве глобальной цели общественное употребление символических благ»[179]. Постмодернистское объяснение этого явления заключается в том, что ценности модерна, индустриальной эпохи уже достигнуты, и в новом обществе прежняя социальная структура больше не нужна — новые информационно-коммуникационные технологии позволяют заменить традиционную пирамидальную социально-экономическую структуру сетевой (мозаичной). Н. Луман дополняет эту картину процессами негативной интеграции исключения и позитивной интеграции включения в общественные отношения соответственно неинформированных и знающих индивидов[180], Э. Гидденс – появлением в общественном сознании чувства фрагментации и дисперсии социальной реальности, как одной из главных черт современной эпохи радикального модерна[181], а З. Бауман – идеей фрагментированного киберпространства: «Всемирная информационная сеть, которую населяют образованные классы, сеть, которую они обрабатывают и которая обрабатывает их самих, оставляет в стороне Lebenswelt, то есть обитаемый мир: она впускает в себя отдельные части этого мира, только когда они уже соответствующим образом раздроблены и тем самым подготовлены к обработке; [впоследствии] она возвращает их обратно в переработанной и абстрактной форме. Киберпространство, место, где совершаются интеллектуальные процессы эпохи постмодернити, живет фрагментацией и порождает фрагментацию, будучи одновременно и её продуктом, и её главной причиной»[182].

Если в 1970-е годы Д. Белл полагал, что образование и знания превращаются в «коллективное благо» и меритократия справедлива, а в конце 1980-х Э. Гидденс рассматривал постмодерн как демократический процесс в состоянии «после бедности», при котором технологии гуманизируются, то с 1980-х же годов появляется ряд социально-философских моделей пессимистического толка: «конец истории» Ф. Фукуямы, «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, «смерть Запада» П. Бьюкенена, «Новые Средние века» У. Эко, «глобальный беспорядок» З. Бжезинского, «после империи» Э. Тодда, «квазисоциалистическое государство» И. Валлерстайна, «общество риска» У. Бека, Г. Бехманна и др. Усугубление неравенства, безработицы, стрессов, порождаемых социальной неуверенностью и самой информатизацией, вызывают появление в социологической терминологии «новых бедных».

Наряду с сильным влиянием левого течения социологической мысли в изучении проблем информационного общества, теоретическая работа не прекращалась и на её

---

[179] *Турен А.* Указ. соч. С. 50.
[180] См.: *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М. : Интеллект, 1998.
[181] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
[182] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. С. 251.

правом фланге: развивается мощный дискурс информационного общества как капиталистической утопии XXI в., дискурс, символически интериоризирующий технику, дискурс управления технологическими инновациями, придающий новый дух капитализму[183]. Согласно трактовке С. Нора и А. Минка, информационное общество — это «совершенное рыночное общество, в котором образование и информация сделают каждого человека осознающим коллективные ограничения, и общество совершенного планирования, где центр получает от каждой единицы базиса верные сообщения о её целях и предпочтениях и в соответствии с этим формирует собственную структуру и позицию»[184]. Даже если теперь символические, нематериальные компоненты продукта или услуги превращаются в основной источник прибыли, согласно обобщённой позиции Б. Польре: «Когнитивный капитализм следует понимать как общество знания, … как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному»[185]. М. Салоф-Кост рассматривает последний мировой экономический кризис (с 2008 г.) как отражение противоречия между необходимостью для капиталистической системы всё увеличивающегося роста, без которого рухнет её банковская система, основанная на долгах, и ограниченностью ресурсов планеты. Предлагаемый им выход состоит в изобретении новой социально-экономической системы, основанной на новых видах роста. Такую цивилизацию должны характеризовать:

-дематериализация промышленной продукции, которая должна стать экологичной и, благодаря новым технологиям и материалам, меньше и легче, на что потребуется меньше ресурсов и энергии;

-виртуальное развитие, поскольку мы ограничены минеральными и биологическими ресурсами, но не ноосферными. Богатство последних – разнообразие культур, взаимодействие которых и взаимное обогащение и может стать основой безграничного развития[186].

В своей концепции «информационального общества» М. Кастельс уточняет, что информация, понимаемая как трансляция знания, имела важное значение во всех

---

[183] См., например: *Berthoud G., Cerqui D., Clément F., Ischy F., Simioni O.* La «Société de l'Information»: une idée confuse? Lausanne : Université de Lausanne. 2000 ; *Berthoud G.* L'horizon d'une surveillance omniprésente ? // Revue européenne des sciences sociales. 2002, Tome XL, № 123. P. 155-168.

[184] *Nora S., Minc A.* Op. cit. P. 122.

[185] *Польре Б.* Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2 (179). С. 66.

[186] См.: *Saloff-Coste M.* Comment l'entreprise élargie réenchante le monde / *Added E., Raffard W.* (dirs) Réenchanter le futur par la prospective RH. P. : Editions Village Mondial, 2009. Pp. 61-79; *Saloff-Coste M.* Futur des civilizations, civilizations du future / *Dartiguepeyrou C.* (dir) Prospective d'un monde en mutation. P. : Harmattan, 2010. *Saloff-Coste M.* Analyse de la crise économique sociale et écologique actuelle. [Электронный ресурс] URL: http://knol.google.com/k/michel-saloff-coste/analyse-de-la-crise-économique-sociale/365890ye 0z3 mt/2# (дата обращения: 20.12.2010).

обществах, включая средневековую Европу, его же новый термин подчёркивает специфическую форму социальной организации, в которой, благодаря внедрённым новым конкретным (электронным и сетевым) технологиям, производство, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти[187]. Основой новой формы коммуникационной организации общества является, по его мнению, не информация сама по себе, а «сетевая логика его базисной структуры»[188], придающая информации особые качества и функции, системно преобразующие все основные сферы жизнедеятельности людей. Такое новое общество стремится уже не к производству товарной массы, а к богатству знаний для максимального использования высокоразвитой техники для удовлетворения запросов её пользователей. И это новое общество, согласно Кастельсу, уже существует – в виде множеств общественных и культурных моделей[189]. Вместе с тем, с начала XXI в. и особенно после 2008 г. информационистские, сетевые теории развиваются только вместе с понятием «кризиса» – финансового, экономического, культурного, кризиса беженцев и мигрантов, терроризма и самоидентичности и проч.[190] Тот же М. Кастельс в своих последних работах, хотя и пишет о таких новых, в частности, экономических явлениях современного информационного общества, как бартерные сети, сети солидарности, общественные валюты, в т.ч. криптовалюты, и прочие формы экономической активности, возникающие с помощью информационных технологий и разнообразных ценностей поликультурного общества, отмечает, что, в основном, они представляют собой ответы на постоянные и всё более разнообразные кризисы[191].

Проведённый философский и социологический анализ позволил выявить в современном концептуальном пространстве информационного общества *теоретические векторы*, определяющие:

–развитие общества исходя из рациональности, имманентной технике;

–использование техники экспертами для саморегулирования общества;

–использование техники элитой для управления обществом в своих произвольно определяемых целях.

В первом случае (З. Бжезинский), политики и инженеры убеждены, что ИКТ сами по себе содержат некие эффекты, в некотором смысле пре-программированные (особенно в случае с интерактивными технологиями). Техническое развитие само по себе

---

[187] См.: *Castells M.* Information Age…

[188] *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. The Rise of the Network Society. Massachusetts, USA; Oxford, UK, 1996. P. 21.

[189] *Castells M.* The Network Society: A Cross-Cultural Perspective. Cheltenham: Edward Elgar, 2004.

[190] См., например: *Castells M.* (ed.). Europe's Crises . John Wiley and Sons, 2017.

[191] См.: *Castells M.* Another Economy is Possible: Culture and Economy in a Time of Crisis. Polity, 2017.

представляется ими источником изменений, а не фактором, который мог бы поддержать текущие социально-культурные или социально-политические процессы[192]. Создаётся новый культ техники и информации, в котором Компьютер занимает место креста в предыдущих религиозных технологиях[193].

А. Турен оппонирует всем технократическим концепциям, доказывая, что социум во всё большей мере управляется государством, властью. Он считает, что жизнедеятельность не «технотронного», а уходящего индустриального общества в максимальной мере подчинялась логике развития технологий, в то время, как «наиболее современный социетарный тип является итогом решений, политик и программ, а не естественного равновесия»[194]. Особенностью становления информационного общества является его «искусственность», целенаправленное и контролируемое внедрение технологий, и новое общество только кажется хаосом, а на самом деле жёстко структурировано и управляемо. Новым центральным конфликтом Турен называет одновременное противостояние Субъекта[195], с одной стороны, рынку и технократизму, а с другой – авторитаризму государства[196]. Такое «программируемое» общество отличается возросшей ролью политической власти, которая не только технику, но и науку подчиняет своим интересам, что Ю. Хабермас описал как феномен «сциентифицированной политики», нацеленной на минимизацию конфликтного потенциала общества[197]. Из-за концентрации рынка рекламы, являющегося главным источником финансирования как «обычных» средств массовой информации и коммуникации, так и сетевых медиа, сужается тематический выбор, делается ставка на массового потребителя, в угоду которому сокращается подача «неприятных» и «плохо покупаемых» сюжетов[198]. Наиболее часто посещаемые сайты, поставщики услуг доступа и банки данных перекупаются гигантами коммуникаций – традиционными медиа-группами[199].

Другая тревожная тенденция, противоречащая прогнозу безудержного роста производства информации и знаний – производится не то, что необходимо обществу, а только то, что может дать быструю и большую прибыль. Это касается не только товаров и услуг: Ж.-Ф. Лиотар раскрывает перформативный (заведомо востребованный) и коммерческий характер развития информации и знания, т.е. её обработку и создание

---

[192] См.: *Miège B.* L'imposition d'un syntagme: la Société de l'Information // Tic&société, Vol. 2, n° 2, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://ticetsociete.revues.org/467 (дата обращения: 20.05.2016).
[193] См.: *Roszak T.* The Cult of Information. University of California Press, 1994.
[194] *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble?... P. 164–165.
[195] В данном случае имеется в виду образованный и квалифицированный специалист.
[196] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble?...
[197] См.: *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie»…
[198] См.: Всемирный доклад ЮНЕСКО по коммуникации и информации. 1999-2000 гг. Париж: UNESCO publ., 2000.
[199] *Там же.*

только тогда, когда это полезно (перформативность) и только в виде товара[200]. Как отмечает Д. Диксон, часто используемое выражение «капитал знаний» недвусмысленно говорит, что учёные рассматриваются теперь как объект инвестиций, от которого ожидают соответствующей отдачи[201]. Т.е. университеты не заменили фирмы в качестве базового института «нового общества», как предполагал Д. Белл, а наоборот – стали работать на бизнес. Рынок превращается в единственный критерий оценки технологических инноваций, а огромные общественные (бюджетные) вложения в информационную инфраструктуру, предпринимаемые во многих странах мира, осуществляются в интересах не всех налогоплательщиков, но, в первую очередь, крупного бизнеса и государственной бюрократии.

Как показывает Ф-П. Жербе, происходящее ужесточение режима безопасности представляет собой скрытую, обратную сторону информационного общества. Его либеральный и либертарианский характер вызывает изменение роли государства, деполитизация которого и потеря легитимности и порождает массовую социальную небезопасность, в связи с чем, роль рационального государства сводится к поддержанию порядка с использованием новой техники и методов контроля[202]. Сегодня огромные и всё бóльшие массы получают возможность существовать и при этом ничего не делать. Будучи даже предоставленными сами себе, они имеют колоссальный и непредсказуемый разрушительный потенциал. Свободный от труда и от общества человек может многое и способен на всё. Исчез социальный естественный отбор, когда каждый должен был считаться с обществом, чтобы выживать. Сегодня человек не работающий, а тем более преступник, не только не изгоняется за пределы полиса, общества, где гибель его от голода, болезней или насилия была вопросом короткого времени, но продолжает жить, потреблять производимые другими ресурсы и даже всё более угрожать обществу. Ж. Бодрийяр ввёл в этой связи новое социологическое понятие человеческих, структурных «отбросов»[203]. Сегодня практически тотальный контроль за гражданами и организациями уже установлен – сохранение всех «следов» в Интернете, видеоконтроль на улицах и рабочих местах, сбор генетических данных, геопозиционирования мобильных телефонов и автомобилей и т.д. стали реальностью. Кроме безопасности и коммерческих интересов, такие данные используются в политических целях, в предвыборных компаниях. Т.е., несмотря на постоянные предупреждения, начатые ещё 50 лет назад А. Туреном, Ж. Эллюлем и другими, во всех развитых странах последовательно и неуклонно внедряются

[200] См.: *Lyotard J.-F.* Op. cit.
[201] См.: *Dickson D.* The new politics of science. N.Y., 1984.
[202] См.: *Gerber F-P.* Le durcissement de l'idéologie sécuritaire en France: effet du projet utopique de société de l'information? Thèses de doctorat, Université Marc Bloch, 2008.
[203] См.: *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // Логос. – 1997. – № 9. – С. 107-116.

все предсказанные тогда и всё новые формы контроля за обществом. Решение же социальных проблем ограничивается предоставлением всё увеличивающимся массам «лишних» людей компьютерных игр как новых зрелищ и социальной помощи как нового хлеба.

Можно говорить о том, что концептуализация и реализация проекта информационного общества отражают основную траекторию политики основных развитых стран в течение последних 60 лет — усиление регулирования элитарным государством всех сфер жизнедеятельности (экономики, политики, культуры) с целью поддержания внутренней стабильности и обеспечения роста капиталов в конкурентной борьбе на выживание против собственных масс и других государств. Поэтому «Сегодня, как и прежде, владение знаниями может сочетаться с вопиющим неравенством, дискриминацией и социальными битвами»[204]. Основные вопросы о политическом устройстве, социально-экономической системе почти не поднимаются даже в исследованиях. Речь идёт, максимум, об адаптации результатов научно-технического развития к задачам современного государства, а точнее — находящейся у власти элиты, рационализации государственно-монополистического капитализма.

Этот процесс можно описать как монополизацию политики и власти, экономики и культуры, который развивается как естественная тенденция рыночной капиталистической системы по устранению конкурентов и максимизации прибыли. Но эту же монополизацию можно также рассматривать как ответную реакцию на «атомизацию», десоциализацию (и всё чаще — недосоциализацию) всё бóльших масс. Например, позиция Ф. Фукуямы, ведущего сотрудника РЭНД, на которую опирается политическое руководство ведущей современной супердержавы, состоит в утверждении государства в качестве основы общества и порядка в нём или, иными словами, примата структурного функционализма безотносительно от ценностей, которые оно исповедует. Отсюда его вывод о том, что «построение сильного государства — одна из наиболее важных проблем мирового сообщества, так как слабость и разрушение государств служит источником многих наиболее серьёзных мировых проблем: от бедности до СПИДа, наркотиков и терроризма»[205]. Однако, оказывается, что такая идеальная структура всё ещё не известна, в т.ч. аналитикам РЭНД, «что даже в относительно небольших образованиях не существует оптимальной формы организации как в частном секторе, так и в общественном. А также, что не существует универсально удовлетворительных правил

[204] К обществам знания... С. 19.
[205] *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 5-6.

создания организационных структур, а стало быть, государственно-общественное администрирование — это, скорее, искусство, нежели наука»[206].

Монополизация имеет своим следствием сначала окостенение, а затем загнивание системы. Н. Луман описывает, как в современном информационном обществе крайне ограниченно используется имеющаяся информация, особенно при принятии управленческих и политических решений – они часто принимаются без обсуждения, на основе личных контактов. Поэтому и столь слаба связь между развитием информационных систем и экономической эффективностью[207].

Сегодня специалисты ЮНЕСКО определяют, что критерии оценки информации зависят от культурологической, религиозной или социальной среды, в которой такая информация распространяется. Разброс критериев в пределах одной нации и между нациями огромен[208]. Но, как и в остальных случаях, не учитывают эти подходы при характеристике общественных процессов. В такой ситуации справедливо выглядят сомнения насчёт новизны происходящего даже у её сторонников, поскольку «история и антропология свидетельствуют, что с самой глубокой древности все общества, вероятно, были — каждое по-своему — обществами знания»[209].

Таким образом, в настоящее время можно согласиться с точкой зрения Ф. Уэбстера о том, что «хотя в качестве эвристического термин «информационное общество» обладает некоторой ценностью для исследования основных характеристик современного мира, всё же он слишком не точен, чтобы принять его как научную дефиницию»[210]. Более этого, имеются веские основания поддержать мнение Г. Бехманна о том, что «термин «информационное общество» представляет собой скорее политическую программу, чем «теоретическое понятие»[211]. Современные концепции информационного общества представляют собой особый феномен – своего рода мозаичную совокупность социологических теорий среднего уровня, основанных на изучении различных форм информации и обмена ею в обществе, появившихся и развившихся как попытка осмысления стремительного научно-технического и социального развития XX в., особенно его второй половины. Эта совокупность связана с традициями европейской рационалистической социологической и философской мысли и особенно с наукой XX столетия и может быть охарактеризована как реакция на научно-техническую революцию в сфере информационно-коммуникационных технологий, т.е. как результат осмысления в

---

[206] *Там же.* С. 81.
[207] См.: *Луман Н.* Решения в «информационном обществе»…
[208] См.: Всемирный доклад ЮНЕСКО о коммуникации и информации. 1999–2000 гг.
[209] К обществам знания... С. 19.
[210] *Уэбстер Ф.* Указ. соч. С. 30.
[211] *Бехманн Г.* Указ. соч. С. 106.

русле западного рационализма нового этапа научно-технической революции в сфере ИКТ (достижение мгновенной скорости передачи информации любому актору, находящемуся в любом месте; создание и хранение практически неограниченных массивов данных, представленных в электронной форме). На фоне усложнения социокультурной динамики на рубеже тысячелетий современные концепции информационного общества характеризуются такими теоретическими и методологическими трудностями, как неразработанность собственной терминологии, методологический эклектизм, преобладание технократического подхода, уход от выявления своих ценностных оснований. Крупнейшим методологическим просчетом авторов этой группы концепций является их ориентация на подмену изучения общественных отношений исследованием информации и производства знания «как таковых» и, как следствие, предложения не столько социальных, сколько технократических и технологических вариантов решения общественных проблем.

1.3. К рефлексивному дискурсу дипломатической службы: история и современность специфического социально-политического информационного и коммуникационного процесса

Дискурс, по М. Фуко, – это закрепление в культуре посредством языка конкретных социальных смыслов, языковая интерпретация социальных, человеческих действий[212], ядром которого («дискурсивного поля») является *эпистема* – «смысловое ядро», содержащее исторически социально обусловленные системы знаний, особые для разных эпох. Идея дикурсивного поля близка юнговскому «коллективному бессознательному» с той разницей, что дискурс хотя и обезличен, но всё же оформлен – в языке, словами которого и выражены, зафиксированы такие социокультурные артефакты, как ценности, мораль, научные понятия и проч. Отсюда мнение М. Фуко о примате ретроспективного анализа словесно оформленных смыслов, «археологии» элементов дискурсивного поля над форматом причинно-следственных связей, которые не могут быть установлены в связи с другой природой слов (понятий, суждений, умозаключений), отличной от природы вещей, тем более, что эпистема иррациональна, будучи результатом социокультурной практики живых, конкретных индивидов, а не их теоретизирования. И это представляет собой важное дополнение концепции развития рациональной коммуникации Ю. Хабермаса. Т.е. хабермасовское понятие дискурса как описания, репрезентации проблемы у М. Фуко предстаёт как результат некоторого решения проблемы, затруднения, столкновения интересов, силового конфликта, выражаемый в смысловой языковой форме.

[212] *Фуко М.* Археология знания. К. : Ника-Центр, 1996. С. 26.

Уже Ф. де Соссюр в своей теории языка различал его как структурированную знаковую систему (langue), как практическое говорение (parole) и как социокультурно обусловленную коммуникацию акторов (langage). М. Фуко сделал акцент на исследование связи дискурса и власти, определив его в этом смысле как структуру и содержание, определяющие не только знания, мировоззрение, правила высказываний, но и сами способы мышления актора. Причём властный, силовой характер дискурса заключается в том, что он может быть только один – доминирующий для конкретного актора конкретной эпохи[213]. Отсюда борьба дискурсов, их смена в зависимости от баланса сил, властных отношений в обществе, фукианское «Дискурс это не просто то, что транслирует борьбу или систему доминирования, но то, за что и посредством чего ведётся борьба; дискурс – это власть, которую необходимо захватить»[214].

Этот исследовательский инструмент необходим для изучения феномена возникновения и процесса развития европейской *дипломатии* от средневековой к современной, который уже не одно столетие привлекает внимание не только историков, но всё более социологов, культурологов, политологов. Продолжается изучение, и публикуются результаты масштабных изысканий становления дипслужбы, формирования профессии посла, складывания сообщества дипломатов как особой социальной группы с XVI, XIII веков и даже ранее. Востребованность и постепенное развитие задач и функций посла и дипломатии в целом появились вследствие изменений позднесредневековой политической карты Европы в результате частых и многочисленных *войн* и *конфликтов*, желание остановить которые и стало *стимулом возникновения и профессионализации* дипломатической службы, как в своё время – возникновения и профессионализации службы военной и юридической.

Дипломатия не равна международной деятельности суверенных участников международных отношений и тем более международным отношениям вообще. Между народами и странами существуют торговля, туризм, культурные, научные и семейные контакты и связи, конфликты и войны. Дипломатия же – это *вид* международной деятельности, *инструмент* открытого, законного (легального) сбора открытой, публично доступной информации посредством открытой, легальной же коммуникации (контакты с властями, с обычными гражданами, общественным мнением; переговоры, обмен информацией) и рефлексии относительно информации. Результатом дипломатической рефлексии является формирование общего, целостного видения, восприятия, понимания страны пребывания у своего руководства и своей страны – у руководства (а также

[213] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977.
[214] *Foucault M.* The order of discourse / R. Young (ed.) Untying the text: A post-structuralist reader. London: Routledge, 1981. P. 48-78, 52-53.

общественного мнения) страны пребывания, состояния и потенциала дву- и многосторонних отношений и набора соответствующих предложений и прогнозов. Всё остальное относится либо к обычной коммуникации между субъектами разных государств (от граждан и компаний до других государственных органов) с соответствующими частными целями, либо к специфической, например, разведывательной деятельности. Конечно, в военных целях, которые долгое время были приоритетными в деятельности каждого государства, может использоваться любая информация, в т.ч. дипломатическая. Также как и дипломатическая служба может использовать для своих целей самую разную – не только дипломатическую информацию.

Задачи дипломатической службе, как части *госаппарата* (а до его формирования – некоторым доверенным слугам монарха, как носителя суверенитета), формулируются высшим политическим руководством государства. Эти задачи: *передача* определённой информации политическому руководству других государств (поручения по коммуникации) и *создание* информации об этих государствах и отношениях с ними посредством сбора, рефлексии и производства информации (информационные поручения – по сбору сведений, их изучению, производству аналитических и синтетических документов – справок, отчётов, прогнозов, предложений). Дипломаты в первом случае исполняют «почтовые», коммуникационные обязанности. Во втором – *наблюдают* разрешёнными, согласно международным договорам, обычаям и принципам, методами (формируют источники – человеческие контакты и материальные носители информации (книги, справочники, средства массовой информации и коммуникации, СМИК), исследуют их «пассивно»[215] – слушают, смотрят, читают и «активно» – спрашивают, выясняют), *перерабатывают* собранные сведения (анализируют, сравнивают, определяют, классифицируют, обобщают), *создают документы*, *констатирующие* текущую ситуацию, *прогнозирующие* варианты её развития, *предлагающие* действия (или воздержания от них) для достижения поставленных высшим политическим руководством целей, и *рефлексируют* относительно всего этого сложного процесса и его результатов.

Необходимо вновь акцентировать, что *дипломатическая служба*, при любых её определениях, описании полномочий и задач, является *инструментом* высшей политической власти суверенного государства, не самостоятельным институтом внешней политики, а её *исполнителем*, хотя в определённых пределах и привлекаемым для её формирования. При этом необходимы ещё две существенные оговорки (чтобы избежать недоразумений и двусмысленностей). Во-первых, само высшее политическое руководство

[215] В действительности и эта часть работы активна, поскольку дипломаты во многом сами *выбирают* и эти источники информации.

государства, как субъекта международных отношений (в контексте которых и рассматривается в данном случае дипслужба), также может выполнять и на практике выполняет дипломатические функции. Во-вторых, дипломатическая служба, исполняя решения высшего политического руководства, конечно, оказывает влияние на формирование внешней политики. Но это влияние имеет сложную, непрямую траекторию (в виде предложений, замечаний и проч.), и противоречивый, а иногда и обратный результат. Т.е. результат, конкретный в каждой конкретной ситуации (хотя и в значительной степени предсказуемый – в зависимости от понимания дипломатами общей, а не только узкоспециальной ситуации и соответствующей подачи своей информации и предложений). В то время, как влияние высшего политического руководства на дипслужбу носит императивный характер, оформлено в виде указаний для безусловного исполнения, а не предложений для обсуждения.

Дипломатия в широком смысле – как не силовой, не военный, но *переговорный* способ решения проблем между субъектами с разными позициями, существует столько же, сколько и общество. В методологическом плане для исследования данной проблематики существенное значение имеет подход одного из наряду с М. Вебером, основателей «понимающей социологии», Ф. Тённиса, определившего задачей своей науки «познать и изучить не только те умонастроения и движущие силы, которые соединяют одних людей с другими, удерживают их вместе, побуждают или стимулируют их к совместным действиям и взаимодействию, но и, прежде всего, возникающие вследствие этого продукты человеческого мышления, необходимые для сохранения и поддержания общей сущности»[216]. Кроме того, плодотворной в нашем контексте является стремление этого социолога рассматривать общественные отношения, позиции акторов с применением категорий «знание» и «незнание», а также «знакомость» и «чуждость»[217]. Это тем более актуально в связи с современными процессами ускорения миграции и межкультурной коммуникации, проблемы которых связаны именно с факторами определения и понимания *Другого*, независимо от того, идёт ли речь о собственных гражданах или о мигрантах.

Конечно, первоначальные договорённости, которые можно определить как дипломатические, носили устный характер и требовали свидетелей. Посольства, как инструменты передачи информации посредством направления послов с устным или письменным посланием, а возможно и определёнными полномочиями для переговоров, практиковались исстари, ещё и до появления государственных институтов. Дипломатия в

[216] *Тённис Ф.* Общность и общество // Социологический журнал. – 1998. – №3/4. – С. 333-357.
[217] Там же.

узком смысле, как профессиональный вид такой деятельности между общественными, тем более государственными институтами, очевидно, появляется после возникновения самих таких институтов – государств, лидеры которых постепенно осознают не только потребности в дипломатических средствах отношений с другими, но и поручения этих задач соответствующим специалистам. Дипломатическая служба, как специализированный институт – это уже инструмент государства, причём на достаточно высокой ступени его развития[218].

В этой связи, дипломатическая служба, несмотря на свою специфику (отношения с другими странами, использование иностранных языков, изучение других культур), появилась, развивалась и оформилась в современном виде в процессе и в рамках становления государственного аппарата вообще, т.е. постепенно, по мере появления государств и их профессиональных, чиновничьих аппаратов. И прежде чем такие формальные отношения установились с далеко расположенными странами, они возникли с непосредственными соседями – в будущем своими, но в начале – просто с другими полюсами *силы* – племенами, городами, местностями, областями и проч., постепенно оформившимися в носителей *суверенитетов*. С этой точки зрения, не только тогда, но и сегодня отношения с собственными провинциями мало чем отличаются от отношений с другими странами, тем более небольшими (не говоря уже о сохранившихся до сих пор княжествах и городах-государствах). Они также находятся иногда на весьма удалённом расстоянии от столицы и даже могут однажды войти в состав государства, как те, которые уже в нём оказались к настоящему времени. Причём, после, в своё время потери, монархами персонификации суверенитетов в пользу народов (посредством избираемых ими представителей), и в свете проводимой, в частности, в Европе политики *регионализации*, можно прогнозировать и обратный процесс – воссоздания дипломатических отношений каждой европейской столицы с собственными регионами и между ними. Даже общий язык – это достаточно поздний феномен, закрепившийся фактически с созданием грамматики, массовым образованием и прессой в XIX в., распространившими его на территориях, контролируемых центральной властью. Но и сегодня, если не разными в каждой деревне и местности, то весьма многочисленными остаются языки и тем более диалекты в любой стране Европы. Отношения же *межгосударственные*, ставшие только постепенно, по мере образования *наций, международными*, это в своей сути отношения только между носителями суверенитетов.

[218] Поэтому в начале мы говорим об общественных институтах вообще, а не только государствах. По мере развития, подобия дипслужб, а также и силовых, разведывательных, кадровых органов и подразделений появляются и во многих негосударственных институтах, осознающих, таким образом, сходные проблемы. Это и отделы внешних связей министерств, и крупные корпорации, и организации культурного, образовательного, научного характера.

А таковыми были отнюдь не только крупные государства, но и другие, включая города-государства и физических лиц, в т.ч. потенциальных государей. Этимологический смысл слова «общество» (société) из латинского и французского языков[219] – «общее» – близок к смыслу *коммуникации*, которая есть *действие*, производящее *общее* знание, понимание предмета, а общество есть *результат* коммуникации, а также сам этот общий предмет, мысли о нём – т.е. общие интересы, ценности, дело[220]. Такое же рассмотрение слова «государства» (état) позволяет определить его смысл как некоторое *состояние* и *вид* этого состояния, в социологическом смысле – тип государства, правительства, общества, а также социальное положение отдельного индивида[221].

Госаппарат вообще, как инструмент *замещения* главы государства в его сношениях с другими носителями суверенитета (т.е. не обязательно иностранными, иноязычными), складывался вследствие двух факторов – увеличения удалённости *собственных* управляемых объектов (вследствие роста количества контролируемых территорий и населения после их захватов) или других – суверенных (не всегда иноязычных и, возможно, только пока самостоятельных, в отношении которых строились планы по поглощению), и увеличения количества *информации* относительно отношений с ними (правоустанавливающих документов, экономической, статистической, военно-политической информации и проч.). Но ещё практически до конца Средневековья основные вопросы решались на *личных встречах* королей и гораздо более многочисленных принцев. И даже такая часть информационной работы, как выяснение ситуации в других странах, выполнялась преимущественно также лично: главы королевств и княжеств совершали с этой целью соответствующие поездки[222]. Только с XVII в. эта практика сходит на нет (хотя не без исключений, причём даже таких крупных, как поездка Петра I в Европу), и большинство дипломатических функций, в первую очередь, информационные, переходят к послам. Они постепенно становятся постоянными

---

[219] Larousse [Электронный ресурс] URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/société/73150#IBjtdfUTmmDKQ5GT.99 (дата обращения: 12.02.2015); Centre National de Ressources Textuelle et Lexicales, CNRTL (Портал Национального центра текстовых и лексических ресурсов (НЦТЛР), созданный в 2005 г. при Национальном центре научных исследований (НЦНИ) Франции (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), объединяющим государственные научно-исследовательские организации под управлением Министерства национального образования, высшего образования и научных исследований (Ministère de l'Éducation nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche). [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/société (дата обращения: 14.02.2015).

[220] То, что речь идёт о группе людей, индивидов подразумевается тем, что мысли, коммуникация свойственны только людям, причём, начиная только с определённого биологического и социального возраста.

[221] Larousse…; CNRTL...

[222] Один из главных инструментов *закрепления* дипломатических усилий также имел личный характер – это была организация соответствующего внешнеполитическим целям *брака*. В тоже время, уже с VI в. существовал институт легатов – послов Папы, который во многом послужил образцом для создания и светских европейских дипслужб.

представителями монархов за рубежом и переговорщиками от их имени, всё чаще общаясь со своими властелинами посредством шифрованной курьерской почты. Такие полномочия послов при иностранных дворах, подтверждённые верительными грамотами (личным письмом одного монарха другому по поводу доверия послу, как говорящему и слушающему от его имени), т.е. *статус доверенных лиц* предполагал их соответствующее – аристократическое происхождение и приближённое к монархам положение в своих странах. Но также и определённые способности, а точнее – навыки вести дела, для которых они направлялись за границу.

Формирование дипломатических служб, как *сетей* загранпредставительств, и *центрального аппарата*, подчиняющихся монарху, вследствие усложнения внешнеполитического пейзажа потребовало соответствующего *информационного и коммуникационного ответа* – материального, письменного (в т.ч. карты, рисунки, портреты и проч.) расширения индивидуальной человеческой памяти, ведения досье, фиксации чужих и собственных позиций и договорённостей, оценок, планов. Постепенно были сформированы обширные архивы дипломатических и юридических документов. Поскольку Европа позднего Средневековья и начала Нового времени насчитывала более тысячи политических единиц (многочисленные города-государства, республики, княжества современных Германии, Италии, Франции и др., но также свергнутые правители, претенденты на престолы из числа принцев и проч.), то такие архивы, во-первых, постоянно и быстро росли, а во-вторых, носили секретный характер, поскольку войны продолжали быть средством достижения внешнеполитических целей, несмотря ни на какие дипслужбы.

В исторической, политической и социологической науках продолжают высказываться различные точки зрения о дате и даже эпохе образования дипломатических служб в разных государствах. Тем не менее, все, в общем, согласны, что в любом случае, это был длительный процесс. Такой подход позволяет проследить и понять, как собственно *дипломатическая* функция только *постепенно* выделилась из более общей *административной* функции госаппарата, которая развивалась как *общегосударственная*. Термин «дипломатия» и производные от него были введены в обращение в ещё дореволюционной Франции, но сначала не употреблялись в современном значении. Современный толковый словарь французского языка, сменившего в XVII веке латынь в качестве дипломатического, определяет *дипломатию*, как:

-раздел политологии, посвящённый международным отношениям;

-деятельность и способ представления своей страны в иностранном государстве и на международных переговорах;

-функция, карьера того, кто используется для этого представления; сообщество, образованное такими должностными лицами;

-внешняя политика страны, правительства;

-умение, ловкость, гибкость, предусмотрительность в общении или в трудном деле: Ему не хватало дипломатии в этом случае[223].

Ни одно из этих определений не описывает полностью объект настоящего исследования. Однако, второе и пятое имеют некоторые элементы, входящие в множество аспектов, рассматриваемых с помощью информационного подхода.

Согласно Британской энциклопедии, «Дипломатия – это сложившийся метод влияния на решения и поведение иностранных правительств и народов посредством диалога, переговоров и других мер, не связанных с войной или насилием»[224], что также предполагает приоритет информационной и коммуникационной проблематики.

Существует также широко известное и общепринятое определение *задач* деятельности дипломатов за рубежом, закреплённое в «Венской конвенции о дипломатических сношениях» от 18 апреля 1961 г. (Статья 3):

«1. Функции дипломатического представительства состоят, в частности:

a) в представительстве аккредитующего государства в государстве пребывания;

b) в защите в государстве пребывания интересов аккредитующего государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом;

c) в ведении переговоров с правительством государства пребывания;

d) в выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщения о них правительству аккредитующего государства;

e) в поощрении дружественных отношений между аккредитующим государством и государством пребывания и в развитии их взаимоотношений в области экономики, культуры и науки»[225].

В дореволюционной же Франции современный нам дипломат назывался переговорщиком, а дипломатия – искусством *переговоров*. Классические произведения того времени, посвящённые этой теме, это – «Как вести переговоры с суверенами»[226], «Рассуждение об искусстве переговоров»[227] и т.д. Т.е. основным занятием дипломата

---

[223] Larousse [Электронный ресурс] URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/diplomatie/25729?q=diplomatie#25605 (дата обращения: 12.10.2015).

[224] *Marks S., Freeman Ch. W.* Diplomacy / Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] URL: https://www.britannica.com/topic/diplomacy#toc59476 (дата обращения: 07.07.2014).

[225] Венская конвенция о дипломатических сношениях …

[226] *Callières F. de.* Op.cit. В современной России переводится по-разному: *Кальер Ф*. О способах ведения переговоров с государями. М. : Гендальф, 2000*; Кальер Ф*. Каким образом договариваться с государями. М. : МИА, 2001.

[227] См.: *Pecquet A.* Discours sur l'art de negocier. P. : Nyon fils, 1737.

считалась *коммуникация*, общение. Сами слова «дипломатия» и «дипломат» появились (что довольно редкий в языке случай) как производные от прилагательного *дипломатический*, употреблявшегося в отношении международных договоров и означавшего наличие их письменной, надлежащим образом оформленной версии. В свою очередь, это прилагательное было образовано от др.-греч. существительного δίπλωμα – диплома (рус. диплом), письменный документ в виде двух связанных, соединённых дощечек, пластинок, листов. Именно этот смысл содержится в названии Дипломатического сборника договоров международного права 1726 г.[228], т.е. сборника, содержащего письменно оформленные договоры между государствами. Энциклопедии конца XVIII в. определяли диплом, как *юридический* термин, которым назывался документ, как правило, производимый королём, реже – лицом рангом ниже, теперь же – официальный документ, подобный патенту или нотариальному акту. Его смысл выводился предположительно из древнегреческого, обозначавшего дубликат, копию[229] (т.е. по одной для каждой из договаривающихся сторон). Прилагательное «дипломатический» относилось к знанию истории, когда и как эти дипломы, т.е. договора, производились, а также к искусству определять подлинные дипломы, отличать их от фальшивых или ненадлежащее оформленных[230].

Современная Британская энциклопедия также указывает, что термин *дипломатия* пришёл через французский язык из древнегреческого *diplōma*, состоящего из *diplo*, означающего «сложенный вдвое», и *-ma* – «предмет». Сложенный документ предоставлял некую привилегию – часто разрешение на путешествие, и этот термин стал обозначать документы, которыми принцы предоставляли такую льготу. Позже он стал применяться ко всем торжественным документам, издаваемым канцеляриями, особенно соглашениям между суверенами. Позднее дипломатия стала отождествляться с международными отношениями, и прямая связь с документами утратилась (за исключением дипломатики – науки об установлении аутентичности старых официальных документов). В XVIII веке французским термином *дипломат* («diplomat» или «diplomatist») стали определять человека, уполномоченного вести переговоры от имени государства[231].

Как выяснил А. Утрей, слово «дипломатия» впервые встречается в 1791 г. в статье Ланге (Linguet), а в 1798 г. появляется в академическом словаре[232]. В 1809 г. Ж.-Б. Р. де Флассан публикует первую историю французской дипломатии, в которой даёт, можно

---

[228] См.: *Dumont J.* Corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam : Chez P. Brunel, 1726.
[229] См.: *Félice F.-B. de.* Code de l'humanité, ou la législation universelle, naturelle, civile et politique. Yverdon, impr. Felice, 1778. Tome IV. P.628.
[230] Ibid. P. 628-629.
[231] См.: *Marks S., Freeman Ch. W.* Op.cit.
[232] *Outrey A.* (I) Op.cit. P. 299.

сказать, «мидовское» определение новому термину: «дипломатия – это … наука о внешних отношениях, имеющая своим предметом *дипломы* или письменные акты, исходящие от суверенов… Дипломатия – не дипломатика, которая имеет своим предметом знание договоров, их возраст, их аутентичность»[233]. Согласно современным лингвистам, существительное «дипломат» сначала было употреблено в смысле «ловкий в отношениях» (1789 г.), а затем в нынешнем значении – тот, кому поручена миссия в отношении иностранного правительства (1792 г.)[234].

Таким образом, общий смысл дипломатии, как целенаправленной деятельности суверенных субъектов, состоит в *определении* (посредством переговоров – для одинакового понимания участниками существа дела и достижения согласия по конкретным позициям, точкам зрения, решениям) и *закреплении общих* для двух или более участников *обязательств*, оформляемых в дипломатическом документе (дипломе, т.е. в двух или более идентичных экземплярах – для каждой из сторон, участвующих в договоре). В таком случае, дипломатическую службу следует определить, как специализированный механизм, часть государственного аппарата, осуществляющую эту деятельность (выполняющую дипломатические функции) по поручению и в интересах своего суверена (монарха, государства, народа).

Независимо от терминологии, так понимаемая дипломатическая деятельность, тем более, в рассматриваемом в данном случае информационном смысле, велась и до введения в употребление этого термина в его современном значении. Хотя некоторые исследователи считают, что о дипломатии в современном смысле можно говорить только с появлением постоянных посольств, т.е. примерно с XV в. Однако, и до того, не только коммуникационные функции (передача посланий), но и функции информационные (наблюдение, составление отчётов и предложений) также объективно выполнялись – в ходе разной длительности поездок глав государств, послов и других дипломатов, которые и сегодня – при наличии посольств, постоянных представительств и консульств, также активно практикуются.

Наоборот, сама институционализация дипслужбы – формирование МИД и посольств определялось и определяется сущностью информационного процесса. Во-первых, одному человеку (в монархии – монарху) невозможно постоянно заниматься изучением дел в других странах, поскольку есть ещё и дела своей собственной страны. Во-вторых, прямая, непосредственная коммуникация, т.е. общение с главами других государств, требует перемещения в пространстве. Оставление же своего престола на время, тем более

---

[233] *Flassan G. de R. de*. Op. cit. P. 5.
[234] CNRTL [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/diplomate (дата обращения: 14.10.2015)

значительное, чем дальше находится государство, с которым предполагаются переговоры, дело рискованное. Приглашение другого монарха к себе влечёт такие же риски для него и потому не может осуществляться с осторожностью, редкостью и на основе взаимности (отсюда происходит одна из основ главного принципа дипломатии – *взаимности*). Здесь надо сказать, что транспортные технологии, конечно, развиваются. Но только как часть общего научно-технического развития. Как следствие, создание возможностей путешествовать быстрее, чем на лошадях, в частности, на кораблях, автомобилях и самолётах, шло параллельно развитию и другой техники, в т.ч. систем связи и вооружений. Т.е. уменьшение времени путешествий и даже обеспечение его постоянной связи с подчинёнными не решают кардинально проблему рисков отсутствия главы государства в своей резиденции (хотя гарантии ото всех неприятностей не даёт и постоянное присутствие в ней, но эта тема – за рамками обсуждаемых вопросов). Решением вопроса коммуникации со всё более удалёнными и многочисленными контрагентами стало формирование особой социальной группы, состоящей из доверенных лиц, способных не только к сохранению информации (в прямом и переносном смыслах), но и к выполнению остальных информационно-коммуникационных задач.

Ещё одна задача дипломатической службы – *отслеживание (по существу, рефлексия) соблюдения* договорённостей – заключённых *договоров*, тех самых «дипломов», от которых название закрепилось и за всей службой. Но кроме наблюдения за фактическим их выполнением, это также отслеживание косвенных признаков стабильности или изменения ситуации или намерений такие изменения совершить и, при необходимости – внесение предложений об изменениях договоров. Между договором и его аннулированием есть ещё целый спектр действий по его выполнению или невыполнению в определённых пределах, которые не могли быть предусмотрены или вводятся, апробируются в связи с новыми реалиями. Поэтому дипломаты отслеживают, а принимающие дворы производят в отношении них также *отношение* к дипломатам – *формальные* и *неформальные,* но определённого смысла *послания* монархам, направившим своих доверенных лиц к чужим дворам. Специфический *дипломатический язык* в прямом (слова и выражения, форма и содержание речей и документов) и переносном (церемонии, жесты, протокол, уровень и частота контактов, поведение в целом) смыслах – это результат с самого начала специфического статуса дипломатических агентов. Как ранее парламентёры, они приезжают открыто, как представители другого государства, монарха, уже или пока только потенциально враждебного, как в военном плане, так и с точки зрения торгово-экономических интересов. Даже если в настоящее время заключён «стратегический» или тем более тактический мир, краткосрочный мир по

тем или иным конъюнктурным, текущим соображениям. В условиях постоянных войн и конфликтов, изменения союзнических и противоборствующих конфигураций государств, квазигосударств и других политических сил, принимающих участие в межгосударственных отношениях, пребывание в чужой стране официального представителя державы (а именно они могли себе позволить и сформировали дипслужбы) всегда содержало существенную долю риска. Отсюда развитый институт иммунитетов дипломатов, тем более, что как доверенные лица руководителей государств, они выбирались из их ближайшего окружения, если не из родственников. Отсюда же и специфический дипломатический язык, поскольку сообщение, пусть и опосредованное послом, по существу является обращением к пославшему его монарху. Т.е. требуется сдержанность, если нет намерения разорвать отношения, но в тоже время передача сообщения об изменении своего отношения в ту или иную сторону. Собственно, прежде всего, не сами слова (хотя они тоже имеют значение), а *изменения* в лексиконе, употреблении слов и поведения в целом и принимаются во внимание, интерпретируются и докладываются своему руководству

Кроме «дипломатии», ещё одним ключевым термином в рассматриваемом вопросе является «посол», «амбассадор» (ambassadeur). «Посольство» ведёт своё происхождение от латинского ambaxade, ambayade – послание, поручение (миссия)[235]. Употребление термина «посол» (*ambassadeur)* прослежено с начала XIV в. (*embassator)* – посланный с миссией к иностранному правительству[236]. Таким образом, смыслы этих терминов восходят к одной и той же задаче – выполнению поручения своего хозяина, конкретно – по передаче послания другому высокопоставленному лицу. Эти примеры являются показательными в рамках концепции «спирали означивания» культуральной социологии Дж. Александера. Однако некоторые современные историки полагают, что первостепенной задачей посла была всё-таки представительская – замещать своего монарха. Послы представляли монарха, поэтому «дипломатия это, прежде всего, статус, достоинство, и только затем функция или профессия, поскольку она сначала требует *быть*, а не *делать*» (курсив наш – Н.Л.)[237]. И такая практика была традиционной в первый период современной дипломатии, т.е. примерно с XV по XVII вв. В то время, как постоянные посольства, выполняя, конечно, и представительскую функцию (постоянное символическое представление короля в другой стране по случаям коронаций, свадеб,

[235] *Roquefort J.-B.-B. de*. Glossaire de la langue romane. P. : De Crapelet, 1808. P. 56, 432.
[236] Подробно см.: *Литвак Н.В*. Информационные процессы в современной дипломатической службе. Опыт Франции. Монография. М. : «МГИМО-Университет», 2016.
[237] *Bazouni Y.* Le métier de diplomate. P. : Harmattan, 2005. P. 17.

ратификации договоров), имели ещё одной основной задачей как раз информационную – постоянное наблюдение и сбор данных[238].

1.4. Дипломатические информация, коммуникация и их рефлексия как социально-политические феномены

Природа сведений, собираемых, обрабатываемых и производимых дипломатами («информация»), их *качество* и *количество, зависят от мировоззрения и целей заказчиков информации и самих дипломатических агентов*, выполняющих поставленные им задачи, т.е., в конечном счёте, от их *рефлексии*.

Социально-политическое содержание дипломатической информации

Качества сведений, информации необходимо рассмотреть в двух аспектах: во-первых, *что* необходимо выяснить, узнать дипломатам в соответствии с общим *представлением политиков о факторах, определяющих главное, по их мнению*, а именно – *о военно-политическом потенциале* народов, стран, местностей, которые можно захватить, или которых следует опасаться. Т.е. какая информация считается важной в соответствии с текущими политологическими, социологическими, экономическими концепциями. Качественно и количественно такая шкала построена от задания выяснить *конкретную* информацию, например, где и какие именно расположены войска, до *общей* установки доносить «обо всём», что может представлять интерес для своего государства – от возможностей для развития двусторонних отношений до выявления и предупреждения угроз. Такая постановка задачи вызвала постепенный рост количества документов, создание архивов и налаживание работы с ними. Второй аспект касается самой информации, а именно – *какая информация,* какие документы считались и считаются качественными, хорошими, отвечающими ожиданиям их заказчиков. При этом содержание подготавливаемой для Центра (заказчика) информации и форма её подачи могут оказывать и оказывают (по обратной связи, рефлексии) влияние на позиции, мнение, восприятие ситуации высшим политическим руководством. Т.е. при изучении деятельности дипслужбы надо постоянно иметь в виду такой фактор, определяющий направление её работы, как позицию высшего политического руководства.

Энциклопедии XVIII в. всё ещё определяли *информацию* как юридическое, прежде всего уголовное, расследование и результаты этого расследования, т.е. документально зафиксированные данные, факты[239]. Современными лингвистами появление и изменение слова «информация» прослежены из цитат о *юридических* документах с 1274 г., когда

---

[238] Ibid.

[239] См., например: *Diderot D., Alembert J. Le R. d*. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de letters. P. : Briasson, 1766. Tome 8. P. 738-739.

информация означала расследование уголовного преступления, проведённое властями. С 1360 г. информация трактуется шире юридической, и означает «сведения, получаемые о ком-то», а с 1500 г. – «совокупность знаний, собранных по данному вопросу». С 1495 г. так называли «действие по приданию формы», производное от латинского *informatio* – рисунок, эскиз, концепция[240], и с первой трети XIX в. информация – это также действия и результаты действия по сообщению кому-либо чего-либо, каких-либо сведений, сбору сведений, их распространению публично[241].

Для исследования информационных процессов в дипслужбе важно изучить и информацию о самой информации (её сборе и обработке). Нижеследующий обзор основных произведений по дипломатической тематике, расположенных в хронологическом порядке (поскольку каждое следующее сочинение составлялось после прочтения предыдущего) посвящён их *информационной* части, т.е. не всему содержанию, а только описанной в них работе с информацией.

Большинство специалистов считает первым произведением, которое можно охарактеризовать как справочник и учебник по дипломатической практике, уже упоминавшуюся книгу Б. де Розье. Однако она, несмотря на широкий перечень рассмотренных вопросов (определение термина «посол», качеств, необходимых для посла, причин направления послов и их полномочий, статуса и привилегий, советы по ведению переговоров), она всё же очень краткая. С начала XVII в. дипломаты начинают публиковать уже разработанные труды. С появлением и развитием дипслужбы, увеличением количества послов и их помощников, сотрудников-специалистов, возникла необходимость относительно массовой подготовки кадров по определённым стандартам относительно понимания существа работы и её методов. Специфика задач позволила понять, что происхождения и преданности монарху в данном случае не достаточно.

На французском языке первый в современном понимании учебник по дипломатии – «Посол»[242] – в 1603 г. выпустил профессиональный дипломат *Ж. Отман*. Широко используя примеры из античной истории и философии (в частности, «Государства» Платона), как образцы дипломатии, глубоко разработанной и активно применявшейся, по его мнению, уже в то время, он формулирует и аргументирует собственное определение сущности деятельности современного ему посла. Это – выполнение *воли монарха* по *ведению переговоров и наблюдение за исполнением заключённых договоров и общей ситуацией в стране*, куда он направлен. Отман раскрывает значение переговоров –

---

[240] CNRTL, [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/information (дата обращения: 14.10.2015).
[241] Ibid. [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/definition/information (дата обращения: 14.10.2015).
[242] См.: *Hotman J.* Op.cit.

процесса и «слов» – как важнейшего фактора, и, во всяком случае, не менее важного, чем оружие, войска и даже сами военные действия. Отсюда он выводит особую ответственность посла в общении с политиками других стран, а также при подготовке посланий собственному монарху, не говоря уже о строгом выполнении его инструкций. В тоже время, он настаивал на необходимости оставлять осторожному послу и под его ответственность поле для манёвра, «не связывая ему язык и руки», чтобы он мог действовать согласно обстановке, опираясь, конечно, на понимание интересов своего хозяина и их безусловную защиту. Среди задач посла назван *сбор сведений* о стране пребывания, перечень которых включал форму правления, размеры и границы государства, нравы народа; количество крепостей, кораблей и войск; обычные и дополнительные доходы, богатства; наступательные и оборонительные союзы с другими государствами; торговые потоки, изобилие и плодородие; недовольство народа и придворных, его причины (религиозные или иные); а также что-либо ещё, что могло бы быть против интересов своего государя[243]. *Последовательность*, в которой расположены эти и другие разнохарактерные сведения позволяет заключить, что не только военные (хотя преимущественно) и экономические, но также и некоторые социологические и психологические аспекты уже признавались влияющими на военно-политический потенциал оцениваемого государства. Хотя на тот момент все эти факторы считались более-менее равнозначными, а методики синтеза общего вывода о стране, текущей политической ситуации пока ещё выработано не было. Основными источниками таких сведений являются придворные, с которыми, однако, дипломат рекомендует встречаться изредка и церемониально, тем более с послами других стран (ввиду сложных тогда отношений Франции с многочисленными европейскими принцами и князьями).

Ж.-Б. Кольбер не находился на дипломатической службе, но оказал существенное влияние на понимание существа информации, методологию её сбора и переработки. В своей инструкции по сбору сведений он предложил *наблюдение от общей картины к деталям*, причём, осуществляемое лично, т.е. введя требование *очевидности* информации, её производства *без посредников*, и её осмысления, т.е. фактически *рефлексии*. Кольбер разработал *систематический* сбор данных о состоянии дел в стране самой широкой номенклатуры (хотя ими не удалось воспользоваться), В контексте организации работы с информацией по международным вопросам ввёл обязательную легализацию консулами любого иностранного документа, направляемого во Францию, и любого французского, направляемого в страну, где работал консул. С учётом масштаба морской активности Франции эту работу с информацией можно считать одним из основных ресурсов

[243] Ibid. P. 62-63.

государства того времени, которое (усилиями Кольбера) сумело организовать развитие флота и создание крупных торговых компаний, которые позволили резко расширить торгово-экономическую и *колониальную* экспансию. Эти королевские указы[244], также известные как «морские ордонансы Кольбера», действовали, между прочим, хотя и с изменениями до начала 2000-х годов. Наконец, в 1666 г. именно «Великий» Кольбер основал французскую Академию наук (l'Académie royale des sciences), задачей которой он определил не только развитие наук, но и консультации правительства в этой сфере.

В рукописи для внутреннего использования в МИД 1697 г. «Представление об идеальном после»[245] Л.Р. де Шамуа *социологические* и *психологические* факторы (конечно, ещё так не называемые) выступают уже сравнимыми с военными, определяющими общеполитическую ситуацию, определяют методологию сбора и оценки информации и подготовки отчётов в столицу. Послу того времени давались *инструкции* с изложением поручений и способов их выполнения, включая описание обстановки при дворе, куда его направляли, интересов и умонастроений руководства и линии поведения с ними[246]. Надлежало изучить страну, в которую он собирался, использовав любые доступные письменные источники, а также свидетельства побывавших там людей. Основным источником сведений по-прежнему считались придворные и монарх принимающего государства, с которыми надо было попытаться сблизиться через развлекательные мероприятия, стать «своим» человеком, при котором не стесняются говорить на самые важные темы. Важным, с точки зрения оценки информации, стал постулат о необходимости её соотнесения с информацией из донесений от других корреспондентов, как в стране, так и за рубежом, не слишком доверять тому, что говорят[247]. Новым являлся совет не сторониться, а наоборот – тесно общаться с дипломатами других государств, а также читать *газеты*. Они расценивались как разносчики слухов, однако способный посол мог почерпнуть полезное и из них. Де Шамуа сделал также вывод о возможности определить (в терминологии информационного подхода) *информационное содержание сознания* (ИСС) людей посредством *контент-анализа* текстов.

В содержание дипломатических депеш должна входить, во-первых, *хроника* событий, описывающая детали прибытия к месту службы, церемоний, аудиенций, визитов и контактов. Во-вторых, собственно *сведения*, полученные в ходе этих и других видов коммуникации, отчёты о выполнении поручений в виде записей бесед с цитатами, позволяющими анализ позиций сторон и трудностей, с которыми посол столкнулся.

---

[244] L'Ordonnance royale d'août de 1681 («de Colbert»).
[245] *Chamoy L. R. de*. L'idée du parfait ambassadeur. P. : A. Pedone , 1912. Вышла в России: *Шамуа Л. Р. де*. Представление об идеальном после. М. : Научная книга, 2004.
[246] *Шамуа Л. Р. де*. Указ.соч. С. 52-53.
[247] Там же. С. 64-66, 83.

Кроме того, необходима *рефлексия ситуации*, описывающая *умонастроения* при дворе, влияние и предпочтения крупных местных политиков. В-третьих, и здесь необходимо вновь подчеркнуть новаторский – психологически-рефлексивный подход де Шамуа, предложено описывать и то, *как* прошли встречи, переговоры, как собеседниками были восприняты слова посла и сделаны ответные реплики, включая обороты речи, выражение лиц и настроение по окончании встреч. Наконец, в-четвёртых, необходимо изложение собственной *оценки* вероятности успешного завершения переговоров, своих *выводов*, подкреплённых аргументами[248].

Крупный дипломат *Ф. де Кальер* в своём произведении «О способах ведения переговоров с государями»[249] сделал акцент на изучении *характеров* правителей, наблюдении за ситуацией во дворе и правительстве, детально исследуя наклонности, добродетели и слабости государя, «умонастроения тех, кто пользуется там основным влиянием, министров, с которыми он общается, их привязанности, пристрастия, интересы, стараясь описать их настолько ясно и похоже, чтобы государь или министр, который получит депеши, смог бы также чётко представить себе ситуацию, о которой составлен отчёт, как если бы сам там присутствовал»[250]. Необходимо приводить факты вместе с *контекстом* и – главное – описанием наиболее глубоких, скрытых (secret) *мотивов*, заставляющих действовать тех, с кем идут переговоры[251]. Основной задачей переговорщика является работа по созданию союза между государями или поддержанию такового. Т.е. посол рассматривается теперь не как «глаза и уши» своего монарха или курьер, но как специалист по формированию двусторонних отношений, *наблюдающий* ситуацию, отмечающий новые возможности и *предлагающий действия* по их реализации.

Крупный дипломат *А. Пеке* поставил задачу *информационной работы с собственным руководством*. Король малодоступен, как правило, он принимает посла лишь перед отъездом. Поэтому в деталях политическую линию своего же монарха следует выяснять из встреч с министрами своего правительства. А. Пеке предложил также собирать сведения о стране пребывания следует всегда, даже, если отношения с ней очень хорошие; добавил к классическому уже списку данных *динамические* характеристики, включая *прогноз*: по каким причинам может уменьшиться влияние того или иного министра? Кто может придти на его место? Поставил такие задачи, как определение характера и способностей (génie) *нации*[252] и исследование *баланса* интересов, потерь и

[248] Там же. С. 68-80.
[249] *Callières F. de*. Op.cit.
[250] Ibid. P. 191.
[251] Ibid. P. 192.
[252] *Pecquet A.* Op.cit. P. 65-66, 116-117.

выгод в ходе подготовки к переговорам, поскольку достижение договорённостей возможно только на условиях *взаимности*.[253].

А.М.Б. де Ляготт граф д'Отрив написал учебники по информационной работе для новых сотрудников МИД. Его «Советы ученику Министерства внешних связей»[254] и «Несколько советов молодому путешественнику»[255] неоднократно переиздавались, как отдельно, так и в составе других книг для дипломатов. Изучив материалы своих предшественников, А. д'Отрив предпринимает попытку построить «*информационную систему»* по сбору необходимых данных, максимально технологичную, доступную для исполнения обычным, тем более молодым, неопытным чиновником[256]. Были поставлены такие методологические вопросы, как *обобщение* информации и её общая конечная оценка, общий вывод, информационная картина. Работа по сбору данных должна носить *организованный* характер: осуществляться ежедневно, по определённой схеме, с определёнными целями. В социологическом плане следует обратить внимание на *людей*, а именно – на их *отличия* (моральные – семейные и общественные, религиозные, политические, социальные) от европейцев и остальных народов, которые придётся наблюдать. Следует фиксировать отличия и между *классами* одного и того же народа, проводить сравнение между ними в знании или незнании по различным вопросам, в статусе, неравенстве. Вторым основным объектом наблюдения является *государственная власть* во всей совокупности отношений между нею и её объектами (людьми всех классов), связь, объединяющая общественный интерес с частными. Т.е. главным в предлагаемой системе наблюдения и анализа иностранного государства определяется *политико-социологический* аспект.

Некоторые разработки по сбору и анализу данных можно определить как вполне социологические и в современном смысле. Так, среди вопросов о населении предлагается отмечать особенности языка в городах и деревнях, в зависимости от профессий, от происхождения, от возраста, классы, находящиеся в упадке, и классы развивающиеся; в отношении эмигрантов и иммигрантов – пункты отъезда первых и цели вторых, их самые полезные, самые проблемные, самые многочисленные (группы), их вероятное влияние на настоящее и будущее и проч. Особо следует отметить пункты плана, которые носят характер уже не только сбора данных, но и *аналитики*, и *обобщения*. Таковы, в частности (в комплексе вопросов по управлению) предложения отмечать «хорошее и плохое», вытекающее из отношений между классами, и возможные опасности, т.е. риски, как это

---

[253] Ibid. P. 104-105.
[254] *Hauterive A. M. B. de L. de*. Conseils à un élève du ministère des Relations extérieures. P. : 1800.
[255] *Hauterive A. M. B. de L. de*. Quelques conseils à un jeune voyageur. P. : De l'Imprimerie royale, 1826. P. 3-4.
[256] Ibid.

называется сегодня. Методологической рекомендацией по поводу сбора информации является предложение *контролировать себя*, не показывать намерения разузнать что-либо конкретное и не комментировать наблюдаемое, тщательно отбирая источники сведений. Наконец, третьим объектом наблюдения и сбора информации являются *авторитеты*, известные и популярные люди, причём в любых классах, социальных группах. Заключать отчёт А. д'Отрив предлагает *прогнозом*[257]. Много места уделено и психологии наблюдателя; подчёркнуто, что *наиболее эффективны наблюдения тех, кто хочет* что-либо наблюдать, чем-либо *интересуется сам* и потому может придумать и новые объекты и методы наблюдения. Т.е. он фактически рекомендует и рядовым сотрудникам, и начальникам *рефлексировать*, выявлять и использовать субъективные факторы для повышения качества собираемой информации.

Посол, министр иностранных дел *Ш.М. де Талейран-Перигор* добился замыкания на МИД всех потоков информации – переписки и вообще контактов французских чиновников с представителями зарубежных стран, организовал управление консулами, поставив им задачу систематического сбора и передачи в центр коммерческой и иной информации. Используя по разным данным и разведывательные методы и структуры, Талейран также ввёл в практику методику опосредованного наблюдения, сбора и оценки данных, их вычисления на основе в т.ч. косвенных сведений. Например, он предложил использовать экономическую информацию для выяснения военно-политической ситуации и даже приоритетов и планов английского адмиралтейства, опрашивая с этой целью страховщиков об отправленных и готовящихся к отправке грузах.

Г. де Р. де Флассан в фундаментальном произведении по истории дипломатии описал появление европейских дипслужб в эпоху Возрождения и их развитие вплоть до французской революции. Оценивая, как основной, вклад Ришелье в создание МИД, он отмечал, что в результате усилий кардинала вся Европа оказалась под влиянием массы его дипломатических агентов. И с тех пор нации находятся под их активным наблюдением, видящим всё и проникающим повсюду[258]. Т.е. можно говорить о принципе *тотальности* как *сети наблюдателей*, так и собираемой ими *информации*. Де Флассан специально развил тему субъективного, обосновал необходимость составления личных характеристик, в т.ч. психологических и физиогномических портретов наиболее важных лиц. Его наблюдения и выводы во многом предвосхитили концепции *функционализма* в современной психологии и *операционального кода* в современной политологии. По его мнению, в любом, в т.ч. дипломатическом, *тексте читатель-человек ищет человека-*

[257] Ibid. P. 6-15.
[258] *Flassan G. de R. de*. Op.cit. P. 16.

писателя, как и причину написания этого текста. Т.е. недостаточно привести основные статьи мирного договора, даже сопроводив их описанием предшествующих событий. Необходимо насколько это возможно рассказать и о переговорщиках, о причинах активности сторон, о ходе переговоров, преодолённых разногласиях и эффекте от заключаемого договора[259]. Необходим и учёт личных и групповых связей, прежде всего, между членами королевских семей, которые имеют огромное значение для понимания уже заключённых союзов и договоров и их перспектив. Практическим применением этого подхода является, в т.ч., составление *портретов* значительных политических деятелей, причём *рефлексивных и динамических*. С переменой настроения суверена или его министра можно составить новый портрет, но необходимо размышлять – какой же из них будет правильным? Важнейшим в работе с информацией де Флассан считал понимание, раскрытие *намерений* руководства страны пребывания, иными словами – *прогнозирование*. Дипломат настаивает также на *комплексном сравнительном* подходе. Во-первых, не следует опираться на донесения только одного посла или переговорщика, но изучить и *сравнить все* мнения, изложенные теми, кто в курсе дела, включая экспертов, как мы сказали бы сегодня. Во-вторых, не следует ограничиваться только этими *мнениями*, но собирать и изучать все *официальные документы*, публикуемые дворами. Он обращает внимание на тот факт, что, как правило, в них обязательно отражены основные позиции государства. Комплексный подход состоит в необходимости рассматривать все эти факторы в совокупности, чтобы из движения войск, официальных заявлений, бесед с суверенами, неосторожно обронённых слов, из, казалось бы, легкомысленных обстоятельств, обнаружить ход событий, скрытых от не видящего дальше собственного носа человека, предсказать направление их развития и последствия[260].

Де Флассан предупреждает дипломатов о масштабной информационной войне, которую необходимо учитывать при сборе и исследовании данных. Вражеские правительства или на их деньги в массовом порядке выпускают различные тексты (памфлеты) с самыми различными измышлениями. Ещё одной категорией таких «сведений» является «утечка» якобы перехваченных секретных дипломатических депеш или даже договоров, на самом деле ложных, преднамеренно сфабрикованных. Он отмечал также, что большое количество документов почти также ставит в затруднение, как и полное их отсутствие. Многочисленность материалов и продолжительные размышления над ними часто порождают только сомнения[261]. Т.е. фактически был поставлен вопрос о

[259] Ibid. P. 40-41.
[260] Ibid. P. 24, 25, 36.
[261] Ibid. P. 26, 37.

необходимости не только рефлексии событий и информации о них, но и *саморефлексии* дипломатов, составляющих документы.

После «термидорианского переворота» радикально изменились место и роль дипломатии, а также отношение к профессии и статусу дипломата: он теперь не только политический агент, представляющий республиканский режим и наилучшим образом ведущий переговоры от его имени и в его интересах, но *специалист*, «эксперт» по *взаимным национальным интересам*, на которых отныне должны основываться международные отношения. Ещё одним изменением стало поручение дипломатии *культурного* направления деятельности в широком смысле этого слова. Дипломат Ф.-Ж. Ноэль в 1794 г. направил в Комиссию по внешним связям записку, в которой обосновал необходимость создания «дипломатической библиотеки» энциклопедического характера в каждом французском посольстве (тогда – легатстве), чтобы повысить эффективность дипломатии, предоставляя агенту доступ к необходимым знаниям о стране, в которой он работает[262]. И такое решение, причём гораздо более широкого характера, было принято – дипломатия была призвана стать поставщиком «сырья» для развития моральных и политических наук. Циркуляр Комитета общественного спасения от 5 брюмера III г. (26 октября 1794 г.) предписал дипломатическим агентам собирать в зарубежных странах книги, предметы и культурные и научные данные[263]. Комиссар (министр) по внешним связям А.-Ф. Мио де Мелито ввёл во все подразделения МИД специалистов по вопросам экономики и культуры и разослал дипломатам вопросник[264], который по его поручению составил французский политик и учёный К.-Ф. Вольней. Этот документ формирует модель нового, республиканского дипломата, как «просвещённого путешественника». Его особенность состоит в глубоком знании страны пребывания, позволяющем ему собирать *надёжные* статистические данные. Будучи сам исследователем, К.-Ф. Вольней указывает агентам «вопросы политической экономии», которые особенно интересуют в данный момент правительство, а также ориентирует их на поиск конкретных объектов в соответствии с «нуждами», формулируемыми культурными и научными институтами, рождёнными термидорианскими реформами[265]. Согласно его концепции, республиканское

[262] См.: Sur la nécessité d'une bibliothèque diplomatique sous chaque légation, mémoire remis par François Noël au commissaire des Relations extérieures, pour être communiqué à la Commission d'instruction publique, 14 floréal an II/3 mai 1794. MAE, C.P. Venise, 251, fol. 165.

[263] La circulaire du Comité de salut public du 5 brumaire an III/26 octobre 1794. Цит. по: *Martin V.* Les enjeux diplomatiques dans le Magasin encyclopédique (1795-1799) : du rejet des systèmes politiques à la redéfinition des rapports entre les nations. La Révolution française, 2 | 2012. [Электронный ресурс] URL: http://lrf.revues.org/610 (дата обращения: 25.08.2014).

[264] *Volney C.-F. de Ch*. Questions de statistique à l'usage des voyageurs / Œuvres complètes de Volney. P. : Bossange, 1821, 6 vol. T. 6. P. 383-402.

[265] Essai sur le plan à établir relativement à la correspondance concernant l'économie politique, les sciences et les arts, en Italie, en Suisse, en Espagne et en Portugal, an III (1795). MAE, M. D. France, 655, fol. 91-189.

знание – это статистическое знание, имеющее предметом своего исследования моральное развитие наций, а метод заключался в создании модели «регенерированной», «биографической истории народа» в среде физических и моральных факторов. Для выполнения работы такого объёма требуется согласованная деятельность нескольких сотрудников, работающих по единому плану исследований[266]. Этими сотрудниками Вольней называл дипломатов, а планом – свой вопросник. Э. Гибер-Слиджевски считает, что, таким образом, дипломатия начинает помогать республиканской реформе исторической науки: универсальная история отныне основывается на статистических материалах, критически и философски осмысленных с позиции «философской истории» развития человеческого разума. Целью же является законодатель, которому эта работа позволит узнать моральное и политическое строение различных наций, и посредством сравнения выявить законы, способствующие развитию или деградации политики. Т.е. чтобы «дипломатия приняла участие в исследовании политических способов ускорения цивилизационного процесса в европейском масштабе»[267]. Таким образом, начиная с III года Революции, МИД (Комиссия по внешним связям) становится центром сбора зарубежной информации и её распространения во Франции.

Несмотря на вышесказанное, первичный смысл понятия «дипломатия», как имеющего отношение к межгосударственным договорам, не потерял своего значения. После реставрации монархии справочники, словари и учебники по дипломатии по-прежнему содержали в основном сведения о «правах, иммунитете и обязанностях государственных министров, дипломатических и консульских агентов во всем объёме их функций, с общими соображениями по изучению дипломатии, замечаниями о стиле дипломатических документов, избранной дипломатической библиографией, а также систематическим каталогом древних и современных географических карт»[268]. Если в начале организации дипслужбы речь шла о «сведениях», «данных», которые собирали, перерабатывали и передавали дипломаты, и только само действие по их получению постепенно упоминалось как (само-) информирование (s'informer), то, после революции, в первую очередь, в дипломатических *словарях* присутствует уже целый спектр статей с термином «информация». Кроме юридической, говорится об информации коммерческой, статистической, консульской, которую необходимо собирать и передавать в МИД. Среди терминов словаря, относящихся к инфокоммуникационному процессу:

---

[266] *Volney C.-F. de Ch*. Leçons d'histoire prononcées à l'École normale, en l'an III de la république française. P. : Baudoin, 1826. P. 105-107.

[267] *Guibert-Sliedziewski E*. Volney, Daunou et la conception de l'Histoire. // Roussel J. (ed.). L'Héritage des Lumières, Volney et les ideologues. Angers: Presses de l'Université d'Angers, 1988. P. 157-166.

[268] См.: *Martens K*. von. Opt.cit.

-Годовой статистический и торговый отчёт консулов, который должен содержать размышления по поводу того, какими средствами можно добиться расширения преимуществ для торговли и судоходства.

-Годовой политический отчёт консулов, обладающих дипломатическим статусом. В нём резюмируется совокупность информации, содержавшейся в текущей переписке, а кроме того, статистика, результаты переговоров, предложения по усилению политического влияния в стране пребывания[269].

-Сведения для передачи в МИД обо всех событиях военного, научного, религиозного, морского характера, о которых консулам стало известно, несмотря на то, что у них, как правило, нет политических обязанностей, и проч.[270]

С самого зарождения дипломатической службы и до сих пор в фокусе внимания дипломатов находится потенциальный силовой, военный конфликт, даже, несмотря на то, что его характер в последние десятилетия существенно меняется. Хотя появились теории и практики не только «обычных», но и информационных войн, целью любой войны по-прежнему является подчинение себе, накопление как можно большего количества ресурсов, производимых другими, принадлежащих другим. Уже в конце европейского Средневековья был сделан вывод о необходимости более многоаспектного рассмотрения ситуации, как в своей стране, так и в государствах-противниках. А в перерывах между войнами, использовавшихся по преимуществу для подготовки к новым, были разработаны концепции «политического равновесия», которых придерживались Генрих IV, Ришелье, Талейран и другие.

Ещё до революции дипломатами были сделаны выводы, которые с точки зрения современной науки можно определить, как квазисоциологические, о том, что в монархических, феодальных государствах основные решения зависят от социальной группы военно-политической верхушки – государя и его двора, ближайших феодалов и чиновников, на изучение которых и следует обратить основное внимание. Но также необходимо выявлять и учитывать и настроения в народе, и общественное мнение, и даже слухи (включая зарождающийся институт СМИК – газеты), которые могут служить искажённым, косвенным, но всё же источником информации в условиях небольшой мобильности, как населения, так и самих дипломатов.

Разработанная ими методология включала:

-подготовку к сбору информации – постановку задачи предварительного изучения нового предмета (страны, народа, документов) по существу *социологического характера*;

---

[269] Ibid.
[270] Ibid. P. 305.

-сбор информации – наблюдение, документы, коммуникация с гражданами страны пребывания и иностранцами;

-работу с информацией – анализ, сравнение, классификация, оценка, синтез;

-производство новой, синтетической информации – составление отчётов, ответов на вопросы, предложений, собственных инициатив.

Дипломатическая коммуникация как социально-политическая рефлексия

В общем виде сущность и история появления и развития *информационной коммуникации*, как *языка и его содержания*, во многом аналогична уже рассмотренной истории суверенитета. Для Франции Возрождения и, особенно, Нового времени, когда она выдвинулась на лидирующие позиции в Европе и даже мире, язык представлял собой в т.ч. *средство* оформления и закрепления своего положения, как централизованного государства, достигнутых успехов, в т.ч. в международных отношениях, модели для остальных стран. Причём, сначала, как и в истории с дипломатической службой, речь шла не о заграница, а о непосредственных соседях – тех городах и провинциях, которые сегодня считаются исторически французскими, но жители многих из которых и сегодня говорят на *своих* языках. Т.е. единый язык был средством *контроля* над (теперь своей) территорией, посредством признания законной документации, оформленной только посредством этого – единого языка, а затем и производства и воспроизводства принадлежности к конкретному государству – посредством образования на этом же едином языке. Всеобщее образование – это достижение XX в. Поэтому эта, вторая функция единственного официального государственного языка касалась только высших слоёв общества, которые вообще могли позволить себе образование своим детям, а также некоторого количества простолюдинов, что обуславливалось необходимостью выполнения технической работы, связанной с документами, письменностью. Остальным приходилось учить язык в объёме, достаточном для понимания своих новых хозяев. Эта связь и это значение языка первоначально возникла как непосредственная, эмпирическая, до конца неосознаваемая и потому теоретически ещё не оформленная. Франция своими победами доказала, что она – лидирующая держава и потому мы – французы и сами учим французский и распространяем его, как носитель наших ценностей.

Общий процесс дипломатической коммуникации можно разделить на коммуникацию письменную и устную, а также внутреннюю (между самими дипломатическими агентами) и внешнюю, т.е. всего *четыре* вида. Несмотря на то, что устная речь и письменные документы являются составными частями общего процесса коммуникации и её результатами, они имеют свою специфику и ниже рассмотрены по отдельности. Причём дело не только в том, что письменный документ – это

зафиксированная информация, в отличие от устно произносимой. Современные ЭСИК позволяют также легко фиксировать речь, как и вообще всё поведение человека. Важнее то обстоятельство, что речь – это также и процесс, т.е., как правило, только движение к результату, а не сам результат. Тогда как документ (в т.ч. и зачитываемый собеседнику, публично) представляет собой как раз результат, пусть и временный, промежуточный, означающий, кроме собственно содержания, что на данный момент процесс размышления над проблемой и выработки решения завершён, его результаты сформулированы и закреплены. Поэтому в этом параграфе о дипломатической коммуникации есть раздел, посвящённый языку, как, прежде всего, семиотическому средству, т.е. передающему смыслы (в устной речи и текстах), и раздел об использующей этот язык коммуникации – устной (дипломатическим переговорам) и письменной (дипломатической переписке).

Согласно российским словарям иностранных слов, *коммуникация* – это в т.ч. *общение*, передача информации от человека человеку как в процессе любой деятельности, так и при помощи специализированной формы – речи или другой деятельности, использующей знаки[271]; форма связи, акт общения индивидуумов, «распространение информации с помощью средств массовой коммуникации»[272].

Во французской дореволюционной энциклопедии просветителей был рассмотрен широкий спектр значений коммуникации. Однако, несмотря на разнообразие и детализацию, общий смысл можно свести к идее о *производстве общности* (чего-либо, имущества, предметов, документов, идей) как *процесса* (передачи другим этого чего-либо, обобществления, ознакомления других) и как *результата* (общего владения чем-либо, знания всеми чего-либо). Наиболее чётко это было определено и даже оформлено в юридической сфере, в которой указом ещё Луи XII от марта 1498 г. было предписано передавать королевским адвокатам и прокурорам собранные данные о преступлениях, улики (которые, как уже упоминалось, и назывались *информацией*), т.е. осуществлять *коммуникацию информации* (*communiquer* les *informations*), что затем многократно подтверждалось последующими указами[273]. Крупный средневековый учёный Николя Орем писал о коммуникации ещё и как об *отношениях между людьми*, т.е. социальных отношениях (как значится в современном толковом словаре, хотя, конечно, сам Орем не употреблял ещё слово «социальный»)[274]. А вот глагол, производный от коммуникации (communiquer) Орем использовал как *участвовать* (в чём-либо), *состоять в связи* (с кем-

[271] См.: Большая советская энциклопедия. Т.12. М. : Советская энциклопедия, 1973. С. 527.
[272] См.: *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО, 2000. С. 238.
[273] *Diderot D., Alembert J. Le R. de*. Op.cite. Tome 3. P. 727-731.
[274] CNRTL, [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/communication (дата обращения: 14.10.2015).

либо) и т.п.[275] Монтескье, Вольтер и др. уже употребляли этот глагол в смысле *общаться*, *обмениваться* мыслями, *сообщать себе* (se communiquer) и проч.[276]

Согласно послереволюционному словарю Французской академии, коммуникация (communication) среди прочих имеет смысл:

-действия или эффекта действия, как *передачи* чего-либо – движения, предмета, идей, информации и проч. В последних двух случаях речь идёт об *ознакомлении* с чем-либо, знаниями о чём-либо, *сообщении* информации, знаний;

-торговли, отношений, переписки, *диалога*;

-*средства*, с помощью которого происходит действие, общение, сообщение[277].

Современные лингвисты подтверждают вышеуказанный общий смысл: коммуникация – действие по передаче кому-то чего-то и результат этого действия (и, конечно, целый ряд современных словосочетаний и новых смыслов, связанных уже в основном с передачей *сообщений*)[278]. В свою очередь, это французское слово происходит от латинского communicatio и communicare – делать *общим*, связывать, общаться.

Таким образом, «классическая» формула коммуникации Г. Лассуэлла[279] (1948), была эмпирически выведена переговорщиками и применялась на практике уже во время становления дипслужбы (хотя, конечно, не была представлена тогда в виде именно формулы). Кроме того, осмысление учёными, но также самими дипломатами и политиками собственной обширной дипломатической и вообще политической эмпирики той эпохи (XVII-XIX вв.), внесло большой вклад в ту основу, на которой позднее социологи, философы, лингвисты, антропологи сформулировали такие свои концепции, как *семиотический* подход, причём вплоть до постструктурализма Р. Барта, отмечавшего значение не только содержания, но и формы сообщения, позволяющей добиваться определённых социальных целей; *структурно-лингвистическое* направление К. Леви-Стросса с его видением языка или другой той или иной формы коммуникации в каждом виде социальных отношений; концепции *знака* Ф. де Соссюра, который определил язык, как «систему знаков, выражающих понятия», как социальное явление[280].

В общем подходе к изучению коммуникации отметим межличностную коммуникацию, которая происходит на сознательном и бессознательном уровне (причём,

---

[275] CNRTL, [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/communiquer (дата обращения: 14.10.2015).

[276] Dictionnaire de la langue française, par É. Littré, [Электронный ресурс] URL: http://www.littre.org/definition/communiquer (дата обращения: 14.10.2015).

[277] Dictionnaire de l'Académie Française, 7ème édition. P. : l'Académie Française, 1835. [Электронный ресурс] URL: http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1835/6053/COMMUNICATION (дата обращения: 14.10.2015).

[278] CNRTL. [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/definition/communication (дата обращения: 14.10.2015).

[279] Состоит из пяти основных элементов: кто? передаёт что? как? кому? с каким эффектом?

[280] См.: *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977.

это касается как получения сигналов, так и их отправки), её длительность во времени, что предопределяет значение последовательности получаемой информации, зависимость результата от состояния (готовности, способности к коммуникации и пониманию передаваемых смыслов, ценностей) её участников. Получила определённое развитие и социология коммуникации. Из наиболее значимых необходимо отметить одного из создателей рефлексивной социологии П. Бурдьё, аргументировавшего, что «любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто её применяет»[281]. Он показывает, как в современных условиях политики заменяют в этом смысле прежнее «Бог с нами» на «Общественное мнение с нами». Политику в целом социолог как раз и считает сферой, благоприятной для эффективной символической деятельности, под которой он имеет ввиду действия, осуществляемые с помощью знаков, производящие социальное, в т.ч. социальные группы. Однако его выражение «Символическая власть есть власть, которая предполагает признание, т.е. незнание о факте творимого ею насилия»[282], не совсем верна, когда речь идёт о дипломатах.

В рамках концепции о различных культурных схемах (кодах) восприятия и выражения смыслов, а также самих этих смыслов, ценностей и проч., М. Фуко утверждал, что они составляют эмпирическое пространство индивида, в котором он живёт и ориентируется[283]. Его классификация познания, выражаемого знаками (индуктивное и рациональное, когда знак имеет значение в силу внешней похожести с предметом, который он потому и означает; критическое, когда подобие является уже не знанием, а возможностью, опасностью совершить ошибку, если не принимать во внимание взаимодействие предметов, т.е. ситуация, когда язык может выражать как правду, так и ложь, а «знак начинает что-либо означать лишь внутри познания» и то, только с некоторой вероятностью; и, наконец, современная ситуация, когда слова являются абстракциями, не называющими предметы непосредственно[284].

Для данного исследования *коммуникация* – это контакт, *объективная связь* между субъектами, посредством которой некоторые знания, информация могут стать *общими* для участвующих в коммуникации субъектов. Вместе с тем, каждый из субъектов может по-разному в ней участвовать, воспринимать, осознавать как саму коммуникацию (есть она или нет, какая она), так и информацию (формировать её в своей психике, понимать что-либо также, как другой, или иначе, по-своему, осознавать или нет, что он и другой могут по-разному понимать что-либо и проч.). Коммуникация в данном контексте – это

---

[281] *Бурдье П.* Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С. 164.
[282] Там же. С. 244.
[283] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. С. 37.
[284] Там же. С. 75, 99, 109, 393.

совместная деятельность по производству общего, совместного знания, информации, одинаково понимаемых всеми участниками коммуникации, хотя и осуществляемая каждым субъектом самостоятельно, т.е. только в своей собственной психике. Внешняя активность каждого субъекта – это его действия по разъяснению своей позиции Другому и выяснению, пониманию его, Другого позиции (полностью или частично, в т.ч. постепенно).

Исходя из этого определения, для того, чтобы выполнить любую задачу, дипломатический агент должен выполнять роль *средства контакта* – физически перемещаясь и вступая в коммуникацию с адресатом (главой другого государства или его представителем в этой области). Частным случаем этого действия выступает передача дипломатического *документа*, которая может осуществляться как дипломатическим агентом, так и курьером, почтовой службой. Цель – *передача сообщения* от главы своего государства (или его представителя) адресату в языковой (письменной или устной) и/или неязыковой формах, а также получение и доставка ответа, также – в языковой и/или неязыковой формах. Языковая форма – текст или речь в свою очередь может быть исследована с точки зрения *естественного и логического языков*. В первом случае требуется точный *перевод слов*, во втором – *определение, уточнение содержания понятий*, т.е. выяснения, что обе стороны одинаково понимают, интерпретируют смыслы одинаковых слов, синонимов или тем более идиом. Затем требуется исследование с точки зрения *дипломатического языка*. В зависимости от уровня отношений, их открытости, доверительности, а также совпадения или различия позиций, любая ситуация, факт могут быть описаны, охарактеризованы либо *полностью* (т.е. точно, адекватно, фиксируя совпадение взглядов по всем важным пунктам), либо в различной степени *частично* (т.е. *компромиссно*, без упоминания разногласий и, таким образом, не по всем пунктам). В последнем случае, не только меньше содержание сообщения, но и чем больше разногласия, тем более общие, менее определённые формулировки, понятия, слова употребляются. Т.е. это не логическая ошибка отсутствия определения или слишком широкого определения чего-либо (термина, позиции и т.п.), но сознательное дипломатическое действие – поиск компромисса с помощью не полностью определяемого тезиса, который позволяет согласиться с документом, частью которого он является, в целом, как с основой для дальнейшего обсуждения. А по спорному моменту продолжить переговоры, когда это станет необходимо.

В этом же случае и с этой же целью (т.е. чтобы вести диалог *дипломатично*, акцентируя внимание на совпадении взглядов, используя его как отправную точку для дальнейших переговоров), используются и неязыковые формы послания. Это и состав

делегации, и церемония её встречи и работы (т.е. протокол), это и сроки послания и ответа на него, это и сама форма послания и ответа, а также интонация, жесты и другие элементы передачи сообщения. Все эти – неязыковые элементы, не будучи оформлены в ясной понятийной форме текста или речи, но также в вышеуказанном случае и понятия, слова, нуждаются в интерпретации, переводе с дипломатического языка на логический, который всегда будет лишь относительно точным, вероятностно правильным. Кроме того, с учётом того, что послание, передаваемое через дипломата, в любом случае адресовано главе государства, дипломатический язык предполагает (кроме обычных в этом смысле правил вежливости и уважения статуса адресата) *сдержанность* в формулировках. Открытые, а иногда личные дружеские отношения глав государств, профильных министров позволяют им употреблять более прямые выражения. Не забывая, конечно, что бюрократический язык и обычай не приветствует языковых упрощений, вульгаризмов и т.п. в официальных документах и речах. Это уже свидетельствует не об уровне отношений, а об общей культуре участников диалога. Сюда же необходимо отнести и другие их личные качества, оказывающие влияние на коммуникацию: хитрость, коварство, нечестность или открытость, искренность. К этому аспекту обращались многие, если не все, авторы произведений на дипломатическую тему.

Вместе с тем, в том, что касается переговоров и цели дипломатии вообще, т.е. достижения понимания другого и на этой основе – общего решения, если оно, конечно, возможно, то обман, в т.ч. посредством неточных формулировок, двусмысленностей – это одноразовый, тактический приём. Рано или поздно он обнаруживается и порождает недоверие, т.е. результат, прямо противоположный дипломатическим усилиям. А, кроме того, даже документы, подписанные вследствие обмана, не будут служить долговременной и надёжной основой отношений.

Все люди, в т.ч., конечно, и дипломаты пользуются *естественным*, «обычным» языком, т.е. специально не создававшимся для дипломатических нужд. Тем не менее, в каждой специальности, включая дипломатическую, есть, выработана своя терминология, т.е. словам естественного языка приданы строго определённые смыслы. И необходимо кратко пояснить значение и следствия этого обстоятельства.

Мышление взрослого человека, отличающее его от животных и детей, может происходить в *понятиях*[285], физически наблюдаемо оформленных вокально (звуками), кинетически (в жестах), графически (рисунки, тексты). Эти перечисленные средства внешнего мышлению (т.е. в элементах среды) оформления понятий, мыслей суть

[285] Определяемых формальной логикой, как формы мышления, в которых человек называет существенные признаки предмета, т.е. те, только при наличии которых этот предмет существует.

средства коммуникации между людьми *мыслями* – их получения, передачи, обмена. Однако, сама по себе физическая форма (части среды), даже одна и та же, не несёт никакого *значения, смысла*. Это значение придаётся ей каждым человеком. Поэтому для общения необходимо определение для себя – понимание каждым его участником конкретного значения каждой физической формы (знака, цифры, буквы, слова, рисунка, жеста), т.е. значения не вообще (которого не существует), а в конкретном контексте. Отсюда – существование специальных слов и даже развитых словарей для различных областей жизнедеятельности, специальностей, в т.ч. дипломатии. Теоретически возможно всем, например, говорить без специальных терминов, универсальными словами. Эту цель поставили себе сторонники эсперанто; она же уже практически достигнута в отношении цифр (их систем и сегодня ещё существует несколько, но «арабская» де-факто стала универсальной, в т.ч. и в арабских странах, хотя они на волне арабизации стали активнее использовать и собственно арабские цифры, как средство борьбы с последствиями западного колониализма). Но пока люди, которые формируются всегда и действуют во многих случаях *группами*, формулируют и используют собственные, для этих групп специфические термины. Они могут быть новыми, уникальными или по-другому интерпретированными уже известными словами или знаками. Но в любом случае необходимо выяснить, что именно понимает под этим представитель каждого сообщества, да и вообще любой человек, с которым происходит общение. От этого зависит, не только правильно ли понимаем ли мы его, но и поймёт ли он то, что мы скажем и сделаем.

В дипломатии, занимающейся коммуникацией сведений, позиций, предложений по вопросам, от которых зависит судьба – в большом или малом, но целых стран и народов, правильное понимание представителей и руководителей других народов и государств имеет гораздо большее значение, чем в бытовых отношениях. Собственно на это и направлено изучение иностранных языков, а также реалий в той или иной стране, т.е. контекста, чем профессионально и занимаются дипломаты. Кроме того, существует большое количество терминов *дипломатического языка, который в широком смысле включает не только специфические слова, но и действия, и их отсутствие*[286]. Прежде всего, это должен знать сам дипломат. Поэтому изучение дипломатической терминологии, протокола, этикета, форм документов и употребления в них слов и выражений – всё это необходимая часть подготовки сотрудника. Поскольку такие знания представляют собой существенный объём, как и в других отраслях знаний, в дипломатии стали создаваться словари, справочники, учебники. После того, как дипслужба во Франции приобрела

[286] В частности, значение дипломатического церемониала, которое широко описано в соответствующей литературе по протоколу, дипломатическим и международным отношениям.

устойчивый институциональный характер, стала развиваться и количественно, для неё потребовалась, можно сказать (конечно, относительно), массовая подготовка кадров.

Что касается внешней политики и дипломатии, очевидно, что задолго до появления современных теорий *дискурса*, французы начали и продолжают использовать свой язык, в т.ч. дипломатический, как средство формирования, распространения и удержания своего влияния на коммуникации по этой теме, а также и на их содержание. Как уже упоминалось в начале этой главы, история становления французского языка схожа с историей становления суверенитета и, во всяком случае, неотделима от неё. Уже король Карл V Мудрый в свою борьбу за власть с церковью, писавшей на латыни, преднамеренно включил языковый аспект, основав королевскую библиотеку, которую стал наполнять сделанными по его распоряжению переводами важных сочинений на французский. Наряду с утверждением, укреплением и распространением французского языка на все сферы деятельности государства, французские монархи прилагали усилия и другим сферам культуры – науке, искусству, образованию, а также, экономики. Вопрос о лингвистике, терминологии, выяснении смыслов решался в более широких рамках развития науки вообще. Картезианская установка на постижение истины (в своей, конечно, французской трактовке) и доведение её до сведения несведущего пока партнёра предполагала точность определений, понятий. В XVII в. метод научного исследования Декарта развивал столь же выдающийся учёный и философ Блез Паскаль, а затем уже, можно сказать, картезианцы, особенно, А. Арно и П. Николь, разработавшие и в 1662 г. издавшие «Логику Пор-Рояля»[287]. Кроме творческого синтеза теории познания Декарта и формальной логики Аристотеля, эта методология, развивавшая и теорию *знаков*, занималась и влиянием на познание и саму логику *психологии*. В результате, во Франции стал создаваться и накапливаться соответствующий потенциал, распространяемый как в стране, так и за рубежом французскими гражданами или на французском. Язык стал средством коммуникации и доступа к научным, культурным, экономическим достижениям, ресурсам, сконцентрированным и производимым во Франции. Завоевание или постепенное подчинение невоенными средствами соседних областей, регионов, имевших не только своих правителей (принцев), но и свои языки, сопровождалось распространением и французского языка, как единственного официального средства коммуникации при делопроизводстве. Однако, ввиду отсутствия всеобщего образования, местные языки продолжали воспроизводиться, в первую очередь в сельской местности, где ещё долго проживала большая часть населения. Важной, как это будет показано в разделе о культурной дипломатии, является и цель политики французских королей по

[287] См.: *Arnauld A., Nicole P.* La Logique ou L'art de penser. P. : Gallimard, 1992 (1662).

приглашению специалистов и поощрению всех видов наук и искусств для *демонстрации и роста величия каждого конкретного монарха*.

Если Ф. де Кальер написал специальную книгу по различиям придворного и буржуазного языков[288] для улучшения коммуникации и понимания того, что говорится, то с самого начала Французской революции язык оказался в центре *внутриполитической борьбы*, стал индикатором принадлежности к той или иной политической силе, отстаивающей определённые политические позиции. Ж.-Л. Шапей отмечает, что борьба развернулась как по поводу использования французского или других языков, так и в связи с употреблением слов в самом французском, а также и общего стиля общения. В центре дискуссии (в период между Директорией и Империей) находились идеалы Республики и цивилизаторская миссия Франции в Европе, т.е. распространение этих идеалов за пределы страны, свергнувшей монархию[289]. Руководители этого (республиканского) этапа революции посчитали, что покончить с террором и не допустить его возврата, возможно лишь при верховенстве разума. Правильно же размышлять означает, прежде всего, правильно говорить. Напротив, использование «плохого» языка влечёт моральную деградацию, является причиной верховенства страстей и насилия. За модель французского языка, который просвещённые элиты намеревались очистить от простонародного «шлака», были взяты научные языки медицины, химии, исследования природы. «Хорошо сделанный» язык должен был стать новым средством коммуникации между индивидами и их сообществами, составляющими французское общество, которое надо было реконструировать, чтобы стабилизировать Республику и «закончить» Революцию. Как пишет Шапей, «законодатели и политические элиты видели своей миссией излечение «народа» установлением новых правил коммуникации»[290]. Демократическая оппозиция выступила против такого подхода, усматривая в этой политике формирование новых политических и социальных различий, которыми воспользуются только новые элиты[291].

С Великой французской революцией открылся и новый этап взаимоотношений *дипломатии и языка*, а также культуры в целом. У многих исследователей можно встретить точку зрения, что именно французы ещё в XVIII в. обосновали и стали практиковать *культурную дипломатию*. Действительно, французские философы, социологи, лингвисты даже ранее исследовали язык не только как средство коммуникации

---

[288] См.: *Callières F. de*. Du bon et du mauvais usage dans les manieres de s'exprimer. Des façons de parler bourgeoises, et en quoy elles sont differentes de celles de la cour. Suitte des Mots à la mode. P. : Chez C. Barbin, 1698.

[289] См.: *Chappey J.-L*. Entre communication et civilisation. Les langues et les dynamiques politiques entre République et Empire (1795-1808) [Электронный ресурс] URL: http://etudes-romantiques.ish-lyon.cnrs.fr/wa_files/Langues-Chappey.pdf (дата обращения: 09.06.2014)

[290] Ibid.

[291] *Serna P*. Antonelle, lecteur de Condillac // Dix-huitième Siècle, 1997, n° 29. P. 393-410.

(хотя и это было большим шагом в науке), но и обращали внимание на социологию среды, т.е. социальные проблемы коммуникации (идеология и власть, дискурс, позднее – проблемы капитализма). Однако для данной работы важно рассмотрение исследований языка именно в контексте дипломатической деятельности. С этой точки интересно исследование В. Мартин[292] о французских просветителях, которые на III году Революции (1792 г.) учредили «Энциклопедический журнал» (Le Magasin encyclopédique). Это был исключительно культурный проект для публикации статей только о науке, искусстве и литературе, описаний зарубежных поездок и, тем не менее, сыгравший решающую роль в определении (термидорианской) дипломатии и продвижении идеи мирной Европы. Его авторы последовательно реабилитировали «малые» и «варварские» народы в сравнении со своей «Великой нацией» (la Grande Nation), выступая, таким образом, в защиту модели европейского равновесия, баланса.

С осени 1794 г. термидорианцы заявляют о желании основать «республиканскую» дипломатию, порвав с так называемой «революционной» дипломатией своих предшественников, сохранивших её в руках монарха, пусть и ограниченного Конституцией. Поскольку милитаризм и пропаганда новой (антимонархической) дипломатии послужили изоляции Франции в Европе – с III года Революции дипломатия стала инструментом не переговоров, а военной экспансии Франции, отбросившей, таким образом, принципы всеобщего братства народов. Террор (а не революционные войны) был интерпретирован издателями-энциклопедистами как «ретроградный» процесс для цивилизации, возврат в варварство, из-за чего прекратились как дипломатические, так и культурные и научные связи Франции с другими странами. Чтобы оздоровить ситуацию, по их убеждению необходимо было продолжить просвещение народа, в т.ч. восстановив приток знания из-за границы, культурные связи, и, конечно, и *дипломатические* отношения. С этой целью было необходимо переопределить задачи дипломатии именно на эти – культурные и экономические цели, обосновав особое место в Европе, на которое претендовала республика. В. Мартин делает вывод об «идеологическом повороте», повлекшем за собой и кардинальное изменение республиканской дипломатии: во-первых, «до сих пор рассматриваемая только как лекарство от «тотальной войны», с III года она стала считаться *инструментом* построения умиротворённой Европы, стабилизированной вокруг своих собственных общих интересов – культуры и торговли». Во-вторых, «дипломатия была переопределена в настоящую *науку о национальных интересах*, которые следовало определить как в настоящем (в экономике), так и в прошлом (в

[292] См.: *Martin V.* Les enjeux diplomatiques...

истории)»[293]. Практически это воплотилось в декрете от 24 августа 1794 г. о перераспределении полномочий между исполнительными комиссиями и Комитетом национального спасения, согласно которому МИД (Комиссия по внешним связям) освобождалась ото всех политических функций, которые теперь становились исключительной компетенцией Комитета. Теперь он устанавливал политические связи с иностранными правительствами, чтобы построить новый европейский геополитический порядок. А МИД должен был заниматься научными и торговыми вопросами, чтобы построить новый культурный порядок, в некотором смысле, новую версию «Республики учёных». Т.е. *торговля* отныне стала рассматриваться как *вид дипломатии*. Ф.-Ж. Ноэль в «Энциклопедическом журнале» первым высказал идею о том, что дипломатия могла бы стать настоящей *наукой*, основанной на энциклопедической культуре. В 1795-1797 годах авторы журнала постоянно писали о «немедленном» мире, как о гарантии возрождения культурных связей в Европе, избегая выражения «славный мир» («paix glorieuse»), использовавшегося в политических дискуссиях[294].

«Энциклопедический журнал» отстаивал политическую идею Европы, неотделимую от культурного идеала «цивилизации», который может актуализироваться только в условиях мира, равенства и совместного развития. Как считают историки, эти три условия, общие для всех космополитических утопий, предшествовали и развитию идеи Европы[295]. Это и «конфедерация всех народов» Н. де Кондорсе, и, конечно, «Европа народов» И. Канта, с идеями которого в 1796 г. этот журнал одним из первых познакомил французов, опубликовав перевод его «Проекта вечного мира». Главный интерес издателей состоял в продвижении тезиса о мирном сосуществовании республиканской нации с другими, которые таковыми ещё не являются. Т.е. в теоретическоим обосновании мирного выхода из тупика революционных войн посредством осуждения, как военной экспансии революции, так и вмешательства во внутренние дела европейских государств. Издатели журнала считали, что разнообразие национальных характеров, которое может быть познано только «деполитизированным» образом, должно обязательно сочетаться с уважением их национальной независимости (т.е. выступали против «экспорта», как революции, так и контрреволюции, реставрации монархии). Эти дипломаты-энциклопедисты защищали некий вид «права на отличия», как культурные, так и политические, которое обуславливает для более сильных, доминирующих наций «долг

[293] См.: *Martin V.* Les enjeux diplomatiques…
[294] Ibid.
[295] *Desbazeille M.* (dir.). L'Europe, naissance d'une utopie ? Genèse de l'idée d'Europe du XVIe au XIXe siècle. P. : Harmattan, 1996. P 7-8 ; *Crampe-Casnabet M.* Europe et cosmopolitisme. La question de la paix : l'abbé de Saint Pierre, Jean-Jacques Rousseau, Kant / Michel Perrin (éd.). L'idée de l'Europe au fil de deux millénaires. P. : Beauchesne, 1994. P. 151-159.

терпимости» – долг сохранения этой гетерогенности, лежащей в основании европейской идентичности[296]. Они же выступили и против ещё двух ключевых терминов политического и дипломатического дискурса той эпохи: «*варварство*» и «*меньшинство*». Первый термин широко использовался с 1792 г. в отношении Англии и *России*. Что касается «меньшинств», то речь шла об оправдании политической опеки над ними под видом создания пояса соседних с Францией «республик-сестёр».

С установлением Директории идея о том, что Англия и Россия – якобы «естественные враги» Франции, как и всех европейских наций, начинает служить предлогом продолжения войны, аргументом в пользу «крестового похода», который ведёт Франция за свободу против английского деспотизма и за цивилизацию против русского варварства[297]. Журнал же напротив, поддерживает просветительские усилия Екатерины Второй, публикуя соответствующие статьи и рекламируя сочинения путешественников, посетивших Россию[298]. Всё это – с целью доказать «общее происхождение европейских наций», с которым связана и Россия – своим древним родством с греками[299]. Правда, в 1799 г. в журнале вышла большая статья с обзором состояния науки и культуры в России, в которой царствование Павла I было определено как «откат», по сравнению с эпохой Екатерины. А проводимая им политика – как политическое и культурное «закрытие», вновь изолирующее Россию от остальной Европы, компрометирующая *цивилизаторский* процесс, начатый императрицей[300]. Таким образом, по мнению В. Мартин, «Энциклопедический журнал» реактуализировал социально-философскую дискуссию, продолжавшуюся всю вторую половину XVIII в., о, во-первых, средствах, пригодных, чтобы «цивилизовать» по европейской модели нацию, расцениваемую как варварскую, и необходимом уровне политического вмешательства (интервенционализма), и, во-вторых, в конечном счёте, о самой возможности привить модель европейской цивилизации нации, физические и моральные свойства которой отличаются от модельных[301]. В тоже время аргументировалась и роль Франции, как хранителя достижений искусства и науки всей Европы – не вследствие «права» на военные трофеи, но «долга» собрать и хранить

---

[296] См.: *Martin V.* Les enjeux diplomatiques...

[297] См.: *Belissa M.* Les Lumières, le premier partage de la Pologne et le «système politique» de l'Europe. AHRF, 2009, n° 356. P. 57-92.

[298] См.: Magasin encyclopédique, ou Journal des sciences, des lettres et des arts. T. 5, 1795, p. 490-494 ; t. 6, 1795, p. 499-512 ; t. 14, 1797, p. 476-486 ; t. 18, 1798, p. 460 ; t. 23, 1799, p. 273 ; t. 25, 1799, p. 287-288 ; t. 27, 1799, p. 561-563.

[299] Magasin encyclopédique, ou Journal des sciences, des lettres et des arts. T. 29, 1799, p. 433-438 : Compte-rendu [par Brack] URL: de la Dissertation sur les Antiquités de la Russie, contenant l'ancienne mythologie, les rites paysans etc… des Russes, comparés avec les mêmes objets chez les anciens et particulièrement chez les Grecs, par Mathieu Guthrie, conseiller de cour de Sa Majesté impériale, Saint Pétersbourg, de l'imprimerie du corps impérial des cadets nobles, 1795.

[300] Magasin encyclopédique, ou Journal des sciences, des lettres et des arts. T. 24, 1798, p. 539-545.

[301] *Martin V.* Les enjeux diplomatiques dans le Magasin encyclopédique (1795-1799).

европейские культурные ценности. Т.е. единственным предлогом легитимации французской гегемонии объявлялась культура и при единственном же условии – обеспечивать её распространение посредством своих музеев и научных учреждений, чтобы это культурное превосходство было бы стимулом в европейском масштабе, примером для других европейских стран.

Другим фактором дискуссии вокруг языка стала внешнеполитическая деятельность Франции. Её военные победы над соседями, образование там при поддержке французских революционных войск пояса «республик-сестёр» породили концепцию *верховенства французского языка, как универсального* (для республиканцев), *а затем и доминирующего, имперского языка* (которым пользуются народы империи). Первое политическое выяснение позиций по этому поводу состоялось в ходе дебатов в августе 1796 г. в Совете пятисот о преподавании во Франции иностранных языков. Речь шла о том, что не только победителям (т.е. французам) не стоит изучать иностранные языки, но и в других странах, в Европе в целом, именно французский должен стать языком коммуникации. В поддержку отказа от изучения иностранных языков в государственных школах говорилось, что учёные и коммерсанты, которым они могут понадобиться, сами найдут средства и возможности их выучить[302]. Но кроме того, французский предполагалось использовать и как хранилище культурных достижений всех остальных народов (как минимум, Европы). Поэтому переводы на французский рассматривались как средство *присвоения* ценностей других наций. В научных кругах к 1793 г. выкристаллизовалась точка зрения, что «каждый язык является полной историей, содержащей все мысли народа»[303], а потому его необходимо изучать. Однако в дальнейшем – в период Империи и Реставрации победила всё же политика поддержки изучения иностранных языков (хотя все они были названы с дополнением: редкие, живые, восточные).

В условиях существования большого количества суверенных государств, имеющих официальными *разные языки*, языковой аспект является практическим аспектом. Большое количество документов и контактов, многие из которых также порождают документы, означает, что перевод с одного языка на другой, а тем более, третий и т.д., является масштабной задачей, объём которой постоянно и быстро растёт. Г. де Флассан, комментируя масштабный труд Г.Ф. Мартенса, издавшего сборник европейских дипломатических актов 1761-1800-ого годов, подчеркнул, что документы в нём были представлены только в оригинале, и чтобы ими воспользоваться, надо было знать все

[302] См.: *Chappey, J.-L*. Op.cit.
[303] *Volney*. Leçons d'histoire [1793] URL:. URL: Oeuvres. P. : Fayard, 1981, t. I. P. 598.

языки Европы. А следовало бы опубликовать их на каком-либо одном языке или сопроводить оригиналы переводами[304].

Со времени становления дипломатической службы задача перевода с и на иностранные языки решалась либо изучением некоторых из них, либо привлечением переводчиков. В первом случае требовались значительные усилия, поскольку, во-первых, никаких общих или даже элитарных систем образования не существовало, а, во-вторых, главным занятием для дворянина было военное дело, которое отнимало значительные силы. Тем более, что для дипломатической работы язык надо было знать хорошо, в т.ч. письменный, на котором составлялись документы. Для второго случая характерны (причём и поныне) такие проблемы с точки зрения коммуникации и информации, передаваемой или создаваемой на её основе, как проблемы правильности, точности перевода и проблемы определения характера информации (её достоверности, реальности, первичности, субъективности). Особенно остро они проявлялись в ситуации с восточными языками. Вплоть до того, что возникла специфическая социальная группа – драгоманов (drogman), переводчиков в Леванте, при дворе турецкой Порты. Сложность языков и крайне малое количество лиц, владевших как восточными, так и западными языками хорошо, а также имевшими хорошее общее образование, обусловили их функции и влияние не только в области перевода. Собственно и сам перевод предполагал полное доверие к переводчику, а, следовательно, попадал в сильную зависимость не только от его языковых знаний, но и общей культуры, понимания контекста, собственной позиции переводчика, его личных качеств. Но временем выяснилось, что драгоманы в ряде случаев вели даже собственную игру (политического или экономического характера) или участвовали в игре других заинтересованных лиц, а не только собственно переводили. Причём, в зависимости от секретности документов и тем более переговоров, проверить это было иногда крайне затруднительно. А первыми и долгое время единственными драгоманами были выходцы из восточных стран.

С концом Средневековья произошло вытеснение из официальной и научной переписки универсальной тогда латыни европейскими языками. Но проблема не решилась и после введения в Европе всеобщего образования. Сегодня место латыни в европейском, в т.ч. дипломатическом, прошлом активно стремится занять английский язык. Хотя Франция, конечно, продолжает поддерживать распространение своего языка за рубежом. Конечной целью этой политики, прежде всего, являются дипломаты, политики и общественность других государств, но язык и культура в той или иной степени оказывают своё воздействие на всех, кто с ними знакомится и использует. С этой целью к

[304] *Flassan G. de R. de*. Op.cit. T.1. P. 33.

настоящему времени разработаны и активно применяются в т.ч. учебные пособия, созданные на основе лексики и содержания *дипломатического* характера. Причём не только своими студентами, обучающимися специальности «международные отношения», что объективно, поскольку в каждой профессии необходимо освоить и специфическую терминологию, но и для иностранцев, причём для всех уровней изучения французского языка. Например, уже для начинающих (уровней A1 и A2) предлагается учебник «Цель – дипломатия: Французский язык европейских и международных отношений»[305]. В учебнике «Diplomatie.com»[306] преподаётся уже углублённая, детализированная, узкопрофильная лексика и терминология. Даются не только точные, установочные определения (*дипломатия* – наука и практика отношений между государствами; *искусство дипломатии* – деятельность в пользу мирных решений конфликтов и проч.), но и описания структуры французского МИД, работы посла и других дипломатов, соотношения дипломатии и внешней политики, истории дипломатии, особенностей дву- и многосторонней дипломатии. Для уровня B1 и теперь уже специально для студентов факультетов международных отношений, например, курс «Дипломатия, искусство переговоров»[307] и для уровня B2 – курс «Дипломатия, профессия дипломата»[308] содержат подробное рассмотрение существа дипломатии и дипломатической работы. Все эти учебники, адресованные иностранцам, представляют собой инструмент формирования их лексики и посредством её – подходов к дипломатии, переговорам и проч. с французских позиций. Формирование мышления тех, кто, возможно, в будущем будет занимать дипломатические посты в своих государствах или, как минимум, контактировать с французскими дипломатами. Что касается самих французских дипломатов и политиков, то для них разработан и по мере необходимости обновляется «Словарь по международным отношениям (список одобренных терминов, выражений и определений)»[309]. Особое внимание уделяется подготовке идентичных документов на нескольких языках.

В основе позиции относительно *переговоров* лежат *психологический* и *социологический* подходы. Б. де Розье, выделяя коммуникацию, как важнейший элемент деятельности посла, подчёркивает её *психологический* аспект, который, в свою очередь,

---

[305] См.: *Riehl L., Soignet M., Amiot M.-H.* Objectif Diplomatie: Le Français des relations européennes et internationales: A1/A2. Hachette, 2007.

[306] См.: *Bassi C., Chapsal A.-M.* Diplomatie.com. Cahier d'exercices. P. : CLE International, 2005.

[307] См.: *Slatynska O.* La diplomatie, l'art de la négociation. Fiche pédagogique N° 21 – 536. Fiches Pedagogiques / Autonome B1. [Электронный ресурс] URL: http://www.bonjourdefrance.com/ressources/fiches-pedagogiques/fos-diplomatie.pdf (дата обращения: 11.12.2015).

[308] См.: *Camacho P.* FOS de la diplomatie, le métier de diplomate. N° 21 – 291. Français des affaires / Avancé B2. [Электронный ресурс] URL: http://www.bonjourdefrance.com/exercices/contenu/21/francaisDesAffaires/334.html (дата обращения: 12.12.2015).

[309] См.: Vocabulaire des affaires étrangères (liste de termes, expressions et définitions adoptés) [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030103738 дата обращения: 14.04.2016).

делится на внешний и внутренний. Начало начал – *самоконтроль* посла, необходимый для решения поставленных задач и для обеспечения своей безопасности. Внешне представляемое поведение идеального посла включает вербальные и невербальные аспекты: говорить не спеша, спокойным голосом, с нейтральным лицом. Если перед ним монарх или другой важный персонаж, слегка сгибать ноги в коленях (т.е. буквально «стоит на полусогнутых»)[310]. Задача – казаться собеседникам любезным и скромным, независимо от содержания речи. Во всех обстоятельствах следует маскировать свои эмоции, быть хозяином своего поведения. Необходимо также удостовериться, что собеседник *понимает* то, что посол ему говорит, не поставить его в тупик применением своего ораторского искусства. Следует остерегаться «ловушек» языка (непонимания, двусмысленностей), а также уметь *понимать несказанное* собеседниками (дипломат предлагает такую формулу коммуникации: молчать, говоря (т.е. не сказать лишнего), и уметь говорить молча (т.е. с подтекстом, даже не произнося ни слова)[311].

Концепция переговоров Р. де Шамуа также глубоко психологична. Любые переговоры необходимо предварять изучением «склада ума и умонастроений» других переговорщиков. С этой целью, и если это возможно, де Шамуа рекомендует встретиться с каждым членом иностранной делегации отдельно в надежде лучше узнать и, возможно, привлечь кого-то из иностранцев на свою сторону (расположить к себе или подкупить). Эти действия, по сути, определения психологического портрета и состояния собеседника, а также его различной степени вербовки, конечно, сложны. Дипломат называет их *искусством*, в котором невозможно предписать правила, и которое полностью зависит от личных умений посла, хотя также и от конкретной ситуации. На основе наблюдений посол определит, как ему лучше начинать переговоры и довести свою позицию до собеседников, корректируя свои высказывания в зависимости от их реакции[312]. Т.е. изложение аргументации необходимо сопоставлять с уровнем интеллекта переговорщиков и их политических и мировоззренческих позиций, осуществлять *рефлексию*.

А. Пеке пространно рассуждает о *психологическом* состоянии посла, противостоящих ему дипломатов и политиков. Называя переговоры искусством, он, тем не менее, приводит подробные разборы ситуаций и поведения в них людей, переводит проблему в плоскость знаний, компетенций. Фактически рефлексивный социологический подход он проявляет, замечая, что только неопытные переговорщики торопятся получить результат сразу, считают, что их не услышали, когда после выдвижения предложений ничего не происходит, немедленно не следует никакого ответа. В действительности же

[310] *Rosergio B. de*. Op.cit. P. 10.
[311] Ibid. P. 15.
[312] *Руссо де Шамуа Л.* Указ.соч. С. 74, 76.

над предложениями и принятием решений размышляет много людей, которые рассматривают каждую конкретную ситуацию в более широком контексте[313].

Выдающимися переговорщиками Франции считаются кардиналы А. д'Осса (1537-1604) и Дж. Мазарини (1602-1661). Первый сформировал модель рациональной этики переговоров по-французски. Её смысл состоял в том, чтобы излагать свою позицию открыто, ясно и аргументировано, добиваясь от собеседника её понимания. Д'Осса хотел, чтобы его противнику было стыдно ему сопротивляться, и чтобы он думал, что уступает только справедливости и разуму. Дж. Мазарини же наоборот никогда не шёл к цели прямым путём, обязательно использовал различные уловки вплоть до обмана; в крайнем случае, затягивал переговоры[314]. Короткий период открытой рациональной дипломатии конца XVI – начала XVII вв., которую поддерживал и Ришелье, завершился с его смертью. Хотя именно о Ришелье написано немало работ, в которых его дипломатическая деятельность неразрывно связана с разведывательными информационными и не только методами. Зато в своём «Завещании» он выразил твёрдую уверенность в необходимости «Непрерывно вести переговоры, открыто или тайно, в любом месте, даже не получая результатов и ещё не видя того, что можно получить в будущем»[315].

Идеологи Просвещения, а затем политики Революции, «нового режима», родившегося в 1789 г., хотели развивать дипломатию добродетельную, разумную и публичную, лишённую лицемерной двуличности[316]. С этой целью они обратились к документам и практикам переговоров послов Генриха IV[317]. Талейран в отношениях с Англией возрождал стратегию переговоров, основанную на стремлении к *пониманию* позиции противоположной стороны, изучении реальной ситуации, в контексте которой ведутся переговоры, последовательном отстаивании своей позиции, убеждении партнёров и противников на основе фактов. Ш. Зоргбиб считает, что таким образом Талейран противопоставил (в очередной раз – Н.Л.) англо-саксонской переговорной концепции компромиссов собственную (французскую, континентальную – Н.Л.), основанную на рациональном, аргументированном, логическом дедуктивном мышлении[318]. Хотя многими этот подход Талейрана упрощённо характеризовался как неуступчивость, в

---

[313] *Pecquet A.* Op.cit. P. 103.
[314] См.: *Mably B. De*. Collection complète des œuvres. V. Principes des négociations pour servir d'introduction au droit public de l'Europe fondé sur les traités, Paris: an III (1794-1795), rééd. M. Belissa. P. : Kimé, 2001. P.225-226, 230-231.
[315] Richelieu, Cardinal de. Op.cit P. 347.
[316] См.: *Belissa M.* Fraternité universelle et intérêt national (1713-1795). Les cosmopolitiques du droit des gens. P. : Kimé, 1998.
[317] *Curban G. de R. de*. La science du gouvernement, ouvrage de morale, de droit et de politique qui contient les principes du commandement et de l'obéissance, où l'on réduit toutes les matières de gouvernement en un corps unique dans chacune de ses parties et où l'on explique les droits et les devoirs des souverains, ceux des sujets, ceux de tous les hommes, en quelque situation qu'ils se trouvent. Paris: Amsterdam, Aix-la-Chapelle, 1761-1765, 8 vol.
[318] *Zorgbibe Ch.* Talleyrand et l'invention de la diplomatie française. Éditions du Fallois, 2011. P. 157, 216-229.

действительности он исходил из того, что прочные отношения, договоры, которые будут действительно соблюдаться, могут быть основаны только на убеждении договаривающихся сторон в их выгодности. Для этого необходимо последовательно прояснять ситуацию (а не запутывать её). Выяснение же фактов, реальности, а не пребывание в плену иллюзий, желаемого, требует также и применения логического аппарата, работы с понятиями, *словами, точности* которых Талейран и все современные дипломаты уделяют важнейшее внимание. Это стратегическое методологическое положение он дополнял тактическим: для точности в словах, формулировках, позициях, но также и для информационной работы вообще (сбора сведений, переговоров) необходимо время и подходящая обстановка: с выводами не следует торопиться, а общению весьма способствует не только переговорный, но и обеденный стол[319].

Важным аспектом переговоров и шире – дипломатической коммуникации вообще, является *количественный* аспект. Ф. де Кальер указывал, что просто необходимо направлять сразу несколько переговорщиков в силу объёма документов, а также «интересов и страстей», которые необходимо учесть. Это же полезно и в отношении стран, где в правительстве существуют различные мнения или, тем более, где идёт гражданская война. Одному дипломату невозможно успеть повсюду. Кроме того, противоборствующим сторонам может быть возможно общение только с теми дипломатами, кто не контактирует с их противниками. Он же описал методику, впервые применённую Генрихом II Орлеанским, возглавлявшим французскую делегацию из трёх послов на переговорах о Мюнстерском мире (1648 г.), которые всегда вместе составляли депеши для единообразного описания фактов, однако отмечая различные мнения по их поводу, если таковое случалось. Ришелье, кроме поручения одного дела нескольким дипломатам, иногда по-разному ставил им задачи, а также дублировал поступление информации посредством тайных агентов, не ставя в известность об этом своих послов[320].

Началом эффективной *многосторонней* дипломатии Л. Бели считает переговоры на Конгрессе в Утрехте (1712-1713-й годы), успешно завершившиеся договором об «испанском наследстве»[321]. Тогда же появился и «вкус» к переговорам, как интеллектуальному, утончённому занятию и *французскому языку, как к средству такой коммуникации*, а также спрос на специальность, профессию переговорщика, и, как следствие, её становление. В общем, отношение к переговорам и их сущности с тех пор практически не изменилось. Во Франции теория коммуникации и более узко –

---

[319] См.: *Schell E.* Principes de diplomatie. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.talleyrand.org/politique/principes_diplomatie.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
[320] См.: *Кальер Ф.* Указ.соч. С. 139-141.
[321] См.: *Bély L.* Op.cit..

переговоров, в т.ч. дипломатических, с 2004 г. разрабатывается в специализированном журнале «Переговоры»[322]. Одной из задач является построение модели *идеальной* цели, которая осуществляется на основе иерархии *ценностей*. Например, переговоры могут иметь целью не только заключение нового соглашения, отражающего позиции сторон на данный момент, но и *не*заключение соглашения, затягивание существования старой ситуации, статус-кво или ситуации неопределённости[323]. В Дипломатическом институте сегодня преподаётся техника переговоров. Однако исследователь дипломатии Ш. Коган заметил, что «французские дипломаты имеют тенденцию с презрением или, по меньшей мере, с небольшим интересом рассматривать само понятие переговоров»[324], имея ввиду, что они предпочитают свою позицию и мало настроены её пересматривать.

За исключением личных встреч посла с руководителем своего государства перед отъездом в командировку и по возвращении из неё, ключевая форма обмена информацией со своим руководством – это *дипломатическая переписка*. Основные виды французской внутренней дипломатической переписки – *депеши* (ранее письма, а теперь, преимущественно, различного вида справки, по-прежнему пересылаемые дипломатической почтой, даже если они дублируются в электронной форме), инструкции, записи бесед, политические отчёты (обобщающие документы, прежде всего, за истекший год), телеграммы (отличающиеся от депеш не только способом передачи – с использованием средств электросвязи, но и специфическим содержанием, учитывающим адресата, необходимость сообщить не полную, как в депеше, информацию по проблеме, а только самую важную и определённым образом представленную). Большинство элементов информации может содержаться в любом из перечисленных документов. Тем не менее, у них есть особенности, как содержания, так и формы, позволяющие провести такую классификацию. Необходимость переписки возникает всякий раз, когда выполнено поручение или собрана и зафиксирована (в записях бесед, обзорах СМИК, полученных оригинальных документах) интересная, заслуживающая внимания центра информация, есть выводы по её поводу, предложения и т.п. Все перечисленные виды переписки являются *официальными* внутренними документами МИД.

Дипломатическая переписка довольно быстро стала публиковаться, использоваться также как образец для учёбы новых агентов. Воспоминания П. Жанана «Переговоры»[325]

---

[322] Négociations [Электронный ресурс] URL: http://www.cairn.info/revue-negociations.htm (дата обращения: 25.09.2015).
[323] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 392
[324] *Cogan Ch*. Diplomatie à la française. P. 129-130.
[325] *Jeannin P*. Les Négociations de Monsieur le Président Jeannin. P. : chez Pierre Le Petit, 1656.

по свидетельствам современников, были настольной книгой Ришелье. А «Письма…»[326] А. д'Осса представляли собой модель дипломатического документа (донесения/телеграммы, справки, ноты), как по композиции, так и по стилю. Можно говорить о том, что д'Осса установил стандарт депеши, которая должна содержать подробное описание ситуации и определение проблемы, формулирование предложений, использовать необычные, привлекающие внимание слова, выражения, детали, делающие запоминающейся её информационную часть.

Практики всегда уделяли внимание количеству и качеству информации в депешах, а также количеству самих депеш. Среди общих претензий к депешам Ж. Отман перечислил следующие: Одни, исходя из своего *желания* (как такового) послать *новую* депешу (а не важную, выверенную информацию), пишут, не проверяя достоверность данных, первое, что удаётся узнать. Другие впадают в крайность писать о *мелочах*, обо всём, что происходит в стране – о ссорах между частными лицами, о любовных похождениях придворных дам, о казнях и других несерьёзных вещах, никак не касающихся государственных дел, о которых пишут эти «газеты Италии», существующие для развлечения. При этом он замечает, что, конечно, есть страны очень удалённые или малозначимые, с которыми нет никаких серьёзных дел. Поэтому послу на таком посту объективно редко когда есть, о чём составить хорошую депешу. Рассматривая *стиль* сообщений, дипломат считает, что в любом случае следует избегать слишком общих слов, а также беспорядочного изложения. Каждая тема должна быть рассмотрена отдельно и надлежащим образом. Заботясь о читателе (а это – госсекретарь и сам монарх), рекомендует разнообразить термины и стиль, особенно, когда приходится много раз писать по одним и тем же вопросам[327]. Актуальна мысль А. де Викфора о необходимости выбирать *стиль* (но не содержание) изложения, опираясь на привычки и желания своего господина[328]. Р. де Шамуа подчёркивал, что для депеши необходима *ясность* (причём посол обязан не только чётко излагать собственные мысли, но и добиваться точного понимания мыслей своего монарха), *своевременность* (информация от посла и указания монарха должны иметься тогда, когда они нужны, без задержек. Общая рекомендация – посылать депеши один-два раза в неделю, кроме чрезвычайных обстоятельств), *объективность* и *историчность* (с течением времени посол обязан «либо подтвердить то, о чем писал в первых донесениях, либо внести в эти сведения необходимые поправки») и, наконец, *правдивость* (не считать «зазорным опровергнуть ранее выдвинутые

[326] Lettres de l'illustrissime et reverendissime. Cardinal d'Ossat, Evesque de Baieux au Roy Henri Le Grand et a monsieur de Villeroy. Depuis l'année M. D. XCIV. IVSQVES a l'annee M. DC. IIII. P. : Bouillerot, 1624.
[327] См.: *Hotman J.* Op. cit. P. 67, 71-72.
[328] См.: *De Wicquefort A.* L'Ambassadeur et ses fonctions. Vol. 2. La Haye, Steucker, 1680. P. 213-215.

предположения, — то есть, не беря пример с тех, которые отказываются это делать, нанося тем самым огромный вред интересам своих государей»). При этом, депеша – этот «живой и правдивый рассказ», позволяющий «государю и министрам мысленно стать участниками происходивших с ним событий», должна быть краткой[329]. А. Пеке считал, что депеши следует писать ежедневно. Главное для их содержания – точность описания фактов. Не следует льстить своему государю, выбирая для депеш то, что он просит. Задача дипломата не обмануть своего государя, а просветить его[330].

Сформировавшись как часть госаппарата, решавшего, как первоочередные, военно-политические задачи, дипломатическая служба поэтому самым тесным образом была связана с добычей и хранением секретов, *секретной информации* о реальном или потенциальном противнике. Практически с самого начала в литературе, посвящённой дипломатии и дипломатам, излагались разные точки зрения на использование послами в своей информационной работе шпионов или методов шпионажа (т.е. выполнение разведывательных задач разведывательными же методами), а также велась дискуссия о специфичности дипломатической работы и необходимости дистанцирования от методов и деятельности других специальных служб. Это обсуждение не прекратилось и до сих пор.

То обстоятельство, что дипломаты в своих произведениях писали не только о том, как работать с тайными агентами, но и о том, как их находить, свидетельствует о некоторых, полученных ими эмпирически социологических выводах. Во-первых, о том, что, *свойства* любой социальной группы, как и отдельного индивида, а также и социальная активность, это *динамические* характеристики. Они формируются и прекращают своё существование. Ценный агент или целая сеть таких людей – это не навсегда. Поэтому, например, Р. Де Шамуа, отмечая полезность платной агентурной сети, писал о необходимости бережного к ней отношения и развития, хотя бы и за собственные средства посла[331]. Во-вторых, делая заключение о качествах таких людей и, как следствие, об информации, получаемой от них, он же напоминал, что это двуличные люди, работающие за деньги, и потому следует тщательно *проверять* достоверность их сведений, сравнивая с другими, не платными источниками[332].

А. де Викфор считал, что «деятельность посла, как *шпиона*, столь же трудна, как и противоестественна. Поскольку он всё время находится под подозрением, все, с кем он имеет дело, также должны быть подозрительны ему. И ему не следует легко верить тому, что говорится. Человек чести не станет передавать сведения иностранцу в ущерб

---

[329] См.: *Руссо де Шамуа Л.* Указ. соч. С. 78, 79-81.
[330] *Pecquet A.* Op.cit. P. 93-94.
[331] *Руссо де Шамуа Л.* Указ.соч. С. 82-83.
[332] Там же.

интересам своей родины. К тому же предатель может быть двойным. Т.е. он может получить своё от посла за предательство, а затем получить и за раскрытие этого факта»[333]. Но при этом, он же написал целую главу под заголовком «Послу разрешено коррумпировать министров двора, с которыми он ведёт переговоры»[334].

Л. Бели выпустил объёмную монографию с подробным исследованием становления и развития французской дипломатии и *шпионажа*[335] в эпоху, расцениваемую историками, как период их расцвета при королевском режиме. На основе этого материала можно предположить, что многие дипломатические успехи были в большой мере обусловлены информационными успехами, достигнутыми недипломатическими средствами. Практический интерес эта книга представляет также и потому, что позволяет сравнить методы и результаты официальной и нелегальной информационной работы. В отличие от дипломатов, не только открыто заявлявших о своём статусе, но следивших за его соблюдением принимающей стороной, как одним из элементов оценки состояния двусторонних отношений, разведчики не только всячески скрывали своё занятие (что естественно), но и выступали в самых разных ипостасях – от аристократов и священников до коммерсантов и безликих анонимных путешественников. Если послы стремились оставаться в стране пребывания и вести переговоры до успеха, то разведчики исчезали при малейшей опасности, любом подозрении. Само существование шпионов порождало ответную реакцию – подозрения, слежку. В то время, как дипломатия, во всяком случае, периодически стремилась к утверждению открытости, честности, аргументированности.

Разумеется, что добывая информацию в других странах, пусть и официально, законом разрешёнными способами, и сами дипломаты всегда были и являются источником информации для представителей других стран, и потому – объектом внимания своих зарубежных коллег (дипломатов, политиков, представителей общественности) и противников (разведки и контрразведки). Уже Р. де Шамуа предупреждал, что даже в своей резиденции за границей «посол должен быть начеку, дабы не оказаться застигнутым врасплох, и тщательно следить за тем, чтобы не сказать лишнего или не выдать своих поступков, которые желал бы скрыть»[336]. Тем более это касалось документов, переписки. Поэтому агентам было запрещено кому бы то ни было показывать депеши, а также оставлять себе их копии[337], что, между прочим, затрудняло информационную работу – приходилось либо всё помнить, либо шифровать, что было опасно. Шифрование переписки, депеш, которыми обменивались послы с центром,

---

[333] *De Wicquefort A.* Op.cit. P. 16.
[334] Ibid. P. 200-213.
[335] *Bély L.* Op.cit.
[336] *Руссо де Шамуа Л.* Указ. соч. С. 73.
[337] См.: *Moreuil, L.-J.-A. de*. Op.cit. T.I. P. 423.

восходит практически к началу становления дипслужбы. Кроме совместной или параллельной работы со своим разведывательным сообществом, у МИД были и собственные уникальные инструменты, пограничного с разведывательной и контрразведывательной деятельностью характера. В частности, ещё в начале XVIII в. французская *почта* оставалась в подчинении Госсекретаря по иностранным делам. Несомненно, что сведения из перехватываемой почтовой корреспонденции иностранцев, в т.ч. дипломатов, значительно дополняли информацию, поступавшую министру от дипломатов и секретных агентов за рубежом[338]. Другим важнейшим направлением работы была *дешифровка* перехваченных иностранных донесений, которую во Франции также организовал и долгое время осуществлял именно МИД. Ж. Арбуа[339] в рамках исследования криптографии описал роль, которую сыграла в этой области шифровальная служба МИД. Оказывается, несмотря на традиционное и верное понимание секретности, шифрования и дешифрования, как атрибутов, прежде всего, военного дела, дипломатия, как часть государственного аппарата, решающая, как и армия, задачи, связанные с внешними силами (государствами), не только нуждалась в защищённых системах связи, но и успешно их создавала и развивала. При «старом режиме» оба политических отдела (Северный и Южный) сами занимались своей шифрованной перепиской. В 1750 г. шифровальный отдел уже существовал, но не обладал монополией. Хотя, кроме военных, дешифровка перехватываемых сообщений иностранных агентов (как и сам их перехват, перлюстрация корреспонденции) была в ведении почтовой службы, она оплачивалась из секретного фонда МИД[340]. Эта практика была прекращена революционным декретом от 10 июня 1790 г. о тайне переписки. Однако 26 октября 1795 г. «чёрный кабинет» – шифровальный отдел МИД был восстановлен. С 1863 г. начался настоящий прорыв в криптографии, результатом которого стало становление в 1880-1900-е годы целой школы мидовских дешифровальщиков, раскрывших шифры своих основных европейских соперников. Вследствие таких успехов, французские военные и полиция также учредили свои дешифровальные службы. Их сотрудников консультировали мидовские специалисты, но в 1899 г. состоялась формальная, а в 1904 г. фактическая передача контрразведывательной дешифровальной активности военным. Тем более, что и в самом министерстве постепенно теряли интерес к дешифровке. Качество дешифрования, отсутствие уверенности в перехвате всех сообщений без пропусков, не позволяли

[338] См.: *Outrey A*. Op.cit. (I). P. 307.
[339] См.: *Arboit G*. La fin d'un monde : le bureau du chiffre du quai d'Orsay en 1904.Centre Français de Recherche sur le Renseignement. Note historique n°10. 06-01-2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.cf2r.org/fr/notes-historiques/la-fin-un-monde-le-bureau-du-chiffre-du-quai-orsay-en-1904.php (дата обращения: 11.02.2015).
[340] См.: *Vaillé E*. Le Cabinet noir. P. : Presses universitaires de France, 1950. P. 46-54.

получать полную информацию и/или правильно её интерпретировать. Сотрудники шифровального отдела были хорошими специалистами по созданию шифров, шифрованию и дешифрованию сообщений, но что они знали о международных отношениях? После 1945 г. были внедрены шифровальные машины.

Сегодня сайт французского МИД поясняет, что представительская функция посла является синонимом не только особых возможностей коммуникации, но и ответственности. Как представитель демократической страны он обращается ко всему народу страны пребывания, общается с самым широким кругом её граждан, потому что в демократических странах каждый в разной мере может участвовать в выработке внешней политики, включая оппозицию, с которой обычно поддерживаются регулярные контакты, которая может однажды придти к власти. Но там, где оппозиция находится в подполье, посол с одной стороны не может не знать, кто из оппозиционеров мог бы завтра придти к власти, а с другой, не должен быть обвинён местными властями в подрывной деятельности, нарушающей статус дипломата. В каждом случае надо находить своё решение. Но его «золотое правило: дипломат действует средь бела дня»[341] (т.е. открыто).

Таким образом, коммуникация, как *передача* информации (как официальных документов, посланий, так и собственных наблюдений) – это задача, поручаемая доверенным лицам (которые сохранят конфиденциальным, не исказят содержания, в случае устного послания, и проч.), но, тем не менее, курьерская, почтовая, техническая, т.е. которую можно заменить машиной. Коммуникация, как *сбор* и *производство* информации, – это занятие для специалистов, квалифицированных кадров. Т.е. поручить его можно любому. Но от качеств дипломата зависит качество собираемой и тем более производимой информации: Что он видит, когда смотрит, слышит, когда слушает, что и как записывает, фиксирует, какие выводы из этого делает, о чём, как и когда информирует Центр. Коммуникация, как *воздействие* информацией на контрагента – дипломата, политика, общественное мнение другой страны (и частично, своей страны), это отдельная функция, которая зависит не только от дипломатов, но и от потенциала государства, которое они представляют. Дипломатическая квалификация и даже искусство имеют значение, но, несомненно, ограниченное этим потенциалом.

Деятельность современной дипломатической службы с позиций *социологии* и *общей теории информации* – это *социально-политический информационный и коммуникационный процесс*. Также определим *дипломатию* вообще, как деятельность специализированных государственных органов (Министерства иностранных дел –

[341] См.: Représentation [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/representation (дата обращения: 23.05.2016).

дипломатической службы) по выполнению внешнеполитических задач, поставленных высшим политическим руководством страны, исходя из соответствующих государственных интересов, специфическими – дипломатическими средствами. Тогда, с позиции информационного подхода, существо этой работы, деятельности (за исключением «защиты», относящейся к консульским обязанностям) можно определить как *коммуникацию с целью сбора, производства и обмена информацией*, в т.ч. и для «поощрения» отношений посредством активных – политических, культурных, научных и экономических мероприятий. Также, тогда основными такими задачами (кроме, согласно Венской Конвенции, (консульской) защиты своих граждан и организаций) являются выполнение поручений руководства (передача официальной информации – посланий, ведение переговоров), сбор и обработка законными для каждой страны пребывания способами любой информации, имеющей значение для развития двусторонних связей[342]. Основными средствами являются целенаправленное квалифицированное наблюдение (установление фактов), коммуникация с гражданами страны пребывания (представительские функции, официальные и общественные контакты, в т.ч. в местном дипкорпусе), переговоры, сбор и изучение информации из официальных источников и СМИК, производство новой, синтетической информации (оценка, выводы, предложения) для своих коллег и заказчиков – политического руководства. Т.е. *практически все задачи и средства дипломатической деятельности можно определить как информационные и коммуникационные.*

С позиции информационного подхода дипломатическая служба в общем виде выглядит следующим образом:

-информационная инфраструктура – институты (МИД и посольства), состоящие из действующих акторов-членов рассматриваемого сообщества, социальной группы «дипломатические агенты», «дипломаты»;

-информация – собираемые данные, сведения и сообщения, производимые на их основе;

-информационный процесс – деятельность дипломатов[343] в своей инфраструктуре и вне её различными способами и средствами коммуникации и работы с информацией.

Выводы Главы 1.

-Современная дипломатическая служба представляет собой часть современного социума – становящегося, усложняющегося, «текучего», сетевого эпохи ЭСИК. Поэтому

[342] Конечно, интерес представляет и информация о третьих странах и, тем более, по проблемам, решаемым в многостороннем порядке.

[343] Здесь и далее дипломаты, сотрудники МИД, другие политики, чиновники и граждане рассматриваются как участники информационных процессов.

она подлежит исследованию в контексте нового прочтения классических и современных социологических концепций, особенно разрабатывающих проблематику информационного общества, и, в первую очередь, с позиций концепций становления социума (П. Штомпка), рефлексивной социологии (П. Бурдьё), «текучести» (З. Бауман), перформатизации смыслов (Дж. Александер), усложняющейся социокультурной динамики (С.А. Кравченко). Этот последний, рефлексивный подход для решения задач данной работы развит и представлен как *рефлексивно-информационный подход*, предполагающий рассмотрение общества, международных отношений и дипслужбы с позиции производства и обмена (коммуникации) информацией между социальными акторами и их социальными сообществами, как структурно-функциональными рефлексирующими системами. Все социальные и политические явления и процессы в дипломатической службе и во внешней к ней социокультурной среде могут быть описаны как информационно-коммуникационные, которые, в свою очередь, представляют собой явления и процессы социально-политические. Никакие социальные связи не могут быть построены и осуществляться без производства информации и коммуникации, на которые необходимо рефлексировать.

-Общий смысл дипломатии, как деятельности становящихся рефлексивных институтов (дипслужб), заключается в целенаправленной деятельности международно признанных суверенных субъектов по *определению* (посредством переговоров) и *закреплению общих* для двух или более участников такой коммуникации *обязательств*, оформляемых в дипломатическом документе («дипломе», т.е. в двух или более идентичных экземплярах для каждой из сторон- участниц). Дипломатические агенты (дипломаты-акторы) – это государственные служащие, осуществляющие эту – дипломатическую деятельность по поручению и в интересах своего суверена (монарха, государства, народа), а также рефлексирующие соблюдение заключённых договоров и изменения ситуации или намерений такие изменения совершить.

-Разработанная дипломатами для целей практической работы методология полевых и теоретических исследований, накопленный в результате деятельности дипломатической службы огромный массив первичных, в т.ч. социально-политических, данных, научной и статистической литературы и их масштабное исследование, заложили основы для будущих работ первых социологов и не только. Многие выдающиеся дипломаты не только действовали на уровне достижений социальных и гуманитарных наук своего времени, но и опережали этот уровень, отслеживали характер знания и мышления людей.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ОТ ЭЛЕМЕНТА БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ К СТАНОВЛЕНИЮ РЕФЛЕКСИВНОГО ИНСТИТУТА, ОСОБОГО СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

2.1. Формирование дипломатической службы как особой социально-функциональной бюрократической структуры

Современная дипломатическая служба прошла несколько этапов в своём развитии, для исследования которых необходимо обращение к рефлексивной социологии. Последовательно развивая свою теорию *социального становления*, П. Штомпка приходит к новой, диалектической и системной концепции общества и его акторов. С одной стороны, его определение общества может показаться упрощением, слишком широким обобщением: «общество – это и есть люди, индивиды в их взаимосвязях»[344]. Но с другой, его пояснения к этому определению открывают новые исследовательские перспективы. Люди, существующие вне социальных связей и структур, такая же абстракция, как и социальные структуры, «существующие» сами по себе. Они неразрывны, и потому каждое социальное явление, определяемое как факт, представляет собой «частицу индивидуально-структурного поля»[345]. Акторы при этом имеют некоторую свободу действий от этих структур, которая, в свою очередь, зависит от *рефлексии*, от того, что люди в данном обществе думают и во что верят. Деятельность акторов нелинейна, испытывает влияние обратных связей, и потому каждое действие в т.ч. создаёт новую социальную реальность, модифицируя текущую, включая самого актора, его деятельностные способности и сети отношений.

Феномен рефлексии свойственен человеку вообще (как и информационно-коммуникационный процесс), и в случае дипслужбы дипломаты и их политические руководители рефлексировали с самого начала её возникновения. Новизна современной дипломатической службы в этом смысле заключается в её рефлексивном характере в целом как института, а не в наличии отдельных проявлений рефлексии. Будучи исполнителями только коммуникационных (по сути почтовых) задач (передачи посланий между своими и иностранными политиками), первые дипломаты и назывались соответствующе – посланцами, исполнителями (слугами). Но уже и в этом случае они имели отличие от просто гонцов, почтальонов, поскольку выбирались не только из доверенных лиц, но и близких в придворном и даже родственном статусе к политическому руководителю, как носителю суверенитета. Их статус предполагал доверительное

[344] *Штомпка П.* Социология ... С. 550.
[345] Там же.

общение, передачу не только письменных, но и устных посланий самого важного содержания.

Следующий этап в развитии функций дипломатического агента – выполнение по-прежнему поручения, но уже другого качества – вести переговоры, необходимо предполагал рефлексию, поскольку для успешных переговоров требовалось понимание *задач*, поставленных сувереном, а также наблюдать и рефлексировать по поводу *ситуации* в иностранном государстве и его руководителей, их реакции на содержание переговоров и т.п. Затем функция наблюдения стала самостоятельной крупной задачей, постепенно вызвав для её осуществления и появление постоянных представительств в иностранных государствах. Это направление рефлексии также вызвало появление *видов дипломатии* (культурной, научной и др.). Кроме того, по мере развития полномочий агентов, диалектически связанных с проблемами коммуникации (удалённости от своих столиц и невозможности оперативного получения новых инструкций в случае изменения ситуации, возникновения непредвиденных обстоятельств), дипломатам приходилось рефлексировать ещё и по поводу будущей реакции собственного политического руководства на свои действия, заранее не оговорённые при формировании поручений для дипломатической миссии за рубеж. Классическим примером является случай дипломатов эпохи рубежа XVI-XVII вв. Н.Б. де Сильри и П. де Бельевра, которые на переговорах о мире между Францией и Испанией в 1598 г. скрыли правду от своего монарха, чтобы можно было продолжить переговоры, и действительно успешно завершили их. Генрих IV одобрил поступок своих послов, но, конечно, опасность гнева монарха была велика.

Также рефлексия в отношении собственных политиков была необходима и потому, что дипломатам, как экспертам по иностранным государствам и международным отношениям, праву и экономике, отводилась важная роль и для составления текстов договоров, при необходимости объяснения своему руководству практик и особенностей иностранных партнёров и проч.

Наконец, последним к настоящему моменту этапом развития рефлексии как сущностного свойства дипломатической службы стала её саморефлексия. Вначале она выразилась в понимании необходимости наличия у министра и послов помощников-специалистов как в центре, так и в загранучреждениях, что привело к отбору способных к дипломатической работе лиц, как её понимали первые дипломаты, а затем к организации и формализации подготовки соответствующих кадров. Это уже потребовало рефлексии функций и задач дипслужбы, равно как и личных и профессиональных качеств лиц, которые должны их выполнять. А затем постепенно дипломатами было отрефлексировано

не только своё отличие от других социально-профессиональных сообществ и групп, в т.ч. в госаппарате, но и наличие своих собственных интересов.

Дипломатическая служба как бюрократическая структура

Для рассмотрения первого этапа становления современной дипслужбы – её формирования как части бюрократической структуры, необходимо использование соответствующей методологии и концепций М. Вебера и ряда других социологов.

Термин «бюрократия» был придуман французским предпринимателем и экономистом Ж.К.М. Венсаном, маркизом де Гурнэ для обозначения государственной власти, в отрицательном смысле вмешивающейся в частные, в данном случае, коммерческие дела. Тем не менее, его смысл как организации управления общественной жизнью посредством соблюдения соответствующих норм, предписываемых законодательством, до того передавался термином «администрация» (во Франции – публичная администрация)[346]. Для дипломатической службы, рассматриваемой как часть государственного аппарата, характерны некоторые черты, свойственные бюрократии вообще, при наличии и собственных, специфических деталей. Согласно М. Веберу, внёсшему основополагающий вклад в оформление бюрократии как одного из предметов социологической науки и его изучение, идеальная – она же рациональная модель организации социальных процессов для достижения определённых целей именно бюрократией и является. Основные черты такого положительно направленного социального механизма обуславливаются полным абстрагированием человека-исполнителя регулятивных норм и правил от своего субъективного начала, личных позиций, оценок, фактически низводя его деятельность до современного компьютера, выполняющего задачи согласно заложенному в него программному обеспечению. Идеальный бюрократ обладает знаниями, необходимыми для выполнения своей (согласно разделению труда) строго определённой и регламентированной работы, действует в составе иерархической системы только в рамках своей компетенции и под постоянный и жёстким контролем непосредственного руководства (отвечая и за действия своих подчинённых), работает по контракту за зарплату, не владея тем, чем управляет, в отношении чего принимает решения, делает карьеру в силу своих компетенций и с возрастанием срока своей трудовой деятельности. В тоже время бюрократ освобождается и от личной зависимости от начальника, его субъективизма и произвола, как это имело место в монархических, доиндустриальных управленческих структурах[347]. Необходимость современной бюрократии вытекала из самих задач организации деятельности большого,

[346] См.: CNRTL. [Электронный ресурс] URL: http://www.cnrtl.fr/etymologie/bureaucratie (дата обращения: 14.10.2016).
[347] См.: *Weber M.* Op.cit.

огромного количества акторов, будь то в компаниях, организациях и тем более в обществе в целом. Однако реальная бюрократия всё же состоит из людей, сформированных и живущих в обществе, постоянно испытывающих его влияние. Кроме того, как всякая социальная группа, бюрократия обладает и собственными законами жизнедеятельности и интересами, которые отличаются от таковых у отдельных индивидов и всего общества и потому являются источником противоречий с ними. Типичные, часто называемые недостатки бюрократии к тому же непосредственно следуют из самого её существа. Это медлительность, нерешительность, формализм, обезличенность и равнодушие, круговая порука. Но самой большой проблемой бюрократии является возможность, а иногда и действительность, функционирования в собственных, а не в общественных (организационных, корпоративных, партийных и проч.) интересах.

М. Крозье ввёл понятие *бюрократического замкнутого круга*. Обилие правил (хотя иногда и их недостаток) порождает *зоны непредсказуемости*, для действия в которых бюрократы создают параллельные официальным властные отношения, которые, в свою очередь, порождают новые проблемы, требующие ещё больше безличных правил для ограничения этих параллельных полномочий и сопутствующего им произвола. Согласно этому социологу, рутина, рост количества правил и стремление к их буквальному соблюдению являются своего рода защитной реакцией бюрократии в ответ на сложность межличностных отношений, попыткой устранить произвол и фаворитизм, как в иерархических отношениях, так и между коллегами по работе[348]. Но одновременно эти правила являются предметом торга в организациях и, тем более, в контексте параллельных, неформальных властных отношений, что позволило, в частности, Ф. Дюпюи и Ж-К. Тенигу, поставить под сомнение якобы очевидную жёсткость бюрократических организаций, которая, по их мнению, проигрывает «гибкости»[349].

Таким образом, если *механистическая* концепция организации основана на тейлористской аксиоме «научного» определения работы каждого члена организации высшим руководством, не оставляющим подчинённым никакого поля для манёвра и требующим подчинения всем правилам, включая возникающие социальные противоречия, *функционалистский* подход, учитывающий «человеческий фактор», в частности, на уровне группы, стал отступлением от этой действительно жёсткой модели Тейлора, после того как проявились её недостатки, вызванные как раз отсутствием сотрудничества между работниками, конфликтами между ними на этой почве. Группа при этом не признаётся самостоятельной социальной единицей, но позволяет мотивировать отдельного работника

[348] См.: *Crozier M.* Le phénomène bureaucratique. P. : Seuil, 1963; *Crozier M.* Le Monde des employés de bureau. P. : Seuil, 1964.
[349] См.: *Dupuy F., Thoenig J.C.* Op.cit. P. 39-52.

ориентироваться на цели как своей группы, так и всей организации. В этих условиях уже появляется небольшое поле для переговоров, прежде всего, по условиям и оплате труда, в т.ч. возможность профсоюзной деятельности. Следующий подход в развитии внутренних процессов в бюрократии М. Крозье и Э. Фридберг, введя понятие стратегического анализа в отношении организаций, описали как *свободу акторов* и их весьма широкие возможности по отношению к структуре организации. Дело в том, что организация представляет собой «человеческую конструкцию» и потому может лучше выполнять свои задачи, осознавая и ориентируясь на стратегические цели организации, а также постоянно уточняя, согласовывая характер своих действий между сотрудниками в рамках «системы конкретных действий», которую они создают для достижения результата. Теперь уже имеется широкое поле для переговоров и компромиссов, хотя между акторами и их группами ведётся борьба за полномочия, которая носит неявный, скрытый характер[350].

Рефлексивная социология П. Бурдьё, разработанная для исследования в т.ч. бюрократии, как части социальной действительности, была нацелена на объяснение рождения символических форм, которые производят и которыми обмениваются социальные акторы, конфликты социальных групп за места в социальной иерархии, обладающих и использующих различные, в т.ч. «символические» ресурсы. Как и в отношении других социальных групп, для дипломатической службы особенно показательно накопление и использование как раз символического капитала, такого как знания, культура, отношения, её положение в госаппарате и обществе.

Развивая свои работы по исследованию французской системы образования, прежде всего, элитарного, с позиции своей концепции *полей, полевого*, т.е. *дистанционного* влияния социальных институтов и их акторов друг на друга, социолог подчёркивал *социальный характер отбора* тех, кто должен был в будущем составить государственную и вообще – управленческую элиту. Распространение всеобщего образования вызвало появление новой сферы конкуренции между социальными группами. Постоянно и жёстко контролируемая учёба в «гранд эколь» (фр. grandes écoles – высшие школы) с их сложными и трудными вступительными и выпускными экзаменами, конкурсы для занятия должностей – это технические аспекты подготовки элиты, маскирующие аспекты социальные. А именно – ритуалы окончания учёбы, получение дипломов – этого «освящения» будущей элиты, отобранной и сформированной на основе не столько полученных знаний, сколько схем мышления[351]. Социальный характер этих процедур Бурдьё обосновывает тем аргументом, что основанием социального доминирования

[350] См.: *Crozier M., Friedberg E*. Op.cit.
[351] См.: *Bourdieu P*. La noblesse d'Etat…

становится уже не конкретная деятельность, а учебные оценки и затем дипломы. *Диплома* (конечно, не любого «болонского» вуза, а только «гранд эколь») достаточно, чтобы быть руководителем, а вовсе не практической способности создавать и поддерживать организованную работу, дисциплину. Обобщая этот феномен в масштабе государства, Бурдьё назвал его «государственной знатью» (фр. noblesse d'Etat), противостоящей остальным индивидам, обречённым ей подчиняться. Таким образом, социолог установил связь между «полем «гранд эколь» и «полем власти». Кроме того, Бурдьё показал, как социальные (образовательные) структуры воспроизводят и себя, и новую элиту, *гомогенную* по своим знаниевым и поэтому и социальным (т.е. доминирующему положению в обществе) характеристикам[352].

Ещё одним важным наблюдением Бурдьё для рассматриваемого случая дипслужбы является отмеченная им возможность одновременного существования и деятельности актора в двух плоскостях, в двух ипостасях, которые, по мнению социолога, противоречат друг другу, фактически являясь противоположными. На примере писателя Г. Флобера П. Бурдьё показывает влияние на актора сразу двух полей, в его конкретном случае – искусства и денег. Казалось бы, писателю необходимо сделать выбор. Однако Флобер, по мнению Бурдьё, его не делает, отказывается от него и становится своего рода зрителем происходящего, в т.ч. и собственных действий[353]. С одной стороны, поле искусства автономизируется, и произведения (писателя в данном случае) связаны с этим полем, в котором они созданы, их признание, как правило, приходит со временем, зачастую после смерти творца. С другой стороны, деятель искусств, нацеленный на коммерческий успех, достигает его гораздо быстрее, иногда сразу же. Но тогда его место и место его произведений в поле искусства Бурдьё носит не чисто творческий, а социальный характер. Но и сам Флобер, в свою очередь, играет важную роль в этом процессе – он также и принимает участие в создании этого поля. Так и дипломаты, как очень квалифицированные эксперты, постоянно находятся в такой же ситуации, когда они выполняют поручения менее компетентных начальников, которые, кроме того, и получаемой от дипломатов информацией распоряжаются некомпетентно, с точки зрения специалистов по международным отношениям.

Хотя Бурдьё представил анализ и экономического «кейса», решая проблему формирования более сложного, чем только *экономического*, критерия для описания классов и социальных групп, необходимого для исследования нового состояния пусть и всё также капиталистического общества, но уже конца XX в., т.е. после становления

---

[352] Ibid.
[353] См.: *Bourdieu P.* Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. P. : Seuil, 1992.

«общества потребления», П. Бурдьё показал значение и других факторов, определяющих место членов социума[354].

Формирование дипломатической службы

Теперь рассмотрим становление дипломатической службы как отдельного института – части государственного аппарата, работа в котором выполняется профессиональными, специально подготовленными для такого вида деятельности чиновниками. До сих пор задачи замещения главы государства на переговорах, а тем более передачи посланий и получения ответа на них выполнялись посредством посланников – лиц из окружения короля, более или менее приближённых к нему в зависимости от важности выполняемой задачи. Т.е. миссии, посольства носили временный, в основном, краткосрочный характер. Дворянин, выполнявший такие поручения, со времени образования пусть небольшого, но уже постоянного государственного аппарата, стал официально называться министром, как и любой другой высший чиновник

Как и все остальные вопросы, внешнеполитическая сфера и дипломатия при «старом режиме», в частности, в монархической Франции была прерогативой монархов. Ситуация изменилась только после революции. Но по-прежнему решение вопроса, кто и как определяет внешнюю политику в государстве, какими обладает *полномочиями в этой сфере*, оказывало и оказывает прямое и основное влияние на то, что и как делают дипломаты, в т.ч. в информационном плане.

Сегодня в целом, как и прежде, внешняя политика понимается, прежде всего, как осуществление национальных интересов за рубежом, а, следовательно, как, потенциально конфронтационное занятие (имея ввиду столкновение с интересами других государств). Поэтому внешняя политика – это традиционно прерогатива высшей политической власти, преимущественно исполнительной (поскольку законодательная власть, даже если она не тождественна исполнительной, может только определять национальные интересы и устанавливать рамки внешнеполитической деятельности исполнительной власти). Дипломатия же, и, прежде всего, дипслужба, призвана смягчить это противоречие – между своими национальными интересами и иностранным суверенитетом, помочь найти компромиссы, взаимовыгодные варианты сотрудничества, а иногда и представить свои собственные инициативы.

В современных исторической, политической и социологической науках продолжают высказываться различные точки зрения о дате и даже эпохе образования дипломатической службы. Тем не менее, в большинстве случаев речь идёт о формально-историческом исследовании документов, обращении внимания, прежде всего, на даты, формулировки.

[354] См.: *Bourdieu P.* Les structures sociales de l’économie. P. : Seuil, 2000.

Вследствие такого подхода у многих французских (и не только) историков распространено мнение об учреждении дипслужбы указом Генриха III от 1 января 1589 г., в котором он поручил одному из четырёх своих государственных секретарей – Л. де Револю работу с документами из фактически всех стран, с главами которых король тогда имел отношения. Этой же точки зрения придерживается и французский МИД, на официальном сайте которого Л. де Револь назван первым министром иностранных дел[355]. Согласно другому мнению, первым госсекретарём по иностранным делам (т.е. профильным министром) ещё раньше – в 1547 г. стал другой крупный чиновник и дипломат К. де Лёбеспин, прослуживший на этом посту двадцать лет[356]. А Г. де Флассан определил целых семь периодов французской дипломатии, и это ещё только в начале XIX в. Первым периодом он счёл само образование монархии, т.е. социального института, прототипа государства, длившееся, по его мнению, до первого крупного международного договора о мире в 1360 г. И дальнейшая периодизация привязана к крупным международным соглашениям и деятельности монархов или ключевых министров[357].

Несмотря на такие различия, все, в общем, согласны, что в любом случае, это был постепенный процесс. Эта позиция, как и следовало ожидать, ярко охарактеризована современным мидовцами всего одним тезисом: «У Франции были дипломаты до министра иностранных дел и [соответствующий] министр – до министерства»[358]. Однако, кроме наличия формальных оснований, во многом ответ на этот вопрос зависит от самого определения того, о чём идёт речь. А. Утрей, в частности, разъясняет, что в то время *любая* информация (письма, документы), в т.ч. из-за рубежа, классифицировалась по *территориальному признаку источников* её происхождения, а ещё точнее – по *географическому направлению*. Т.е. бумаги из соседних стран не отделялись от документов из собственных – французских провинций, расположенных в той же стороне от столицы. Таким образом, в сферу ответственности упоминавшегося уже К. де Лёбеспина входили Шампань, Бургундия, Ла Бресс, Савойя, Германия и Швейцария. И в вышеупомянутом указе 1589 г. не содержалось определения специфики работы Л. де Револя именно с иностранными документами или поручении ему одному ведения дел с заграницей. Как и для других, был только перечислен список курируемых им субъектов (хотя по факту все они оказались зарубежными).

---

[355] См.: Du Louvre au Quai d'Orsay [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/patrimoine-historique-du-quai-d-orsay/article/du-louvre-au-quai-d-orsay (дата обращения: 24.03.2016)

[356] См.: Histoire de l'Europe et de la Méditerranée [Электронный ресурс] URL: http://www.histoireeurope.fr/RechercheLocution.php?Locutions=Claude+II+de+L'Aubespine (дата обращения: 12.04.2016).

[357] См.: *Flassan G. de R. de*. T.1. P. 43-45.

[358] См.: Du Louvre au Quai d'Orsay. Op.cit.

Как уже упоминалось, собственно *дипломатическая* функция только постепенно выделилась из более общей *административной* функции госаппарата, которая развивалась как *общегосударственная*. Пост государственного секретаря вообще был учреждён указом Генриха II 1 апреля 1547 г., поделившего курирование провинций королевства и зарубежных стран между четырьмя высшими чиновниками (секретарями). С 1558 г. эта должность стала называться государственный секретарь (secrétaire d'Etat), что соответствует современному министру. Главной функцией всех четырёх госсекретарей оставалась финансовая и управленческая (с целью обеспечения доходов и сбора налогов). Только указ Людовика XIII от 11 марта 1626 г. (подготовленный Ришелье) прямо и окончательно сосредоточил переписку с иностранными суверенами под началом одного госсекретаря – Р.Ф. д'Эрбо, который стал, таким образом, первым *госсекретарём по иностранным делам* и формально (по наименованию должности – le secrétaire d'Etat aux Affaires Etrangères). Но даже после этого, и этому чиновнику, и его приемникам, практически до революции приходилось заниматься и делами внутренними. С другой стороны, дипслужбе долгое время не удавалось сосредоточить в своих руках всю собственно международную деятельность. В частности, только после революции МИД смог, наконец, получить под своё руководство такой важнейший инструмент внешнеполитической деятельности, как *консульская* служба, которая контролировалась морским министерством[359].

Но, кроме формального указа, такое же важное, значение имел новый методологический подход к дипломатии, на основе и для реализации которого, очевидно, и был издан упоминаемый указ. Следует согласиться именно с теми историками, которые говорят о становлении дипслужбы во Франции как раз при Ришелье, в то время (1624-1642 годы) первом министре, вследствие качественного изменения его подхода к предмету – иностранным государствам и отношениям с ними. Во-первых, при Ришелье и по его поручению вырабатывается и утверждается сама концепция *государства* (и термин «государство», у Ришелье – *Estat*[360]), а также *суверенитета*, носителем которого является монарх[361]. Он ставит в центр монарха не как конкретного человека, а как символ государства и выразителя государственных интересов – теперь деперсонифицированных, потому как выводимых из объективных (географических, экономических и проч.) факторов. Отсюда необходимость их стабильности, преемственности, которую может обеспечить только госаппарат как таковой – социальная структура, механизм, а не толпа,

[359] За исключением периода 1761-1766-ого годов, когда она побывала в составе МИД.
[360] См.: Testament Politique de Richelieu. Édité par Françoise Hildesheimer. P. : Société de l'Histoire de France, 1995. P. 42.
[361] См.: *Cardin Le Bret*. De la souveraineté du Roy. P. : Quesnel, 1632. P. 4.

пусть и состоящая из лиц благородного происхождения. Ришелье констатировал у них пренебрежительное отношение к союзам с другими государствами, предпочтение интересам частных лиц вместо государственных, отдаваемое этими самыми частными лицами, которым монарх поручает вести дела. Всё это в конечном итоге умаляло достоинство короля и вело к катастрофе, т.е. возможности однажды потерять всё (само государство, трон)[362]. Кроме того, при смене чиновника менялась и политика, в т.ч. и международная, что также было плохо, слишком субъективно. Т.е. дипслужба и в данном случае выступала как составная часть формировавшегося тогда общего аппарата абсолютистского впоследствии государства[363].

Во-вторых, и вследствие этой концепции, Ришелье по-новому определяет сущность и задачи дипломатии и дипломатической службы, как части госаппарата. В своём «Завещании» он выражает твёрдую уверенность в необходимости деятельности, ранее по его словам, не проводившейся во Франции: «Непрерывно вести переговоры, открыто или тайно, в любом месте, даже не получая результатов и ещё не видя того, что можно получить в будущем, абсолютно необходимо для пользы государств»[364]. Переговоры же, в свою очередь, – это коммуникация, обмен информацией, которую надо собирать и создавать. Иными словами, Ришелье делает теоретический вывод относительно дипломатической активности, основанный на его же эмпирически полученном материале, а также о своей практике – *фактической* организации и ведении такой *постоянной информационной работы в отношении иностранных государств*, а не деятельности только от случая к случаю, как реакции на какое-либо событие. Позднее эти принципы присутствуют уже практически во всех произведениях о дипломатии. Например, Ф. де Кальер, называет двумя основными задачами дипломата (переговорщика, министра), направляемого в другую страну, «ведение дел своего государя и выведывание таковых тамошнего [правителя]»[365].

Вторым таким качественным изменением отношения к дипломатии и дипслужбе следует считать революцию, после которой начался процесс формирования *научных* основ дипломатической теории и практики. В. Мартин, исследовав дипломатическую деятельность, в т.ч. сбора и циркуляции информации, постреволюционной Франции, пришла к выводу, что кроме превращения из привилегии элит, отбираемых и действующих согласно воле короля, в публичную деятельность, поручаемую «специалистам» согласно критерию компетентности, дипломатия также перестала быть

[362] Testament Politique de Richelieu. P. 42.
[363] См.: *Cornette J*. L'affirmation de l'État absolu 1492-1652. Hachette Éducation, 2012.
[364] См.: *Richelieu Cardinal de*. Testament Politique. Édition Critique publiée avec une Introduction et des Notes par Luis André et une Préface de Léon Noël. P. : Laffont, 1947. P. 347.
[365] *Callières F. de*. Op.cit. P. 85.

«искусством переговоров» в интересах монарха. Она стала *наукой о национальных интересах*[366].

В связи с ростом количества контактов и документов Генрих III разрешил госсекретарям формировать собственный аппарат нанимать, до шести помощников – чиновников, в обязанности которых входило делать ежедневные резюме всей входящей и исходящей корреспонденции, в т.ч. и документов по иностранным делам, а также копировать все тексты в специальную книгу[367].

Постоянные посольства королевства Франции были учреждены в 1522 г. в Швейцарии, в 1528 г. в Лондоне и Лиссабоне, в 1536 г. в Оттоманской империи, в 1541 г. в Копенгагене, в 1550 г. в Риме. Но главными по-прежнему оставались посольства временные, *экстраординарные*, направляемые в связи с конкретными поручениями.

Между тем, до революции дипломатическая служба страны как институт существовала уже не менее полутора веков и, как и все остальные государственные институты, находилась в исключительном ведении монархов. Поскольку все чиновники, и потому также и госсекретари, и министры иностранных дел, и послы назначались монархом, то и исполняли они только его указания, и отчитывались только перед ним. Важность работы и её качество оценивались продвижением по службе. Чиновники, начиная с декларации Генриха IV 1599 г., стали получать звания служащих, чиновников – «комми» (commis), т.е. порученцев, тех, кому сам король давал поручения (один из смыслов фр. глагола commettre), а также «Главных комми», «Первых комми» (Principal commis, Premier commis), т.е. порученцев, госслужащих высшего ранга[368]. Но кроме признания заслуг, росли и полномочия – такому чиновнику разрешалось составлять письма госсекретаря, которые он парафировал заглавными буквами так же, как сам госсекретарь делал это с письмами от имени короля (каковая традиция продолжается до сих пор и не только во Франции). С 1659 г. таких высших чиновников – по сути, руководителей секретариата или аналогов современных департаментов министерства, стало двое, с 1661 г. – трое, под началом каждого из которых трудились от трёх до шести чиновников. В дальнейшем их число варьировалось примерно в этих же границах. Это было связано с соответствующим количеством политических отделов (bureau), занимавшихся взаимоотношениями со странами, разделёнными по географическому признаку.

---

[366] См.: *Martin V.* La diplomatie en Révolution...

[367] См.: *Outrey A.* Op.cit. (I) P. 311.

[368] В нашей литературе этот термин переводится как управляющий делами и т.п., но в данной монографии здесь и далее использован перевод «комми», чтобы подчеркнуть специфичность термина. «Комми» использовались также и для обозначения служащих вообще, причём с течением времени – всё менее значительных, зато вплоть до 1930-х годов.

Ж.-Б. Кольбер был также организатором широкомасштабной *экономической дипломатии*. Его младший брат, Ш. Кольбер де Круасси, посол и госсекретарь по иностранным делам (1680-1696-е годы) учредил систематический *архив* всех дипломатических документов, датированных после 1660 г., классифицированных по географическому и хронологическому признакам. Его племянник, Ж.-Б. Кольбер де Торси, также посол и госсекретарь по иностранным делам (1696-1715-е годы) организовал архивную службу в том качестве, как мы понимаем её сегодня[369], а кроме того, открыл в 1712 г. Политическую академию (L'Académie politique) – первую французскую школу профессиональных дипломатов.

В 1661 г. во Франции было регламентировано и движение внутренней официальной информации, ранее осуществлявшееся на основе сложившейся на практике традиции: послы, посланники и резиденты адресовали свои депеши непосредственно королю, сопровождая их краткими записками госсекретарю по иностранным делам. Ответы им составлял государственный секретарь также от имени короля[370]. После возвращения на родину посол являлся к госсекретарю и в его сопровождении устно кратко отчитывался перед монархом, который в конце высказывал свою оценку достигнутым результатам. Затем посол был обязан представить подробный письменный доклад обо всей своей работе, о которой он сообщал, находясь в загранкомандировке[371].

При всём этом, хотя во Франции к закату «старого режима» (в конце XVIII в.) была самая большая дипломатическая служба в Европе, в её центральном аппарате трудилось на постоянной основе всего 70 чиновников. Ротации кадров не существовало – за редким исключением сотрудники аппарата не назначались послами и другими дипломатами и наоборот. Каждый всю свою карьеру проводил либо в своей столице, либо за рубежом.

2.2. Развитие дипслужбы в направлении рефлексивного института под влиянием Великой французской революции 1789 г.

Революция 1789 г. оказала огромное и разноплановое влияние не только на саму Францию, но и на весь мир. Также как и весь госаппарат, дипломатическая служба страны, её дипломатия, и в целом внешняя политика после революции подверглись большим изменениям, получили новые форму и содержание, что отразилось и на зарубежных государствах. В тоже время, новая дипломатия сыграла определённую роль и в судьбе самой революции. Эти изменения не были одномоментными, а представляли

[369] См. подробно: *Baschet A.* Histoire du Dépôt des Archives des Affaires Etrangères: à Paris au Louvre en 1710, à Versailles en 1763 et de nouveau à Paris en divers endroits depuis 1796. P. : PLON, 1875.
[370] *Шамуа Л. Р. де*. Указ.соч. С. 81.
[371] Там же. С. 89.

собой длительный по историческим меркам процесс, завершившийся, как и сам антимонархический революционный процесс, только после окончательного установления республиканской формы правления в 1870 г. Но уже после 1789 г. дипслужба и дипломатия перестали быть такими, как прежде, и эти изменения оказывали своё влияние во все последовавшие периоды.

В начале революционного процесса монархия была только ограничена, но не отменена вовсе. В т.ч. управление внешней политикой и потому и дипслужбой осталось у короля. Однако, содержание и результаты её деятельности – переписка и договоры были, как минимум, формально, поставлены под контроль выборного органа. Это происходило в рамках общего вектора политической борьбы, направленного на создание и расширение полномочий *выборных* органов. 26 августа 1789 г. Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», согласно которой, помимо прочего, источником суверенитета объявлялась «нация». Это заложило юридические основы формирования новой политики, в т.ч. внешней, теперь от лица уже нового суверена – нации, сменившей в этом смысле монарха. Кроме того, в ходе последовавшего ограничения полномочий короля и административной реформы вместо госсекретарей стали назначаться министры (всего шесть), в т.ч. *министр иностранных дел*. Поскольку внешней политикой продолжал руководить король, первые послереволюционные министры были теми же дворянами, дипломатами и военными, служившими монархии и ранее. 3 сентября 1791 года Национальное собрание приняло Конституцию. Король присягнул ей и был восстановлен во многих исполнительных (но не законодательных и судебных) полномочиях. Хотя и их он мог осуществлять только через министров. Эта конституция 1791 г. просуществовала лишь менее года.

После начала революции международная деятельность, как и остальная политика, стала предметом преобразований и борьбы, прежде всего между единственной до тех пор *исполнительной* властью и новой – *законодательной*. В революционной Франции с 29 июля 1790 по июнь 1793 года действовал Дипломатический комитет (le Comité diplomatique), созданный Законодательным собранием (позднее – Национальный Конвент) и, таким образом, законодательная власть, во всяком случае, формально, на время взяла верх над исполнительной в вопросах определения и исполнения внешней политики. Однако французские исследователи считают также, что это была не вполне удачная попытка поставить под парламентский контроль деятельность министерства, ведь дипломатия и по Конституции 1791 г. ещё оставалась исключительной прерогативой короля. При том, что любой революционный комитет той поры брал на себя часть и

исполнительных функций, борясь с инерцией и слабостью правительства, как при конституционной монархии, так и республиканского.

Дипломатический комитет (le Comité diplomatique), как и другие комитеты, был создан Национальной ассамблеей для осуществления *связи* (устной и письменной) с соответствующим департаментом исполнительной власти – Министерством иностранных дел, но также и определённого контроля над ним. Поскольку первоочередной задачей было сохранение революционных завоеваний (если не их развитие), которым угрожали не только внутренние, но и внешние силы, то и внешняя политика, и работа МИД интересовали парламент, прежде всего, с этой точки зрения. В. Мартин выделяет три этапа в деятельности Дипломатического комитета. Первый – пассивный, во время работы Учредительного собрания, под руководством О. Г. Р. де Мирабо, старавшегося максимально возможно сохранить всё, как было при короле, включая его полное руководство службой и внешней политикой. Второй – «военный», во время работы Законодательного собрания, когда комитет стал реальным органом внешней политики в руках по преимуществу жирондистов, «машиной войны», позволившей организовать «марш на войну». И, наконец, третий – в период Республики, когда комитет стал вспомогательным органом нацеленной на войну и её пропаганду дипломатии жирондистов, завершив вместе с ними своё существование в июне 1793 г. Суммировать его опыт можно следующим образом: не сумев содействовать миру и оказавшись не способным предложить проекты законов по реформе дипломатии, комитет всячески способствовал законотворчеству в направлении войны[372].

Первоначально планировалось, что комитет будет занят юридической задачей технического плана – проверять международные договоры «старого режима» (l'Ancien Régime) на их соответствие новым идеалам и задачам. Но в условиях угрозы войны он постепенно стал также играть и политическую роль – контролировать министра иностранных дел. Впервые вопрос о создании такого комитета был поставлен в ходе «дебатов о войне и мире» 14-22 мая 1790 г. (о военной поддержке союзной Испании против Англии), превратившись в вопрос разграничения полномочий между законодательной и исполнительной властями – как и сколько свободы в сфере внешней политики оставить министерству, монопольно контролируемому королём? 27 июля Ассамблея принимает декрет об учреждении Комитета по иностранным делам (Comité des affaires étrangères) в составе 12 человек, хотя его полномочия ограничиваются только проверкой договоров.

---

[372] См.: *Martin V.* Le Comité diplomatique : l'homicide par décret de la diplomatie (1790-1793) ? La Révolution française [En ligne] URL:, 3 | 2012. [Электронный ресурс] URL: http://lrf.revues.org/762 (дата обращения: 26.10.2015).

По мнению В. Мартин, Мирабо до своей смерти 2 апреля 1791 г. фактически блокировал работу комитета, рассматривая несущественные вопросы. Но есть и другая оценка – о нежелании Мирабо создать предлог для иностранного вторжения, что отчасти подтверждается последовавшей бурной активностью комитета. После его смерти сразу начались атаки на комитет (за некомпетентность) и на МИД (за нерадивость) – и это перед лицом иностранной военной угрозы. Новые выборы изменили баланс сил в комитете в пользу левых и радикалов. Была определена и главная проблема – *секретность*, под предлогом которой МИД предоставлял в комитет и в Ассамблею в целом только те документы, которые у него запрашивались, а также сводные отчёты о международной корреспонденции, с теми цитатами, которые находило нужным указать. Но как запрашивать то, о самом существование чего можно и не знать? С апреля 1791 г. министерство было обязано присылать в комитет всё, что затрагивало безопасность границ и общее дипломатическое положение Франции, подлинные документы, в т.ч. секретные.

Ожесточённая, но, тем не менее, парламентская борьба развернулась вокруг внешней политики и министерства иностранных дел, как её исполнителя. Внимание революционеров к ней было связано с необходимостью защиты достижений революции от внешних угроз, а также французских территориальных интересов (чтобы соседи не могли воспользоваться внутренними процессами для приобретения территорий, которые Франция считала своими). В свою очередь, МИД, остававшийся, как и внешняя политика, в сфере полномочий короля, работал под его руководством в другом направлении – сохранения, а в перспективе и возврата к прежнему статус-кво, т.е. ничем неограниченной королевской власти. В т.ч. для этого король использовал не только кадры, но и денежные средства, которые были у министерства.

Поскольку, как было рассмотрено выше, понятие «дипломатический» относилось к документам, Дипломатический комитет был создан для рассмотрения *договоров* старого режима с иностранными государствами на предмет их соответствия Конституции, а также новых, заключаемых уже конституционной монархией, причём, прежде всего, с точки зрения национальной безопасности. Эта деятельность была минимальной – были рассмотрены всего три договора и то, они касались пролонгации торгового соглашения и компенсаций с немецкими микрогосударствами.

Интересна и обратная связь, влияние самой дипслужбы, отдельных дипломатов на определение и исполнение внешней политики. В начале деятельность Комитета полностью контролировал Мирабо. Он установил два принципа, которые соблюдались и после его смерти: во-первых, признание и уважение всех договоров, заключённых старым

режимом, и, во-вторых, обязательство в соответствии со статьёй 4 договора от 22 мая 1790 г. о сохранении в этих договорах только статей строго оборонительного характера. Т.е. Мирабо хотел, чтобы Комитет исследовал эти договоры и направил заключения министрам короля для проведения переговоров по *обновлению* нуждающихся в этом договоров.

Декретом от 14 октября 1791 г. теперь уже в новом парламенте – Законодательном собрании был воссоздан Дипломатический комитет, который за несколько месяцев инициировал несколько декретов, закончившихся объявлением войны 20 апреля 1792 г. Одним из основных направлений работы стал вопрос о контрреволюционной эмиграции, о которой комитет (вместе с комитетом по законодательству) стал собирать информацию и составлять отчёты. Также обновлённый комитет получил, наконец, полномочия по контролю над деятельностью МИД, в т.ч. определять основания, на которых исполнительная власть *должна* вести переговоры с иностранными державами[373].

Активные члены комитета предложили потребовать от держав прояснить свои намерения относительно Франции. Комитет попросил короля обновить дипсостав, чтобы ввести в него министров (старших дипломатов, посланников) – патриотов, а также, чтобы получать от них «надёжные» сведения, а не слухи, для обеспечения успеха предстоящих переговоров. Но главным содержанием его деятельности и результатов стал фактически переход от «классической» дипломатии переговоров к «дипломатии» ультиматумов: По мнению членов комитета, дипломатия, находившаяся в руках послов-роялистов, не могла обеспечить уважение национального достоинства и стала инструментом контрреволюции. И если ситуацию не получается изменить переговорами, то надо отказаться от них вовсе – война становится необходимой. Только войной получится принудить державы признать суверенитет новой Франции. При этом, как считает В. Мартин, ни Давёру, ни Бриссо не хотели падения конституционной монархии, ни освобождения соседних народов, а только сделать то, от чего отказывалась королевская дипломатия – защитить независимость страны, изменившейся вследствие революции.

Кроме этого, комитет этого состава продолжил работу с принципами внешней политики, в частности, с провозглашённой солидарностью народов, вытекавшей из их равенства. Конкретным вопросом явилось положение иностранцев во Франции и французов за границей. Европейское право, в виде системы межгосударственных договоров, созданное во многом благодаря усилиям французской дипломатии эпохи «старого режима», оказалось несовместимым с новым правом, формируемым декретами нового парламента. В этих условиях комитет, однако, подчинил продвижение

[373] См.: *Martin V.* Le Comité diplomatique …

«естественных прав» всех народов и солидарность с ними национальному интересу, конкретно – исходил из того, насколько уважительно то или иное государство относилось к французам. Для этого надо было знать, владеть соответствующей информацией из-за границы. Именно по этой причине комитет постоянно оспаривал у министра иностранных дел монополию на дипломатическую информацию, и, наконец, инициировал принятие трёх декретов в свою пользу. Декрет 1-2 января 1792 г. обязал министра иностранных дел сообщать все данные о заговорах, готовящихся французскими контрреволюционерами при иностранных дворах, а также о самих заговорщиках. Декрет от 2 февраля 1792 г. впервые нарушил «золотое правило» о дипломатическом секрете – предоставил членам дипломатического комитета право читать полные депеши послов и инструкции им министра, а не только отрывки из них. Это стало следствием недоверия к министру и послам, по мнению депутатов, недоговаривавших им всей правды. Фактически же таким образом парламентский комитет получал доступ к переговорам, проводимым исполнительной властью. Наконец, декрет от 14 марта 1792 г. обязал министра передавать в комитет *копии всей дипломатической переписки*, что, по мнению ряда историков, и следует считать настоящим переходом дипломатии из ведения министерства в ведение комитета Законодательного собрания. Но, даже получив возможность знакомиться с информацией, комитет по-прежнему не мог участвовать ни в подборе дипломатических кадров, ни влиять на переговоры.

Все силы устремились к войне: король и верная ему аристократия рассчитывали при поддержке других монархий на реставрацию, революционеры – на окончательное её устранение. 10 августа 1792 г. королевский дворец был взят штурмом, а Людовик XVI низложен. Законодательное собрание 21 сентября 1792 г. созвало Национальный конвент (Convention nationale), который 22 сентября упразднил монархию и провозгласил Францию *республикой*.

С осени 1792 г. до весны 1793 г. происходит военная экспансия молодой республики, и деятельность дипломатического комитета Национального Конвента иногда называют золотым веком «дипломатии пропаганды» (жирондистов). Новому комитету из девяти членов предложено изучать и предлагать Национальному Конвенту всё, что может быть интересно Республике в области её отношений с другими нациями. Таким образом, впервые у парламентариев появляются два новых вида полномочий: инициативы во внешней политике (предлагать…) и более не надзирать, но изучать работу МИД. Таким образом, Республика устанавливает согласование между своими законодательными комитетами и Исполнительным Советом. Дипломатический комитет более не оппонент, но помощник МИД, и в этот начальный период республики занимается не столько

собственно дипломатическими, сколько военными вопросами – организации присутствия французских войск в завоёванных странах, а также проблемами «освобождённых» народов, т.е. по сути – легитимацией завоеваний. В частности, в документах комитета содержатся рекомендации генералам конфисковать имущество только дворян, признание права народов на свободное (т.е. без вмешательства французов) создание собственной Конституции при условии отказа от завоеваний и признания принципа суверенитета народов (т.е. это фактически подтверждение принципа самоопределения). Но и такая работа дипломатического комитета постепенно, к началу 1793 г. сходит на нет. 21 января 1793 г. после суда король был казнён, Конвент 14 февраля 1793 г. провёл важную реформу, переподчинив из ведения Морского министерства в МИД институт консулов. Это означало повышение значения торгово-экономических связей во внешней политике. Но сам дипломатический комитет после прихода к власти якобинцев летом 1793 г. перестал оказывать влияние на внешнюю политику и МИД, в котором в очередной раз произошла замена многих «старых» кадров на «революционные»[374]. Практически (а с 5-ого декабря 1793 г. – и официально) вся власть, включая и определение внешней политики, оказалась под контролем Комитета общественного спасения (Comité de Salut public). Не дипломаты, а политики и всё больше военные осуществляли также и дипломатические функции. В общем русле революционных преобразований МИД был переименован в Комиссию по внешним связям (Commission des Relations extérieures)[375], которую возглавил *комиссар* по иностранным связям Ф. Бюшо. Тем не менее, несмотря на указанные противоречия, дипломатический комитет всё-таки был попыткой установления, как минимум, информационного контроля над внешней политикой и дипломатией. В любом случае он положил начало качественно новым отношениям дипслужбы и политической власти – политической ответственности министра иностранных дел перед высшим выборным законодательным органом.

В годы директории (1795-1799-е годы) французская дипломатия тем более находилась в руках генералов (в т.ч. и Бонапарта), которые самостоятельно, т.е. без инструкций центра вели переговоры и дипломатическую переписку, заключали договоры. В 1797 г. министром иностранных дел (внешних связей) был назначен Ш. Талейран. Его деятельность до сих пор расценивается по-разному, в т.ч. при Директории. Но он провёл большую реформу МИД. В русле новых революционных веяний персонал загранпредставительств был уменьшен и организован строгой дисциплиной, в

[374] Вообще, в революцию дипломатические кадры существенно пострадали, причём не только потеряв место службы; несколько дипломатов были казнены. Подробнее о МИД в тот период см., в частности: *Masson F.* Le Département des affaires étrangères pendant la Révolution. P. : Plon. 1877.
[375] А посольства – в легатства (legations).

министерстве была восстановлена консульская служба (бюро). Важно также, что Талейран сделал большой шаг в укреплении приоритета МИД в осуществлении, если не всей внешней политики то, как минимум, дипломатических функций, осуществления внешнеполитических контактов и движения информации: указы Директории от 10 июля 1799 г. (22 мессидора VII г. революции) предписывавшие всем иностранным представителям во Франции обращаться в министерства только через МИД. 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII г. революции) Наполеон Бонапарт сверг Директорию и провозгласил себя первым консулом (фактически стал главой государства). Талейран вновь был назначен министром. Однако борьба за регулирование дипломатических отношений и переписки была не окончена. Сразу после отставки Талейрана (в 1807 г.) пришлось издавать новые декреты по этому поводу. Уже 25 апреля 1808 г. вышел новый циркуляр, «напоминавший» чиновникам, что только от МИД они могут получать указания по поводу любых дипломатических демаршей. Только консулы могли самостоятельно обращаться в Министерство морского флота и торговли, но с обязательным уведомлением о том министра иностранных дел[376]. Наконец, 25 декабря 1810 г. Наполеон, уже став императором, издал фундаментальный и для современной французской дипслужбы декрет по этому поводу:

«Наполеон, Император Франции, Король Италии…

Поскольку многие из наших министров состоят в переписке с иностранными послами, министрами и поверенными в делах, получая от них письма и отвечая на них, и такая практика противоречит нашим интересам, мы решили объявить нашу волю по этому важному вопросу посредством правового акта.

В этой связи мы постановляем нижеследующее:

Статья 1. Ни один из наших министров Департамента, государственных министров, Государственных советников, глав администрации не может ни под каким предлогом получать письма от иностранных послов, министров или поверенных в делах, членов иностранных дипломатических миссий или офицеров иностранных служб. Оригинал любого письма, которое может быть ими получено по любому делу малой или большой важности, в течение двадцати четырёх часов должен пересылаться нашему Министру внешних связей.

Статья 2. Нашим министрам, Государственным советникам категорически запрещено отвечать – письменно или устно на любой запрос или жалобу, будь то малой или большой важности, которые могут поступить от иностранного агента. Единственным

[376] См.: *Baillou J., Lucet C., Vimont J*. Les Affaires étrangères et le corps diplomatique français. P. : Editions du CNRS, 1984. Tome I. P.454.

ответом должен быть ответ о необходимости обращаться в Министерство иностранных дел.

Статья 3. Наши министры ответственны за реализацию настоящего декрета»[377].

Поражение Наполеона и реставрация монархии, вторая республика и вторая империя, переезд министерства в соответствующее «имперское» здание на набережной Орсэ, давшей известное неофициальное название французского МИД, – эти события и многочисленные реформы внешнеполитического ведомства исследованы и описаны гораздо шире, чем предыдущие периоды. В середине XIX в. в министерстве было четыре управления: политическое, консульское и торговли, архивов и канцелярии, финансов и бухгалтерии. Основное, политическое управление состояло из трёх территориальных отделов – Север[378], Центр и Америка, Левант, а также отдела спорных вопросов. Политическое управление под ежедневным руководством министра занималось составлением инструкций представителям и агентам Франции за рубежом и ведением дипломатических переговоров. Из других подразделений следует отметить кабинет министра, который получал и отправлял всю корреспонденцию, вскрывая, регистрируя и расписывая её другим службам. Его же сотрудники анализировали политические депеши, предназначенные для показа императору, а также занимались секретными вопросами. Кабинету напрямую подчинялись отделы протокольный, шифровальный, статистики и переводов. Весь аппарат МИД насчитывал всего 85 дипломатов. Для сравнения, в тоже время французская консульская служба за рубежом насчитывала 888 агентов (28 генеральных консулов, 43 консула первого класса, 44 консула второго класса, 97 сотрудников канцелярий генконсульств и консульств, 43 секретаря-переводчика и драгомана, 88 вице-консулов, 363 консульских агента без содержания и др.)[379] Впоследствии структура министерства многократно изменялась посредством создания и упразднения различных управлений и департаментов по географическому и функциональному признакам, что подробно описано в литературе[380]. Качественно новые явления и процессы с точки зрения информационных процессов появляются во французской дипломатической службе только после Второй мировой войны. Поэтому до этого периода ограничимся лишь самой краткой исторической информацией, имеющей отношение к рассматриваемой теме.

---

[377] Цит. По: *Pierry L.* Op.cit. T.2. P. 77.

[378] Занималось отношениями с Великобританией, *Россией*, Пруссией, Австрией, германскими государствами, Бельгией, Нидерландами, Швецией и Данией.

[379] См.: *Moreuil L.-J.-A. de*. T.II. P. 127-133.

[380] См., например, уже цитировавшийся фундаментальный двухтомник: *Baillou, J., Lucet, Ch., Vimont, J.* Les affaires étrangères et le Corps Diplomatique Francais...

Третья республика (Troisième République) — политический режим, существовавший во Франции с 4 сентября 1870 по 22 июня 1940 года. Установился в результате революционной ситуации, спровоцированной быстрым военным поражением в начавшейся 19 июля 1870 г. франко-прусской войне. 10 мая 1871 г. с Германской империей был заключен франкфуртский мир, по условиям которого Франция теряла Эльзас и Лотарингию и обязывалась выплачивать огромную контрибуцию. В результате длительного и сложного законодательного процесса республиканцы с небольшим перевесом одолели сторонников восстановления монархии, и новая Конституция, принятая с перевесом в 1 голос, утвердила во Франции республику во главе с Президентом. Ему стала принадлежать исполнительная власть, включая назначение чиновников. Новый режим, особенно в период президентства Жюля Греви (1879-1887), показал значительную экономическую и финансовую эффективность. Это позволило республиканцам существенно потеснить клерикалов, прежде всего, в образовании, т.е. существенно сузить их возможности по воспроизводству верующих (в 1880 г. был принят закон об обязательном светском обучении). А в сфере внешней политики началась быстрая колониальная экспансия.

Не просто развивалась и история с правами человека. В 1802 г. Наполеон I восстановил рабство во французских колониях, где оно просуществовало до 1848 г. Хотя, например, на Мадагаскаре, который французы объявили не колонией, а протекторатом, рабство отменили только в 1896 г. К гражданам и человекам, правам которых была посвящена соответствующая декларация, женщин присоединили только в 1944 г. (а первые реальные выборы с их участием прошли в 1945 г.). С другими народами отношения были ещё сложнее: *деколонизация* осуществилась только под давлением США и СССР, стремившихся продолжить мировую конкуренцию и в захваченных европейцами перед мировыми войнами огромными территориями. Но и в этой новой обстановке, в т.ч. после сокрушительного поражения от Германии, Франция никак не хотела отказываться от «бремени белого человека». Четвёртая республика немедленно после восстановления независимости страны, с 1946 г. повела тяжёлую войну за сохранение своих колоний в Индокитае и проиграла её в 1954 г. после тяжёлого поражения (в итоге ключевого сражения за Дьенбьенфу в плен сдались более десяти тысяч солдат и офицеров). Через несколько месяцев, в ноябре того же 1954 г. началась партизанская война в Алжире, переросшая в тяжёлые кровавые бои с применением всех видов вооружений, массовыми депортациями мирного населения, концлагерями и многочисленными жертвами. Всё это привело к сильному внутриполитическому кризису во Франции и смене в 1958 г. Четвёртой республики на Пятую. Новый лидер Франции – де Голль постепенно взял

курс на предоставление Алжиру независимости, что стоило ему целой серии покушений и заговоров со стороны ультраправых, в т.ч. военных («Путч генералов»). Но всё же 8 января 1961 г. был проведён референдум, 75 % участников которого высказались за свободу Алжира, и 19 марта 1962 г. были подписаны Эвианские соглашения, завершившие войну и открывшие Алжиру путь к независимости.

Конституция политического режима Четвёртой республики (с 1946 по 1958 годы) мало отличалась от предыдущей, по которой страна была фактически парламентской республикой. Тяжёлые послевоенные проблемы и бурная политическая активность стали причиной формирования за столь короткий исторический отрезок целых 22 кабинетов министров. Следующая – Пятая республика (Cinquième République) – политический режим, действующий во Франции с 1958 г. по настоящее время, характеризуется новой, на этот раз «президентской» конституцией. Президент, избираемый прямым голосованием (с 1962 по 2000 годы – на семь лет, с 2000 г. – на пять), получил право роспуска парламента и целый ряд дополнительных полномочий, в т.ч. самые широкие во внешней политике. Согласно конституции, «Президент Республики назначает Премьер-министра. Он прекращает исполнение его функций по заявлению последнего об отставке Правительства. По представлению Премьер-министра Президент назначает других членов Правительства и прекращает их полномочия» (Статья 8)[381]. «Президент Республики подписывает ордонансы и декреты, принятые Советом министров. Он назначает на гражданские и военные государственные должности. Государственные советники, послы, чрезвычайные посланники … назначаются Советом министров» (Статья 13). Т.е. формально послов назначает Совет министров, а Президент утверждает эти назначения, не говоря уже о том, что он назначает самого премьера и министра иностранных дел и может отправить их в отставку. «Президент Республики аккредитует послов и чрезвычайных посланников в иностранных государствах; иностранные послы и чрезвычайные посланники аккредитуются при нём» (Статья 14). Наконец, «Президент Республики ведет переговоры о заключении договоров и ратифицирует их. Его информируют о всех переговорах относительно заключения какого-либо международного соглашения, не подлежащего ратификации» (Статья 52)[382].

Пользуясь этими своими правами, все Президенты «Пятой республики», начиная с де Голля, вели себя весьма активно в сфере внешней политики, практиковали личную дипломатию. В т.ч., в частности, де Голль часто прибегал к средствам массовой коммуникации (пресс-конференциям, публичным выступлениям, в т.ч. по радио, и т.д.),

[381] См.: Конституция Французской Республики / Конституции государств Европейского Союза. Под общей редакцией Л. А. Окунькова. М. : Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 665-682.
[382] Там же.

чтобы обозначить свои позиции. А сменивший его Ж. Помпиду развил практику «неофициальных визитов», причём, в первую очередь для общения с советскими руководителями (только с Л.И. Брежневым они обменялись четырьмя такими поездками каждый). Он же стал активно использовать прямую телефонную связь с кремлём, установленную ещё при де Голле[383].

Вообще, после Второй мировой войны в наших отношениях с Францией – союзницей по антигитлеровской коалиции, был довольно длительный период весьма прохладных отношений. Советский Союз, с одной стороны, поддерживал национально-освободительные движения в колониях западных стран по всему миру, в т.ч., что критически важно было для Парижа в то время – в Алжире. В свою очередь, де Голль не раз высказывался против советского влияния, как в Восточной Европе, так и в развивающихся странах. С другой стороны, Франция стремилась найти возможность использовать и такой СССР в качестве определённого противовеса в отстаивании своей как можно более независимой политики, прежде всего от США. А Советский Союз – внести раскол в лагерь западных стран, в т.ч. НАТО.

У президента Франции есть также собственный штат помощников – кабинет, появившийся среди институтов III Республики. Им руководит Генеральный секретарь[384]. Поскольку до сих пор не издано закона, регулирующего его работу, каждый президент формирует кабинет по своему усмотрению и, как правило, назначает себе *дипломатического советника*, а также специального советника. Кроме, собственно советывания, советники также занимаются наблюдением за работой государственных органов по вопросам, входящим в их компетенцию, и координацией между ними, а Генеральный секретарь – всеми вопросами вообще. По некоторым направлениям создаются неформальные группы советников. Такова, в частности, «дипломатическая группа» («la cellule diplomatique»), в которой под руководством дипломатического советника работает около десяти сотрудников, ведущих отдельные региональные или тематические досье. Президент общается, конечно, с каждым своим советником лично. Тем не менее, именно Генеральный секретарь формирует общую информацию для главы государства. Т.е., как и в случае с парой правительство-МИД, он исходит из интересов и информации, более широких, чем узковедомственные. В этой связи показательная следующая статистика:

---

[383] *Rey M.-P.* La tentation du rapprochement, France et URSS à l'heure de la détente, 1964-1974. P. : Publications de la Sorbonne, 1991. P. 220.

[384] Есть также должность и Директора кабинета (Directeur de cabinet), но этот сотрудник, также – ближайший к президенту, занимается техническими вопросами – бюджетом, протоколом, службами охраны и обеспечения, но также движением документов.

-трое из генсекретарей впоследствии становились премьер-министрами: Э. Балладюр (Édouard Balladur, через 19 лет после ухода с должности), П. Береговуа (Pierre Bérégovoy, через 10 лет) и Д. де Вильпен (Dominique de Villepin, через 3 года).

-четверо из генеральных секретарей назначались министрами иностранных дел: М. Жобер (Michel Jobert), Ж. Франсуа-Понсэ (Jean François-Poncet), Ю. Ведрин (Hubert Védrine) и тот же Д. де Вильпен (Dominique de Villepin).

При президенте Франсуа Олланде (François Hollande), должность Генерального секретаря президентства занимал Ж.-П. Жуие (Jean-Pierre Jouyet, выпускник НША, дипломат, специализировавшийся на вопросах европейской интеграции), дипломатического советника – Ж. Одибер (Jacques Audibert, выпускник НША, дипломат, специализировавшийся на вопросах стратегического планирования и безопасности). Кроме этого, из всего двадцати пяти советников кабинета внешнеполитическими вопросами занимались восемь: Ж.-Ж. Барберис – по экономическим и финансовым национальным и европейским вопросам (Jean-Jacques Barberis, conseiller affaires économiques et financières nationales et européennes), Д. Севаш – по Северной Африке и Ближнему Востоку (David Cvach, conseiller Afrique du Nord et Moyen-Orient), Э. Дё Галь – по Африке (Hélène Le Gal, conseillère Afrique), С. Мартан-Ланг – по европейским делам (Sophie Martin-Lang, conseillère affaires européennes), С. Пикмаль – по европейским двусторонним отношениям, Балканам и глобальным проблемам (Cyril Piquemal, conseiller affaires européennes bilatérales, Balkans et enjeux globaux), Ф. Рёвардо – по стратегическим вопросам, России, Восточной Европе вне ЕС, Кавказу, Центральной Азии и внешней политике ЕС (François Revardeaux, conseiller affaires stratégiques, Russie, Europe Orientale hors UE, Caucase, Asie Centrale et politique extérieure de l'UE), К. Рипёрт-Ландлёр – по коммуникации, стратегии, международным вопросам (Claudine Ripert-Landler, conseillère communication, stratégie, international), А. Рюфо – по международным саммитам, ООН, Америке и Азии (Alice Rufo, conseillère sommets internationaux, Nations-Unies, Amériques et Asie), и ещё один заместитель советника по Африке – Т. Мелоньё (Thomas Melonio, conseiller adjoint Afrique)[385].

В такой президентской республике, как Франция, члены *парламента* – депутаты Национального собрания и сенаторы делают запросы министру иностранных дел, готовят доклады по вопросам внешней политики, обсуждают бюджет МИД, делают публичные заявления и принимают резолюции рекомендательного характера. Но их возможности

[385] Cabinet du Président de la République. Présidence de la République française [Электронный ресурс] URL: http://www.elysee.fr/la-presidence/le-cabinet-du-president-de-la-republique/ (дата обращения: 18.05.2016).

реального контроля минимальны, не говоря о санкциях. Напротив, Президент страны имеет право, напомним, распустить Национальное собрание.

Что касается *министра* иностранных дел, то его обязанности описываются целым рядом документов, в т.ч. принятых до «Пятой республики», но всякий раз только частично и довольно общим образом. В частности, продолжают упоминаться указ Директории от 10 июля 1799 г., декрет Наполеона от 25 декабря 1810 г. и др. И это потому, что нормы и порядок общения с иностранными представителями и государствами постоянно нарушался. С другой стороны, серия законов 2000-х годов, как специально поручила ему вести и торговые, и прочие, неполитические переговоры, так и юридически оформила организацию представительств за рубежом экономических и финансовых госорганов[386]. В целом, в такой президентской республике, как нынешняя «Пятая» французская, министр выполняет поручения Президента, собирая и готовя для него необходимую информацию, проводя переговоры.

Вообще французский МИД пережил большое количество реформ, организации и расформировывания различных территориальных и функциональных управлений, департаментов и отделов, слияний с другими ведомствами и перераспределение полномочий. В т.ч. в 1950 г. был создана чуть ли не вторая аналогичная структура – министерство по европейским делам[387]. После столь же многих изменений с апреля 2014 г. этой структурой руководит государственный секретарь при министре иностранных дел и международного развития, как теперь называется сам МИД. Среди крупных реформ последнего времени – реорганизация 1992-1993-х годов вследствие исчезновения СССР и нового этапа европейской интеграции (заключения Маастрихтского договора). Прежде всего, расширился Департамент европейского сотрудничества, увеличилось его значение. Были созданы десятки новых загранпредставительств в бывших советских республиках и соответствующие структуры в центральном аппарате. Ещё одна крупная реформа прошла в 2009 г. под руководством Б. Кушнера. МИД стал Министерством иностранных и европейских дел (Ministère des Affaires étrangères et européennes, MAEE). Было создано

---

[386] См.: Décret n° 2014-400 du 16 avril 2014 relatif aux attributions du ministre des affaires étrangères et du développement international ; la loi n° 2001-420 du 15 mai 2001 modifiée relative aux nouvelles régulations économiques, notamment son article 144 ; la loi n° 2003-721 du 1er août 2003 pour l'initiative économique, notamment son article 50 ; le décret n° 59-178 du 22 janvier 1959 relatif aux attributions des ministres ; le décret n° 2001-1091 du 21 novembre 2001 modifié relatif à l'organisation et au fonctionnement de l'Agence française pour les investissements internationaux ; le décret n° 2002-772 du 3 mai 2002 modifié relatif à l'organisation des services à l'étranger du ministère de l'économie, des finances et de l'industrie ; le décret n° 2004-103 du 30 janvier 2004 modifié relatif à Ubifrance, Agence française pour le développement international des enterprises. [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000028858262 (дата обращения: 18.09.2015).

[387] В своё время его возглавлял и будущий президент Франции Ф. Миттеран.

Главное управление глобализации, развития и партнёрства. Полностью реформировано культурное сотрудничество. Появились управления новых *видов* дипломатии.

В условиях нового общемирового финансово-экономического кризиса в целях экономии бюджетных средств предполагалось «сжать» министерство в целом, уменьшив как численность персонала, так и финансирование. Однако – с одновременной классификацией и иерархизацией загранпредставительств в зависимости от важности стран и регионов. Примерно в тридцати наименее значимых для Франции государствах посольства должны были перейти на «упрощённое управление» вплоть до сохранения всего одного дипломата, тем не менее, обозначающего французское присутствие. Среди других новшеств предлагалось учреждение неких «супер-посольств», как их назвали журналисты – *региональных* посольств («ambassades régionales»), идея которых не одобрялась самими дипломатами, а газетами была названа даже «маленькой революцией»[388]. Речь шла, прежде всего, о компенсации уменьшения возможностей «упрощённых» посольств ресурсами (в первую очередь, административными, техническими) посольств в наиболее важных странах региона, проведении в них региональных совещаний с участием представителей центра и т.д.

С 1990 по 2011 годы было закрыто 47 и открыто 39 новых посольств и консульств, на 21% снижен бюджет, на 18% (с 1995 г.) – количество сотрудников[389].

Таблица 1. Численность сотрудников МИД[390]

	1 января 2008 г.	1 января 2015 г.
Всего (на полную ставку), в т.ч.:	16100	14275
по контрактам местного права	5600	4941
по контрактам французского права	2400	2807
от других ведомств (в т.ч. 960 министерства национального образования и 740 министерства обороны)	2400	(659 от министерства обороны)
кадровые МИД, в т.ч.:	5700	5565

[388] *Barluet A.* Le Quai d'Orsay envisage de créer des «super-ambassades». Le Figaro, 10.07.2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.lefigaro.fr/international/2008/07/11/01003-20080711ARTFIG00043-le-quai-d-orsay-envisage-de-creer-des-super-ambassades-.php (дата обращения: 10.07.2008).

[389] Les métiers du ministère des Affaires étrangères et européennes. Édition 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Brochure_metiers2011.pdf (дата обращения: 10.02.2014).

[390] La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France 2008-2020. P. : La Documentation française, 2008. P. 139; Les métiers du ministère des Affaires étrangères et du Développement international. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/metiers-et-services/article/brochure-les-metiers-du-ministere-109227 (дата обращения: 10.01.2016).

по временным контрактам (CDI)		303
категории C	3350	
категории B	900	

Очередная крупная административная реформа прошла в МИД в марте-августе 2014 г. (31 марта – переименование, август – опубликование новой структуры[391]). Вновь сменилось и название – на *Министерство иностранных дел и международного развития* (Ministère des Affaires étrangères et du Développement international, MAEDI). Проводил реформу Л. Фабиус, с 2016 г. министром стал Ж.-М. Эро, а 17 мая 2017 г., после избрания Президентом Франции Э. Макрона – Ж.-И. Ле Дриан, который возглавил уже новое *Министерств европейских и иностранных дел* (Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères, MEAE) с новой же структурой[392].

На май 2016 г. сеть французских дипломатических загранучреждений была третьей с мире (после США и Китая) и состояла из 162 посольств и 16 постоянных представительств при международных организациях, сеть консульских учреждений – из 91 консульства и 133 консульских отделов посольств, сеть различных учреждений культурного сотрудничества и продвижения французской культуры – 161 соответствующих отделов в посольствах, 98 Французских институтов, 384 Французских альянсов, 137 археологических миссий и др.[393].

В отношении французских *послов* сегодня действует порядок, установленный декретом от 1 июня 1979 г. «О полномочиях посла и организации государственных служб за рубежом»[394], согласно которому «Посол представляет власть государства в стране, где он аккредитован. В его обязанность входит осуществление под руководством министра иностранных дел внешней политики Франции в этой стране. Он представляет Президента Республики, правительство и каждого министра. Он информирует правительство, ведёт переговоры от имени государства, заботится о развитии отношений Франции с аккредитующим государством, обеспечивает защиту интересов государства и

[391] Organigramme de l'administration central [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/23022016_diplonetv2_cle88c8e2.pdf (дата обращения: 27.05.2016). См. Приложение 1. В связи со вступлением в должность нового Президента Франции Э. Макрона, МИД Франции был вновь реформирован. В этом же Приложении представлена и новая его органиграмма, анализ которой ещё только предстоит сделать.

[392] Organigramme MEAE [Электронный ресурс] URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/organigramme_meae_26052017_cle4a7c13.pdf (дата обращения: 25.11.2017).

[393] Le ministère et son réseau. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/ (дата обращения: 16.04.2016).

[394] Décret n°79-433 du 1 juin 1979 relatif aux pouvoirs des ambassadeurs et à l'organisation des services de l'Etat à l'étranger. [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000516462 (дата обращения: 20.05.2016).

французских граждан» (ст.1). Т.е. теперь посол, продолжая оставаться представителем главы государства, олицетворяется не только с должностью и тем более личностью первого в государстве должностного лица. Сайт МИД специально комментирует представительскую функцию, отмечая, что она имеет несколько значений. Конечно, посол традиционно представляет главу государства, можно сказать, и его имидж тоже. Но, при демократии он также представляет всю Францию в её единстве и разнообразии. Поэтому посол не является членом политических партий. Зато он всегда находится на представительской работе и потому должен постоянно, в официальной или частной обстановке, показывать наилучший образ своей страны[395]. Сегодня, кроме особых случаев, касающихся министерства обороны, «посол получает инструкции от министра иностранных дел и через него же – от каждого из министров» (ст.2). Также, «Посол, глава дипломатической миссии координирует и направляет деятельность гражданских служб и военной миссии» (ст.3)[396]. Каждый год посол направляет министрам общую оценку деятельности по соответствующим направлениям (ст.7).

Наконец, ещё одним ресурсом французской дипломатии и французского государства являются французы, в большинстве своём дипломаты, работающие в международных организациях международными чиновниками (в ООН, МВФ, ВТО, ЕС, ЕЦБ и т.д.). Прежде всего, это заслуга системы подготовки кадров, позволяющей стране даже в условиях уменьшения её общей международной конкурентоспособности сохранять влияние, на наш взгляд уже давно не соответствующее её объективным возможностям. Хотя, конечно, нельзя считать, что французы в качестве европейских или международных чиновников отстаивают только интересы Франции.

Таким образом, главной задачей дипломата, как государственного служащего, с позиции информационного процесса, является *выполнение поручений* своего руководства по сбору и передаче информации. Эта главная задача состоит из совокупности следующих задач (в скобках указан вид деятельности):

-установление и поддержание *контактов* в стране своего назначения для выполнения информационных поручений своего руководства (коммуникация),

-*передача* адресатам посланий своего руководства и наоборот (коммуникация),

-*сбор* информации по определённым руководством темам (включая ответы на отдельные конкретные вопросы, предложения, послания), по соблюдению договоров, а также о новом, т.е. обо «всём, что может представлять интерес», в виде 1) документов, 2)

---

[395] Représentation. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/representation (дата обращения: 23.05.2016).

[396] См.: Décret n°79-433. Op.cit.

высказываний, 3) отношения к дипломатам, 4) фактов собственных наблюдений дипломата, отсутствующих в других источниках и потому фиксируемых документально им самим (коммуникация и информация),

-*переработка* собираемой информации – её анализ, оценка достоверности и проверка, сравнение с предыдущей информацией для выявления изменений, изучение с точки зрения интересов своего государства (информация),

-*производство* информации – её обобщение в виде отчётов, содержащих целостное видение ситуации и предложения (информация).

2.3. Становление дипслужбы как рефлексивного института, особого социально-профессионального сообщества

Качества, необходимые для дипломата как рефлексивного актора

Для того, чтобы отбирать и обучать необходимые для службы кадры, нужно иметь представление об *идеальном типе сотрудника*, основанное на определении задач службы (чтобы сотрудник мог выполнять именно эти задачи), и представление об *идеальном кандидате* для учёбы, основанное на психологических и педагогических знаниях (кого из кого можно воспитать и выучить, какова пропорция личных качеств и формирующего образования и проч.). Качества дипломата, как и любого специалиста, делятся на личные и профессиональные, а кроме того, в самой дипломатической социальной группе есть качественное различие между послами (главами диппредставительств) и остальными дипломатами[397].

Литература эпохи Возрождения, в т.ч. французская, посвящённая фигуре посла, достаточно обширна и разнообразна. Объединяющим фактором многих первых произведений на эту тему является обращение к античным текстам – массовое цитирование не только древних философов и историков, но и, в т.ч. Гомера и Вергилия, т.е. поэтов, по-своему и в своих целях, но упоминавших деятельность послов. Уже Ж. Отман критиковал таких «господ академиков», т.е. приверженцев античной классики, писавших труды о дипломатах древности с целью предложения образца для современников, за желание «учить послов, притом, что сами они никогда не выполняли таких обязанностей»[398]. А. де Викфор критиковал их же за нереальный образ посла, составленный на основе текстов античных авторов или их современных последователей, такой же «химеричный», как и герои тех времён. Кроме того, Викфор делает важный шаг, меняя и название своего собственного произведения – говоря не только о после, но и о его

[397] Административно-технический персонал в данной работе не рассматривается, хотя его работа также весьма специфична.
[398] См.: *Hotman J.* Op.cit. P. 21, 71.

функциях[399]. Наконец, Ф. де Кальер пишет уже не о после, а о переговорах[400]. Т.е. ставит на первое место этот компонент информационной деятельности.

Поскольку уже с XIII в. распространённым был такой документ, как *инструкции* короля своим послам, *грамотность* была обязательным условием назначения на такую должность. Описывая качества послов и их действия, Б. де Розье, исходя из своего опыта, писал о необходимости использования в качестве дипломатов публичных, общественных служащих (писарей, клерков, преподавателей, но также монахов для выполнения в данном случае светских функций). Хотя некоторый религиозный характер их миссии остаётся в том смысле, что достижение мира – это богоугодное дело, которым занимались и папские легаты[401]. Он же первым сформулировал такое качество, как *чувство меры*. Ему нельзя научить, оно проистекает из природной сдержанности хорошего посла и должно проявляться на всех этапах его работы – от её начала, когда молодой человек учится, общаясь с лучшими дипломатами, до того уровня опыта, когда он становится настоящим экспертом, знающим больше, чем написано в любом учебнике [402].

В популярной среди политиков и дипломатов средневековой рукописи «Секрет секретов»[403] помимо прочего уже содержалось значимое определение деятельности «посланников короля» («messagiers du roy»). Во французской версии XV в. эти «посланники показывают мудрость того, кто их посылает, и являются ушами и языком своего господина»[404] (в других версиях ещё и «глазами»). Отсюда рекомендация выбирать посланником из своего окружения человека, наиболее способного для выполнения поручения – передачи послания и доставки ответа на него, мудрого, а также преданного, неподкупного, без вредных привычек и устойчивого к соблазнам, которые могут быть использованы для получения от него секретных сведений. Но, несмотря на указание средств коммуникации (языка, ушей и глаз), а также необходимости владения ими (мудрости – т.е. понимания того, что видишь и слышишь, или хотя бы хорошей памяти, если послания устные), главными задачами посланника являются *передача* посланий и *представление* своего короля (по посланнику судят о том, кто дал ему это поручение). Между тем, мудрость в прямом смысле этого слова в этом же произведении отнесена к

---

[399] См.: *De Wicquefort* A. ... P. 28, 101.
[400] См.: *Callières F.* de. Op.cit.
[401] См.: *Gilli P.* Bernard De Rosier et les débuts de la réflexion théorique sur les missions d'ambassade / Andretta S., Péquignot S., Waquet J.-C. (dir.) De l'ambassadeur. Les écrits relatifs à l'ambassadeur et à l'art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle. Rome: Publications de l'École française de Rome. 2015. [Электронный ресурс] URL: http://books.openedition.org/efr/2907 (дата обращения: 14.10.2015).
[402] См.: *De Rosergio B.* Op.cit.
[403] Один из вариантов сочинения, приписываемого Аристотелю, якобы отправленного им своему ученику Александру Македонскому.
[404] *Lorée D.* Edition commentée du Secret des Secrets du Pseudo- Aristote.Université Rennes 2, 2012. P. 198. [Электронный ресурс] URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00754357/document (дата обращения: 26.03.2014).

основным качествам других королевских слуг – его *секретарей*. Секретарь – это такой мудрый человек, который способен понимать своего короля и, обдумав, выражать его мысли и волю хорошим, красивым языком. Эти его качества, как и преданность, и умение хранить тайны, должны хорошо вознаграждаться, поскольку именно от таких людей зависит слава, честь и жизнь короля или его поражение[405].

Л. Делаво, дипломат рубежа XIX-XX вв., определяя задачи посла, констатировал, что они во многом остаются теми же, как их описывал Л. де Шамуа, и современному дипломату, как и современнику Людовика XI или Франциска I, необходимо разбираться в человеческой природе, которая при всех различиях в костюмах и нравах одинакова. Послу следует добиваться уважения со стороны иностранцев, чтобы к нему прислушивались, как к представителю своей великой страны. Для этого ему необходима учёность, настойчивость, осторожность и обходительность – качества, которыми так славились его блестящие предшественники. Негодные же дипломаты также имеют одни и те же недостатки – лень, дерзость и жадность, которые компрометируют не только их самих, но и их государства[406]. Среди факторов, которыми следует руководствоваться при подборе послов, вот некоторые, наиболее важные, по мнению Л. де Шамуа:

-Преданность, которая предполагается как обязательная добродетель для дипломатического сотрудника.

-Соответствие посла поставленной ему задаче: для краткосрочных, тем более, церемониальных миссий больше подходят знатные придворные, возможно, молодые, богатые, внешне красивые. Для трудных же, долгих, с разнообразной тематикой переговоров необходим опытный, зрелый посол, пусть и не придворный, а хотя бы военный, судейский или церковный служащий. Надо учитывать и цель: для объявления войны следует посылать человека воинственного, а для поддержания дружеских связей – спокойного и т.д.

-Умение хорошо говорить и писать абсолютно необходимо для эффективной защиты интересов своего государя.

-Репутация честного человека – единственное, с помощью чего посол может заслужить доверие иностранного государя и его министров, установить с ними доверительные отношения, отличаясь прямотой поведения и правдивостью[407].

-Знание иностранных языков, как латинского, так и других, поскольку использование латыни весьма ограничено, а также не многие могут выразить на нём все тонкости в ходе переговоров или общения.

---

[405] Ibid.
[406] См.: *Руссо де Шамуа Л.* Указ.соч. С. 90-91.
[407] Там же, с.46.

-Умение вести себя, соблюдение религиозных обрядов, познания в истории и праве также необходимы успешному послу[408].

Г. де Реал де Курбан на примере ещё одной пары уже упоминавшихся крупных дипломатов эпохи рубежа XVI-XVII вв. Н.Б. де Сильри и П. де Бельевра хорошо проиллюстрировал такие качества дипломата, посла, как *ответственность* и *смелость*. Эти одни из самых компетентных послов Генриха IV, однажды скрыли правду от своего монарха, чтобы можно было продолжить переговоры. Этот шаг привёл к успеху, и Генрих IV одобрил поступок своих послов. Но, конечно, риск был велик. Зато, по мнению де Курбана, этот случай также показал монарху, что «дворяне мантии» более способны к переговорам, чем военные, которым не хватает терпения, необходимого для преодоления трудностей[409].

Т. д'Арконвиль считала, что через двести лет многие дипломаты Нового времени строили под влиянием идей Просвещения новую модель добродетельной и моральной дипломатии на примере лучших дипломатов Генриха IV. В частности и Викфор воспринял у д'Осса[410] такие принципы переговоров, как необходимость *опыта* и *терпения*, как правило, приходящих с возрастом, практикой. Опытные переговорщики не бросают дело после первой неудачи, терпеливо и иногда подолгу ждут, когда время и обстоятельства создадут ситуацию, необходимую для достижения желаемого результата[411]. Кроме того, Викфор отмечал у д'Осса мудрость, позволявшую *понимать основания чувств* тех, с кем приходилось вести переговоры[412].

Отбор в профессию – на способность быть рефлексивным актором

Вследствие первоначального отношения к послам, как, прежде всего, к инструментам замещения монарха, с социологической точки зрения именно близкие к нему люди, т.е. дворяне, могли быть и были источником кадров для дипломатической службы. Курьеры, передающие послания, а также «язык», «глаза» и уши» монарха – это акторы, облечённые доверием главы государства. Их круг всегда небольшой; большинство связано родственными узами с семьёй короля или его ближайших подданных. Вместе с тем, практически во всех трудах по дипломатии большое место отведено личным качествам посла, что, конечно, не является случайным. Причина в том, что, представлять монарха могли и должны были люди, прежде всего, высокого происхождения – ниже, чем короля, но достойные по рождению, заслугам или браку (чем обосновывалась тогда иерархия отношений и власти) что-либо говорить или делать от его

[408] Там же, с.40-48.
[409] *Curban G. de R. de*. Op.cit. Vol. 8. P. 127.
[410] *Arconville M.-G.-Ch.T. d*. Vie du cardinal d'Ossat. P., 1771. T. I. P. III.
[411] Ibid. P. 146.
[412] *Wicquefort A. de.* Op.cit. P. 160.

имени. Такие подданные были, но не всегда, а судя по вниманию, уделённому качествам послов в специальной литературе, редко обладали знаниями, необходимыми для успешного выполнения дипломатических задач. Точнее – совмещение этих качеств с необходимым социальным статусом было случайностью, счастливым совпадением. Даже если монарх потребовал бы от всех своих дворян учиться в обязательном порядке, количество высокородных дворян и, следовательно, возможность выбора были бы всё равно невелики. Конечно, поначалу и субъектов, с которыми надо было устанавливать и поддерживать отношения посредством послов, было также немного. Но вести дела даже и всего с одним – Ватиканом, что было неизбежно для любого европейского государя в течение многих столетий, представляло собой серьёзную задачу. Поэтому недостаток знаний и навыков глав дипломатических миссий, кроме нравоучительных трактатов, имевших целью скорее монархов (обосновывая для них критерии отбора послов), отчасти восполнялся посредством отправки вместе с послом подготовленных для такой работы лиц, не столь высокородных или из других сословий, для которых обучение, таким образом, становилось возможностью попасть на социальный лифт в условиях господства кровнородственных связей. Высокий дворянский статус королевского посла и без того требовал для его сопровождения значительной свиты из самых разных слуг – как минимум, для поддержания привычного образа жизни. Ещё более это было важно с точки зрения статуса того, кого он представлял, т.е. своего монарха. Поэтому средневековые посольства были многочисленными, но главное, имели в своём составе и настоящих специалистов (разной, конечно, квалификации) по иностранным языкам, истории и праву зарубежных стран, их обычаев и традиций. Такие большие посольства были дорогостоящими и потому направлялись только с конкретными миссиями, а затем учреждались только в самых значимых странах. С ростом количества международных партнёров, в основном, государств, и организацией достаточно массовой подготовки кадров, постепенно сложилась современная ситуация – большое количество посольств, консульств, постоянных представительств с относительно (других государственных органов) небольшим, но высококвалифицированным профессиональным персоналом.

Среди дворян в дореволюционной Франции также существовали различия, важные для рассматриваемой проблемы и связанные с получаемым образованием. С появлением и развитием в позднем Средневековье университетов, среди придворных возникла новая социальная группа «дворян мантии» (noblesse de robe), образовавшаяся из «лиц судебной профессии, в отличие от родовой знати рыцарского происхождения (noblesse d'épée)»[413] – «дворян шпаги». Следует уточнить, что обладателями мантий тогда называли не только

[413] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Том XXI. Санкт-Петербург, 1897. С. 217.

юристов, но всех, закончивших университет, и потому, занимая на государственной службе гражданские посты (юридические, финансовые), носивших соответствующие платья – мантии. В самом общем виде это были выходцы из дворянских семей, часто наследовавших не только титул, но и должность. Что касается «дворян шпаги», т.е. служивших по военной линии, то среди них были также и те, кто получал дворянство впервые – за заслуги перед монархом. Хотя эти социальные группы сформировались с начала XVII в., в целом при «старом режиме», даже в последние пять лет правления Людовика XIV, «дворяне мантии» составляли только треть от общего числа дипломатов, а остальные были выходцами из военной среды, получившие военное образование[414].

Поскольку постоянных загранпредставительств было мало, как и сотрудников в министерстве (госсекретариате по иностранным делам), а посольства, направляемые для выполнения разовых поручений, продолжали оставаться важным инструментом, то дипломатическая карьера, в смысле роста статуса сотрудника вследствие его заслуг, практически отсутствовала. Наоборот, король подбирал для каждой миссии – не только разовой, но и длительной, для постоянного посольства или резидентуры, того приближённого к себе дворянина, который по его мнению именно для неё и подходил (отсюда и соответствующие разделы учебников о качествах послов). Как пишет А. Утрей, главы основных дипмиссий выбирались королём по своему желанию предпочтительно из тех, кто *уже* отличился, выполняя его поручения при дворе, в армии, в т.ч. из «дворян мантии», реже – из духовенства. Исключением были министры или резиденты, направлявшиеся с конца XVII в. ко дворам немецких принцев, поскольку король Франции отказывался признавать за ними полный суверенитет, вследствие их зависимости от Священной империи. А вот остальной персонал набирался уже самими послами, в т.ч. и из других социальных слоёв, и также практически не имел возможности роста. Прежде всего, секретари в посольствах не находились на государственной службе, а нанимались в частном порядке руководителем миссии также, как остальные слуги. Зато это должны были быть очень умелые, мудрые, образованные, люди, подобранные специально для такой работы. И только примерно в середине XVIII в. секретари посольств стали утверждаться и вознаграждаться королём, и их положение стало приближаться к тому, которое сегодня имеет дипломат рангом ниже посла [415].

Иначе обстояло дело в случае с «комми» в госсекретариате по иностранным делам. Уже с начала XVII в. они тщательно отбирались и затем в течение долгих лет могли делать некоторую карьеру, но только в своём очень небольшом и закрытом социальном

[414] *Bazouni Y.* Op.cit. P. 18.
[415] *Outrey A.* Op.cit. (I). P. 315.

пространстве. Интересно, что на эти должности отбирались молодые люди не из королевской свиты и двора, а, напротив – из провинций, из местностей, окружавших замки, в которых в конкретный момент стоял королевский двор или жили родственники короля, набиравшие там своих слуг. Выходцы из буржуазии, иногда очень скромной, или мелкопоместных дворян, «комми», по примеру, кстати, своих прямых руководителей – госсекретарей по иностранным делам (и не только, конечно), заключали браки между своими семьями и передавали служебные места по наследству или от тестя зятю. Практически с самого начала «комми» работали закрыто, обезличенно, анонимно, и даже избегая мирских отношений вообще. Только в XVIII в. когда общественные нравы несколько изменились, появились первые светские, в т.ч. скандальные, сообщения и о мидовских сотрудниках. Но в целом же за двести лет службы «комми» зарекомендовали себя как умные, трудолюбивые, образованные, умеющие работать с секретами сотрудники, прекрасно знающие такую сложную «шахматную доску» европейских государств, персонажей королевских дворов, право и договоры, любого рода притязания и casus belli, все тайны и секреты канцелярий. У них просили краткие справки по наиболее сложным вопросам, которые они предоставляли немедленно – точные и ясные, и ни у кого из них даже и мысли не было, чтобы поставить внизу своё имя[416].

Обучение и конкурсы как факторы развития рефлексии

Как только образование вообще стало цениться не только учёными и церковными деятелями Средневековья, но и политиками, заметившими его практическую пользу, появилось понимание *необходимости подготовки и дипломатов*. Однако формализация такого специального образования состоялась гораздо позже университетского и тем более религиозного. Во Франции по инициативе госсекретаря по иностранным делам Ж.-Б. Кольбера де Торси только в марте 1712 г. был утверждён устав Политической академии (L'Académie politique) – первой французской школы подготовки профессиональных дипломатов, работавшей в 1712-1715 и 1717-1720-м годах[417]. На курс отбирались по 6 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, «способных сдержанно вести беседу». Они получали крупную стипендию и изучали иностранные языки (испанский, итальянский, английский), документы из дипломатических архивов и ход текущих в то время переговоров. Школа была закрыта после смерти Людовика XIV и отставки Кольбера, а затем ненадолго возобновляла свою работу. Тем не менее, среди её немногочисленных выпускников были госсекретарь по иностранным делам (1744-1747-й годы) маркиз д'Аржансон и эффективный посол Л.-А. Блондель.

---

[416] Ibid. P. 316-317.

[417] См.: Histoire de l'administration française. Les Affaires étrangères et le corps diplomatique. P. : CNRS, 1984. P. 221-223.

В отсутствие не только специального учебного заведения для дипломатов, но и недостаточной развитости высшего образования вообще, основным способом формирования кадров были книги, которые писали, озабоченные этой проблемой дипломаты. Причём, если сочинения о качествах посла предназначались, прежде всего, монархам – чтобы помочь им сделать правильный выбор, и только во вторую очередь самим дипломатам, желавшим достичь успехов, то книги о дипломатии, дипломатическом, переговорном искусстве, наоборот, имели целью, в первую очередь, как раз дипломатических агентов. Де Флассан, в течение своей долгой службы имевший дело не с одним десятком своих и иностранных дипломатов, описывал проблему в весьма резких выражениях. Дипломатическая наука, которую он обосновывал и развивал, и которую считал необходимой не только дипломатам, но всем политикам и людям вообще, была, к его сожалению, очень мало распространена. Только некоторые агенты, работающие за рубежом, изучали её. Остальные же начинали карьеру без какой-либо предварительной подготовки, в лучшем случае «пробежав» между романами книги по праву и отчёты о переговорах. Но дипломатическая карьера только для поверхностного ума выглядит как череда протокольных мероприятий. Такие люди считают, что в дипломатии достаточно простого здравого смысла, тем более, что есть много примеров, когда дела решались таким образом. Однако, как только проблемы усложняются, у них уже не получается принимать решения таким простым способом. «Действительно, в бесполезных представительствах или в маленьких, слабых государствах такие люди могут добиться лёгких успехов, т.к. всё там ограничивается представительскими функциями и ничего не значащим общением. Но если послать тех же самых людей к могущественным и опытным дворам, то мы увидим, достаточно ли уметь только устраивать праздники и выполнять протокольные поручения»[418].

Де Флассан также возражал против ошибочного, на его взгляд, мнения о том, что дипломатии можно научиться на *практике*. Секретарь посольства, посол и даже сам министр в каждый данный момент узнаёт только формальные вещи, текущие факты. У них нет времени, чтобы изучать их, углубляться в детали, размышлять. Их несёт по течению, и через десять лет практики они не более юридически образованны, чем до того. Многочисленные факты лишь изменяли их память, а не просвещали, если они не знали, по каким принципам эти факты соотносятся между собой и какие умозаключения можно из этого сделать при других обстоятельствах. Конечно, опыт приобретается на практике. Но чтобы быть полезным, он должен опираться на науку[419]. Ф. де Кальер считал важной

[418] См.: *Flassan G. de R. de*. Op.cit. T.1. P. 27-28.
[419] Ibid. P.28.

частью подготовки будущих дипломатов *стажировку*. Критикуя поездки исключительно развлекательного характера, которые совершали по европейским столицам молодые выпускники академий и университетов, он рекомендовал отложить их для более зрелого возраста, когда сформируется способность к размышлению, *пониманию*, рефлексии ситуации в других государствах, особенно тамошних политиков, имея ввиду возможность получения там дипломатической должности, а также использовать эту возможность для изучения иностранных языков – немецкого, итальянского, испанского и латыни. Это позволит не прибегать к услугам часто недобросовестных или невежественных переводчиков, не говоря уже о проблеме конфиденциальности контактов. Кроме того, вместо частных поездок, полезнее было бы ездить в свите своих послов[420].

Отдельно решалась задача изучения наиболее трудных – восточных языков. Вышеупомянутые проблемы, связанные с драгоманами, привели французское руководство к решению заменить их французами, отправляя молодых людей учиться языкам на Восток. По постановлению Совета по торговле от 18 ноября 1669 г. (т.е. по инициативе Кольбера, одобренной Людовика XIV) каждые три года в миссию капуцинов в Константинополе направлялись по шесть детей в возрасте от десяти лет для изучения турецкого языка и последующей работы переводчиками во французских консульствах в Леванте. Расходы капуцинов покрывались Торговой палатой Марселя, платившей по 300 ливров за каждого ученика[421]. Примечательно, что сами капуцины появились в столице турецкой империи сначала тайно – с 1628 г., проживая в посольстве Франции и тайно же ведя в нём свои мессы. И только постепенно, по мере получения разрешений властей, была построена собственно церковь (Saint Louis des Français d'Istanbul) и начались открытые для прихожан официальные службы. С 1700 г. были установлены двенадцать стипендий для молодых армян, которых обучали во Франции с целью последующей работы помощниками в католических миссиях в Леванте. Однако ввиду слабости результатов, с 1721 г. эти стипендии стали выдаваться детям французских граждан, проживавших в Леванте для обучения турецкому и арабскому языкам в лучшем учебном заведении Франции – иезуитском Collège Louis-le-Grand[422]. Ещё одним важным шагом стал декрет Конвента от 30 марта 1795 г. об учреждении Школы живых[423] восточных языков (Ecole des Langues Orientales Vivantes) в развитие уже значительной традиции французского востоковедения и лингвистики. Вначале обучение концентрировалось на

---

[420] *Кальер Ф*. Указ.соч. С. 60.

[421] См.: *Deny J*. Ecole Cent-Cinquantenaire de l'ecole des Langues Orientales. Histoire Organisation et Enseignements de L'ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes. P. : Imprimerie Nationale de France, 1948. P. 1-2.

[422] *Outrey A*. Op.cit. (II). P. 496.

[423] Имеются в виду языки *разговорные*, в отличие от литературных или мёртвых

литературном и разговорном арабском языке, а также персидском и турецком[424]. Сегодня Национальный институт восточных языков и цивилизаций (L'Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO, также так называемый «Лангзò», Langues O') – это государственное учебное и научное учреждение, специализирующееся на незападноевропейских языках, т.е. на языках Центральной и Восточной Европы, Азии, Океании, Африки и Америки, а также географии, истории, институтов, политической, экономической и общественной жизни соответствующих стран[425].

В отсутствие карьерного опыта и связей, позволявших получить пост, можно было (всё же при содействии покровителей) отличиться выполнением какой-либо задачи дипломатического характера, находясь за штатом. Разумеется, что это могли быть только информационные задачи, поскольку многие из них можно выполнять, и не имея официального статуса. Одним из таких ярких примеров является случай О. Мирабо. Незадолго до революции, в июне 1786 г. Талейран (тогда ещё не министр) добился для него секретной миссии в Берлин – собирать информацию для королевского финансового ведомства. За шесть месяцев Мирабо, в надежде получить настоящий дипломатический пост, собрал большое количество материала и написал целый ряд весьма интересных работ. Но поста не получил, чем был чрезвычайно раздосадован. Однако этот опыт был не напрасен – как уже упоминалось, совсем скоро Мирабо возглавил Дипломатический комитет революционного парламента.

После Великой французской революции государственное управление вообще стало рассматриваться, как деятельность в интересах нации, всеобщего блага. Это предполагало соответствующие компетенции чиновников, определяемые *отбором*.

Наполеон своим декретом от 1 мая 1802 г. продолжил революционную тенденцию к всеобщему образованию и создал действующую и поныне государственную систему образования. Главным нововведением стало учреждение *лицеев* – старшей средней школы (т.е. начиная, примерно, с возраста 12-ти лет), полностью финансируемой государством. Мальчики в режиме интерната, граничащего с воинской дисциплиной, обучались языкам (французскому, латинскому, древнегреческому) и нескольким естественным наукам. Затем законом 1806 и декретом 1808 годов был образован Императорский *университет*[426] – аналог не вуза в современном значении, а *министерства* народного образования, объединивший все университеты (теперь уже в смысле – вузы), а также начальные и средние школы. И если начальная школа находилась в ведении муниципалитетов, то

[424] Их первыми и знаменитыми преподавателями, воспитавшими несколько поколений французских востоковедов, были, соответственно, Silvestre de Sacy, Langlès и Venture. Два последних служили в МИД, а также участвовали в египетском походе Наполеона.
[425] L'Institut national des langues et civilisations orientales. http://www.inalco.fr/
[426] l'Université impériale

средняя и высшая были монополизированы государством. Наполеону отчаянно не хватало кадров. Большая часть наиболее образованного социального слоя – дворянства стремилась к реставрации «старого режима» и потому находилась под обоснованным подозрением. Поддержавшие революцию или новые дворяне были немногочисленны, но главное – последние выдвигались вследствие своих военных заслуг, редко основанных на образовании. Поэтому основной задачей, особенно лицеев, стало формирование новых кадров для государства, как военных, так и гражданских. С 1808 г. в программе лицеев, кроме языков, значились также история, риторика, логика, элементы математики и физики. Были установлены виды экзаменов и дипломов (бакалавр, лицензиат, доктор). В 1809 г. в 35 лицеях обучалось около 10 тыс. учеников. Для их качественного образования был создан специальный институт по подготовке преподавателей – «Пансионат нормаль» (pensionnat normal), который рассматривался Наполеоном как своеобразная светская корпорация со строгим режимом (обязанностью не жениться, более нигде не работать без разрешения руководства и проч.), поскольку их задачей была воспитывать следующие поколения на «твёрдых принципах» империи[427]. Затем это учреждение несколько раз реформировалось. Но считается, что именно его принципы (а также и исторический адрес – улица Ульм, rue d'Ulm) были в последствии взяты за основу при создании (с 1826 г.) его современного преемника – называющегося ныне (с 1845 г.) Высшей нормальной школой (École normale supérieure)[428], готовящей будущих учёных и профессоров.

После потери власти Наполеоном в 1815 г., названия «Университет» стали избегать (из-за эпитета «императорский») – появилась Комиссия по общественному образованию, затем Королевский совет по общественному образованию и т.д. С установлением Второй империи в 1852 г. утвердилось название Университет Франции[429]. В 1896 г. его функции перешли к Министерству образования. Но в любом случае речь всегда шла о государственном общественном образовании, отделённом от религиозного (хотя в государственных университетах ещё оставалось преподавание теологии). Зато утвердилась и упрочилась система единых госэкзаменов, учреждённая Наполеоном Бонапартом, как новый способ вхождения в правящие элиты Франции для тех, кто не попадал в них по праву рождения, - при помощи овладения и демонстрации культуры

[427] *Monin H*. Les institutions impériales et les réformes administrative. [Электронный ресурс] URL: http://agora.qc.ca/documents/napoleon_bonaparte--biographie_de_napoleon_bonaparte__les_institutions_imperiales_et_les_reformes_administratives_par_hippolyte_monin (дата обращения: 19.10.2015).

[428] Хотя уже в первые годы революции (в 1794 г.) был создан институт по подготовке педагогических кадров, название которого (l'École normale) было использовано для новой организации.

[429] l'Université de France.

вообще, мышления в частности, и особенно красноречия[430]. Ну, а претендующие на места в высшей государственной иерархии современной Франции или руководстве ведущих корпораций почти неизбежно должны поучиться не в университетах с зачислением по баллам выпускных школьных экзаменов, а в одном из всего нескольких вузов, условно объединяемых термином «гранд эколь» (фр. - grandes écoles – высшие школы), куда в дополнение к отличному школьному бакалавриату необходимо сдать вступительные экзамены. Сегодня экзаменов таких от 4 до 6, и среди них обязательно есть философия или «общая культура», вопросы для которой и оценки определяются также профессорами философии, а вступительное сочинение должно быть написано по всё той же изучаемой в школе методике. Кроме этого, поступление в такие элитные вузы, как Ecole Normale Supérieure (ENS) или Hautes études commerciales (HEC Paris), являющейся лучшей бизнес-школой Европы (а по некоторым рейтингам и мира), после школы невозможно в принципе. Чтобы успешно сдать туда вступительные экзамены, необходимо закончить двухгодичные подготовительные курсы, при учёбе на которых, например, для будущих менеджеров или экономистов философии на протяжении всех двух лет обучения выделено «всего» 2 занятия в неделю[431].

Что касается МИД, то первые профессиональные экзамены начались с 1877 г., единые конкурсы (т.е. для всех, независимо от предполагаемого поста и специализации) – с 1880 г., «большой конкурс» – с 1907 г. и затем (с изменениями) с 1929 г. Испытания (стажировка) проходили в МИД в течение трёх месяцев перед собственно конкурсом. Комиссия из четырёх дипломатов ставила кандидатам оценки, на основании которых министерство составляло список, допущенных к конкурсу.

Таким образом, основные современные принципы подбора молодых кадров:

-максимально высокие требования к кандидатам (высшие итоговые оценки лучших вузов и вступительные тесты в МИД), причём даже на технические должности, с целью принять самых лучших в смысле высокой культуры, интеллектуально развитых и работоспособных, умеющих учиться. И это потому, что такие люди смогут затем усвоить любое конкретное направление работы.

-понимание, что МИД набирает не дипломатов, а будущих дипломатов, которых поэтому надо дополнительно и качественно готовить.

---

[430] Преподавание философии во французской школе в его практически нынешнем виде началось после установления 3-ей Республики, т.е. с 1870-х годов. В частности, основное изменение состояло в переходе от изучения истории философии к формированию у учеников собственного философского мышления посредством изучения понятий, проблематизации, аргументации и т.д.

[431] См. подробнее: *Литвак Н.В*. Философия как общеобразовательная дисциплина, находящаяся в поле конфликтов. Опыт Франции и России // Конфликтология. – 2013. – № 4. – С. 7-21; *Литвак Н.В*. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции: учебно-методическое пособие. М. : МГИМО-Университет, 2015.

Выводы Главы 2.

-Современная дипломатическая служба представляет собой системную часть современного госаппарата, которая развилась в современный рефлексивный институт в результате поэтапного процесса. Из первоначального инструмента коммуникации (передачи посланий, информации) через функциональную структуру, осуществляющую сбор, переработку и создание новой информации (в т.ч. концепций) об иностранных государствах, международных отношениях, национальных интересах, она трансформировалась в аутопойетическую (Н. Луман) службу в системе госорганов, рефлексирующую по поводу поставленных ей задач, среды, в которой она действует, включая своё руководство, и, наконец, самой себя. Основы такого направления информационной и коммуникационной деятельности были заложены преимущественно французскими дипломатами уже до революции 1789 г. Многие из них формулировали соответствующие квазиконцепции, прообразы подходов и теорий будущих французских же основателей и классиков социологии. Ими были сделаны социально-политические выводы, в частности, о том, что в монархических, феодальных государствах необходимо отслеживать динамику социальной группы военно-политической верхушки, от которой зависят основные решения. Но в тоже время – выявлять и учитывать настроения в народе, общественное мнение.

В этой связи, с одной стороны, современная дипломатическая служба обладает всеми классическими характеристиками бюрократии, в т.ч. в государственном управлении, представляя собой рациональную модель организации социальных процессов (М. Вебер) при абстрагировании актора, исполняющего регулятивные нормы и правила, от своего субъективного начала, личных позиций, оценок и проч. Но, с другой стороны, «бюрократический замкнутый круг» (М. Крозье) порождает «зоны непредсказуемости», для действия в которых бюрократы создают параллельные официальным властные отношения, которые, в свою очередь, порождают новые проблемы, и т.д.

-Сущность обязанностей, деятельности *посла-агента* заключается в выполнении поручений политического руководителя своего государства, которого он представляет при контактах с руководством другой страны, но также постоянная коммуникация со средой и её рефлексия. Функции, объединяемые понятием «дипломатические», осуществляемые дипломатическими агентами, имеют различный характер и могут быть классифицированы на *процедурные*, которые возможно формализовать и перепоручить исполнителям, не обладающим дипломатическими компетенциями, и собственно дипломатические, как такие информационно-коммуникационные функции, которые позволяют выявлять и понимать сходства и различия своей и других культур для нахождения точек

соприкосновения, формирования общих, взаимоприемлемых, компромиссных позиций в межгосударственных отношениях. Дипломатические агенты поступают на службу в результате жёсткого отбора, обладая чрезвычайно высоким образовательным и профессиональным уровнем, который затем продолжает расти, как посредством ведомственной системы повышения квалификации, так и в силу приобретения специфического опыта.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ЭПОХУ СЕТЕВЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ И «ТЕКУЧЕЙ» СОВРЕМЕННОСТИ

3.1. Социология международных отношений и внешней политики в эпоху сетевых электронных средств информации и коммуникации (ЭСИК)

Несмотря на относительно непродолжительную пока историю электрических и тем более электронных информационных и коммуникационных технологий, примечательно, что дипломатическая служба (после армии, конечно) одной из первых стала использовать их в практической работе. Первые линии *электрического телеграфа* (был ещё и оптический, внедрённый через три года после французской революции) связали в Великобритании в 1838 г. Лондон и Бирмингем и во Франции в 1845 г. Париж и Руан. По мере развития проводной связи в отдельных странах и между ними, телеграф стал использоваться для передачи и дипломатических телеграмм. В шифровальном отделе МИД телеграф – это новое, *электрическое* средство коммуникации, был установлен в 1862 г. С 1865 г. с его помощью передавалось уже большое количество документов, прежде всего, международных конференций, которые требовали секретности. Ещё быстрее в начале XX в. в МИД и посольствах была внедрена *радиосвязь*. Уже в этом месте надо сказать, что всеми этими технологиями с небольшой разницей во времени стали пользоваться и коммерческие организации, и частные лица, и, конечно, пресса – основное в то время средство массовой информации и коммуникации. Кроме того, сама эта пресса, также как и дипслужба, существуя значительно дольше, чем упомянутые средства электросвязи, не говоря уже о телевидении и тем более интернете, также испытывала и испытывает влияние каждой новой электрической и электронной технологии.

Говоря об ЭСИК и их влиянии, нельзя не рассматривать их в более широком контексте научно-технического развития. В частности, личная дипломатия глав государств и правительств получила новый импульс ещё перед Второй мировой войной и особенно после неё, благодаря развитию *транспорта*, прежде всего, авиации. Это позволило гораздо чаще и оперативнее организовывать встречи самого разного, в т.ч. высокого уровня, а также направлять с поручениями доверенных лиц. Кроме того, несмотря на появление интернета и мобильной связи, уже несколько десятилетий продолжают использоваться такие ЭСИК и ЭСМИК, как прямые защищённые телефонные линии между резиденциями глав влиятельных государств, радио и телевидение. Благодаря изобретению и внедрению новейших *технических* средств, стали возможны и новые виды дипломатии. Вместе с тем появление и развитие нового не

всегда уничтожает или даже умаляет роль предшествующего, в т.ч. других видов техники; они часто сосуществуют и взаимодействуют. И это потому, что, во-первых, информационные свойства любых производимых человеком систем – это свойства соответствующих машин, для производства которых, в свою очередь, нужны целые отрасли, производящие другие машины и материалы, а также исследовательская и инженерно-конструкторская инфраструктура. Т.е. необходим мощный научный и промышленный фундамент, без которого любые изобретения ничем не отличаются ни от догадок Леонардо или даже античных философов, ни от мечтаний любого современного человека. СМИК и один из их современных видов – ЭСМИК, всегда таковы, каков уровень технологий и производства вообще. С другой стороны, «народное радио», молва и слухи, распространяемые непосредственно человеком другому человеку – это явление не далёкого прошлого, а сегодняшнего дня. И сегодня в потоке сообщений по электронным каналам можно что-то пропустить, и узнать, если не все, то большинство секретов от знакомых. Причём, едва ли не быстрее, чем из интернета или телевизора, где многие сведения и теперь не появляются никогда или не попадают в поле зрения, не говоря уже о развивающейся политике поисковых компаний создавать программное обеспечение, составляющее портрет пользователя и выдающее ему результаты поиска, настроенные для него лично (но с точки зрения программистов, а не самого пользователя). Важно также подчеркнуть количественное значение общего научно-технического, промышленного и экономического фундамента ещё в одном, а именно – в аспекте широты и глубины внедрения ЭСИК и ЭСМИК. Дело в том, что, несмотря на очевидную доступность многих технологий и оборудования, сегодня только одна страна – США имеет не только самую большую, гигантского размера военную инфраструктуру по всему миру, но и самую большую информационную и коммуникационную структуру. Т.е. у них больше всех спутников связи и разведки, серверов, компьютеров и суперкомпьютеров, линий связи, специалистов по работе с данными, в т.ч. слежки и перехвата. У остальных же стран не хватает технологий, ресурсов или того и другого сразу[432].

По этим же причинам и *информационная война*, ведомая средствами ЭСМИК, очень похожа на войну с применением устной пропаганды и агитации, изготовления и распространения рукописных и печатных листовок и книг, газет и журналов, хотя обладает и новыми качествами. Общее с использованием предыдущих видов носителей информации и средств коммуникации – неочевидность результатов, вследствие отсутствия разрушений и невозможности читать мысли как противника, так и своих

[432] См. также: *Сальникова Л.С.* Коммуникационные разрывы: причины и последствия // Коммуникология. 2016. – Т.4. – №1. – С. 124-134.

подданных. Новое – её тотальный характер, когда количество сообщений переходит в качество: в зависимости от целевой аудитории, получатели сообщений либо переманиваются в другой лагерь, либо исключаются из интеллектуальной борьбы (психически не развиваются или деградируют). Политический класс ряда стран осознал новизну ситуации в начале 2000-х годов, следствием чего стал ряд исследований на эту тему. Хотя решение пока не найдено, рефлексия политиков и экспертов, включая дипломатов, позволила понять, что такая проблема существует, и приступить к поискам путей её решения или хотя бы снятия её остроты.

В главе «Глобальное соревнование идей» «Белой книги» по внешней и европейской политике Франции 2008 г. констатировалось, что *глобализация* – это не только открытие и взаимозависимость экономик, но и «революция в способах производства и распространения информации во всех её формах: письменной, звуковой, визуальной». В 1980-е годы появились первые глобальные телевизионные медиа: постоянный информационный канал CNN стал «символом возможностей планетарного влияния Америки», показав свою эффективность в первой войне в Персидском заливе. С середины 1990-х годов произошло бурное развитие интернета – со 100 млн. пользователей в 1998 г. до 1,4 млрд. сегодня. В 2000-е годы информация в цифровом формате стала общедоступной, всеохватывающей и целевой одновременно; снизилась стоимость и стала постоянной и глобальной её коммуникация[433]. Эффект новых ЭСМИК заключался и в возможности для журналистов (а иногда и частных лиц) конкурировать с дипломатами в оказании влияния на политические решения, в т.ч. быстрее предоставляя больше информации. Конечно, их информация отличается от дипломатической. Но, например, журналистов АФП в Вашингтоне просто больше, чем французских дипломатов, как и создаваемый ими поток сообщений. Президенты крупных компаний осуществляют проекты в ритме уже не дипломатических телеграмм (ДТ), но е-мэйлов и сами встречаются с главами государств, не уведомляя об этом заранее французских послов[434]. И сам Президент Республики берёт их с собой в официальные зарубежные поездки. В общем, это происходит не в первый раз. Внедрение технологических новшеств всегда приводит к переопределению информационных процессов и процедур, как это было с появлением телеграфа, совершившим революцию в современной дипломатии, фактически уничтожив расстояния. Однако, новые ЭСМИК имеют и специфику, ставящую дипслужбу в очередной раз под вопрос, поскольку позволяют политикам (как уже говорилось) во многом получать её самостоятельно. Среди мер, которые предпринимают дипломаты,

[433] См.: La France et l'Europe dans le monde... P. 27.
[434] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op. cit. P. 374.

чтобы преодолеть опасность оказаться за бортом прямых двусторонних отношений, прямого обмена информацией между правительственными органами: подключение к специализированным соцсетям и информационным сайтам для мониторинга информации по двусторонним отношениям, которая может ускользнуть от посольства ввиду интенсификации контактов или просто высокой скорости, с которой о событиях пишут медиа. При этом дипломаты отмечают, что остаётся их роль эксперта и посредника – объяснять в Париже, что именно хотят партнёры в той или иной стране, как с ними лучше работать, чтобы привести их на наши позиции или к компромиссу[435].

Новые ЭСМИК активизировали ещё один новый процесс, который сегодня разворачивается во многих странах и, возможно, станет со временем ещё одним *видом* дипломатии – *дипломатией в собственной стране*. Он является следствием не просто роста иммиграции, но иммиграции, сочетаемой с новыми качественными факторами. Во-первых, количество уже прибывших мигрантов перешло тот порог, после которого они всё чаще не стремятся интегрироваться, а сохраняют связи со странами происхождения, формируя анклавы с собственными, отличными от принимающей культуры субкультурами. Во-вторых, в их среде появляются и развиваются настроения и планы по изменению самой принимающей культуры, опираясь на своё растущее количество и, между прочим, европейские демократические институты, в первую очередь в области культуры, образования, языка. В-третьих, новые ЭСМИК позволяют не только ускорить все эти процессы (быстрее получать информацию и оформлять различные документы или добираться нелегально и проч.), но и придать им новое качество. Уже в «Белой книге» 2008 г. отмечалось, что «изображение и голос близких, оставшихся на родине, теперь всегда сопровождают мигрантов, благодаря интернет-телефонии, создавая феномен их длительной двойной принадлежности, характеризующей современную миграцию»[436]. Т.е. теперь для предотвращения ассимиляции даже не обязательно жить замкнуто или наоборот собираться вместе, в гетто. Можно жить где угодно и с любыми соседями, оставаясь полностью в обычном, привычном информационном пространстве. В результате, заграница, в смысле иностранных, инокультурных граждан, всё более расширяется внутри Франции. И если раньше и абсолютно, и относительно немногочисленными иностранцами вполне успешно занималась полиция и контрразведка, то теперь внутри страны всё больше оказываются востребованными знания и компетенции французских дипломатов. Как минимум, фактически идёт *перенос части дипломатических информационных задач в собственную страну,* в связи с наплывом

[435] Ibid. P. 376.
[436] La France et l'Europe dans le monde… P. 28.

иммигрантов и поддержанием ими связей со своими странами и сетями, которые ЭСМИК сделали возможными постоянно и в любом объёме. Пока дипломаты приглашаются в качестве экспертов, поскольку со временем, возможно, будет налажена соответствующая подготовка и местных силовиков, как работать с иммигрантами. Но не исключено, что в будущем они потребуются и как реальные переговорщики с иностранными общинами во Франции и Европе. В то же самое время резко растёт и нагрузка, прежде всего, консульская на французские загранучреждения – к настоящему времени вне метрополии проживает уже более 2,5 млн. граждан республики.

Изменения в международных отношениях и дипломатии, в т.ч. в средствах и содержании работы с информацией вследствие научно-технического и социального развития в XX в., и их последствия ещё предстоит определить точнее. Но на многих наблюдателей они повлияли настолько сильно, что ввод в действие во Франции 1 июля 2014 г. официального государственного интернет-портала «Дипломатия»[437] было расценён некоторыми, как «переворачивание целой страницы французской дипломатической культуры: прыжок Кэ д'Орсэ в цифровую эру»[438], конец эпохи Шумана[439], «разрыв с пятью веками традиции»[440], – как назвал его ответственный за внедрение этой разработки Директор информационных систем МИД Н. Шапюи. И это потому, что речь идёт не только о технической модернизации.

Франция – страна, старающаяся идти в ногу с основными, в т.ч. научно-техническими, изменениями в мире. Поэтому на новом портале, в частности, выложено очень много подробной и хорошо организованной информации – о Франции и её внешней политике, о странах, с которыми Париж поддерживает отношения, текущие новости. Этот сайт МИД настолько объёмен и разнообразен, что заслуживает отдельного, самостоятельного исследования (о чём речь пойдёт ниже). Обратим внимание на только основные вопросы, связные с темой информационных процессов. После массового внедрения компьютеров, дипломаты, как и сотрудники практически любых других структур современного общества, ещё громче заговорили о настоящем *nomone* из документов, который всё больше захлёстывает всё вокруг. Поэтому французский МИД предпринял попытку справиться с этой проблемой современными средствами. Объём задач – количество пользователей сети и материалов, в ней размещаемых, с учётом

---

[437] France Diplomatie. http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/

[438] См.: *Riols Y.-M.* La révolution numérique du Quai d'Orsay. Le Monde, 17.07.2014 [Электронный ресурс] URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2014/07/17/la-revolution-numerique-du-quai-d-orsay_4458919_823448.html (дата обращения: 28.10.2014).

[439] Премьер-министр и министр иностранных дел Франции, внёсший основной вклад в создание Европейского союза, Совета Европы, а также НАТО, возглавляя именно МИД. В честь его дипломатических заслуг названа французская система шифрования дипломатических телеграмм.

[440] *Riols Y.-M.* Op.cit.

регулирования доступа к данным, предопределил и время, которое потребовалось для осуществления проекта (о разработке системы тогдашний министром А. Жюппэ объявил в ноябре 2011 г. с целью, прежде всего, повышения эффективности работы с документооборотом).

Во-первых, содержание портала позволяет заключить, что в концептуальном плане французская дипломатия сделала правильный вывод о том, что, поскольку современная ситуация представляет собой массовое, вплоть до тотального подключение большинства граждан большинства стран мира к новым – электронным инфокоммуникационным системам (интернету, мобильной связи и их сочетанию), то необходимо быть активным и в этом, а не только в официальном поле. И это потому, что такую активность осуществляет и развивает как лидер (США), так и всё большее число других стран и негосударственных участников международных отношений. Это оказалось важно и в отношении собственных граждан. Поэтому МИД *присутствует* во всех основных социальных сетях, где старается, как можно оперативнее реагировать на события, а, если возможно, и самому создавать информационные поводы.

Во-вторых, насколько об этом можно судить по публичным материалам, размещаемым на портале МИД, новые технологии широко и современным способом используются при представлении информации (из чего можно сделать вывод, что также дело обстоит и при работе с ней вообще, которая остаётся скрытой от посторонних). Типичный наглядный пример использования таких инструментов, как концепции *гипертекста* и *обобщения*[441], в информационных материалах, – отчёт о выступлении министра (на тот момент – Л. Фабиуса) на заседании комиссии Сената по иностранным делам, обороне и вооружённым силам. Конечно, этот материал не слишком сложен и сочетает общий опыт работы с информацией, накопленный ещё до эпохи ЭСМИК, с достижениями уже этой эпохи. Но это не всегда и не всем удаётся так, как это делают французские дипломаты. После пояснения одной фразой когда, где и по какой теме выступил министр, отмечено, что, воспользовавшись этой возможностью, глава МИД обозначил позиции Франции по основным международным проблемам. Сначала вновь помещён основной тезис: «Принцип, в соответствии с которым мы ориентируем свою внешнюю активность с 2012 г., – независимость. Эта независимость Франции – это наша способность свободно определять то, что мы считаем справедливым, и соответственно действовать»[442]. Затем следует перечень проблем: Сирия, иранская ядерная (программа),

[441] Подробно о проблеме обобщения в контексте роста количества сообщений, информации См.: *Литвак Н.В*. Информационное общество: перманентная эволюция. М. : Колос, 2008.
[442] La politique étrangère de la France : quelle autonomie pour quelle ambition? Intervention de Laurent Fabius au Sénat (15.10.15). [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/maedi-

Украина, Россия, ООН, климат, дебаты о Европе, экономическая дипломатия, Китай, по каждой из которых основная информация (и, в некоторых случаях – планы) представлена несколькими тезисами, а посмотреть остальную можно, перейдя по гиперссылкам в конце абзаца, посвящённого каждой проблеме. В конце всего этого электронного документа помещена гиперссылка на полный текст выступления министра. Учитывая французскую традицию размещения практически любых материалов в алфавитном порядке, его нарушение в данном случае следует воспринимать как иерархию проблем согласно их важности, хотя это не указано специально.

В-третьих, ещё одной ключевой задачей новой информационной системы являлось создание и управление *сетью коммуникаций*, в первую очередь между дипломатическими сотрудниками, но также и с внешними контактами. Конечно, прежде всего, новая технология – чтение и создание текстов в компьютере и их передача по сети – уже сама по себе изменила формы и методы самой работы уже несколько лет назад, когда произошло их внедрение. Теперь речь зашла о работе всех сотрудников в центральном аппарате и за рубежом в единой сети с возможностью, таким образом, сетевого, т.е. совместного, общения и доступа к документам. В этой связи некоторые наблюдатели провозгласили конец эпохи сверхзакрытости МИД, совершившего свою «Фэйсбук-революцию», создавшего большой сегмент «облачного государства», т.е. хранящего данные в распределённом, общедоступном, но внешнем для пользователей серверном сетевом «облаке». Обсуждались даже планы, что, как и в «Фэйсбуке», записи («посты») будут анонимно оцениваться пользователями (подписчиками и посетителями соответствующих страниц). Предсказывалось, что вследствие такого подсчёта количества заходов на страницы и «лайков» или даже «звёзд» (от одной до пяти) «многие послы, того не подозревая, упадут с небес на землю»[443]. Однако, до этого дело не дошло.

Действительно, теперь дипломаты в загранпредставительствах получили возможность доступа к концентрированным интеллектуальным ресурсам, своего рода коллективной памяти собранной и структурированной в, можно сказать, своеобразном бэк-офисе – МИД своей страны, который, в т.ч., даёт и указания по ведению переговоров[444]. Т.е., как и в случае Госдепартамента США, основной задачей стало осуществление коллективного доступа к данным[445]. Однако, по данным печати, сегодня

---

une-diplomatie-globale-au-21eme-siecle/la-politique-etrangere-de-la-france-quelle-autonomie-pour-quelle-ambition/article/la-politique-etrangere-de-la-france-quelle-autonomie-pour-quelle-ambition (дата обращения: 15.11.2015).

[443] См.: *Riols Y.-M.* Op.cit.

[444] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 405.

[445] После террористических атак 11.09.01 в США был сделан вывод о том, что они стали возможны не из-за отсутствия информации об их подготовке, а о её раздробленности, невозможности объединения и общего анализа в силу закрытого и автономного характера работы различных спецслужб. Поэтому, например, в том,

МИД получает примерно 1 тыс. дипломатических телеграмм (ДТ) в день. Ежемесячно, хотя и с разной регулярностью из загранпредставительств дипломатической почтой доставляются ещё десятки тысячи страниц документов. Количество электронных сообщений оценивается в 12,5 млн. в месяц[446]. По свидетельству своих сотрудников министр иностранных дел (тогда – Л. Фабиус) не читает более 3-4 телеграмм в день. При этом, он постоянно требует показывать ДТ от Ж. Аро[447]. Т.е. количество реально учитываемой, принимаемой во внимание информации чрезвычайно мало по сравнению с общим её объёмом. Это обусловлено таким факторами, как актуальность, в т.ч. определяемая высшим политическим руководством страны, качеством работы секретариата министра, отбирающим и готовящим для него информационные материалы, наконец, личной, в т.ч. физической работоспособностью министра и его сотрудников. А ведь и ДТ – это также не есть ещё основной источник информации, который может оказать влияние на принятие политического решения. Также совсем в ином свете предстаёт проблема *безопасности*, в данном случае, сохранения конфиденциального характера всей или части информации. Прежде всего, само увеличение потока сообщений, в первую очередь, электронных, делает практически невозможным отслеживание содержания каждого из них (фактически число контролёров должно приближаться к числу пишущих сообщения, не говоря уже о проблеме анализа групп пользователей). С этой точки зрения канализация электронной почты в одну систему (портал «Дипломатия») позволяет хотя бы ограничить её рамками одной сети, т.е. без использования других почтовых служб. Вместе с тем, остаётся такая техническая проблема, как возможность перехвата сообщений при подключении ко всей сети или её сегментам через каналы передачи сообщений или отдельные точки доступа. Конечно, как и в случае с ДТ, вся переписка в «Дипломатии» передаётся в шифрованном виде. Но ведь прецеденты Б. Мэннинга (WikiLeaks) и Э. Сноудена показывают, что, во-первых, перехватывается в т.ч. и дипломатическая переписка, а, во-вторых, с любыми документами работают люди, которые, в т.ч. будучи сотрудниками служб, призванными не допускать утечек информации, эти самые утечки и организуют. В «Дипломатии» же сконцентрированы и находятся в доступе не только электронные сообщения, но и справки, и ДТ.

В США функции справочника и агрегатора информации выполняет запущенный в 2006 г. интранет (внутренняя закрытая сеть) Госдепартамента «Diplopedia wiki»,

---

что касается дипслужбы, с ноября 2011 г. была создана совместная сеть, можно сказать, «э-дипломатии» (электронной дипломатии) ФБР-Госдепартамент, изменившая приоритеты с «необходимости знать» на «необходимость поделиться (сообщить)» («need to know » - « need to share»).

[446] См.: *Riols Y.-M.* Op.cit.

[447] Посол в США, до этого – Постоянный представитель Франции при ООН, имеющий в МИД репутацию «золотого пера».

построенный по принципу энциклопедии. Для размещения и доступа к внутренним дипломатическим документам и базам данных был создан американский интранет «Classified Web Publishing»[448], подобный французской «Дипломатии», а затем ряд других, предназначенных для обсуждения сотрудниками различных вопросов, обучения и переподготовки и проч.

Во второй половине XX в. произошли качественные сдвиги в информационной составляющей социальной активности. Причиной послужило создание и распространение новых средств коммуникации и обработки информации, которые, в свою очередь, были придуманы и произведены на качественно новых принципах – с использованием *электричества*, электрических, а затем и электронных технологий. Электрический телеграф[449], телефон, радио, компьютеры позволили кардинально изменить коммуникационные и информационные процессы. Осмысление этих изменений и выразилось в концепциях информационного общества, а также общества знаний, коммуникационного общества и проч. Этот новый теоретический массив выступил в разных ситуациях как метатеория или как фон для социологических теорий среднего уровня, целью которых было описать изменения в обществе и в поведении его членов в новых условиях. В 1960-70-е годы французские исследователи Р. Арон, М. Мерль, Н. Элиас, Б. Бади, М.-К. Смоутс и др. активно включились в создание нового направления в социологии – *социологии международных отношений*, до того являвшихся предметом исторической и юридической наук.

Но уже фактически с началом Второй мировой войны (возможно, по причине стресса от «её неожиданности», формальности предлога, стремительности капитуляции Франции и т.п.) французская историческая школа «Анналов» бурно атаковала тогдашнюю методологию традиционной истории, исследовавшей только события, причём на коротком временном отрезке. В отношении текущей, современной истории (а тогда в её рамках изучалась новейшая история и история международных отношений), такой подход оказался вообще не продуктивен (что, собственно, и выявила разразившаяся война и её ход для Франции). В противовес была предложена концепция «глобальной истории» или истории «длительного времени», в т.ч. отвлекающейся от чисто хронологического порядка. Кроме того, представители школы «Анналов» предложили *многофакторный* метод изучения исторических процессов, включая в предмет исторических исследований экономические, демографические, психологические, биографические и прочие факты, явления и процессы, порой вплоть до самых незначительных. В этом контексте П. Ренувен

[448] https://web.archive.org/web/20080111184403/http://www.state.gov/m/irm/c23840.htm#diplopedia

[449] Это уточнение необходимо, поскольку сначала использовались механические устройства, называть которые телеграфом правомерно в силу кодирования передаваемой с их помощью информации.

и Ж.-Б. Дюрозель в своей книге «Введение в историю международных отношений»[450] применили этот метод «глобальной» истории к «событийной» истории международных отношений. Хотя сами они не хотели, чтобы их считали основоположниками «школы» изучения истории международных отношений, современная французская точка зрения на теорию и историю международных отношений основывается на том, что именно эти учёные превратили «традиционную дипломатическую историю» в новую дисциплину: историю международных отношений, т.е. такую, которая учитывает отношения не только между государствами, но также и между «народами». Они якобы первыми показали, что невозможно правильно понимать международную жизнь без исследования «глубинных сил» и «процесса принятия решений» во внешней политике. «Глубинные силы» П. Ренувена и Ж.Б. Дюрозеля – это география, демография, экономические и финансовые интересы, коллективное мышление и национальное чувство. Все они оказывают влияние на политиков. Но, кроме того, сами политики, как люди с различными характерами и темпераментами, могут вмешиваться в «игру» этих сил, изменять её, использовать их в зависимости от своего понимания национальных интересов. Т.е. решения во внешней политике и сами международные отношения определяются взаимодействием объективных и субъективных факторов. Не вдаваясь в обзор работ на эту тему, напомним только, что весь круг этих проблем не только был понятен, но и описан в инструкциях по сбору соответствующих данных, начиная, как минимум, с Кольбера. Другое дело, что и до сих пор не получается – и в данном случае, у политологов вообще, а не только французских, делать обоснованные и подтверждающиеся прогнозы *ситуации*. Т.е. развитие науки в данном направлении пока что далеко от своего завершения[451].

Послевоенная же работа американца Г. Моргентау[452] вновь постулировала точку зрения на международные отношения, как арену острого противоборства государств, где военный и дипломатический подходы являются двумя составляющими одной политики. Эта позиция хорошо подкреплялась реалиями начавшейся холодной войны. Однако французские исследователи отнеслись к ней критически, направив своё внимание на социологическое переосмысление международной сферы. Постепенно они, как и представители многих других стран, стали считать основным вектором развития международных отношений снижение роли государства в пользу негосударственных акторов, становящихся всё более массовыми и влиятельными. Социология международных отношений, в т.ч. французские концепции, подробно рассмотрены в

[450] *Renouvin P., Duroselle J.-B.* Op.cit.
[451] См. также: *Глаголев В.С.* Нематериальные факторы в международных отношениях / Современная наука о международных отношениях за рубежом. Под общей редакцией И.С. Иванова. Москва, 2015. С. 10-18.
[452] См.: *Morgenthau H.J.* Politics among nations: the struggle for power and peace. N.Y. : A.A. Knopf, 1948.

целом ряде работ П.А. Цыганкова[453]. В т.ч. числе, он классифицирует два основных подхода – последователей теоретического наследия Э. Дюркгейма и М. Вебера, наиболее яркими представителями которых в социологии международных отношений являются Г. Бутуль[454] и Р. Арон. В свою очередь сами французы, в частности, М. Мерль, выделяют три направления: «социологическое» Р. Арона, «эмпирически-описательное» К.А. Кольяра, Ш. Зоргбиба, С. Дрейфюса, Ф. Моро-Дефарга, и «марксистское» П.Ф. Гонидека, Ш. Шомона, Э. Жува и др.[455]

Одной из основных проблем Р. Арон определяет процесс принятия решений и поэтому большую зависимость ситуации от лидеров государств, хотя и имеющих возможность обращаться к экспертному сообществу. Отсюда предметом социологии международных отношений он называет поведение международных акторов и потому – также социальные, ценностные, идеологические факторы[456]. Его сторонник Ж.-П. Деррьеник, называя социологию международных отношений социологией действия, формулирует основную проблему как проблему выбора. Она в свою очередь, формируется из имеющейся информации, которая оценивается на основе критериев в зависимости от целей, преследуемых акторами [457].

К пятидесятилетию выхода вышеупомянутой монографии П. Ренувена и Ж.-Б. Дюрозеля и в её развитие известный современный исследователь международных отношений Р. Франк выпустил капитальный труд «Об истории международных отношений»[458], в котором кроме него самого приняли участие ещё более двадцати специалистов, а предисловие написал министр Ю. Ведрин. Начальное определение Р. Франка: «международные отношения – это совокупность отношений, которые люди и их группы устанавливают между собой через границы». Он, таким образом, делает важный шаг в определении природы международных отношений, как социальной, межчеловеческой, напоминает, что государства и организации – это люди, а не некоторые сущности, самостоятельно действующие, в т.ч. взаимодействующие друг с другом. Но одновременно даёт слишком широкое определение участника международных отношений. И дело даже не в том, что под него подпадает, например, человек, поехавший в другую страну в командировку или на учёбу и пишущий оттуда домой, посылающий или получающий от родственников деньги и проч. Автор далее уточняет свою

---

[453] См.: *Цыганков П.А*. Политическая социология международных отношений. М. : Радикс, 1994.
[454] *Bouthoul G*. Op.cit.
[455] *Merle M*. Sur la « problématique » de l'étude des relations internationales en France // Revue française de science politique, 33e année, n°3, 1983. P. 403-427.
[456] См.: *Aron R*. Paix et guerre entre les nations...; *Aron R*. Memoires....
[457] См.: *Derriennic J.-P*. Esquisse de problematiqie pour une sociologie des relations intemationales. Thèse sc. pol. P. : 1977.
[458] См.: *Frank R*. (dir.). Pour l'histoire des relations internationales. P. : PUF, 2012.

формулировку, указывая, что одной из характеристик международных отношений является отношение к вопросу о жизни и смерти для народов и, следовательно, и для индивидов[459], приводя фундаментальное (хотя и краткое) изложение истории и современного состояния французской классической и актуальной теории и истории международных отношений и дипломатии (историография международных отношений и её национальные «школы», теории международных отношений, их источниковедческая база, становление дипломатических служб, развитие и современность основных внешнеполитических процессов), а также других дисциплин, используемых для изучения международных отношений, внешней политики и их действующих лиц. По существу Р. Франк предложил перейти от статичной, по его мнению, концепции «глубинных сил» П. Ренувена и Ж.-Б. Дюрозеля к собственной – более динамичной, рассматривающей процессы и внутри участников международных отношений, а не только между ними.

Совсем недавно группой французских социологов во главе с Г. Дёваном была предпринята попытка если не синтезировать новый, комплексный подход к социологии международных отношений, то представить ретроспективу уже существующих точек зрения и осуществить новое прочтение классических социологических работ. Ранее Г. Дёван предложил считать социологическими фактами также и международные факты, т.е. события и процессы в международных отношениях[460]. С этой точки зрения международные отношения подлежат изучению не только собственно «теориями международных отношений», которые, как подчёркивают французы, имеют, в основном, англо-саксонское происхождение, но и социальными и гуманитарными науками в целом, в первую очередь – *социологией*. Такой подход был реализован под руководством этого социолога целой группой французских исследователей, которые изложили видение международных отношений с позиций десяти социологических концепций[461]: драматургического подхода (Гофман), структурации (Гидденс), поля (Бурдьё), взаимозависимости (Элиас), господства (Вебер), лояльности (Хиршман), рациональности (Будон), конфликта (Зиммель), реципрокности (Мосс) и интеграции (Дюркгейм). Несмотря на новаторство такого подхода, книга не имеет общих, точно сформулированных выводов, что, по существу, означает фактическое признание статус-кво в наличии разных точек зрения на предмет и методы исследования социологии международных отношений. Г. Дёван выпустил также коллективное исследование и по

[459] Ibid.
[460] См.: *Devin G.* Sociologie des relations internationales. P. : La Découverte, 2009.
[461] См.: *Devin G.* (dir.). Dix concepts sociologiques en relations internationales. P. : CNRS Éditions, 2015.

методам исследований этой области[462]. Панорама таких методов разделена на четыре части, в которых последовательно рассматриваются методы описания и сравнения, а также практической работы с различными видов ресурсами (дипломатическими архивами, изображениями, веб-порталом ООН и проч.) и, наконец, применения количественных методов, в т.ч. контент-анализа. Авторы книги настаивают на взаимодополняемости этих методов, однако вряд ли можно судить об этом на основании приведённых ими примеров. Тем не менее, именно практическое их применение, показанное в этой коллективной монографии, представляет интерес.

З. Бауман определяет актуальное состояние общества вообще как «текучую современность», очевидно как отрицание предшествовавшей ему структурно-функциональной фазы. Перенесённое из физики свойство жидкости – текучесть, отличное от свойств тела твёрдого, но всё-таки ещё не газообразного, только отчасти метафорично. Социолог показывает именно постепенность уменьшения, «плавление» социальных связей, сокращение социальных обязательств и условий. В тоже время, общество остаётся объектом, системой, своего рода «жидкостью», представляющей совокупность весьма подвижных, во всё более широких пределах независимых акторов, но всё же действующей и как целое. Для исследования международных отношений важно, прежде всего, внимание к роли государства, которое по З. Бауману становится всё менее функциональным в том, что касается безопасности, вооружённых конфликтов, войн, которые теперь ведутся якобы всё более негосударственными акторами[463].

С широким распространением компьютеров и интернета не только у государственных и корпоративных пользователей, но и у частных лиц, был придуман и в некоторой степени уже концептуализирован целый ряд видов дипломатии, в названии которых используются соответствующие приставки («веб» (web, «всемирная паутина»), «нет» (net, сеть), «кибер» (cyber) и др.). В настоящее время одним из наиболее употребимых является термин «цифровая дипломатия», под которой в самом общем виде подразумевается использование цифровых информационных и коммуникационных технологий в дипломатической деятельности. Но здесь необходимо уточнение. В большинстве случаев даже специалисты ведут речь о цифровой дипломатии, как «электронном компоненте публичной дипломатии», деятельности, используемой для «целей внешней политики»[464], «реализации дипломатических и сопряжённых

[462] См.: *Devin G*. (dir.). Méthodes de recherche en relations internationales. P. : Presses de Sciences Po (P.F.N.S.P.), 2016.
[463] См.: *Bauman Z.* Liquid Times... P. 13-15, 37.
[464] См.: *Almuftah H., Weerakkody V., Sivarajah U*. E-Diplomacy: a Systematic Literature Review // Proceedings of the 9th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance. Montevideo, Uruguay, March 01-03, 2016. NY: ACM, 2016. P. 131-134.

внешнеполитических задач»[465], для помощи государственным органам в проведении внешнеполитической коммуникации, в т.ч. с целью влияния. При этом имеется ввиду коммуникация посредством интернета, в т.ч. и всё более – социальных сетей, «пропаганда, оказание давления на иностранные правительства, подготовка активистов и стимулирование протестных движений»[466]. Первыми соответствующую организационную работу провели в начале 2000-х годов США, где в 2002 г. в Госдепартаменте была создана сначала одна рабочая группа по проблемам интернет-дипломатии (с 2003 г. – подразделение Office of eDiplomacy[467]), а сегодня по данной тематике работает уже 25 подразделений. К настоящему времени, пусть и в меньших масштабах, эта практика внедрена практически во всех странах мира. Министерства иностранных дел (как и другие части госаппаратов), посольства, консульства, другие загранучреждения и их отдельные сотрудники имеют в интернете сайты или персональные страницы, ведут блоги, общаются в соцсетях (в связи с чем появляются всё новые термины, вроде «твиттер-дипломатии» или «фейсбук-дипломатии»). Согласно т.н. инициативе Госдепартамента «Государственность в 21 веке», цифровая дипломатия призвана влиять на социальные и политические процессы в других странах.

Мы не будем подробнее рассматривать так понимаемую цифровую и подобные ей виды дипломатии, как не имеющие непосредственного отношения к целям и задачам дипломатии в её сущностном значении, определённом как в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., так и во Введении к настоящей работе. Хотя современным дипломатам и приходится в ней участвовать, но это уже зависит от высшего политического руководства той или иной страны, будут ли её дипломаты заниматься «только» собственно дипломатической деятельностью в соответствии с международным правом или же и «влиянием». Вышеперечисленные и другие виды *влияния* на граждан других государств, не относятся к дипломатической деятельности. Более того, такое влияние классифицируется современным международным правом как *вмешательство во внутренние дела* и потому не совместимое с дипломатической деятельностью. Поэтому и занимаются ими такие учреждения, как Пентагон и многочисленные члены американского разведсообщества, а «цифровая дипломатия» представляет собой, таким образом, инструмент информационной войны, основы которого были заложены, возможно, ещё китайским военным теоретиком Сунь Цзы, разрабатывавшим способы достижения победы

[465] Цифровая дипломатия США. РИСИ, 08.12.2014. [Электронный ресурс] URL: https://riss.ru/analitycs/7003/ (дата доступа: 06.05.2015) .
[466] См.: *Подберезкин А.И.* Цифровая дипломатия в качестве средства стратегического сдерживания. ЦВПИ, 12.05.2017. [Электронный ресурс] URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/38995 (дата обращения: 10.06.2017).
[467] Office of eDiplomacy. [Электронный ресурс] URL: https://www.state.gov/m/irm/ediplomacy/.

без применения военной силы. К уже достигнутым результатам наблюдатели относят события в странах Ближнего Востока и Северной Африки в 2011 г. (т.н. «арабская весна»), в Турции в 2013 г., на Украине в 2014 г. Также показательно, что и научными и технологическими исследованиями в этой сфере занимается агентство *DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency)*, запустившее в 2011 г. специальный проект *SMISC (Social Media in Strategic Communication)* в интересах американских вооружённых сил. Проект был нацелен на разработку автоматизированных технологий по поиску в социальных сетях операций влияния противника, противостояния им, а также разнообразного изучения пользователей соцсетей.

Ещё одной задачей цифровой дипломатии (хотя и значительно реже) называется способствование совершенствованию работы самого МИД, а также получение новой информации из интернета. Однако использование интернет-ресурсов для информационных нужд дипслужбы (получения сведений, данных из дополнительных к встречам и наблюдениям источников) и тем более её внутренних нужд (обмена информацией между сотрудниками в дополнение к другим каналам коммуникации) неправомерно классифицировать как новый вид дипломатии. Внешние сайты по информационному содержанию ничем не отличаются от газет или телеканалов, а внутренняя коммуникация в МИД и посольствах – это вообще из области организации и управления. Несомненно дипломатическим можно признать только использование ЭСМИК консульскими службами по оперативному информированию своих граждан в странах пребывания о режиме и аспектах своей деятельности, предупреждению о чрезвычайных ситуациях и проч.

В тоже время, конечно, можно выделить новизну для собственно дипломатических задач в новой, цифровой среде. Прежде всего, это новый источник информации (сайты, соцсети, блоги), в том смысле, что он несравнимо шире, чем традиционные, предшествующие ему СМИК, который может быть использован и используется дипслужбами для качественно новой, статистически близкой к тотальному охвату всех акторов (людей и институтов) рефлексии происходящего в стране пребывания, а также и в собственном политическом руководстве, которое также присутствует в интернете. Правда, в этом случае неправомерно называть поиск информации в интернет-ресурсах «дипломатией». Зато, в силу всё тех же вышеуказанных обстоятельств, а именно присутствия в публичном информационном пространстве позиций, реакций на происходящие события, планов и оценок, высказываемых дипломатами и другими политиками, это как раз и есть в определённой мере инструмент информационного дипломатического воздействия. Только не на массы иностранных граждан, а на этих

самых дипломатов и политических лидеров, с которыми посредством социальных сетей и других публичных форм интернет-общения теперь можно заочно осуществлять гораздо более интенсивную коммуникацию, в т.ч. используя их рефлексию на происходящие события, а также саморефлексию.

Колоссальный (и до сих пор ещё ускоряющийся) рост содержания коммуникации – количества сообщений и информации и данных в них породил новый феномен, описываемый сегодня термином «большие данные» (англ. big data). Под ними подразумевается не только совокупность гигантских объёмов различных данных, в т.ч. необработанных, неструктурированных, но и подходы, методы и технологии работы с ними. Основным эффектом от изучения больших данных является обнаружение корреляций между событиями, которые при работе с небольшими объёмами данных обнаружить невозможно.

Изобретение и внедрение *электрических* машин и оборудования (явившееся следствием создания и развития целого комплекса научных направлений исследований и НИОКР) обусловило огромные *социальные изменения, в т.ч. в международных отношениях и дипломатии*. Изменение *средств производства, хранения и передачи (коммуникации) информации* вообще и дипломатической информации, в частности, отразилось и на её *содержании* и на *методах* работы с ней. За исторически короткий промежуток времени эти средства и содержание претерпели огромные изменения, прошли путь от рукописных и печатных до *электрических и электронных средств информации и коммуникации* (ЭСИК), в т.ч. электронных средств *массовой* информации и коммуникации (ЭСМИК), в современном информационном обществе всё более строящихся по *сетевому* принципу в условиях «текучести» современности. ЭСИК представляют собой *системы связи* (односторонней, однонаправленной – радио, телевидение; дву- и многосторонней, диалоговой – телеграф, телефон) и *оборудование для действий с информацией* (её представления, хранения, переработки в электронной форме – посредством ЭВМ, компьютеров). В современных условиях эти системы и оборудование используются для создания всё более разнообразных по размерам и качеству *сетей*, объединяющих различных акторов, взаимодействующих между собой посредством своих сетей, с сетями других акторов и с окружающей средой в целом. Не детализируя эту тему далее, обратим внимание на то обстоятельство, что ЭСИК шире, чем сеть, под основной функцией которой, как правило, подразумевается возможность диалога, в т.ч. многостороннего, интреактивности, обратной связи, которая отсутствует, в частности, в классическом радио и телевидении. Но концентрация внимания только на коммуникации ошибочно, поскольку целью и результатом коммуникации является не она сама по себе, а

её содержание, т.е. информация, которую необходимо рассматривать в неразрывной связи с коммуникацией. Кроме того, и нахождение в составе сети вовсе не означает автоматического и постоянного обмена содержанием. Любой член сети может игнорировать любые сообщения, т.е. использовать её как радио или телевидение, только принимая или только передавая сообщения. Т.е. сеть предоставляет интерактивные возможности, но только от акторов зависит их использование. Наконец, хотя, как было рассмотрено в примере с порталом «Дипломатия», теперь дипломаты имеют возможность работать в единой компьютерной сети, нельзя говорить о радикальном изменении в *доступе* к информации, поскольку, как и прежде (к печатным документам), он *строго регламентируется*. Стать членом того или иного сегмента сети (по стране, региону или проблеме) можно только с разрешения начальника, которое исполняется техническим администратором соответствующего ресурса. «Потенциальная возможность доступа по сети к любым документам, как и прежде, жёстко контролируется начальниками. Но сверх того, электронная форма документов и доступа к ним позволяет теперь собирать данные совершенно нового качества. Стало возможным, причём в режиме реального времени, знать кто, когда, а, следовательно, и сколько раз, как часто, заходит на те или иные ресурсы, смотрит те или иные документы, искать корреляцию этих просмотров с просмотром других документов этим же пользователем и его коллегами и многое другое. Т.е. контроль становится тотальным и ограничен лишь творчеством и энтузиазмом контролёров (предположение о возможности анонимности в интернете вообще, а тем более в локально администрируемой сети, – это, конечно, не более чем наивный дилетантизм). К тому же появляется новый вид неравенства, связанный с подключением к сети, местом в списке рассылки, поскольку не всех везде включают. Хотя, в общем, допуск к информации всегда был ограничен. Но при этом, у сотрудников всё больше соблазна отправить и получить в ответ е-мэйл, вместо длинного бюрократического пути»[468].

Кроме того, сетевая структура общества, сегодня создаваемая на новых принципах (М. Кастельс) и всё более определяющая социальные и социально-политические процессы, в т.ч. в международных отношениях и дипломатии, имеет собственную логику существования и развития. Как и информационное общество, сетевые структуры возникли не сегодня, по существу, они существуют столько же, сколько и общество. Возможности современных ЭСИК позволяют создание чрезвычайно *гетерогенных* сетей, которые к тому же обладают всё усложняющейся динамикой. В т.ч. и к дипломатическим сетям, а

[468] *Литвак Н.В.* Информационные процессы во французской дипломатической службе // Международная жизнь. 2015. № 11. С. 76-95.

тем более, к публичным, открытым социальным сетям, к различным локальным сообществам в них, могут подключаться и акторы из других социально-профессиональных групп (политики, профессионально не занимающиеся международными отношениями, журналисты, учёные, блоггеры). Это касается и отношений между разными сетями, системы сетей как целого.

Что касается нового феномена – «больших данных», то он нуждается в дальнейшей рефлексии. Пока же можно только говорить о том, что работать с ними приходится и тем более придётся при помощи всё более усложняющегося программного обеспечения, а затем, возможно, и систем искусственного интеллекта, устройство, деятельность и потому результаты которых очень сложны и едва ли подлежат проверке, во всяком случае, рядовым пользователем.

3.2. Новая социо-природная и политическая среда дипломатической службы

Для объективного восприятия и описания современных международных отношений, т.е. *среды*, в которой действует современная дипломатическая служба, их необходимо рассматривать в историческом контексте, отмечая преемственность прошлых эпох и новизну текущей, диалектическое сочетание и взаимодействие их характеристик, как частей целого, совокупности международных отношений, так и характеристик их отдельных субъектов, участников, и отношений между ними. Основные события, определяющие облик современной дипслужбы, произошли на рубеже XX-XXI вв., но процессы, завершившиеся этими изменениями начались раньше – с начала XX в. Увлёкшись военно-политической борьбой между собой, как основными, мирового масштаба силами, европейские державы, в т.ч. Франция, упустили стремительное экономическое и научно-технологическое развитие нового игрока мирового уровня – США. Количественные изменения на мировой арене повлекли и изменения качественные, за которыми не успела, по существу, вся Европа.

Изменение количества акторов международных отношений

Первым новым фактором является увеличение *количества* участников международных отношений в XX в. Это количество, конечно, изменяется постоянно. Во время становления дипслужб – в конце Возрождения, в начале Нового времени их было более тысячи, хотя только несколько десятков заслуживали постоянного внимания дипломатов, по причине чего их присутствие там постепенно стало постоянным. Такое количество было обусловлено тем, что формально и политически с тогдашней точки зрения речь шла о носителях *суверенитета*, т.е. кроме монархов, возглавлявших крупные государства, также о небольших княжествах, городах-государствах, соответствующего

статуса физических лицах (принцах, претендентах на престол и проч.). Поэтому и они становились объектом сношений и наблюдения со стороны основных внешнеполитических игроков, а уровень устанавливался пропорционально военной силе и географическим факторам. Но главные страны, в которых учреждались постоянные дипмиссии, были немногочисленны потому, что фактор географического детерминизма был тогда очень существенную роль. Перемещение и даже просто содержание больших масс войск на большие расстояния было задачей, посильной только немногим, имевшим на это ресурсы государствам. В т.ч. и по этой причине тогда же основных целей как внутренней, так и внешней политики было две: *обогащение*, которое позволяло достижение всех остальных целей, и соблюдение, защита *достоинства*, чести правителя, нарушение которого, в основном, служило предлогом для нападения или предъявления претензий с целью всё того же обогащения. К этому времени к исторически первым источникам богатства – военной добыче (которой мог стать только ограниченный набор ресурсов) и налогам (податям, контрибуции) добавились доходы от торговли и особенно торговых монополий (исключительных прав, в т.ч. таможенных, на определённых территориях). Отсюда стремление к расширению контролируемых территорий с их природными и человеческими ресурсами.

Уровень научно-технического развития и внедрение его результатов к XVII в. обусловили формулирование концепции «баланса», равновесия в международных отношениях. Потому что, с одной стороны, такие достижения, как огнестрельное оружие и новые парусные корабли обеспечили завоевание и контроль весьма значительных территорий сравнительно малым количеством крупных игроков. Но с другой, были достигнуты объективные, определённые этой же техникой пределы. Никто из больших государств не был способен завоевать всё, во всяком случае, сразу. У сильного противника имелись примерно такие же вооружения, а средства связи и транспорта не позволяли передавать информацию и тем более перемещаться со скоростью, необходимой для быстрых и убедительных побед. Тогда в дополнение к институтам разведки и были сформированы дипслужбы – для официального (на основе взаимности) контроля за противником, в т.ч. соблюдением им договоров, а также для переговоров и, в целом, рефлексии ситуации. Взаимность этой практики позволяла каждой стороне надеяться на своё превосходство в этой теперь уже информационной борьбе.

К концу XIX в., вследствие создания нескольких империй уже мирового масштаба, количество основных участников международных отношений сократилось до минимума. После Первой и особенно Второй мировых войн и процесса деколонизации количество государств и вновь резко увеличилось, причём теперь формально все они считались

равноправными, независимо от реального потенциала. При этом, научно-техническое развитие, позволив создать новые возможности, породило и новую ситуацию относительно их использования: разработка и производство в средине XX в. настоящего «оружия сдерживания», действительно способного не только массово, но полностью истребить противника и вообще всё живое на планете, закрепило сложившееся на тот момент истории разделение мира между двумя военно-политическими блоками. Вследствие ракетно-ядерного паритета (а затем и других видов оружия массового уничтожения, ОМУ) стало практически невозможно приобретать новые территории посредством их захвата. Зато был обнаружен ещё один эффект научно-технического развития – применения ЭСМИК. Конечно, влияние средств массовой информации и коммуникации, прежде всего, печатных, было известно с момента их появления. Наполеон, взяв власть, первым делом закрыл десятки оппозиционных газет, а пропаганда посредством листовок, «подмётных писем» и просто специально распространяемых слухов – это информационное оружие столь же древнее, как и сами войны. Однако всякий раз, в т.ч. при вызревании и совершении революций в России (1905-1917-й годы) и Германии (1918 г.), распространение радикальных идей происходило на фоне войн, в которых эти страны участвовали, включая, кстати, и Европу периода Второй мировой войны. После решающего вклада СССР в победу над фашизмом на полях сражений даже в Италии и Франции прокоммунистические настроения были сильны до степени смены политических режимов, и водораздел между двумя общественными системами был в буквальном смысле установлен по линии соприкосновения советских и американских войск в Европе. Однако американцы обратили внимание на то, что и у них, в США, где никаких боевых действий не велось, и Красную армию никто не ждал, как, например, в Италии и Франции, популярность советских идей оказалась очень высока. Причём, как и после революции 1917 г., РСФСР и затем СССР даже не вели прямой пропаганды на Соединённые Штаты (т.е. посредством своих собственных газет или радио). О таких процессах, как провозглашение у нас равных прав женщин и мужчин, постепенного всеобщего государственного бесплатного образования и здравоохранения, трудовых прав и т.п., американцы узнавали из *собственных* газет, их корреспондентов в Европе. В результате, с целью недопущения революции у себя, правительство США и других западных стран, кроме репрессий против левых активистов, превентивно и под давлением собственных профсоюзных и других общественных движений, пошли на демократизацию и многие уступки трудящимся. Зато американцы открыли, что, во-первых, всего этого СССР добился безо всякой интервенции, переноса мировой революции в другие страны,

но *информационно*. А, во-вторых, используя американскую же *свободу печати и конкуренцию* в её среде за скорость и сенсационность подачи новостей.

Одновременно с осознанием чрезвычайной теперь затруднительности увеличения доходов посредством приобретения новых территорий, выяснилось, что открылись новые возможности зарабатывать в других странах без прямого военного контроля над ними, который сохранил своё значение и теперь, но только как последний аргумент. На первый же план вышли доходы от торговли и инвестиций, финансового контроля, но также и через системы образования, производства новостей, различных услуг (образовательных, медицинских, безопасности и т.д.), культуры и искусства. И всё это – вследствие последовательного массового внедрения ЭСИК и ЭСМИК – телеграфа, телефона, радио, телевидения, интернета, мобильной связи, посредством которых теперь оказывается необходимое влияние на иностранных граждан, а, значит, происходит и рост числа подданных, как источников доходов [469].

Не только весь XX в., но и сегодня международные отношения обусловлены продолжающимся развитием *капитализма* «вширь» – его распространением по всему миру, сопровождающимся определённым и необходимым для его функционирования развитием прав и свобод граждан стран, включаемых в его сферу, их демократизацией, точнее – расширением видов людей, включаемых в понятие «народ»[470]. Это не мешало «передовым» – как раз европейским державам при этом владеть колониями (вплоть до 1960-х годов) и рабами (рабовладение было запрещено в Британской империи в 1833 г., во Франции – в 1848 г., в США – в 1865 г. Но даже конвенция о полном запрещении рабства и работорговли принятая в 1926 г. Лигой наций и объявление его незаконным во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и последовавших нормах международного права не помешали ещё десятилетиям расовой сегрегации).

После исчезновения колониальной системы целый ряд исторических государств вновь обрёл независимость. Также в мире появились многие десятки стран, ранее никогда не существовавших, тем более, в современном смысле слова. Однако процесс изменения количества государств на этом не завершился. С одной стороны, целый ряд народов, несмотря на юридически международно подтверждённое право наций на самоопределение, остался без национальных государств. В большинстве случаев, причиной стала политика колонизаторов, контролировавших процесс деколонизации и

[469] См. подробнее: *Литвак Н.В*. О некоторых аспектах информационной борьбы на Ближнем Востоке // Конфликтология. – 2012. – №4. – С. 125-133; *Литвак Н.В.* Дипломатия будущего – новый источник конфликтов? // Страховое дело. – 2015. – №7. – С.8-12.

[470] В самой Франции основные гражданские права, в частности, избирательные все мужчины получили в 1792 г., но затем несколько раз вводились и отменялись различные цензы, а женщины – в 1944 г. (когда был принят закон, а первые выборы, в которых они смогли принять участие, состоялись в 1945 г.). Сегодня этими правами обладают все дееспособные граждане Республики по достижении 18 лет.

добившихся её проведения на основе постколониальных границ, в своё время либо означавших сферы влияния между ними, либо «заботливо» ими же определённых на перспективу. Эта перспектива – разделения для управления – и была осуществлена. И такие границы в значительной степени предопределили большое количество конфликтов, начавшихся и тянущихся чуть ли не с тех самых пор. В этом смысле можно считать процесс деколонизации незавершённым, требующим своего демократического урегулирования, а не авторитарного, силового «финала». Со временем появился целый ряд непризнанных пока международным сообществом республик. Но также есть и пример юридически корректно оформленного новообразования – двух государств вместо постколониального Судана. Между прочим, эта же проблема касается и самих бывших метрополий, где проблема границ и сегодня находится в фокусе политической жизни. Ведь они также были созданы посредством присоединения ближайших соседей. Практически в каждом есть народы, желающие самоопределения вплоть до отделения, разделённые между двумя государствами, не имеющие, но желающие собственной государственности, подобно курдам или берберам, ведущие политическую и иногда даже вооружённую борьбу.

Но кроме этого движения в сторону создания национальных государств, действуют и другие тенденции. Прежде всего, необходимо отметить ускорение и рост *миграционных* потоков, причём, в последнее время, как раз из регионов, где проблема самоопределения остаётся наиболее острой (Ближний Восток, Северная и Центральная Африка). Напоминая, что беженцы от различных невзгод были всегда, и, как *незнакомцы*, всегда порождали страх или, как минимум, беспокойство у тех, к кому обращались за помощью, З. Бауман иначе определяет их современную специфику, порождённую глобализацией. Сегодня масштаб этого явления, особенно в Европе, больше, чем прежде. Но использование этой темы политиками и тиражирование соответствующих сообщений в СМИК, к тому же подавших проблему как «миграционный кризис», с 2015 г. породило в Европе, по мнению социолога, настоящую «панику» в отношении миграции. З. Бауман считает, что в действительности речь идёт о *кризисе человечности*, что европейцы, открыто выражая враждебность к иностранцам-беженцам, отбрасывают традиции Просвещения и кантовский космополитизм, свои собственные моральные ценности, лишая других людей человеческих качеств, что политика разделения, строительства стен, а не мостов, ошибочна, что единственный выход состоит в признании растущей взаимозависимости как свойства новой социальной реальности и нахождении новых способов жить вместе в сотрудничестве с Другими, которые могут придерживаться

мнений и предпочтений, отличных от наших собственных[471]. При этом страхи перед иностранцами, эксплуатируемые некоторыми политиками, особенно среди бедных слоёв населения, в действительности представляют собой ответ на неопределённость жизни и социальное исключение, царящие в современном обществе. Но в любом случае, происходящее всё более значительное изменение состава населения национальных государств вследствие роста миграционных потоков и политики мультикультруности, т.е. не требующей ассимиляции, начинает играть всё более значимую роль в определении не только внутренней, но и внешней политики.

Ещё одним новым фактором, влияющим на количество государств и участников международных отношений, является появление и развитие *международных организаций*. Прежде всего, это *межправительственные* организации, при которых суверенными государствами-учредителями были также открыты постоянные дипломатические представительства. Самая крупная и значимая из них – Организация Объединённых наций (ООН). За её учреждением практически повсеместно последовало и продолжается до сих пор создание региональных межправительственных организаций, среди которых и европейская, сегодня выросшая из первоначально экономического союза в Европейский Союз, идущий по пути создания *наднациональных, надправительственных* для европейских суверенных государств *структур*. И в том числе, решение вышеупомянутой проблемы границ и прав народов, не имеющих государственности, предполагается новым способом, а именно – не через предоставление им суверенитета, не посредством референдумов в отдельных областях и районах, которые либо не допускаются, либо игнорируются (за редким исключением Великобритании или Бельгии), а посредством ограничения, а затем и упразднения суверенитетов сегодня существующих государств с целью создания *Европы регионов*, а в перспективе, может быть и районов (и коммун – т.е. минимальных единиц местного самоуправления).

Другим видом организаций, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, являются *неправительственные* организации (НПО). Их участие в международных отношениях и влияние не так очевидно. Объективной реальностью является стремительное увеличение их количества, перенесение деятельности за пределы национальных государств, объединение с себе подобными в других странах, что всё вместе создаёт широкую сеть, «ткань» организаций, людей и их отношений. Поэтому в широком смысле, по-разному контактируя с государственными структурами или гражданами, которые влияют на свои государства, НПО имеют, таким образом, возможность оказывать влияние и на международные отношения. Но в узком смысле, т.е.

[471] См.: *Bauman Z.* Strangers at Our Door. Wiley, 2016.

с точки зрения практической работы дипломатических служб – необходимо наблюдение и выяснение, какие из этих организаций, столь разных по интересам и видам деятельности, по размерам и целям, необходимо учитывать. Как правило, речь идёт о весьма ограниченном круге НПО.

Наконец, ещё одним быстрорастущим сегментом участников международных отношений являются *собственные же другие (кроме МИД) государственные органы*, всё активнее занимающиеся международной деятельностью. Л. Пьерри прослеживает на протяжении веков борьбу МИД за руководство внешней политикой. Показывает, как, несмотря на наличие значительного количества законодательных актов, закрепляющих эксклюзивную ответственность за осуществление внешнеполитической деятельности за МИД, министром персонально, даже руководителям и нынешней – «Пятой республики» с трудом удаётся обязать соблюдать её другими министерствами[472]. В 2008 г. зарубежная деятельность государства осуществлялась по 38 бюджетным программам 17-ю министерствами, не считая помощи развитию, на общую сумму 5,2 млрд. евро. В т.ч. Министерство иностранных и европейских дел реализовывало 3 программы на 2,3 млрд. евро. Т.е. доля МИД[473] составляла 47% бюджета на такую госактивность и примерно половину сотрудников (около 16 тыс. из 31 тыс. в 2007 г.)[474]. По декретам 2014 г.[475] среди задач Министерства экономики, промышленности и цифровых технологий оказалась подготовка макроэкономических сценариев Франции в её международном окружении, политики роста и конкурентоспособности французской экономики, привлекательности для прямых иностранных инвестиций, выработка и проведение внешнеторговой политики, поддержка туристической деятельности без ущерба для компетенции МИД[476].

Вторым новым фактором является изменение *качества* акторов международных отношений – их виды, роли, влияние. При том, что официально и юридически – это современные государства, как носители суверенитета, а также частично созданные ими же организации (объективным критерием является учреждение при них диппредставительств), фактические их роли и влияние неодинаковы, причём именно с точки зрения суверенитета. Эта оговорка важна потому, что естественным является учёт разного вида последствий (экономических, финансовых, репутационных и проч.) того или

---

[472] *Pierry L.* Op.cit. P. 9.

[473] Другими крупнейшими действующими лицами являются Министерство национального образования (19,6%) и Министерство обороны (18,6%).

[474] La France et l'Europe dans le monde... P. 103.

[475] См.: Décret n° 2014-1033 du 11 septembre 2014 relatif aux attributions du ministre de l'économie, de l'industrie et du numérique (JORF du 12 septembre 2014), Décret n° 2014-404 du 16 avril 2014 relatif aux attributions du ministre de l'économie, du redressement productif et du numérique (JORF du 19 avril 2014).

[476] См.: Missions du ministère de l'Economie, de l'Industrie et du Numérique [Электронный ресурс] URL: http://www.economie.gouv.fr/les-ministeres/missions-ministere-economie-industrie-numerique (дата обращения: 20.05.2016).

иного внешнеполитического решения. Однако фактическое ограничение суверенитета означает принятие такого решения под влиянием, в конечном счёте, символического силового шантажа. Не всегда в условиях капиталистической конкуренции, борьбы всех против всех, можно провести разделение этих двух ситуаций. Угрожают США прекратить военную помощь или ввести повышенные пошлины на импорт тех или иных товаров – в каждом случае необходим конкретный анализ.

Третьим новым фактором количественного характера является *обновление* средств, *каналов коммуникации*, оказывающее влияние на современные международные отношения, радикально широко увеличивая количество их участников. Научно-техническое развитие систем связи, производства и хранения информации в XX в. и особенно в его второй половине и их широкое применение породило новую ситуацию. Теперь не только дипломатические агенты, но и государства (различного вида и уровня чиновники, начиная с руководителей стран), НПО и отдельные граждане могут напрямую обращаться к зарубежным адресатам, минуя дипломатические каналы. Радио, телевидение и интернет последовательно и во всё большем объёме предоставляли им такую возможность. Как следствие, резко увеличилось количество источников информации, которыми стали фактически все, кто может теперь делать общедоступные сообщения (прежде всего, в интернет, но также посредством всё более интерактивного телевидения). Это потребовало пересмотра информационной работы дипслужб. Однако не везде были приняты одинаковые решения. Если в США первый ответ на новые обстоятельства заключался в росте количества дипломатов, чтобы иметь возможность работать со всё более растущими массивами информации, то во Франции временно возобладала противоположная точка зрения: об уменьшении значения классической дипломатии и, соответственно, дипслужбы. Конечно, в связи с появлением вместо СССР более десятка новых государств, там открылись новые французские посольства и консульства. Но в целом ни значительного увеличения бюджета дипслужбы, ни роста персонала не произошло, а в некоторые периоды происходило даже их сокращение.

Новые рефлексивные качества участников международных отношений

После распада СССР в 1991 г. в международных отношениях сложилась новая реальность – *однополярный* мир, в котором во всех областях доминировали *США*. Новым стал также и переход к новому способу подчинения и управления другими странами – информационному. Конечно, когда соперник явно слаб, американцы продолжают использовать силовое воздействие. Тем более, что после исчезновения СССР, как основного предлога для дальнейшего развития своего военно-промышленного комплекса (ВПК), боевые действия, пусть и локального характера, как подготовка к потенциальной

масштабной, тотальной войне становятся особенно необходимыми. Но сформулированная новая причина дальнейшего развития вооружённых сил, их техники и технологий – борьба с международным терроризмом, оказалась не столь универсальной. Ведь не все неугодные Вашингтону правительства можно легко обвинить в поддержке террористов, заставить поверить в это своих граждан, общественное мнение, т.е. инсценировать угрозы и их рефлексию, а затем разбомбить, в случае отказа играть по американским правилам. Поэтому для контроля над международными отношениями в целом из, до той поры, арсенала специальных служб в публичную политику были введены термин и программа «трансформационной дипломатии». В своей соответствующей речи госсекретарь К. Райс заявила о намерении США (конечно, совместно с партнёрами) по всему миру «строить и поддерживать демократические, хорошо управляемые государства, которые будут удовлетворять потребности своего населения и ответственно вести себя в системе международных отношений»[477]. Речь шла о невоенных методах, о новой разновидности дипломатии, смысл которой заключался в *воздействии* на *общества* других государств (а не только на их лидеров, политиков) с целью помочь им трансформироваться (желание этих обществ трансформироваться подразумевалось, как естественное)[478]. Соответственно была изменена подготовка американских дипломатов, которым предстояло выполнять новые «дипломатические» задачи (как минимум, формально противоречащие действующим сегодня Венским конвенциям, не говоря уже о принципах ООН о невмешательстве, суверенитете и проч.).

Дипломаты и исследователи международных отношений обратили внимания на эти изменения и сделали критическую их оценку. Конечно, публично высказывались, прежде всего, историки, политологи, социологи, дипломаты в отставке. В работе о мировом развитии к началу XXI в., социолог и практик Р. Фоссаэр не только без сомнений пишет об американском превосходстве и господстве, но и настаивает на его по-прежнему *военно-политическом характере,* основанном на *экономической и научно-технической мощи*, в свою очередь гарантируемой военно-политическим превосходством[479]. После «холодной войны» в мире наступило затишье, которое США уничтожили своей новой мировой политикой – ответом на теракты 2001 г. В т.ч. в этой своей «войне» против «терроризма» американцы стали использовать против «варваров» варварские же методы. НАТО всё чаще используется как «иностранный легион» в интересах американцев, которые не

[477] Secretary Condoleezza Rice. Georgetown University, Washington, DC. January 18, 2006. [Электронный ресурс] URL: http://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm (дата обращения: 22.10.2014).
[478] См. подробнее: *Литвак Н.В*. Дипломатия будущего …
[479] См.: *Fossaert R*. Inventaire du 21e siècle. Tome 1. La dynamique du système mondial. P., 2006. [Электронный ресурс] URL: http://classiques.uqac.ca/contemporains/fossaert_robert/inventaire_21e_siecle_t1/inventaire_21e_siecle_t1.html (дата обращения: 26.06.2015).

только далеко превзошли бывшие колониальные державы по количеству зарубежных военных баз и другой инфраструктуры по всему миру, но и пользуются, когда им нужно, военными базами союзников, в т.ч. Франции. Их агенты (дипломатические или другие) сегодня есть во всех регионах, готовые помогать местным или приезжающим с миссиями выразителям своих интересов[480]. Оценивая реальное место Франции в начале XXI в., исследователь международных отношений и дипломатии П. Верлюиз, прежде всего, призывает «открыть глаза»: очевидно, что Франция больше *не* доминирует в Европе и тем более в мире[481]. С. Коэн определил внешнюю политику Франции как реактивную, состоящую в стремлении сохранить последовательно уменьшающееся влияние страны на международной арене. Её дипломатия почти исключительно сосредоточена на угрозе «американской гипердержавы», сужающей возможности для действий. Утверждения о том, «Франция – одна из семи-восьми держав, обладающих мировым влиянием» стоят в одном ряду с дискурсом де Голля о «величии», т.е. также далеки от реальности. Французская внешняя политика часто находится в плену своих мифов. Каким влиянием обладает Франция в Азии или Латинской Америке? – спрашивает эксперт[482].

Не осталась незамеченной и «трансформационная дипломатия»[483]. Идея посылать дипломатов выполнять не только традиционные задачи, но и управлять «строительством наций», т.е. программами демократизации и образования, была отрефлексирована шире, чем она была заявлена американцами. Надеясь, что стратегия затронет только так называемые «хрупкие» государства (Нигерия, Колумбия, Индонезия и, особенно, Ирак и Афганистан), эксперты обратили внимание, например, на то, что такие её элементы, как «Американские точки присутствия» (American Presence Post) планируется открыть также в Египте, Китае и Южной Корее (а сегодня их уже пять и во Франции). Американцы позиционируют их как квазиконсульства. Однако в их же вышеупомянутом докладе по этому вопросу приводится характерное высказывание собственного дипломата: «Преимущество АТП в том, что ты становишься частью местной социальной ткани. Тебе звонят из газет. Люди спрашивают твоё мнение. Ты вникаешь во все эти вопросы, и люди смотрят на Соединённые Штаты, как на страну, у которой есть советы по массе тем… Я, в общем, являюсь местным политиком»[484].

Эти и другие сигналы экспертов и практических работников, не говоря уже о прямых официальных заявлениях заокеанского «партнёра», убедили политическую элиту

---

[480] Ibid.
[481] См.: *Verluise P*. Op.cit.
[482] *Cohen S*. (dir.) Les diplomates... P. 19.
[483] Среди первых детальных её экспертиз см., например: *Vaïsse J*. Etats-Unis : le temps de la diplomatie transformationnelle // Cahiers du Chaillot, n° 95, déc. 2006.
[484] *Argyros G.L., Grossman M., Rohatyn F.G*. The Embassy of the Future. Washington: The CSIS press, 2007. P. 38.

в необходимости квалифицированного пересмотра позиций и возможностей Франции в новой ситуации. В результате, был выработан один из основных официальных документов, определивших современные внешнеполитические оценки и подходы: «Франция и Европа в мире. Белая книга по внешней и европейской политике Франции 2008-2020», подготовленная комиссией из примерно сорока политиков и специалистов во главе с А. Жюппе и Л. Швейцером по поручению Президента Н. Саркози[485]. В то время, когда во всём мире многие политики и даже учёные всерьёз рассуждали о конце идеологии или возможности существования внеидеологического государства, эта «Белая книга» содержала целую главу «Глобальное соревнование идей». В ней констатировалось, что «Исчезновение двухполюсного идеологического противостояния «холодной» войны не уничтожило ни стратегической ценности идей, ни сами идеологии. Быть услышанным в соревновании идей остаётся решающим», так же, как и сама способность предлагать альтернативные идеи. «Международную политику формируют идеи: «вашингтонский консенсус» в сфере помощи развитию, «трансформация» Ближнего Востока после войны в Ираке. Одним из признаков подавляющего превосходства Соединённых Штатов в системе международных отношений является то, что эти идеи чаще всего американские. Завтра они, возможно, придут из Азии. Определяться относительно них – за или против – это уже значит отставать: рамки дискуссии будут определены другими, а не нами»[486]. Авторы доклада замечают также, что эта задача стоит не только перед политиками и дипломатами, но требует обсуждения и размышлений в политических, экономических культурных, научных, художественных кругах, поскольку «Экономическая взаимозависимость не прекращает идеологической напряжённости: мир остаётся разделённым относительно ценностей, в то время как глобальное соревнование идей усиливается»[487].

Последовавшее развитие событий в целом свидетельствует об объективности и своевременности оценки ситуации, изложенной в «Белой книге». Всего через год – по случаю смены администрации в Белом доме американцы не только вновь напомнили, что именно они управляют миром, но и поставили остальные страны, включая своих военно-политических союзников, перед очередным свершившимся фактом – новой доктриной международной политики под названием «*умная сила*» («smart power»). В её основу был положен доклад *Комиссии по умной силе* [488] (Commission on Smart Power) Центра стратегических и международных исследований (the Center for Strategic and International Studies, CSIS – двухпартийный научно-исследовательский центр), которую в 2006 г.

[485] См.: La France et l'Europe dans le monde…
[486] Ibid. P. 28.
[487] Ibid. P. 8.
[488] Термин «умная сила» впервые был использован бывшим американским дипломатом С. Носсел, которая в 2004 г. опубликовала в Foreign Affairs статью с соответствующим названием.

возглавили политолог и политик Дж. Най (Joseph S. Nye, автор концепции «мягкой силы») и военный и крупный дипломат Р. Армитейж (Richard Armitage). Этот доклад – «Комиссия CSIS по умной силе: более умная, более безопасная Америка»[489] – о новом подходе американской дипломатии к международным отношениям, был подготовлен в тесном сотрудничестве с действующими и бывшими сотрудниками Госдепартамента, послами, военными и другими компетентными специалистами, ещё в 2007 г. Но был изложен новым госсекретарём Х. Клинтон только в январе 2009 г. (в ходе её выступления для утверждения в этой должности перед комиссией по иностранным делам Сената), т.е. после избрания Президентом США Б. Обамы[490]. Х. Клинтон заявила, в частности, что «мы должны использовать то, что называется «умной силой», всю совокупность средств, имеющихся в нашем распоряжении – дипломатических, экономических, военных, политических, юридических и культурных, выбирая подходящее средство или комбинацию средств для каждой ситуации. С умной силой дипломатия будет авангардом внешней политики»[491].

Еженедельник «Нью Йоркер» (The New Yorker) назвал «умную силу» синтезом двух конкурирующих подходов. С одной стороны, «жёсткой силы», т.е. военной, которую Соединенные Штаты давно глобально демонстрируют и применяют, имея военные расходы, намного превышающие сумму военных бюджетов всех остальных стран мира, т.е. исходят из принципа «права сильного». С другой стороны, «мягкой силы»[492] – искусства убеждения и демонстрации своего успеха, который должен послужить примером для других народов мира, на которые Вашингтон может влиять, помогая им достичь такой же стадии экономического и политического развития, что гарантирует интересы и безопасность США. Средствами «мягкой силы» являются экономическая помощь и распространение американской культуры (в широком смысле). Покорение мира происходит посредством фильмов, музыки и образовательной системы. Однако, по мнению «Нью Йоркера», к настоящему времени оба эти подхода не дали ожидаемых

---

[489] CSIS Commission on Smart Power : a smarter, more secure America / cochairs, Richard L. Armitage, Joseph S. Nye, Jr. Washington: The CSIS press, 2007.

[490] Это, между прочим, показывает, что, несмотря на смену партийности администраций, в США действует двухпартийный механизм согласования и преемственности решений во внешней политике. Во Франции же ситуация другая – социалистические Президенты и депутаты принимают решения, иногда существенно отличающиеся от решений республиканцев.

[491] Transcript Of Clinton's Confirmation Hearing. Published January 13, 2009 12:36 PM ET. [Электронный ресурс] URL: http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=99290981 (дата обращения: 10.09.2013).

[492] Французские дипломаты дают и другую оригинальную трактовку этому термину и явлению. В частности, Ф. Мартель поясняет, что «мягкая сила» профессора Ная означает силу «гибкую» с точки зрения своих ценностей, образов жизни, культуры и новых технологий, которая позволяет Америке вместе с «жёсткой» военной силой больше доминировать в мире. См.: *Martel F*. Mainstream. Enquête sur cette culture qui plaît à tout le monde. P. : Flammarion, 2010.

результатов и их объединение в «умную силу» кажется хорошей идеей[493]. В то время, как американские журналисты бурно приветствовали открытие новой страницы в истории отношений первой военной державы с остальным миром, в Европе поначалу медийная реакция была другой – журналисты «Старого света» то ли не поняли, что происходит, то ли не знали, как на это реагировать. Бывший руководитель бюро крупнейшего французского и мирового информационного агентства (АФП) в ряде стран Ж. Шармло в этой связи написал, насколько он, как журналист, был поражён слабым относительно его значения освещением этого события в европейской прессе. Даже те газеты, которые написали об этом новом выражении, расценили его всего лишь как ещё один новый лозунг, которые любят американские правительства[494]. В собственном же анализе Ж. Шармло пришёл к выводу, что таким образом был объявлен и впоследствии состоялся отход от политики управления международными делами исключительно военными средствами, которую в течение восьми лет проводил Дж.У. Буш, «революция» в американской внешней политике. По мнению французского журналиста, война американцев в Ираке полностью уничтожила авторитет США, сделав неработающей концепцию сторонников идеи, что Голливуд и Гарвард более влиятельны, чем Пентагон. Но зато эти действия американцев абсолютно логичны с точки зрения концепции «умной силы»[495]: Если «голливудские» результаты запаздывают, будем бомбить. И авторитет США, в любом случае делающих то, что они задумали, только растёт, а вовсе не уничтожается[496] (напомним, что и французские революционеры, и Наполеон действовали также, несмотря на успехи и в дипломатии, в т.ч. культурной).

Однако логическим выводом из вышеприведённого высказывания американского госсекретаря является вовсе не смена американской политики с военной на «умную», а расширение содержания этой военной политики. Т.е. официальное объявление той самой

---

[493] См.: *Hertzberg H.* Smart Power. The New Yorker, January 26, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.newyorker.com/magazine/2009/01/26/smart-power (дата обращения: 10.10.2015).

[494] *Charmelot J.* Le « smart power » américain, un défi pour l'Europe. Questions d'Europe n° 127. 9 février 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0127-le-smart-power-americain-un-defi-pour-l-europe (дата обращения: 16.10.2014).

[495] Интересно выглядит при этом история с самой терминологией. Французский журналист переводит американское выражение «smart power», т.е. по-русски дословно – *умная сила*, как «le pouvoir de l'intelligence», т.е. дословно – *сила интеллекта*, что, разумеется, не одно и тоже (ведь обратный перевод – это «power of intelligence», а буквальный перевод на французский – le pouvoir intelligent). В первом случае (американском) речь идёт об (интеллектуальной) характеристике силы, которая может быть и зачастую имеет другие качества – грубая, примитивная, вообще не нуждающаяся в уме (как подмечено в русской поговорке). Во втором (французском) варианте следует понимать, что интеллект имеет теперь ещё одну характеристику – силу, активное начало в отношении, в данном случае, других государств и народов. Причём сам же Ж. Шармло обращает внимание на ещё одну деталь: smart это вовсе не просто умный, а имеет оттенок – в смысле смышлёный, находчивый, способный выкрутиться в сложной ситуации. И на его взгляд, Клинтон, прекрасно знающая цену словам и работающая с командой блестяще образованных специалистов, не случайно выбрала это слово вместо intellect, intelligence.

[496] *Charmelot J.* Op.cit.

гибридной войны, в которой наряду с летальным оружием, применяются и все остальные средства. Но речь идёт по-прежнему о войне, поскольку цель всех этих действий, применения всех этих средств – победа над противником. Фактически Клинтон объявила о включении дипломатии в состав военных инструментов, во всяком случае, в США, а вовсе не о смене военного подхода к проблемам на дипломатический, как посчитал французский журналист. Впрочем, и сам Ж. Шармло понимает, о чём идёт речь, поскольку пишет, что теперь Европе и НАТО предстояло адаптироваться к новой ситуации. Более того, он также отмечает, что мягкая, умная, жёсткая сила – это список *оружия* из американского арсенала. Тем удивительнее выглядит его общая оценка о якобы радикальном изменении американской внешней политики. Изменение, конечно, имеет место, но совсем другое. Вместо отхода от силового военного давления на других участников международных отношений (т.е. бомбардировок, военных операций, прямой угрозы применением вооружённых сил), американцы добавили к нему давление всеми остальными средствами. И стало понятно беспокойство Брюсселя – если бомбить члена Евросоюза, во всяком случае, пока, не очень политически и медийно выгодно, то применить к нему арсенал «нелетального оружия» теперь вполне допустимо.

Показательно, что американские историки и дипломаты дают и определение дипломатии, соответствующее их современному видению предмета: «Дипломатия – это сложившийся метод влияния на решения и поведение иностранных правительств и народов посредством диалога, переговоров и других мер, не связанных с войной или насилием»[497]. Конечно, и более нейтральное французское определение предполагает влияние на противоположную сторону с целью понимания и принятия ею своих аргументов для заключения соглашений на выгодных условиях. Тем не менее, американский подход к влиянию граничит с навязыванием своей точки зрения, что тактически может быть успешным, но оставляет долгосрочное, стратегическое неудовольствие договорённостями, на которые пришлось пойти, желание обязательно пересмотреть их, как только представится возможность. В то время, как соглашения, достигнутые при действительно взаимном согласии и осознанных уступках с целью достижения более важных целей, пользуются их поддержкой, поскольку стороны стремятся сохранить такие договорённости на длительный срок. Дипломатия – основной, но не единственный инструмент осуществления внешней политики, цели которой могут отличаться от поиска и достижения взаимовыгодных договорённостей, состоять, например, в нанесении различного ущерба другим государствам или субъектам международных отношений, в физическом захвате территорий или других ресурсов,

[497] *Marks S., Freeman Ch. W.* Op.cit.

находящихся в их владении, в их эксплуатации при сохранении формального суверенитета (т.н. *внешнее управление*) и проч.

Вскоре выяснилось, что параллельно с доктриной «мягкой», а затем и «умной силы» разрабатывались и другие. В том же 2007 г. и той же организацией (CSIS) был подготовлен ещё один фундаментальный документ – «Посольство будущего». В нём описывалась ситуация, сложившаяся в начале 2000-х годов для американской дипломатии и дипломатов: «В то время как Америка нуждается в более, чем когда либо, творческом и энергичном представительстве по всему миру, и когда профессия дипломата изменяется прямо на наших глазах, необходимо срочно переосмыслить цели и структуры американских зарубежных представительств»[498]. Традиционная дипломатия, нацеленная на руководителей других стран, их социальные элиты, меняется. Сегодня американские дипломаты активно выходят за стены посольств и конференц-залов, где ведутся переговоры, работают, чтобы принести развитие в горные деревни Непала и Перу, помочь борьбе с наркотиками в джунглях Колумбии, доставить воду и продукты пострадавшим от цунами в Индонезии. Они и вместе с американскими войсками в группах по восстановлению в провинциях Афганистана и Ирака, и продвигают американский бизнес в коммерческих центрах во Франции. Кроме продолжения влияния на иностранные правительства, американские дипломаты будут непосредственно работать и с другими социальными группами обществ в других государствах, включая новые социальные группы и новых лидеров в бизнесе, науке и религии, в городах и сёлах – тех, кто формирует ценности и поведение нации. По всему миру молодёжь формулирует свою идентичность. Будет она относиться к Соединённым Штатам положительно или как к противнику? «Глобальный антиамериканизм имеет летальные следствия для нашей нации и её граждан. Подозрительность и неправильное понимание того, за что выступают Соединённые Штаты, и к чему мы стремимся в мире, наносят огромный ущерб нашим национальным интересам в виде атак враждебных разведок или террористических групп. Дипломаты XXI века должны принять этот вызов, используя все инструменты и практики, чтобы повсюду создавать партнёрства со всеми обществами»[499].

Хотя после терактов против американских госслужащих в Дар-эс-Саламе и Найроби в 1998 г. Госдепартамент принял дополнительные меры по усилению защиты своих дипломатов и их местных помощников, «должен быть поставлен законный вопрос о балансе между активным представительством и безопасностью наших дипломатов в будущем, в котором Госдепартамент призван делать не меньше, а больше, посылать

[498] *Argyros G.L., Grossman M., Rohatyn F.G*. Op. cit.
[499] Ibid. P. 1-2.

наших дипломатов в гущу взаимодействия в странах, куда они назначены, и в тоже время защищать персонал наших посольств»[500]. А насколько широко это недопонимание относительно целей Америки? Доклад цитирует результаты исследования Института дипломатической службы 2004 г., согласно которым, 87% дипломатов со стажем работы 15 лет и более работали в условиях кризиса. И сегодня речь идёт не только об Афганистане или Ираке. Сегодня для американских дипломатов определено, что «Кризис – это часть дипломатической жизни», и теперь, «с ростом терроризма ни одно место службы в мире не может считаться полностью безопасным». Другими словами, деятельность американских дипломатов по изменению стран, где они работают, уже далеко выходя за рамки Венской конвенции, встречает сопротивление, вплоть до постоянной угрозы их жизни. Тем не менее, задачи по трансформации поставлены, и теперь надо найти способ сделать это с минимальными потерями для личного состава. Прежде всего, «эффективная американская дипломатия должна быть подкреплена военной силой». Поскольку «Соединённые Штаты продолжат сталкиваться с ситуациями, когда вооружённые конфликты неизбежны, когда нации или террористические группы не будут менять свою стратегию или тактику под влиянием дипломатии, какой бы энергичной и творческой она ни была. И если конфликт произойдёт, нашим дипломатам потребуется поддержка наших вооружённых сил» до конфликта, во время него и по завершении. При этом роль дипломатов во время боевых действий концентрируется на создании как можно более широкой коалиции, а после завершения конфликта – на «руководстве примирением и восстановлением стран и обществ»[501].

Для решения таких задач и сопутствующих им проблем предлагалось, конечно, не прекращение вмешательства во внутренние дела других суверенных государств, а, напротив, его активизация как раз в новом формате «умной силы». Т.е. координации дипслужбы с военными, причём на вторых, обслуживающих ролях. Для повышения безопасности дипломатов предполагалось расширение использования техники, прежде всего, информационной и информационных же технологий – интернета и мобильной связи для, во-первых, для виртуальной, т.е. дистанционной информационной работы дипломатов с гражданами и организациями страны пребывания посредством сайтов, онлайн общения и проч.; и, во-вторых, для удалённой от посольства, консульства самостоятельной индивидуальной работы, находясь на постоянной связи с руководством и такими же коллегами. При каждом подходящем случае, американские официальные лица не забывают напоминать всем своим партнёрам о своём видении международных

[500] Ibid.
[501] Ibid. P.51-52.

отношений, своего лидирующего места в них и соответствующей внешней политике. Главный приоритет которой – сохранение своей экономической мощи, как заявил, например, госсекретарь Дж. Керри, выступая в Тихоокеанском совете по международной политике. По его словам, с первого дня на посту госсекретаря США он «не устает подчеркивать, что внешняя политика – это экономическая политика, а экономическая политика – это внешняя политика». И, конечно, при этом вооруженные силы США «оснащены лучше всех, являются самыми боеспособными и многофункциональными»[502]. Французские же аналитики и политики в целом отдают себе отчёт о таком характере международных отношений, в т.ч. и отношений со своим партнёром по НАТО. Понимают, что новые подходы и «силы» могут применяться не только к «развивающимся странам», об информационной политике в отношении которых уже неоднократно писалось[503]. Что условием выживания является не только приспосабливаемость в виде, в первую очередь, следования общей политике Вашингтона (который сегодня определяет демократичность всех стран по собственной шкале демократии), но также – по мере сил и возможностей – превентивные меры. И в предыдущем – биполярном состоянии системы международных отношений, и в возможном, хотя пока только гипотетическом, будущем – дву- или многополярном её состоянии (например, в случае действительно глобального усиления Китая и выработки соответствующей внешней политики), Франция не была, и не будет самостоятельным полюсом силы, сравнимым с её положением, в частности, в колониальную эпоху. Её совокупный потенциал позволяет ей только в некоторых вопросах действовать по своему усмотрению, в главном же полностью подчиняясь гораздо более сильному игроку. Тем более, что теперь, когда СССР больше нет, остался богатый исторический опыт и историческая память о том, что именно между *западными* державами начинались и велись самые масштабные войны в современной истории, включая две мировые XX столетия.

Среди актуальных проблем С.А. Кравченко выделяет приближение к «*порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий,* чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное, с *гуманными целями* решения». В результате, «*определённая часть* общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, могут возникать принципиально новые социальные катаклизмы, причина ко-

---

[502] *Качалин А*. Керри: при разрешении конфликтов США не забывают о главном - своей экономической мощи.ТАСС, 13.04.2016 [Электронный ресурс] URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3198616 (дата обращения: 13.04.2016).

[503] См., например: *Литвак Н.В*. О некоторых аспектах информационной борьбы …; *Панфилова Т.В.* Конфликтология в поисках рецептов по урегулированию межкультурного взаимодействия // Конфликтология. – 2012. – №3.

торых – *временной дисхроноз*». Социолог предполагает одним из важнейших возможных рисков появление «*новых* маргинальных групп, а, возможно, и *новых* опасных классов», представители которых «в силу своих физических и интеллектуальных способностей не смогут вообще адаптироваться к скорости модернизации, к усложняющейся социокультурной динамике…»[504]. Все эти факторы и риски дипломатам необходимо учитывать при изучении и оценке ситуации в той или иной стране. Но к этому следует добавить также риск появления целых подобных государств и транснациональных организаций, некоторые из которых уже стали реальностью: первые – балансируя на грани превращения в страны-«изгои», вторые – в частности, на Ближнем востоке, под предлогом возврата к традиционным ценностям, организуя целые трансгосударственные пространства, управляемые террористическими методами.

Вторым после США фактором, оказывающим наиболее сильное влияние на внешнюю политику и дипслужбу сегодня является *европейская интеграция* в рамках *Европейского Союза*[505]. С одной стороны, казалось бы, это означает для дипломатов работу в ещё одной международной организации, что ввиду уже многолетнего опыта в ООН, да и в европейских институтах не должно представлять большой проблемы. Однако оказалось, что в Европе на сей раз взят и исполняется курс на действительное создание наднациональных структур с элементами «сверхгосударства» или нового государства. Т.е. теперь всё чаще возникают не только трудности, но и необходимость учитывать и согласовывать свою позицию и действия с остальными – 28-ю (!) членами ЕС. А ведь, например, у Франции есть давние исторические, традиционные, в целом ряде случаев особые связи с целым рядом государств. Теперь же эти отношения поставлены в зависимость от позиции стран, которых даже и не существовало тогда, когда такие отношения закладывались. Это касается и связей с Россией. Ещё одним этапом этого процесса стало учреждение уже непосредственно европейской дипломатической службы. Как будет строиться сотрудничество этого нового центрального института и «старых», национальных МИД, конечно, покажет практическое осуществление этого плана – провалится ли он, будет ли найден баланс или национальные дипведомства мутируют в подобия республиканских МИД эпохи СССР. Первый же (с 1 декабря 2009 г.) руководитель европейской дипслужбы – Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности (и автоматически – вице-президент Европейской комиссии, исполнительного органа ЕС) британка К. Эштон подвергалась постоянной критике со стороны всех стран-членов Евросоюза, а двенадцать из них

[504] *Кравченко С.А*. Динамика современных социальных реалий...
[505] Конечно, ООН и НАТО также важны. Но они постепенно уступают место в повестке дня руководства министерства и страны.

выражали особое неудовольствие тем, как глава дипломатии ЕС выстраивает работу[506]. Нынешний (с 1 ноября 2014 г.) руководитель европейской дипломатии Ф. Могерини – представительница Италии. Между тем, Европейская служба по внешней деятельности[507] представляет собой фактически стандартное министерство иностранных дел с большим количеством территориальных и функциональных департаментов, со 140 разного вида представительствами в различных странах, регионах и при международных организациях с общим штатом свыше 3 тыс. чел.

Сегодня дипломаты оказались перед лицом новой реальности, отличной и от двусторонних, и от многосторонних отношений, с которыми им приходилось иметь дело до сих пор. Каждая европейская страна помимо прочего вынуждена вести длительные и утомительные переговоры по существу с почти тридцатью странами Евросоюза, многие из которых находятся к тому же под американским влиянием. Кроме того, как показывает практика деятельности европейских структур – они (в первую очередь Еврокомиссия, но также Суд Европейского союза) всё более управляют, издавая по всё более широкому кругу вопросов универсальные, обязательные для всех директивы. В самом Евросоюзе уже можно говорить о тенденции смены фокуса деятельности дипломатов с двусторонних (между членами Евросоюза, особенно «старыми») на многосторонние межевропейские отношения. Пока же Франции удаётся отстаивать свой язык в качестве официального и рабочего языка Европейского союза. На основании решений при его создании[508], на всех заседаниях французские дипломаты всегда говорят по-французски, независимо от того, есть ли переводчики или нет, следят, чтобы все официальные документы принимались обязательно при наличии аутентичного текста на французском, как того требует регламент ЕС в отношении официальных языков. Европейский фактор имеет и ещё одно измерение: одновременно с евроинтеграцией усиливается и другой процесс – *регионализации* Европы, о котором речь пойдёт в параграфе о культурной дипломатии.

Растущее, особенно с 1990-х годов, количество таких участников международных отношений, как НПО, вызывает разные оценки и прогнозы. Их можно свести к тем, что они всё более конкурируют с государствами, или что ничего нового не происходит. Сторонники первой точки зрения давно концентрируют внимание на том обстоятельстве, что НПО становится всё больше, а государственных органов и чиновников остаётся столько же. Поэтому они всё менее контролируют деятельность независимых

---

[506] *Шишло А*. Двенадцать стран ЕС недовольны работой дипслужбы сообщества. РИА Новости, 06.01.2012 [Электронный ресурс] URL: http://old.rian.ru/world/20120106/533783290.html (дата обращения: 13.04.2016).
[507] European External Action Service. [Электронный ресурс] URL: http://eeas.europa.eu/index_en.htm.
[508] Règlement CE n° 1/1958 du 6 octobre 1958.

организаций[509], государства становятся «несостоятельными»[510], в «многополярном» мире берёт верх принцип автономии[511] и проч. И действительно, сегодня только при ООН аккредитовано 2000 НПО против 40 при её создании в 1945 г.

Из множества работ, посвящённых современным неправительственным организациям, обратим внимание только на некоторые, излагающие взвешенные и высокопрофессиональные точки зрения, рассматривающие их деятельность в международном и дипломатическом аспекте. М. Дусин, дипломат и учёный, специализирующийся на изучении и практической работе с НПО, в монографии «НПО: контр-власть?»[512] дал историческую ретроспективу их деятельности, в частности, в вопросах борьбы за мир и права человека. Исходя из сути их работы, он считает, что НПО существуют очень давно («стары, как крестовые походы») и: а) Исторический анализ показывает, что неправительственные организации сопровождали (когда они сами не были инициаторами) любые государственные проекты установления систем мирного разрешения конфликтов. Например, проект Канта о демократической ассамблее наций для устранения войн на протяжении XIX и XX вв. продвигался многими пацифистскими и правозащитными организациями. Пусть он и был в результате неидеально реализован в таких институтах, как Лига наций, а затем ООН, Совет Европы, Европейский союз и т.д., но этому способствовало масштабное убеждение общественного мнения через прессу именно усилиями НПО; б) НПО являются лучшим инструментом для развития дискуссии, если она уже существует, на локальном, национальном и международном уровнях. Это позитивно, поскольку обмен мнениями и аргументами, отстаивание позиций являются элементами демократии, т.е. наиболее приемлемым из известных подходов к поддержанию мира[513]. В развивающихся странах сегодня «в политическом управлении развитием… зачастую занимаются четыре участника: государство, иностранные многосторонние и двусторонние спонсоры, местное гражданское общество и международные НПО». С одной стороны, некоторые НПО отчасти конфликтуют с государствами, ТНК и прессой, в некоторых вопросах участвуют чуть ли не в «теневой дипломатии» и, по прогнозу автора, вероятно, могли бы превратиться в одну из ведущих новых сил происходящей глобализации. Но с другой стороны, в своём социологическом анализе самих НПО Дусин показывает, что они имеют целый ряд черт, сходных с другими

---

[509] См., например: *Hermet G., Badie B., Birnbaum P., Braud Ph.* Dictionnaire de la Science politique et des institutions politiques. P. : Armand Colin, 1994. P. 103.
[510] *Laroche J.* Politique internationale. P. : LGDJ, 1998. P. 87.
[511] *Badie B., Smouts M.-C.* Op.cit. P. 72.
[512] См.: *Doucin M.* Les ONG : le contre-pouvoir ? Editions Toogezer, 2007.
[513] Entretien avec M. Michel Doucin. Propos recueillis par Henri Bauer et Nathalie Delcamp (Irenees). Paris, marzo 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.irenees.net/bdf_fiche-entretien-73_es.html (дата обращения: 22.04.2010).

большими организациями. И речь не только о структурной общности, в частности, создании заграничных филиалов, но и о процессах в руководстве, отношениях между лидерами и рядовыми членами и проч., которые отнюдь не всегда демократичны[514]. Кроме того, между самими НПО имеет место и конкуренция, и неприязнь, и открытое противостояние[515]. Поэтому социолог пессимистичен относительно дипломатического влияния НПО[516].

На сходных позициях стоит и С. Коэн, считающий, что, во-первых, влияние даже транснациональных НПО сильно преувеличено уже потому, что оно не изменяет конфигурацию международной системы. А во-вторых, ошибочно и мнение о делегитимизации государства под предлогом его неспособности справиться с «угрозами безопасности». В действительности, это вопросы о качестве государственного управления[517]. С. Коэн отмечает, что видов очень много. Поэтому, несмотря на их многочисленность, их объединение в одну совокупность с множеством элементов вовсе не означает, что также складываются и их роль и влияние. Идеи о качественном изменении роли НПО вновь активизировались с прекращением «холодной войны», а также и вследствие развития ЭСМИК. На самом же деле, «мир правительств и мир народов существовали всегда, взаимодействуя друг с другом». Также не нова и глобализация – волны миграций, торговля, преступность, распространение идей и верований всегда показывали отсутствие абсолютного государственного суверенитета. Поэтому для объективного анализа необходимо конкретное исследование: какая именно НПО противостоит или соревнуется с каким именно государством? Не говоря уже о том, что многие НПО сотрудничают с государствами, действуют вместе с ними и в тех же целях или пытаются не «победить» государство, а влиять на него (например, организованная преступность – посредством коррупции для достижения экономических целей)[518].

Таким образом, во-первых, говоря об общественных, неправительственных организациях, следует иметь в виду не только их экологические, правозащитные, образовательные, научные, миссионерские и прочие виды, но и транснациональные финансовые и промышленные корпорации, информационные, преступные сообщества, в т.ч. террористические, и проч. НПО были и раньше и пытались влиять и на государства, и

---

[514] Ibid.
[515] См.: *Doucin M.* Les ONG : le contre-pouvoir ?...
[516] *Doucin M.* Les ONG et la diplomatie. Novembre 2004. [Электронный ресурс] URL: www.dauphine.fr/globalisation/doucin.pdf (дата обращения: 12.12.2014).
[517] См.: *Cohen S.* Les États face aux « nouveaux acteurs » // Politique internationale, n°107, printemps 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.politiqueinternationale.com/revue/read2.php?id_revue=21&id=62&search=&content=texte (дата обращения: 22.06.2014).
[518] Ibid.

на межгосударственные отношения. Новые же явления – это их массовость, пусть и ограниченная, но влиятельность нескольких десятков из них в международном масштабе. И всё это стало возможным вследствие *демократизации* и *технизации* обществ и международных отношений в XX веке.

Во-вторых, у НПО нет суверенитета в современном мире, где его носителями являются государства, как раз и строящие между собой международные отношения. НПО могут оказывать влияние только опосредованно (в конечном итоге – через репутацию кандидатов перед выборами в ведущих державах, где существуют реальные выборные процессы). Более того, чтобы решать проблемы, интернационализации которых они способствовали, и которые теперь входят в общемировую повестку дня (права человека, разоружение, экология), крупнейшие НПО обращаются за соответствующими решениями к государствам. А как только они становятся большими и часто именно потому и влиятельными, они оказываются и нуждающимися в соответствующего масштаба средствах. Поэтому либо попадают в зависимость от спонсоров, либо сами становятся корпорациями, отрывающимися от своего первоначального демократического начала и смысла деятельности для общественного блага.

Наконец, на наш взгляд ещё одним, четвёртым качественным фактором следует определить то, не всегда осознаваемое, но наблюдаемое и определяемое обстоятельство, что современный мир вовсе не является таким стабильным как казался ещё совсем недавно, а происходящие *перемены носят стремительный и непредсказуемый характер*. Конечно, наиболее яркий пример – именно стремительное исчезновение СССР, сосуществовать и взаимодействовать с которым нынешние руководители западной дипломатии и тем более политики готовились в течение всей своей будущей карьеры. Но и такие явления, как развитие Китая, появление международного терроризма (чтобы ни служило его источником и катализатором), характеризуются, прежде всего, своей скоростью, непредсказанной экспертами, всё новыми неожиданными последствиями и т.п.

Правда, оказалось, что в некоторых случаях не для всех стран всё это было столь неожиданно. Что есть не только планы, но и подходы, в т.ч. философские установки, реализацией которых как раз и являются те самые, описываемые как неожиданные, события с их столь масштабными последствиями[519]. В своё время Р. Мертон ставил задачу исследовать также *ненамеренные последствия* рациональной, намеренной деятельности людей и особенно *латентные проявления* социума[520]. Сегодня многие социологи специально выделяют среди рукотворных рисков *экологические*, которые наиболее быстро

[519] О чём задумывались и писали уже давно, в частности, А. д'Отрив.
[520] См.: *Merton R.* The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review. 1936. Vol. 1, No. 6, pp. 894-904.

развиваются в глобальные, затрагивающие любого человека, как бы он лично не вёл себя в отношении природы. Согласно П. Штомпке, вообще социальное становление происходит в направлении контроля над природой, её подчинения потребностям человека и общества, их освобождения от естественных угроз и неблагоприятного воздействия среды. В тоже время, деятельность самих человека и общества оказывает и отрицательное воздействие на природу, создавая, таким образом, новые, антропогенные факторы отрицательного воздействия на человека (экологические бедствия)[521]. Это касается и общественной жизни, в которой развитию знаний о человеке и обществе сопутствует появление веры во всемогущество человека, в т.ч. в области организации общества. Таким образом, П. Штомпка постулирует не только совокупность акторов и общество, но и общество и природу, как *системы*, т.е. обладающие новыми качествами, несводимыми к качествам своих составных частей (структурным обстоятельствам и компетенциям агентов). Исторической перспективой он считает движение к обществу, живущему в гармонии с природой, через преодоление абсолютизации своих возможностей, мифов и «ложного сознания», посредством критически рассматриваемого развития социальных знаний[522]. Также и Э. Гидденс, говоря о росте и всё большем значении рукотворного риска, приводит в качестве наиболее яркого примера как раз экологическую проблематику (прежде всего, глобальное потепление)[523].

3.3. Новая дипломатия смыслов: возможности культуральной социологии для её интерпретации

Существенные изменения произошли и в дипломатии смыслов, которую следует охарактеризовать как *новую* культурную дипломатию. Широкие возможности для её интерпретации предоставляет *культуральная социология*, направленная, в т.ч. на исследование усложняющегося производства *смысла* посредством символов, знаковых кодов. Её автор, Дж. Александер, показав релятивизацию смыслов и морали в современном обществе, предложил обратить основное внимание на выявление *«культуралъных структур»*, как правило, *бессознательных*, т.е. внутренних механизмов деятельности людей, формирующихся под влиянием относительно устойчивых смыслов социальной жизни и определяющих мышление и поведение акторов. Его же концепция *кодирования, декодирования и перекодирования реальности* в контексте «спирали

[521] Хотя идея экологических бедствий является абсолютно субъективной и релятивистской: таковыми бедствиями можно признать некоторые события в природе только в отношении человека, как ухудшающие условия его существования или даже обрекающие его на гибель. Но природа в целом не имеет никаких «экологических бедствий», поскольку, как целое, она только переходит из одного состояния в другое.
[522] *Штомпка П.* Социология социальных изменений… С. 291-292.
[523] См.: *Giddens A.* The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.

означивания» позволяет исследовать и *динамику* ценностей и интересов, структур и их функций, поскольку все они всегда только *означаемое*, сознательно и бессознательно, конструируемое акторами под влиянием в т.ч. латентных *смыслов***.** Определение «новые» имеет следующие основания. Во-первых, происходит концептуальное и юридическое оформление ранее не существовавших, во всяком случае, официально, видов дипломатии**,** в частности, научной или спортивной. Их предметы, конечно, затрагивались в рамках «традиционной» дипломатической работы, но только эпизодически. Теперь же это планируемые направления работы, поручаемые специализирующимся на ней дипломатам или сотрудникам других ведомств в составе посольств.

Во-вторых, переопределение содержания, а иногда и форм видов дипломатии, которые можно считать традиционными, как, например, экономической или культурной (хотя и они стали определяться официально, как самостоятельные виды, также сравнительно недавно), имеет дело с динамикой смыслов, их перформативным конструированием. Конечно, строго говоря, такая классификация весьма условна, поскольку, как уже отмечалось, переговоры, проводимые уполномоченными для этого представителями суверенных государств, и договоры, заключаемые по их итогам, могут иметь любой предмет (границы, торговля, обмен студентами и проч.) и в любом случае являться дипломатическими. Также и многие «политические» договоры часто имели и имеют имущественные, финансовые и иные «материальные» разделы или статьи, ради которых, по большей мере, велись и сегодня ведутся, как войны, так и переговоры. Как и в случае с новыми количеством и качествами современных участников международных отношений, новая ситуация с видами дипломатии сложилась в результате научно-технических достижений, в т.ч. применённых в инфо-коммуникационной сфере. Вплоть до основной деколонизации, т.е. до 1960-х годов, дипломатия занималась выяснением законными способами прежде всего всё той же *военно-политической* обстановки в странах пребывания. Это объясняется тем, что войны, территориальные приобретения и трофеи, полученные в результате войн, считались обыкновенным, обычным инструментом государственной внешней политики. Конечно, они велись в т.ч. и по личным причинам (тем более чем менее эффективным был общественный контроль за властями), но экономическая подоплёка – преумножение богатства в любых формах, увеличивавшая в т.ч. и престиж, и влияние его обладателей, как правило, преобладала. Широкое использование результатов научно-технического развития в военной сфере, стало фактором стремительного роста масштабов военных действий и вызываемых ими жертв и разрушений. Было придумано и произведено оружие со свойствами массового поражения и любого радиуса действия, а войны приобрели мировой, общепланетарный характер.

Однако диалектический переход количества (научных исследований в военных целях) в качество (достижение стратегического военного паритета на основе ОМУ между двумя потому и названными сверхдержавами) обусловил к середине XX в. новую ситуацию: военные действия вновь сократились до локальных конфликтов между сторонниками сверхдержав из числа новых – «развивающихся» стран, а затем, в основном свелись к внутригосударственной борьбе за власть в них в форме выбора «ориентации» социально-экономического развития, включавшего и присоединение к внешней политике соответствующей сверхдержавы.

В этих условиях страны, не принадлежащие ни к сверхдержавам, ни к развивающимся государствам, также оказалась в качественно новой ситуации. Война как способ экономического развития потеряла своё значение (хотя гонка вооружений оставалась существенным фактором). Теперь необходимо было сосредоточиться на собственно экономических задачах, причём в новой – конкурентной среде на мировых рынках, которые стремились интегрировать в себя все национальные. Изменились и задачи дипломатической службы. Хотя экономическая, научная и прочая информация собиралась и ранее, она предназначалась для использования только в военно-политических целях, для выяснения военного потенциала противника, для победы над ним. Теперь, в эпоху паритета ОМУ и информационных войн каждая *отраслевая информация*, по-прежнему учитываемая и в прежнем, военно-политическом качестве, собирается и *используется и для каждой отрасли*, в её собственных интересах. Т.е. чтобы добиваться основной цели – «добычи», обогащения, роста ресурсов неразрушительными в традиционном смысле способами: экономическая информация важна для продвижения интересов своих компаний за рубежом, для роста их экспорта, более выгодной торговли, причём в конкуренции на рынке конкретной страны, как с её экономическими агентами, так и с иностранными. Также ведётся и поиск инвесторов в свою страну, квалифицированных умов и рабочих рук, новых технологий. То же самое касается остальных новых видов дипломатии в смысле перехода от дипломатии традиционной, военно-политической, как формы обеспечения военно-политической борьбы за территории (сохранение собственной и захват чужой), к дипломатии с целями и задачами использования ресурсов других стран без перемещения границ, территориальных захватов и уничтожения суверенитетов.

В-третьих, *объектом* дипломатии в целом и её видов, стали не только лидеры государств, но все, кто принимают решения, т.е., например, в демократических странах –

все акторы, поскольку они влияют на политику через выборы[524]. Чрезвычайно усиливают возможности такой дипломатии и, кстати, контр-дипломатии, свойства *ЭСМИК*, и степень их распространения в каждом государстве.

В-чётвёртых, уже начался и этап диалектического отрицания отрицания – эти же инфо-коммуникационные технологии используются для *культурной* победы, также отрицающей суверенитет проигрывающего государства, как ранее победы военно-политические. Теперь это происходит посредством воспитания населения других стран сначала потребителями своих товаров и услуг, затем идей и, наконец, своими гражданами в эмиграции[525]. Новизна современного этапа формирования ценностей и соответствующих инструментов заключается в особых свойствах современных *информационно-коммуникационных технологий,* прежде всего, их *дальнодействием и тотальным характером*. В условиях малой мобильности населения доиндустриальной эпохи (а также во многом и индустриальной, которая и теперь охватила ещё далеко не всё население планеты) воспитание детей и юношества происходило в рамках их практически полной вовлечённости в жизнь своих семей и общин в силу императива тяжёлой борьбы за выживание. Формирование личности в «доинформационную» эпоху происходило в соответствии с обстоятельствами непосредственной среды, в которой рождались новые люди. С началом расцвета первых массовых СМИК – печатных, т.е. примерно с середины XIX в., сопровождавшимся появлением массовой школы (по сути – ещё одной формой СМИК), влияние внешних (несемейных) факторов на становление и социализацию новых членов общества чрезвычайно возросло. Учителя и учебники, газеты и журналы, государство и общественные организации постепенно стали играть основную роль по трансляции как новостей и знаний, так и жизненных ценностей. В эпоху же электронных средств массовой информации и коммуникации *процесс формирования каждого нового человека*, а также новых групп и сообществ, фактически отделился от своего антропологического (родительского, семейного) первоначала и *стал функцией от вовлечённости в тот или иной информационный процесс*. Теперь формирование новой личности обуславливается уже вовсе не обстоятельствами рождения, а *степенью активности* по отношению к каждому новому человеку участников глобального информационного процесса – родителей, сверстников, но всё более и значительнее – других взрослых, с которыми формирующаяся личность вступает в информационный контакт прямо или опосредованно через различные электронные коммуникации.

---

[524] Между прочим, и в недемократических тоже, т.к. массы в любом обществе имеют свой потенциал, который просто по-разному реализуется – через бунты, выборы, революции.

[525] Весьма сильным критерием этих этапов является развитие стремления потреблять товары и культуру именно такой страны, говорить на её языке, посещать её, и, наконец, вообще уехать в неё или хотя бы стремиться это сделать.

Многие исследователи называют Францию родоначальницей и *культурной дипломатии*. Можно, как и в случае с дипломатией вообще, говорить, что и культурная дипломатия была изобретена и с успехом применялась за тысячелетия до эпохи Возрождения. В качестве примеров можно вести речь о дарах художественной или научной ценности, а то и самих людей-мастеров, владевших каким-либо искусством или ремеслом; с появлением монотеистических религий – о религиозном миссионерстве и т.п. Однако французы действительно одними из первых в Новое время, не только применили разработанные ими же методы рационального мышления и познания к гуманитарным наукам, но и концептуализировали такой подход к языку и культуре, начав использовать их в политических и дипломатических целях.

Первое Министерство культуры во Франции (Ministère de la Culture; с 1997 г. – Министерство культуры и коммуникаций, Ministère de la Culture et de la Communication) было учреждено по поручению генерала де Голля декретом от 24 июля 1959 г. Однако международная деятельность культурного характера и до, и после этого оставалась в ведении МИД. Кроме того, с освобождением колоний, в Министерство культуры пришло работать значительное количество бывших колониальных чиновников. Они действовали эффективно, но «идеологически исходили из своего предыдущего опыта, влияя на доктрину министерства. И оно становилось призванным распространять как в стране, так и за её пределами свет национального величия, (демонстрировать) силу Франции для заграницы и символ власти государства своим регионам, т.е. быть апологетом французского гения и элитарности»[526]. Активист народного образования и культуры (левых убеждений) Ф. Лёпаж и сегодня констатирует, что во Франции под «культурой» понимается «искусство» и даже – «современное искусство». Слово Культура часто пишется в единственном числе и с заглавной буквы, что вызывает религиозное чувство к этому новому святому – искусству, высшему содержанию, воплощаемому всего несколькими индивидами, якобы отмеченными «благодатью». И эта редукция культуры к искусству, начатая в 1960-е годы Министерством, является, по его мнению, интеллектуальной катастрофой[527].

Конечно, во Франции культура и её роль были и остаются объектами многочисленных исследований, в т.ч. и в отношениях с другими странами. В качестве примеров приведём характерные и важные в данном контексте работы дипломатов и социологов Ф. Мартеля и Ф. Лана. Первый критикует политику своей страны в сфере культурной дипломатии на основе результатов своих масштабных сравнительных

[526] См.: *Lepage F*. De l'éducation populaire à la domestication par la « culture » // Le Monde diplomatique, mai 2009. P. 4-5.
[527] Ibid.

эмпирических социологических, политических и культуральных исследований во Франции и США. В серии книг он последовательно показывает создание и развитие в США не просто области культуры или развлечений в обыденном их понимании, но целой индустрии культуры, т.е. коммерческого предприятия, имеющего ещё и философские, цивилизационные, общекультурные (ценностные) параметры и задачи. Раскрывая качества и масштаб этого явления, социолог старается выяснить, что позволяет американской культуре и американцам доминировать в мире. С этой целью только для своей «О культуре в Америке»[528] он, находясь на посту культурного атташе посольства Франции в США (в Бостоне), провёл более 700 интервью в 35 штатах и использовал 434 документа. Интересен и сам предмет исследования: поскольку содержание продукта (фильмы Голливуда, электроника и программное обеспечение Кремниевой долины и проч.), в общем, известны практически каждому, социолог сосредоточился на причинах, *почему* это произошло, на условиях, в которых работает американская индустрия культуры, *как* она производит и продаёт свой продукт. Основные его выводы – отличия и они же и преимущества американской системы, по сравнению с французской, следующие:

-центральная роль американских *университетов*, причём не только в распространении культуры, но и в формировании будущих её потребителей посредством поддержки массовой культурной деятельности студентов (артистическая самодеятельность, студенческая пресса и т.п., а университетов в США – более 4 тыс.).

-большой «некоммерческий сектор культурной экономики» – как волонтёров, добровольцев, НПО, так и меценатов и филантропов. В последнем случае причина в том, что в значительной степени американская государственная культурная политика – это политика *налоговая*. Но при этом, и поддержка культуры из *бюджета* также велика и, по расчётам Ф. Мартеля, сопоставима на душу населения с французской.

-*мультикультурная* эволюция производства и распространения культуры[529].

Заметим, что все эти факторы следует охарактеризовать как *информационные*, т.е. – производства и коммуникации конкретного содержания к тому же произведённого по конкретному (американскому) образцу.

Промышленный и коммерческий подход в Америке и к культуре, и потому естественная конкуренция за потребителя, привели к тому, что рядом с единственной культивируемой в Европе элитарной культурой (high culture) в США стала не только массово производиться и распространяться, но и была *социально переоценена* культура, доступная широким, неэлитарным слоям общества, т.е. не требующая для своего

[528] См.: *Martel F*. De la culture en Amérique. P. : Gallimard, 2006.
[529] См.: Ibid.

потребления высокого уровня образования, часто ими же и производимая. Вся такая культура была приравнена рынком к культуре элитарной, и потребители этой последнее – до того единственной «настоящей» или «высокой» культуры оказались в абсолютном меньшинстве. Критерии того, что является «искусством», были изменены, ослабло даже понятие «общей культуры»[530]. Согласно Ф. Мартелю, американцы не только включили в культуру, но и уравняли с «высокой культурой» любые культуры, непрофессиональные культуры, субкультуры. Сам этот факт переоценки свойств и значимости примитивных культур и субкультур не нов. Учёные уже значительное время интересуются ими (от примитивных народов прошлого до современных общин, групп, ещё живущих по патриархальным, архаическим традициям, а также современных же маргиналов). Но они же определили такие культуры и субкультуры как выражение интеллектуальной «зари» человечества или девиантного поведения, а вовсе не подтвердили их провозглашённое постмодернистами равенство с основной, ведущей культурой современности. Такое равенство – политический, а не научный и тем более не искусствоведческий вывод.

Как и в отношении внешней политики в целом, с начала 2000-х годов французский Сенат регулярно заслушивал доклады о культурной деятельности Франции за рубежом[531] и формулировал предложения по её модернизации в связи с потерей былого влияния и наступлением конкурентов. Завершающим в этой серии, на основании которого была проведена большая реформа культурной дипломатии, стал совместный доклад комиссий Сената по культуре и иностранным делам, представленный на обсуждение 10 июня 2009 г.[532]. Доклад опирался на содержание и выводы уже упоминавшейся «Белой книги» по внешней и европейской политике 2008 г., которые, вместе со своей оценкой, были синтезированы следующим образом:

Комиссия Жюппе-Швейцера подчеркнула капитальную важность дипломатии влияния[533] в контексте глобального соревнования идей, ускоряемого развитием видов цифровых коммуникаций:

---

[530] Ibid. P. 475.

[531] Rapport d'information n° 2924 (2000-2001) de M. Yves Dauge, fait au nom de la commission des affaires étrangères de l'Assemblée nationale sur les centres culturels français à l'étranger; Rapport d'information n° 91 (2004-2005) de M. Louis Duvernois, fait au nom de la commission des affaires culturelles du Sénat, intitulé « Pour une nouvelle stratégie de l'action culturelle extérieure de la France : de l'exception à l'influence »; Rapport d'information n° 428 (2007-2008) de M. Adrien Gouteyron, fait au nom de la commission des finances, du contrôle budgétaire et des comptes économiques de la nation sur la crise de la diplomatie culturelle française; Texte n° 71 (2006-2007) adopté par le Sénat le 13 février 2007; Texte n° 257 (2008-2009) de M. Adrien Gouteyron, déposé au Sénat le 10 mars 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.senat.fr/rap/r08-458/r08-4589.html (дата обращения: 15.12.2012).

[532] Le rayonnement culturel international : une ambition pour la diplomatie française. Rapport d'information n° 458 (2008-2009) de MM. Jacques Legendre et Josselin de Rohan, fait au nom de la commission des affaires culturelles et de la commission des affaires étrangères, déposé le 10 juin 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.senat.fr/rap/r08-458/r08-458.html (дата обращения: 15.12.2012).

[533] Здесь и далее воспроизведено выделение в оригинальном тексте.

-«чтобы избежать ситуации, когда формат осмысления глобальных вызовов устанавливается другими странами, сегодня – США, а завтра, возможно, азиатскими, Франция должна **более упреждающим образом включаться в международные дебаты,** делая ставку на динамизм политических, экономических, культурных, научных и артистических кругов. Обновляя свои стратегии влияния, Франция должна развить и опереться на **сеть экспертов при министерстве иностранных дел**, в случае необходимости – в виде консультативных комитетов, формально объединяющих и других лиц – из бизнеса, университетов, науки и культуры, по **модели советников по внешней торговле».** Смысл этой рекомендации – сделать **всеобщей** практикой **научные советы** при исполнительных органах для выработки и осуществления стратегических направлений в сфере культурной деятельности за рубежом.

-«интенсификация глобального соревнования в областях науки и высшего образования должна подвигнуть Францию **реинвестировать во всё более и более конкурентный рынок формирования будущих мировых элит»**. Французское образование за рубежом должно быть привилегированной сетью по привлечению иностранных студентов во французские вузы[534].

-«перед лицом «диверсификации культурных и коммуникационных векторов», **место французского, как языка международного использования в интернете**, является вопросом первостепенной важности. В рамках растущей дематериализации[535] носителей культурных благ (музыки, изображений, текстов), внешняя культурная политика Франции должна интегрировать и придать значение **интернету, как полностью аналогичному другим культурному вектору**[536]. Вызывает озабоченность нынешнее отставание Франции от других стран, например, Испании, в использовании интернета для культурного влияния, в частности, для **обучения нашему языку**[537].

-реформа институтов имеет целью концентрацию ответственности и возможностей, реорганизации в государственные учреждения промышленного и торгового характера[538], повышения финансовой и управленческой самостоятельности (хотя по-прежнему в координации с посольством), учёта местного спроса[539].

---

[534] Le rayonnement culturel international...

[535] Это очевидная логическая и фактическая ошибка. Всё, теперь, так называемое, *нематериальное*, полностью зависит, воспроизводится и существует только благодаря всё тому же материальному (человеку или аппаратуре), только теперь всё более сложному, до такой степени, что уже и не воспринимаемому, как материальное.

[536] Здесь и выше вектор употребляется как носитель информации и его содержание, т.е. сама информация.

[537] Le rayonnement culturel international...

[538] Etablissement public à caractère industriel et commercial, EPIC.

[539] Le rayonnement culturel international...

Французская инфраструктура международного культурного сотрудничества подвергается таким же частым изменениям, как и сам МИД, тем более, что большая её часть к министерству и относится. В начале 2000-х годов советник или атташе по культуре, как правило, руководил *отделом* по вопросам сотрудничества и культурного действия (в 2009 г. – в 154 посольствах), который осуществлял общее руководство работой других организаций культурного характера в каждой стране. *Культурные институты* и *Культурные центры* не имели собственных юридических лиц, зависели в этом смысле от МИД и обладали только финансовой автономией. Во главе стояли директора, нанимавшие персонал, как правило, из местных граждан (в 2009 г. работало 144 культурных центра и института, а также 27 исследовательских институтов за рубежом (instituts de recherche a l'étranger), с общим числом занятых около 4700 человек). Их тремя основными задачами было преподавание французского языка, организация культурных мероприятий и распространение культуры и предоставление информации о Франции. Другой характер имели элементы сети *Французских альянсов* (Alliances françaises). Они появились в 1883 г. по общественной инициативе (учёных, дипломатов, писателей, инженеров, в т.ч. Л. Пастёра и Ж. Верна) и выполняли те же функции, но только силами общественности – своей и друзей Франции в других странах. В 2008 г. насчитывалось 1070 разного размера альянсов в 135 странах. В них работало 8 тыс. волонтёров и 12 тыс. специалистов, получавших зарплату, в основном языковых преподавателей. На курсах французского языка в них обучалось 461 тыс. слушателей. 80% бюджета в 238 млн. евро они формировали самостоятельно (плата за обучение, пожертвования и проч.). Кроме всего этого, ещё, по меньшей мере, *семь* достаточно крупных государственных или с государственным участием организаций работали в этой же сфере. Среди них, *КюльтюрФранс* (CulturesFrance) – общая структура МИД и Министерства культуры, образованная в 2006 г. из Французской ассоциации артистического действия (1922 г.) и Ассоциации по распространению французских идей (1946 г.); организация по вопросам высшего образования во Франции – *КампюсФранс* (CampusFrance), созданная слиянием в 2007 г. EduFrance (образована в 1998 г. государством и 197-ю государственными и частными вузами) с двумя новыми организациями – le Centre français pour l'accueil et les échanges internationaux (EGIDE) и le Centre national des oeuvres universitaires et scolaires (CNOUS); Агентство по французскому образованию за рубежом (AEFE), созданное в 1990 г. под эгидой МИД, имеет около 430 школ в 130 странах, где обучается около 250 тыс. детей, в основном, иностранцев, с бюджетов свыше 500 млн. евро; Общество иностранного вещания Франции, в которое входит два телеканала (TV5 Monde и France 24), две радиостанции (Radio France

Internationale (RFI) и RMC Moyen-Orient) и т.д. В 2008 г. был создан холдинг Audiovisuel Extérieur de la France (AEF), объединивший TV5 Monde, Radio France Internationale и France 24. Капитал нового холдинга полностью принадлежит государству. В 2009 г. расходы на иностранное телерадиовещание составили 298 млн. евро. Спецификой французского иностранного вещания, как его определяют французы, является «мультикультурный характер». В частности, партнёрами телекомпания TV5 Monde являются другие франкоязычные страны (Бельгия, Швейцария, Канада и провинция Квебек), которые добились, что французский холдинг имеет только 49% в капитале этой компании и, таким, образом не является её единственным руководителем.

Вследствие решений по итогам вышеупомянутых докладов, законом от 27 июля 2010 г.[540] был создан *Французский институт* (L'Institut français)[541], чтобы теперь все французские организации и службы повсюду выступали под одним брендом. Задачей его была определена *культурная дипломатия* за рубежом под руководством МИД, т.е. проведение государственной политики в этой области, в интересах *дипломатии влияния*[542]. Французский институт пришёл на смену Culturesfrance, но также занялся новыми задачами, которые ранее выполняли структуры МИД, особенно в части преподавания языка, подготовки кадров для французской культурной инфраструктуры и др., а также самым широким использованием интернет и других цифровых технологий. Деятельность Французского института осуществляется в тесном сотрудничестве с Французскими альянсами, а советники атташе по культуре (под общим руководством послов) теперь занимаются не столько руководством, сколько координацией деятельности все этой сети. Другим, объединившим в 2010-2011-х годах все образовательные профильные структуры, стало агентство по вопросам высшего образования во Франции *КампюсФранс*, которое теперь, кроме МИД, курировали также министерство высшего образования и научных исследований и министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развития солидарности. Сегодня, как следует из данных мидовского портала, в сети Французских институтов и альянсов французскому языку обучается 620 тыс. чел., в 2013-2014 учебном году в 494 учреждениях, работавших за рубежом по французской программе, обучалось 330 тыс.

---

[540] LOI n° 2010-873 du 27 juillet 2010 relative à l'action extérieure de l'Etat. [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022521532 (дата обращения: 10.05.2015).

[541] L'Institut français http://www.institutfrancais.com/fr/faites-notre-connaissance-0

[542] Ibid.

школьников; 1 млн. 700 тыс. школьников учатся в двуязычных классах национальных систем образования; в год за границей проводится 50 тыс. культурных мероприятий[543].

Ф. Мартель продолжил социологические исследования в США и после этого доклада, и после реформ МИД. В ещё одной, пока самой популярной и значительной по результатам книге «Мэйнстрим. Исследование этой культуры, которая нравится всем»[544], он рассматривает мировую и межрегиональную конкуренцию в сфере производства и распространения культуры, прежде всего популярной, массовой, создаваемой для *развлечений*. На этот раз эмпирическое исследование состояло из 1250 интервью в 30 странах. Слово «мэйнстрим» употребляется в разных значениях. В данном случае автор выявляет его смысл как *культуры, общей для широкой публики*. И в этом смысле – противоположной, как искусству, так и субкультурам, контркультуре, которые являются «нишевыми», имеющими узкие аудитории. В «Мэйнстриме» автор называет «войной» мировую конкуренцию между киностудиями, интернет-поисковыми программами, издательствами, телевизионными сетями, которая неминуемо сопутствует нарождающейся «глобальной культуре». И ведётся эта «мировая война» за содержание[545]. Отвечая на вопрос об источниках силы американской системы, Ф. Мартель считает, что американцы лучше всего владеют «мягкой силой», а также и «умной силой». «Военная мощь, дополненная культурным содержанием – это очень хитро. Эта стратегия превосходит империализм, навязывая их кино, их музыку, их медиа или телевизионные форматы. Они стремятся умножить и расширить свои рынки. Они в состоянии ответить на любые ожидания американскими продуктами, содержанием, предназначенным для мировой публики, или целевыми форматами для региональной, локальной, едва ли не групповой клиентуры. В этом их сила. Они не убивают национальные культуры. Но их матрица удушает другие культуры, не позволяя им распространяться. Пример: француз не знает, что немец смотрит по телевизору, но и тот, и другой, знают американские сериалы»[546]. Это же касается и «местного» производства. «Миллионер из трущоб», получивший восемь премий Американской киноакадемии, был снят в Индии по сценарию, написанному индийцем. Но это не индийский, а англо-американо-французский фильм. Мировые продажи с «американским содержанием» последние десять лет росли на 10%

---

[543] Infographie "Le ministère des Affaires étrangères et du Développement international (MAEDI) en chiffres". [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-ministere-en-chiffres/article/infographie-le-ministere-des-affaires-etrangeres-et-du-developpement (дата обращения: 15.15.2016).

[544] См.: *Martel F*. Mainstream….

[545] Ibid. P. 12.

[546] Из интервью: *Basini B.* Les Etats-Unis ont-ils gagné la bataille mondiale de la culture? Le Journal du Dimanche, 27 mars 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.lejdd.fr/Culture/Actualite/Les-Etats-Unis-ont-ils-gagne-la-bataille-mondiale-de-la-culture-182282 (дата обращения: 12.04.2012).

ежегодно, в то время, как «европейский» экспорт уменьшался на 8%[547]. Но если присмотреться, что это за «европейская» продукция, то окажется, что она производится по американскому образцу или просто американская. Мировым лидером в сфере видеоигр, а также владельцем крупнейшей в мире музыкальной компании Universal Music Group является французский медиахолдинг Vivendi SA. Но его штаб-квартира находится в Нью-Йорке, а большинство произведений, права на которые у Universal, американские[548]. Не объясняя, правда, *как* американцам это удаётся, Ф. Мартель констатирует, что «Соединённые Штаты не только экспортируют свои культурные продукты, они экспортируют также свою модель. В Дамаске, как и в Пекине, в Хюэ, как в Токио и даже в Эр-Рияде и Каракасе, я был поражён восхищением всех моих собеседников американской моделью *развлечений*[549]. Слова на хинди или на мандаринском, но синтаксис – американский»[550].

Но нужно ли менять ситуацию, есть ли такие возможности, и каковы тогда конкретные предложения? Ф. Мартель считает, что «Если Европа не будет реагировать, то она окажется на обочине и развивающиеся страны поглотят её (культурно – прим. Н.Л.)»[551]. П. Верлюиз подтверждает, что во Франции побеждает англо-саксонская культура, и страна «регионализируется, рискует оказаться в ранге территории с идиоматическим названием. Французский язык потерял для мира своё значение носителя содержания. Этот язык перестал воплощать в себе для иностранных элит, даже из «третьего мира», средство доступа к культуре, прогрессу и богатству»[552]. Основной же проблемой Европы, как, впрочем, и арабского мира и, возможно, Африки, Ф. Мартель называет исчезновение, в отличие от США, *общей* культуры. Каждая из европейских стран, взятая отдельно, в общем, успешно защищает свою национальную музыку и литературу, а кое-где и кино. Но остальное содержание – всё более американское и всё менее европейское. Перефразируя знаменитое высказывание Т. Джефферсона («у каждого человека две родины – его собственная и Франция»[553]), это теперь выглядит, как если бы каждый европеец имел две культуры – своей собственной страны и американскую[554].

Изменить что-то можно только по достоинству оценив «мягкую силу». Будучи министром иностранных дел, Б. Кушнер предложил создать независимое культурное агентство для поддержки французской творческой индустрии. Но, по мнению Ф. Мартеля,

---

[547] См.: *Martel F*. Mainstream. Conclusion.
[548] Из интервью: *Basini B.* Les Etats-Unis ont-ils gagné la bataille mondiale de la culture?
[549] Entertainment.
[550] *Martel F*. Mainstream. P. 424.
[551] Ibid. P. 445.
[552] *Verluise P*. Op.cit.
[553] Хотя есть разные мнения по поводу вида и принадлежности этого высказывания.
[554] См.: *Martel F*. Mainstream. Conclusion.

Президент Н. Саркози не поддержал эту хорошую идею, создав такое агентство под своим контролем. Решение же французский дипломат видит в уходе от оценок – «плох» рынок или «хорош» и в бытии его частью. Не спорить какой продукт креативнее, а пользоваться тем, который нравится и экспортировать то, что лучше покупается[555]. Т.е. интуитивно он предлагает перейти на рыночные принципы производства культурного содержания. Но одной Франции это будет нелегко, даже если такое решение было бы принято. Необходим большой внутренний рынок, сравнимый с американским. Бороться по-другому тоже можно, но это сложно и результаты не очевидны. Китайцы занялись культурным протекционизмом, противостоя американской «мягкой силе» посредством сложной цензуры, связанной с продвижением своих ценностей, причём очень разнообразных[556]. Но, по мнению Ф. Мартеля, любой протекционизм, не связанный с рынком, ведёт к упадку так защищаемой культуры. Более того, «даже те, кто борются с Соединёнными Штатами, в Китае или арабских странах, делают это, подражая американской модели. Но сила Соединённых штатов такова, что никакая другая страна, ни даже Европа из 27 стран, ни Китай с его 1,3 млрд. жителей, не может конкурировать. Пока»[557].

Другой дипломат и социолог, Ф. Лан стоит на позиции кумулятивного характера и преемственности французской культурной дипломатии. Он описал[558] внешнюю культурную и даже научную деятельность Франции, как длительную историческую традицию, выведенную ещё из XVI в., т.е. с начала дипломатической службы по современной французской версии. В пользу своей позиции он привёл и тот факт, что многие французские дипломаты были писателями и учёными. Он также связал новый этап культурной дипломатии, а также научной, образовательной, языковой, с крупными структурными преобразованиями в соответствующих мидовских агентствах. Рассказывая о новейших (с 2010 г.) реформах в госорганах, занимающихся внешними связями, в т.ч. в области культуры, Ф. Лан констатирует, что традиционный взгляд на культурное влияние, как на таковое в области только собственно культуры, является ограниченным. В действительности, культурный компонент это элемент «дипломатии влияния», оказывает воздействие на многие другие её элементы, прежде всего, неразрывно связан научной и образовательной сферами. Он отмечает, что с появлением при президенте США Б. Обаме новых американских доктрин («мягкой силы», «умной силы» и т.д.) во французском лексиконе также стало использоваться выражение «дипломатия влияния» в отношении заграничной культурной и научной деятельности. Для этого французского дипломата нет

[555] Из интервью: *Basini B.* Les Etats-Unis ont-ils gagné la bataille mondiale de la culture?
[556] *Martel F.* Mainstream. P. 199.
[557] Ibid. P. 424.
[558] *Lane Ph.* Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique. P. : La Documentation française, 2011.

сомнений в том, что в настоящее время основное культурное влияние, причём на всю планету, осуществляют США, а «Франция проигрывает битву мягкой силы»[559].

В своей следующей книге «Французская научная и культурная дипломатия»[560] Ф. Лан ещё более подробно описал ход и результаты этой реформы. Министр иностранных дел Л. Фабиус в предисловии к книге отметил, что Франция, как держава, имеет влияние в мире, основанное на её членстве в СБ ООН, экономической и военной мощи, сети дипломатических представительств, общепризнанных универсальных принципах, готовности обсуждать не только собственные интересы. Главной характеристикой современности министр определил сильную и всё растущую *конкуренцию*, которой подвергается это влияние. Франции необходимо противостоять ей, используя свой большой исторический потенциал и модернизацию современных институтов дипломатии влияния, о чём и рассказал Ф. Лан, исследовавший такой компонент этого влияния, как культуру (искусство, образование, науку), а также возможности повысить эффективность государственной деятельности по распространению французской науки и культуры за рубежом[561]. Он отмечает, что научные исследования во второй половине прошлого века сыграли основную роль в преобразовании послевоенной Франции, и перечисляет отрасли, в которых страна достигла особенных, мирового уровня успехов, – естественные науки, транспорт, медицина, атомная энергетика, сельское хозяйство, авиация, космонавтика, цифровые технологии и др. И теперь образование и наука сохраняют своё значение, и вместе с уже имеющимися достижениями являются большим потенциалом Франции, которой, таким образом, есть, что предложить другим странам для сотрудничества, для решения таких глобальных проблем, как экологические, климатические, значительного роста и старения населения[562]. Поэтому в ходе реформы институтов внешней культурной политики[563], кроме *Французского института* и *КампюсФранс* в апреле 2011 г. под эгидой МИД было образовано ещё одно новое агентство *Франс экспертиз интернасьональ* (France Expertise Internationale) – для продвижения за рубежом французской экспертизы и технической помощи, в первую очередь, крупных дву- и многосторонних проектов с финансовым участием Парижа.

Ф. Лан описал отличия французской системы от британской, немецкой, испанской и китайской, быстро растущей в последние годы. В первую очередь, сети культурных центров других европейских стран не зависят от МИД и вообще весьма самостоятельны. В докладе уже сенатских комиссий 2009 г. было отмечено, что Франция, в отличие от

---

[559] Ibid. P. 32.
[560] См.: *Lane Ph.* French Scientific and Cultural Diplomacy. Liverpool : Liverpool University Press, 2013.
[561] См.: *Lane Ph.* French Scientific and Cultural Diplomacy. Foreword (pp. XI-XII).
[562] Ibid. P. 73-94.
[563] Закон от 27 июля 2010 г.

Великобритании с BBC или Германии с Deutsche Welle, имела целый набор телерадиовещательных организаций, и предложенная реформа – создания единого холдинга, была призвана, хотя и не объединить их также в одну, но повысить «синергию». Однако, на наш взгляд, эти различия не принципиальны для выяснения причин общемирового доминирования американской культуры. Как раз, наоборот, как и французская, все другие системы, независимо от степени их автономности от МИД, работают принципиально иначе, чем американская, представляют собой всего одного – государственного отдельного игрока от каждой страны. В то время как доминирующие США вообще не имеют ни министерства культуры, ни сети культурных центров, а в большинстве посольств нет даже выделенных для этого вида сотрудничества дипломатов. После победы над основным противником – СССР, Соединённые Штаты ликвидировали и USAID, а также резко сузили культурную дипломатию по государственной линии. Этот первый фактор (резкое усиление в мире) позволил им сформулировать и взять на вооружение концепцию «умной силы». Вторым фактором стало понимание той же самой природы своего превосходства в культурной области, как и в остальных – превосходства в ширине, глубине и качестве развития *капитализма*. Поэтому государственная внешняя политика сосредоточилась не на культуре или чём-либо ещё, а на основном – доступе американского капитала повсюду, фактически – на устранении суверенитетов в финансово-экономической области всех государств. Культура же, как элемент формирования мировоззрения и сознания вообще способствовала этому, в т.ч. в государствах, стремившихся такой суверенитет сохранить. Наконец, третьим фактором стал уровень ЭСИК и ЭСМИК, который, вследствие их общего первенства в капиталистической развитии, был и остаётся наиболее высоким у опять же американцев, и который позволил им применять новые способы информационного влияния, повышающие общую эффективность влияния, а также закрепления отставания конкурентов.

В этом контексте французы, не понимая его, не увидели и того, что хорошего получалось и у них в этом новом формате конкуренции. При создании упоминавшегося телерадиовещательного холдинга они не включили в него Canal France International (CFI) – под предлогом специфического характера этой организации: не обычной телерадиокомпании, а структуры сотрудничества, поставляющей передачи на французском языке телерадиокомпаниям франкоязычных стран Африки и Азии, т.е. помогающей местным медиа. Между тем, это была единственная структура, нащупавшая путь реального противоборства с американским культурным влиянием. В частности, её проект CFI-TV – спутникового телеканала (а на местах – в африканских странах, ретранслируемого и местными сетями), особенностью которого стали не только

подготовленные Парижем телепередачи, но покупка прав или просто предоставление эфира большому количеству различных африканских производителей. Несмотря на их разный творческий и бюджетный уровень, главным было распространение местной телевизионной продукции среди большого количества потребителей в других – африканских же странах. В результате, канал всего через несколько месяцев после начала вещания летом 1999 г. приобрёл популярность, приведшую в итоге к конфликту с самой TV5 Monde (с её африканским отделением) – зрители африканцы-франкофоны стали отдавать предпочтение новому каналу. Решением руководства МИД стало закрытие … CFI-TV (31 декабря 2003 г.), несмотря на массовое недовольство телезрителей. Задачей же нового холдинга стало всё тоже государственное руководство процессом – определение стратегических приоритетов каждого из своих операторов, хотя и с учётом «целевой аудитории, региональных целей и средств распространения»[564]. Т.е. именно то, что американцы полностью отдают на откуп рынку, предпринимателям, которых много и которые, главное, находятся в прямом контакте с потребителями культурной продукции. Т.е. у французов в общем виде всё сводится к вопросу: какую выбрать стратегию при дефиците денег? При том, что цель не достаточно определена.

Между тем, уже появились интересные работы, позволяющие иначе рефлексировать происходящие качественные изменения в международных отношениях под влиянием современной глобализации. У. Бек предположил, что глобализации присущ ещё один эффект – глокализация. Кроме того, глобализация – это «диалектический *процесс,* который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур»[565], т.е. новой социальной реальности, невыводимой ни из глобальной, ни из местных культур. Дж. Ритцер ввёл собственный неологизм *«гроубализация»* (от *гроу* (англ. *gro*wth) – рост и глобализация). Причём наряду с близким к глобализации и глокализации смыслом (гроубализация – есть результат влияния на глобальном уровне могущественных экономических и политических акторов, под воздействием которого «локальное быстро исчезает. Всё больше и больше локальное подвергается воздействию глобальному; иными словами, оно трансформируется в глокальное»[566], социолог обращает внимание на ещё один латентный эффект – распространение социального *ничто*, «пустых форм», представленных такими десоциализированными по его мнению реалиями, как «не-места» (супермаркеты), «не-вещи» (футболка), «не-люди» (телемаркетологи) и «не-услуги»

[564] Le rayonnement culturel international...
[565] *Бек У.* Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 28.
[566] *Ritzer G.* The Globalization of Nothing. L. : Sage, 2003. P. XIII.

(услуги, предоставляемые по Интернету), не имеющими какого-либо локального ценностно-культурного компонента[567].

Тем не менее, приведённые выше рассуждения политиков, реформы и даже исследования, в частности, комиссий французского Сената, построены в основном вокруг проблемы «достоинства», если не «величия» Франции в области культурного влияния в мире. Не случайно, что и основной доклад 2009 г. начинался цитатой Ш. де Голля «Наш язык и наша культура для большого числа людей вне Франции являются [...] основным очагом ценностей, прогресса, общения, и это одновременно наше преимущество и наш долг практиковать и распространять их» [568]. Между прочим, в тот момент резкий скачок интереса к этой проблеме во французской печати и среди политиков, был инициирован статьёй 21 ноября 2007 г. в *Time Magazine* о «смерти» французской культуры. После этого в медиа и парламенте началось обсуждение, так ли это или нет, критика неэффективности самой большой в мире, французской заграничной сети культурных учреждений.

По итогам своих исследований Ф. Лан сделал вывод о существенном изменении подхода государства к французской культурной дипломатии. Однако, несмотря на действительно активные попытки «расшить узкие места», особенно бюрократизм, неповоротливость и т.п., на наш взгляд нельзя согласиться с этим выводом французского дипломата. Как раз подход и остался неизменным: традиционная централизованная государственная активность для решения традиционных, но также нечётко сформулированных задач (продвижение имиджа Франции и т.п.). Конечно, верно, что и эти задачи, как и сам такой подход, имеют значение для достижения других, также объявленных целей (место Франции… экономика…влияние на двусторонние отношения и отношение к Франции…). Но принимаемые меры – это улучшение существовавшего уже и при монархии неосознанно, после революции – в значительной мере уже осознаваемого места языка и гуманитарных связей для налаживания и развития отношений вообще. Даже стремление и попытки революционеров по распространению своих идей осуществлялись и в рамках этого же подхода – «цивилизовать», «освободить», «осчастливить» «отставшие», угнетённые народы и проч. Но современный подход США другой. Преимущество американского подхода перед европейским заключается в том, что в Европе ограничиваются политической сферой, постмодернистски уравнивая в т.ч. и культуры и субкультуры и заставляя так теперь жить. Но в США совсем другая ведущая сила – коммерческая. Именно на этой основе появился и существует и постмодернизм, который там другой и поэтому не опасен, т.к. на равных основаниях участвует в рыночной

[567] Там же. P. 3-10.
[568] Le rayonnement culturel international...

конкуренции. Никто ничего не запрещает, но и помогает каждый только тому, что сам считает правильным, т.е. в США – сначала приносящим деньги. Рыночный подход, конкуренция, отбор приводят к созданию лучших произведений. Да, во всех жанрах, т.е., например, в кино – и лучших музыкальных фильмов, и лучших «фильмов ужасов» и боевиков, в том смысле, что насилие в них также показано максимально талантливо и «совершенно». Но лучшее, в т.ч. то искусство, которое только и поощряется в Европе, финансируется именно вследствие ориентации на рынок, т.е. в борьбе за деньги конкретных потребителей, а не как искусство вообще или тем более самовыражение автора (это тоже финансируется, но как раз ограниченно, вне рыночной среды)[569]. И именно в похожих случаях в предыдущие десятилетия и века срабатывали и французские язык, и идеи, и культура в целом. Ведь французский стал языком дипломатии, а французская дипслужба – образцом не потому, что Франция захватила соседние страны и навязала им свои манеры и взгляды. Франция была эффективна, а потому отношения с ней – перспективными. Т.е. это такой же естественный процесс, как и современное стремление к прибыли, в который включена и культура. Разница же эпох в том, что тогда уровень развития науки и техники ещё не сделал войны столь непривлекательным, неэффективным средством обогащения, как теперь (когда разрушения не только чрезмерны, но и не оставляют «победителю» шанса выжить, чтобы воспользоваться «плодами» своей победы).

В выводах и рекомендациях доклада были поставлены цели, по существу направленные на конкуренцию с США и другими (азиатскими), стремительно развивающими свою активность странами. Вместе с тем, методы работы остались прежними, хотя и модернизируемыми в соответствии с новыми достижениями маркетинга, коммуникаций, электронных технологий. Поэтому и результат, сопоставимый с американским, не мог быть достигнут в принципе. Смысл всех этих докладов и реформ МИД и других субъектов культурной дипломатии заключался в стремлении улучшить функционирование французских культурных учреждений за рубежом посредством изменения их структуры и формы организации (ассоциация, холдинг, предприятие коммерческого типа), уменьшения бюрократизации и придания большей свободы, построения новых отношений с посольствами и МИД и проч. Такие – рационализаторские и частнопредпринимательские улучшения, конечно, полезны, если они достигают цели. Однако, речь всё время шла о форме, не затрагивая содержания. Даже оставляя в стороне такие абстрактные задачи, как «присутствие» или деятельность, «достойная истории

[569] Меценаты и филантропы, конечно, есть и там. Но они ясно отдают себе отчёт, что средства, которые они жертвуют, в т.ч. и на самое разное «искусство», надо сначала зарабатывать, т.е. выживать на рынке.

Франции» (и даже её величия), цель «оказания влияния» также слишком абстрактна. Допустим, что французский язык действительно распространился так широко, как мечтают чиновники (с нынешних 220 млн. франкофонов до 700 (!) млн. за счёт, в первую очередь Африки[570]), а большая часть административной элиты многих стран прошла обучение во Франции. Что затем? Франция и эти элиты собираются влиять на что? Если вести речь о *не*коммерческих аспектах торгово-экономических отношений, которые являются основным стимулом дипломатических усилий, «особых» связях, то тогда это не рынок, а коррупция. Получается, что «особые» связи и «влияние» годятся только в отношении стран с диктаторскими, недемократическими режимами. В остальных же случаях рынок действует лучше всякого другого влияния. Если иметь ввиду влияние в смысле формирования обществ в других странах (о чём разговор ниже) на основе французских общественных ценностей, то в условиях, когда сама Франция не готова воспользоваться этим, такая работа будет только на руку конкурентам. Ведь тогда все, в т.ч. развивающиеся страны, включатся в действительно рыночную экономику. И какое место будет там у французских компаний и предпринимателей, которым нынешние власти объявляют, например, 85%-ый подоходный налог?

Культурная дипломатия этого «французского» типа – государственная, поддерживающая образцы науки и искусства, лучшие с позиций «гуманистического поворота» Возрождения и Просвещения, была выработана новым – буржуазным классом, была нацелена на трансформацию монархических государств в буржуазные и была эффективной, поскольку соответствовала не только её потребностям, но и созревшим для капитализма условиям. Сегодня дело не только в том, что затем во Франции были периоды реставрации, и до сих пор централизация и роль государства, характерная для додемократических режимов, весьма велика. Сегодня более капиталистическим, более рыночным является другое государство, хотя социальное устройство, конечно, влияет и на качество, потенциал и результаты самого капитализма. Поэтому и культурная дипломатия, как и любая другая, а также и дипломатия «традиционная» испытывает это влияние, становится капиталистической в смысле своих целей и методов. И более слабый, как и на рынке, проигрывает. А чтобы стать сильным, надо изменить принципы социального устройства, к чему ни в Европе, ни во Франции общество не готово.

Между тем, конкуренция и освоение новых технологий ЭСМИК позволило французам перейти в последние годы к действительно новым схемам запуска и поддержания информационных процессов за рубежом. Во-первых, вместо направления

---

[570] См.: *Fabius L., Filippetti A.* Notre ambition pour une diplomatie culturelle au XXIe siècle. Le Figaro, 15.07. 2013. [Электронный ресурс] URL: http://discours.vie-publique.fr/notices/133001762.html (дата обращения: 12.12.2015).

по всему миру миссионеров (в данном случае – преподавателей французского языка, представителей искусства и т.д.), всё шире используются *дистанционные* средства, причём всё более *интерактивные* (интернет, вместо или в дополнение к радио и телевидению). Во-вторых, вместо собственных миссионеров привлекаются, форматируются (обучаются) и затем используются специалисты из числа *местных граждан*. Т.е. запускаются цепные, самоподдерживающиеся, самовоспроизводящиеся и саморазвивающиеся процессы, в которых организаторы – французские политики и педагоги играют роль *катализатора* (модерируя учебные тексты и курсы) и *стимулятора* (устраивая, в частности, конкурсы, аттестации и т.п.[571]). Такую политику можно охарактеризовать как расширенный так называемый «вирусный маркетинг». Например, в марте 2012 г. Международной ассоциацией преподавателей французского языка[572] был запущен специализированный для преподавателей французского языка за рубежом сайт «Bonjour du Monde»[573]. Задачей сайта заявлено «способствовать франкофонии цифровыми инструментами». Сайт предлагает целый набор программ (в т.ч. тестовых, методических, а также помогающих создавать свои собственные уроки) и справочных ресурсов (правил, упражнений с ответами, караоке с адаптацией для иностранцев, включая ссылки на такие же специализированные языковые сайты, прежде всего, «bonjourdefrance.com»), где любой преподаватель может найти ответы на свои вопросы в соответствии со своим уровнем подготовки, а также уровнем своих учеников. Ключевым словом этого и связанных с ним сайтов является «бесплатно». «Взамен, – как поясняется, например, на сайте Генконсульства Франции в бразильском Ресифи, – преподавателей просят по мере возможности писать самостоятельно или со своими учениками на родном языке заметки по тематике франкофонии, французской культуры и изучения французского языка»[574]. На сайте «Bonjour du Monde» это организовано в виде блогов, которые ведёт каждый преподаватель, участвующий в этой программе. Поднимает значение каждого из них, живущих так далеко от Франции, но теперь связанных с нею в любое время дня и ночи имеющих всё необходимое для работы, лозунг: «Вы нужны нам, чтобы этот проект жил и развивался» [575]. Тяга к французскому языку, возникшая по

---

[571] Уже само появление преподавателя в качестве автора на официальном сайте является безусловным поощрением – признанием его квалификации, что важно и для учеников.

[572] Создана в 1969 г. при поддержке МИД и Министерства национального образования, объединяет 180 ассоциаций и 6 федераций из 140 стран мира, членами которых являются около 80 тыс. преподавателей-иностранцев. Fédération Internationale des Professeurs de Français. [Электронный ресурс] URL: http://fipf.org/ (дата обращения: 18.03.2015).

[573] Bonjour du Monde. [Электронный ресурс] URL: http://www.bonjourdumonde.com/ (дата обращения: 15.05.2015).

[574] Lancement du projet "Bonjour du Monde" par la FIPF. [Электронный ресурс] URL: http://recife.ambafrance-br.org/Lancement-du-projet-Bonjour-du (дата обращения: 12.04.2013).

[575] Ibid.

любой причине, поддерживается и развивается. Местные преподаватели, в отличие от французов, зная местный образ мышления, и пройдя обучение французскому языку, легче обучают тех, кто только начинает. Язык же, преподаваемый на основах культуры, становится затем средством достижения самых разных целей – от положительного образа страны в целом до конкретных, практических действий – ведения бизнеса, продолжения образования во Франции и проч.

Как уже отмечалось, европейский фактор влияния на французскую внешнюю политику и дипслужбу, кроме интегративного, имеет ещё и регионализирующий аспект. Уже в 1992 г. во Франции законом местным территориальным единицам предоставили право вести переговоры с соответствующими иностранными единицами, конечно, в определённых рамках[576]. Но языковый компонент этого процесса постепенно всё больше вырастает в серьёзную проблему. Примечательно, что для нынешней (XXI в.) Франции, не лидирующей не только в мире или в Европе, но даже всё меньше и у себя во Франции, значение единого французского языка чрезвычайно возрастает. И за прошедшее время, кроме развития лингвистики, в которую французы внесли крупный вклад, появилось и уже теоретическое философское, политологическое и социологическое осмысление роли языка, причём основных точек зрения, как минимум, две. Одна – постмодернистская – уравнивает все языки, как и культуры, совершая при этом даже логические ошибки (не определяя культуру или слишком широко её определяя, не выясняя её содержание, и проч.[577]). Французские политики отдают себе отчёт в том, что что-то здесь не так. Но, находясь в плену идеологии, оказываются перед не диалектическим, а идеологическим же противоречием, созданным ещё революционной Декларацией прав человека и гражданина (в которой также не было дано определения ни человека, ни гражданина, не говоря уже о диалектической противоположности прав – обязанностей): идеологическая позиция *приоритета равенства по формальным признакам* (*не существенным*, выбранным произвольно), иногда и не соответствующим действительности, только кажущимся таковыми или принимаемых за таковые (не говоря уже о преднамеренном обмане), перед равенством сравнимого, однородного, т.е. того, что сначала следует определить, а затем сравнивать, *приводит* как раз к *несправедливости*, против которой вся эта идеология и была сформулирована. В частности, трудящиеся интуитивно понимают проблему такой трактовки принципа равенства, когда солидарность с потерявшим работу и

[576] Promotion des relations bilatérales. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/promotion-des-relations (дата обращения: 25.05.2016).

[577] См. подробнее: *Литвак Н.В*. Вопрос о границах межкультурной коммуникации / Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / Под ред. А.В. Шестопала, М.В. Силантьевой; отв. ред. А.В. Мальгин. Издательство «МГИМО-Университет», 2015. С. 52-55.

переучивающимся на новую специальность гражданином оказывается равной солидарности с бездельниками, профессиональными безработными, сознательно живущими на детские пособия, да ещё и глумящимися над теми самыми республиканскими ценностями и теми самыми республиканцами, которые позволяют им, дают им средства и защищают их право так жить. Тем, кто не по инвалидности или в силу других объективных обстоятельств, а сознательно ни в каком *общем деле* не участвуют, никаких *обязанностей* не несут, но гражданами, имеющими, требующими и осуществляющими свои *права*, они всё равно считаются и правами этими пользуются.

Франция сегодня широко известна своей политикой всемерной государственной поддержки культуры и особенно *французского языка*, как её основы. Эта политика оформилась после революции, как *средство сплочения французской нации*, создаваемой в рамках нового французского государства, объединившего в своих границах целый ряд народов и народностей, представители многих их которых и сегодня выступают за, как минимум, федеративное устройство и использование собственного языка в образовании и самоуправлении[578].

Несмотря на то, что Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств написана всего на двух языках – английском и французском, была принята Советом Европы в 1992 г. и даже подписана Францией в 1999 г., она не только не ратифицирована французами, но и является одной из важных проблем внутриполитической борьбы. Таким образом, упоминая культурное разнообразие, Франция оказывается перед трудноразрешимым в рамках господствующей точки зрения *противоречием*: необходимостью под одним и тем же предлогом (сохранения культурного разнообразия) сохранять свой, французский язык от наступления английского, но также китайского, испанского, и сдерживать свободу собственных же региональных языков (что противоречило уже и европейским документам, но было и остаётся условием чуть ли не сохранения Франции в современных границах вообще. Тем более, что опыт Швейцарии и Германии соседствует с таковым Бельгии, Испании и Великобритании. А в Югославии и Чехословакии процессы уже завершены).

Так вот для такой современной Франции единый язык это уже не только вопрос выживания, как прежде, потому что про экспансию уже речь не идёт, т.к. ей нечего предложить другим, как лидеру. Но это теперь вопрос выживания и потому, что другие лидеры – сегодня США, а завтра, возможно, Китай, используют язык, как когда-то и сама Франция. Только делают это по-новому, не только потому, что используют для этого ЭСМИК, но, главным образом, понимая инфо-коммуникационную сущность человека,

[578] Сильнее всего эти настроения на Корсике, но также в Бретани, Окситании, Эльзасе и др.

стараясь сформировать его внутренним эмигрантом в любой стране. Т.е. сегодня речь идёт об уничтожении суверенитета не формально, но по существу. Государство может иметь все формальные признаки государства, но таковым не являться, т.е. не осуществлять самостоятельной политики в тех областях, в которых это не разрешает ей настоящая власть. В конце концов, в любой стране, включая и США, есть вопросы, отданные местным властям (от благоустройства до поддержания порядка силами местной полиции), потому что верховной власти, федералам и ни к чему заниматься множеством мелких, незначительных вопросов текущей жизни каждого из миллиардов жителей. Зато они определяют рамки дозволенного, устанавливают основные правила, решают «как правильно», а затем добиваются их соблюдения. Причём, присутствие американских военных баз по всему миру – от очагов локальных конфликтов до Германии и Японии – это, так сказать, на всякий случай. Управление же осуществляется в соответствии с главными установленными сегодня правилами – *капиталистически*. Базы же служат аргументом в пользу необходимости оставаться в этом капиталистическом поле. То, что силы неравны, или на длинной дистанции окажутся неравны, ясно в самом начале. Но других вариантов нет или они не видны. Поэтому их культурная гегемония, поглощающая и переформатирующая весь мир, это гегемония главной капиталистической державы. Предыдущие случаи Великобритании и Франции были подобны, особенно французский. Но оба – отягощены историческим, монархическим наследием, их капитализм был молод и быстро развивался к монополии, в частности в колониях. В Европе же им приходилось вновь и вновь воевать друг с другом. США не имели этих оков и тем более военных столкновений. Их капитализм и его политическая надстройка победили своих европейских прародителей и теперь лидируют. Правильное отношение к науке и образованию – единственному, что может создавать новые конкурентные преимущества, является причиной поддержания ими этой ситуации и даже её развития в свою пользу – их технологическое преимущество растёт.

Другие новые виды дипломатии

Согласно официальному порталу МИД Франции «Дипломатия», имеют дипломатические ранги и работают под общей координацией посла всё более многочисленные представители других министерств и ведомств (т.е. они не профессиональные дипломаты, а конкретные специалисты, работающие по контракту со своими организациями). Первыми (во время Второй империи, т.е. после 1852 г.) в состав посольств были включены военные атташе, которые занимаются сбором информации о состоянии вооружённых сил страны пребывания и поддерживают военные отношения со своими коллегами (обмен делегациями, стажёрами, иногда стратегические консультации).

Начало экономической дипломатии портал МИД определяет 1720 г., когда Регент Франции направил своего нового посла в Мадрид в сопровождении «торговца-финансиста для коммерческих операций». В 1906 г. был учреждён институт торговых атташе, который, правда, в 1919 г. передан в Министерство торговли. Сегодня торговый советник работает с целой командой специализированных атташе. При необходимости, в посольство своего финансового советника направляет Казначейство. Советник по культуре, науке и сотрудничеству, также, как правило, с целым штатом специалистов, занимается соответствующими названию его должности вопросами, координируя работу французских культурных институтов и школ. Всё чаще все министерства и ведомства, занимающиеся международной деятельностью, постепенно направляют в дипмиссии своих представителей. Появляются советники по сельскому хозяйству, судоходству, таможне, полиции, гуманитарным вопросам, атомной энергии и проч.[579].

Всё чаще употребляется термин «*публичная дипломатия*». Р. Делькорд разъясняет, что это – ещё одна англо-саксонская концепция, порождённая «холодной войной»: американцам было необходимо противостоять советской пропаганде, распространяя в общественном мнении других стран информацию об американских национальных интересах. Для этого были созданы соответствующие мощные средства информации. Кроме общества в целом, важными сегментами этой деятельности стали университеты, местные (локальные) медиа. В тоже время, эксперт замечает, что эта публичная дипломатия есть вид не пропаганды, но именно дипломатии, поскольку теперь дипломаты обращаются к тем, кто формирует общественное мнение в тех или иных странах, которое в свою очередь способно повлиять на двусторонние отношения в необходимом направлении. И современному дипломату теперь необходимо иметь гораздо более широкие контакты в обществе, что требует больших затрат, инфраструктуры. Пока публичная дипломатия хорошо работает только в мировых мегаполисах, но глобализация распространяет эту инфраструктуру всё шире[580]. Отдельного вида «*НПО-дипломатии*» французы пока не выделяют. МИД позиционирует свою работу с общественными организациями в части своих отношений с *гражданским обществом*, а также представляет работу с ним его в качестве одного из своих внешнеполитических

[579]Les services spécialisés [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/metiers-et-services/article/les-services-specialises (дата обращения: 25.05.2016).
[580] См.: *Delcorde R.* L'evolution du metier de diplomate. Annuaire Français de Relations Internationales. Volume X, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.afri-ct.org/L-evolution-du-metier-de-diplomate (дата обращения: 25.09.2015).

инструментов. Хотя, конечно, речь идёт не о любых НПО, а, в основном, действующих на «Юге», странам которого нужна помощь для развития[581].

Вследствие теоретического обоснования и практической деятельности США по *влиянию* на другие страны в своих интересах, французские политологи и социологи, политики и дипломаты принялись за разработку и внедрение адекватного ответа на эти новые тенденции в мировой политике. Конечно, влияние часто звучало и упоминалось и прежде. Современное отличие состоит в теоретическом обосновании и концептуализации влияния уже не только, как одной из составляющих частей дипломатии и даже коммуникации (т.е., прежде всего, о влиянии на собеседника в ходе переговоров), но как самой *цели* дипломатической работы, а объектом влияния – всех граждан других государств – от политиков до общественного мнения, молодёжи детей. Т.е. можно говорить о концепции *тотального информационного влияния*, участие в котором также принимает и дипломатия. Французское отличие от американского подхода состоит в более мягких формулировках, в частности, отсутствии определений «трансформационная» дипломатия, а также «умной силы», – «мягкую силу» они пока считают достаточной или той, которую действительно могут себе позволить. Зато они уже имеют некоторый опыт и некоторые успехи на этом направлении, которое зародилось ещё в прошлом веке. Позднее, чем американцы или британцы, с 1989 г. МИД стал целенаправленно искать и приглашать приехать «иностранцев, выявленных нашей дипслужбой, преимущественно молодых, в начале карьеры, хорошо знающих или совсем не знакомых с Францией, призванных осуществлять растущее влияние на дела в своих странах, или, как минимум, на отношения этих стран с Францией. Речь идёт о том, чтобы дать этим будущим элитам реальное знание о Франции, основанное на официальных и неофициальных профессиональных контактах, соответствующих их деятельности и интересам». В 2008 г. было заявлено, что «Формирование иностранных элит должно рассматриваться как приоритет нашей политики влияния»[582]. За основу программы PIPA[583], обоснованной и ведомой сотрудниками CAP, была взята американская « International Visitors' Program », которую осуществляло Информационное агентство Соединённых Штатов (USIA)[584]. Всем посольствам отныне было поручено отбирать для «знакомства с Францией, основанного

[581] L'appui aux initiatives des ONG de solidarité internationale [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/partenariats-et-societe-civile/relations-avec-la-societe-civile/article/appui-aux-initiatives-des-ong-de-solidarite-internationale (дата обращения: 25.09.2015).

[582] См.: La France et l'Europe dans le monde. P.57-58.

[583] Programme d'invitation des personnalités d'avenir (PIPA) [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/programme-d-invitation-des-personnalites-d-avenir-pipa/ (дата обращения: 15.15.2016).

[584] Через эту программу прошли, т.е. побывали с ознакомительными визитами в США, такие отобранные амерканцами совсем молодые, но, как оказалось, перспективные политики, как будущий президент В. Жискар д'Эстен, премьер-министры Мишель Рокар и Раймон Барр, и многие другие.

на профессиональных контактах», тех, кто в следующие десять лет, вероятно, будет играть важную роль в своей стране[585]. Кроме этого, для «Юга» была разработана программа помощи в «управлении»[586], уже упоминавшегося партнёрства с гражданским обществом посредством взаимодействия с НПО, и т.д.

Задачи *экономической дипломатии*. Р. Делькорд описывает следующим образом: посол призван поддерживать усилия французских предприятий в стране пребывания по проникновению на рынок, посредством, в частности, помощи в установлении контактов с теми, кто принимает решения экономического характера, организации мероприятий по связям с общественностью для популяризации экономических знаний и технологий своей страны. Экономическая дипломатия также нацелена на привлечение инвестиций. В развивающихся странах дипломат может высказать своё мнение по поводу внешнего долга или перспектив роста. Наконец, экономическая дипломатия призвана убирать таможенные барьеры, устанавливаемые в рамках «торговых войн» или санитарные ограничения. Всё это требует действий, усилий и проч. Зато результаты более и непосредственно ощутимы, чем при долгих политических переговорах. «Дипломат превращается в консультанта, оказывающего услугу промышленности своей страны»[587].

М. Фекль, госсекретарь по внешней торговле, развитию туризма и связям с французами, проживающими за рубежом в декабре 2015 г. представил доклад о стратегии ведомства, начинавшийся тезисом: «Франция – шестой экспортёр товаров и услуг в мире должна продвигать собственное видение международной торговли в европейских и международных институтах и продолжать восстановление своей внешней торговли»[588]. Там же было заявлено, что «Торговля – это самоцель. На политическом уровне должны быть определены чёткие приоритеты, чтобы гарантировать понимание, согласованность и демократическую приемлемость торговых переговоров»[589]. В задачи посольств входит помощь своим предприятиям и привлечение инвестиций, тем более, что в современной Франции прямо или косвенно с экспортом связана четверть активного населения. На переговорах «Ставки огромны: речь идёт о защите наших принципов и наших ценностей в битве за определение норм (торговли) завтрашнего дня в сферах защиты потребителя,

---

[585] См.: *Taillé Ch., Guérin M.* Constituer des réseaux d'influence : acteurs et vecteurs de la décision en affaires étrangères // Revue internationale et stratégique, 2003/4 (n° 52). P. 109-111.

[586] Gouvernance [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/gouvernance/ (дата обращения: 15.05.2016).

[587] См.: *Delcorde R.* Op.cit.

[588] См.: Rapport 2015 sur la stratégie du commerce extérieur de la France et la politique commerciale européenne. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-economique-et-commerce-exterieur/actualites-liees-a-la-diplomatie-economique-et-au-commerce-exterieur/2015/article/diplomatie-economique-presentation-par-matthias-fekl-du-rapport-2015-sur-la#sommaire_1 (дата обращения: 25.01.2016).

[589] Ibid.

социальных прав, санитарных и экологических норм, где никакой компромисс не предусматривается». В ходе последней реформы МИД, кроме культурных, были созданы и новые экономические агентства – Business France, Entreprise France, Expertise France[590].

Целью французской *научной дипломатии* объявлена помощь организации исследований в интересах Франции за её пределами (а наука вообще – критически важным направлением развития). С 2007 г. под эгидой МИД и CNRS стали создаваться Французские исследовательские институты за рубежом. Сегодня действует 27 таких организаций в 34 странах. Их задачей, в дополнение к штатным советникам по науке и технологиям, работающим в посольствах, является установление и поддержание связей между французскими и местными университетами и научными учреждениями. С ними взаимодействует и Агентство по распространению технологической информации[591], которое было создано в 1993 г. и посредством атташе по науке собирает, синтезирует и распространяет соответствующую информацию для французских предприятий, прежде всего, крупных. С 2006 г. Агентство развивает сбор информации для французских учёных. Эта работа осуществляется в рамках национальной политики экономической и стратегической разведки (т.е. сбора информации, которая может иметь отношение к экономике – от технологий и экономического состояния до рисков и деловой репутации). В 2014 г. подобные службы десяти европейских стран, включая Францию, создали Европейский альянс стратегической разведки[592]. В июле 2009 г. в составе Управление прогнозирования МИД (как тогда назывался CAP) был создан сектор изучения *религиозного* фактора[593] в международных отношениях. Таким образом, рефлексия новых социальных процессов привела к оформлению новых структур, как реакция на появление и действие новых социальных полей.

Схожие процессы идут повсюду – капитализм перестраивает на капиталистический лад всё новые области жизнедеятельности человека и общества. Это хорошо заметно на другом и близком к дипслужбе участнике информационной деятельности, включая зарубежную. Сотрудник Французского института стратегического анализа Р. Фольяр (в 2008 г.) отмечал, что, если в НАТО, особенно после 2001 г., существует консенсус о важности разведки в общей борьбе с терроризмом, то по целому ряду направлений общей

---

[590] См.: La politique étrangère de la France : quelle autonomie pour quelle ambition ? Intervention de Laurent Fabius au Sénat (15.10.15). [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/maedi-une-diplomatie-globale-au-21eme-siecle/la-politique-etrangere-de-la-france-quelle-autonomie-pour-quelle-ambition/article/la-politique-etrangere-de-la-france-quelle-autonomie-pour-quelle-ambition (дата обращения: 15.11.2015).

[591] L'Agence pour la diffusion de l'information technologique. http://www.adit.fr/.

[592] L'Alliance Européenne d'Intelligence Stratégique. http://www.alliance-esia.com/fr/index.php

[593] См.также: *Силантьева М.В*. Синкретизм в условиях политизации религии / В сборнике: Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса: Электронный ресурс. 2012. С. 4794-4800.

позиции нет. По мнению французского исследователя, дело даже не в том, что в 2003 г. Франция и несколько других европейских стран не поддержали американскую интервенцию в Ирак (тем более, что это был единственный такой случай в последние десятилетия). Причина кроется в различных подходах к безопасности в США и Европе, разрабатывающей собственную политику по этому вопросу[594]. Корень противоречий кроется в обострении экономической конкуренции. Поэтому политическое сближение с Соединёнными Штатами, инициированное в 2008 г. Н. Саркози, было временным.

Кроме того, во Франции уже давно сложились весьма специфические институты по контролю над информацией, прежде всего, с целью защиты интересов и личной информации граждан. Основным влиятельным государственным институтом в этой сфере является Национальная комиссия по информатике и свободам, которая очень подозрительно и, в основном, отрицательно относится ко всякому хранению и движению информации о частных лицах, даже если речь идёт о терроризме. Хотя, по мнению Р. Фольяра, Франция – единственная в Евросоюзе страна, сохранившая полную автономию своих спецслужб, прежде всего, разведки, это не есть решение проблемы глобальной конкуренции. Национальная система безопасности испытывает дефицит, прежде всего, в количестве сотрудников. Хотя её технические средства были усилены спутниками прослушивания и перехвата сообщений, но бюджет – меньше не только американского, что естественно, но также британского и немецкого. Более того, как и в случае с реформой американского разведсообщества после 2001 г., слияния спецслужб во Франции, причём спецслужб с традициями, но, главное – с *очень разными культурами*, усиливает и без того значительный *человеческий* фактор. А уже наметилась, опять-таки по американскому примеру, «приватизация» некоторых их специфических функций. В США сегодня доля частных компаний, борющихся с терроризмом, составляет от 50 до 70% бюджета спецслужб, направляемого на эти цели. Ещё раньше это началось в военной сфере[595]. Кроме производства оружия, сами военные действия всё больше поручаются частным военным компаниям (ЧВК), которые никем эффективно не контролируются и потому используют предосудительные методы (за что этот процесс Р. Фольяр называет пока в кавычках, но всё же «наёмничеством»). Среди опасностей таких процессов он называет изменение этических норм, переток сотрудников из государственных служб, рост

[594] См.: Politique Européenne de Sécurité et de Défense, PESD/PESC. [Электронный ресурс] URL: http://www.touteleurope.eu/les-politiques-europeennes/diplomatie-et-defense/synthese/la-politique-de-securite-et-de-defense-commune-psdc.html.
[595] Ibid.

нарушений прав граждан со стороны таких компаний, что уже вылилось в весьма широкую дискуссию о границах и методах борьбы и даже «войны» с терроризмом[596].

Итак, международные отношения усложнились – сегодня переговоры ведут 192 государства в рамках ООН, 149 – в ВТО, 27 – в Европейском Союзе. Усложняются и вводятся всё новые правила игры. И все эти многочисленные действия многочисленных игроков складываются в многочисленные события и процессы, *интерферирующие* друг с другом. Действуют новые количественные факторы: продолжается рост уже гораздо более многочисленного, чем прежде, количества акторов международных отношений, как государственных, так и негосударственных (причём гораздо быстрее, чем государственных). Все они порождают растущие объёмы информации как в виде документов, так и непосредственно, в виде фактов, событий, процессов, которые нуждаются в наблюдении и изучении, т.е. информационной обработке. Этот рост количества участников стал возможным вследствие буржуазной, капиталистической демократизации многих стран вслед за распространением капитализма на планете, ведомого наиболее сильными – американскими капиталистами. Этот рост количества информации был усилен техническим развитием – распространением компьютеров и электросвязи (мобильной, интернета), позволяющими производить и передавать фактически любые количества информационных материалов. Таким образом, второй количественный фактор – подавляюще огромная масса информационных материалов, обрушиваемая на каждого человека, делающая его внимание фокусом конкуренции. Однако, пока законы, регулирующие насилие, остаются под контролем нескольких государств и их правящих элит, все остальные вынуждены обращаться к ним, бороться за своё влияние на них или представительство в них. Т.е. не создают угрозы государствам, как лидерам международных отношений. И в этом смысле, отношения действительно остаются международными, пока в них участвуют национальные государства (даже, если они представляют многонациональные по этническому, культурному, языковому составу нации). Это же позволяет пока справляться с новыми потоками информации, поскольку не все они имеют одинаковое качество и значение.

Новые качественные факторы: Франция не только больше не имеет прежнего влияния в мире, но даже в Европе она находится под угрозой превращения в один из регионов большой новой страны, а может быть и вообще – растворения в нём (если процесс европейской регионализации будет однажды одобрен и во Франции). США

[596] Прежде всего, речь о разработанной ещё в 1990-х годах англо-саксонской доктрине *Intelligence-Led Policing* (ILP) – управления действиями полиции на основе предварительно собранных разведданных, а не по факту совершения преступления, что многими расценивается как курс на всё контролируюещее полицейское государство.

приступили к следующему этапу упрочения своего мирового влияния, основной которого является военно-промышленное превосходство, основанное на научно-технологическом превосходстве, достигаемом политикой поощрения своего эффективного образования и науки и недопущения такового у конкурентов. И здесь французы осознают проблему – останавливаться в образовательном и научно-техническом развитии нельзя, поскольку сразу наступает поражение. Выглядит это поражение в потере интереса со стороны США и скатывании такой страны на периферию, что сейчас происходит с Африкой и арабским миром. Продолжать бороться можно. Но это требует перестройки своего образа жизни на американский лад (поскольку он наиболее эффективен – не как американский сам по себе, а как наиболее свободный капиталистически). А если это получится или эффективность будет хотя бы тактически достигаться и без такой глубокой перестройки, то неминуемо последует столкновение с США, вплоть до военного. Оставаться же постоянно «стволовой клеткой» сложно.

Количество участников международных отношений опять стало велико, но их свойства, качества другие, чем прежде. Княжества и тем более отдельные даже «суверенные» персоны в прошлом не представляли значительного потенциала действия. Дипломатам предлагалось выяснять размеры и географию стран, чтобы учитывать это при анализе и прогнозе – война, перемещение войск и обозов для них – всё это требовало времени, экономики и демографии. Сегодня мобильность и коммуникация очень быстры. Но в тоже время, и сегодня количество НПО и тем более частных лиц, перемещающихся между государствами, создающих трансграничные сети и союзы, не означает ещё создание такого же большого количества участников международных отношений с точки зрения их потенциала действия и потому – влияния на события. Даже самые крупные и развитые ТНК и НПО всё равно действуют в силовом поле государств, каким бы слабым оно ни было в некоторых случаях. Но есть и новизна. Теперь очень высока возможность «внутреннего» влияния на международные отношения через механизмы внутренней политики в странах, на позиции которых ставится задача повлиять.

3.4. Трансформация и рефлексия информационных процессов дипслужбы в эпоху сетевых ЭСИК

Одно из основных изменений инфокоммуникационного процесса во французской дипслужбе после переосмысления ситуации в международных отношениях начала 2000-х годов и реформ МИД 2008-2011 годов заключалось в постепенном переходе от руководства новыми видами дипломатии к координации (МИД, послами, соответствующими советниками посольств) их осуществления специализированными

дипломатами (представителями соответствующих министерств) и/или автономных учреждений, контролируемых или поддерживаемых государством. Собственно же политическая работа теперь должна была использовать эти виды дипломатии, как в своё время отдельные события или процессы по каждому направлению. В связи с количественным увеличением участников международных отношений, информационная нагрузка на дипломатов сильно возросла, а качественные изменения, в т.ч. новые виды дипломатии, привели к углублению специализации и дипломатов. Погружаясь в проблемы культурного или образовательного сотрудничества затем гораздо труднее, чем прежде, эффективно переключаться на многостороннюю дипломатию в Евросоюзе, где к тому же влияние Франции существенно отличается от влияния в двусторонних отношениях с бывшей колонией или современным Китаем. Всё это приводит и к росту и усложнению эмоционально-психологической нагрузки на сотрудников. Их же социальный статус оказывается во всё более неопределённом состоянии, в связи с чем и продолжаются дискуссии о роли и месте дипломатии и дипломатов.

Новые задачи внешней политики и дипслужбы

«Белая книга» по внешней и европейской политике Франции 2008 г. содержала также «Двенадцать предложений по реформе внешней деятельности», в которой были следующие положения, касающиеся области информации и коммуникации:

-*второе* предложение было посвящено необходимости усилить *прогнозирование*, для чего активнее использовать имеющуюся сеть загранпредставительств МИД и организовать более тесное взаимодействие с разведкой.

- в *четвёртом* предложении, после констатации увеличения количества и роли *многосторонних* форматов дипломатии, их принципиальной важности для Франции, содержались задачи по продолжению силами МИД отслеживания и оценки роли и преимуществ каждой организации, агентства, фонда и программы во всё более усложняющейся международной системе. В этой связи было предложено специально заниматься подготовкой кадров для работы в многосторонних форматах, усилить изучение техники многосторонних переговоров, изучать предыдущий конкретный опыт. Но особенно дипломатия нуждается в руководящих принципах – интеграции вопроса *прав человека* в подготовку агентов, в инструкции и планы работы руководителей загранучреждений, в наблюдение на местах, в диалог с руководителями НПО и т.д.

-*пятое* предложение основывалось на постулате «глобализация – это, прежде всего, *экономический* феномен». Либерализация торговли и движения капиталов ведёт к росту взаимозависимости экономик. Центр тяжести международной жизни смещается в сторону экономических вопросов. Но эти последние включают целый ряд тяжёлых и сложных

политических проблем. Энергетика, помощь развитию, цифровая экономика и другие составляют эту проблематику. Необходимо лучше интегрировать экономические вопросы в нашу внешнюю деятельность. В МИД необходимо создать новое Управление экономических вопросов и глобализации, наработать его компетенции, чтобы оно стало структурой, способной анализировать многочисленные вопросы, прежде всего, экономические, но также политические, научные и технические глобализации, делать политический синтез, готовить взвешенные решения с учётом всех этих факторов и способствовать ведению соответствующих международных переговоров.

-*шестое* предложение исходило из того, что Франция – единственная страна, обладающая столь большой сетью образовательных учреждений за рубежом. Это её уникальное преимущество необходимо развивать, увеличивая охват иностранных детей. «Это – инструмент нашего влияния. Продолжение их учёбы в вузах Франции должно стать активной политикой МИД».

-*седьмое* предложение касалось продвижения французских идей и культуры в пользу *разнообразия*. «Ни одна страна не уделяет культуре столь важное место в своей зарубежной деятельности. Эта традиция – к чести Франции, но она же ставит проблему соответствия между желаниями и возможностями». Кроме необходимой реформы институтов и видов работы, наша культурная деятельность должна лучше сочетаться с другими направлениями, в частности, со стратегией влияния.

-*девятое* предложение касалось подготовки кадров в части усиления языковой и специальной подготовки.

-*десятое* предложение было посвящено необходимости усилить коллегиальность управления в МИД, а также сосредоточить это управление на стратегии.

-*одиннадцатое* предложение в т.ч. касалось модернизации систем информации и коммуникации, которые выполняют «стратегическую функцию в МИД», в частности, постоянно обеспечивая надёжную безопасную связь центра с более, чем 300 представительствами по всему миру. Несмотря на существенное обновление этих систем за последние годы, министерство всё ещё не полностью использует их возможности. Необходим количественный и качественный скачок, изменение культурного характера.

-*двенадцатое* предложение касалось повышению открытости и контроля со стороны парламента[597].

В настоящее время МИД официально заявляет о своих следующих *миссиях*:

-«представлять Францию, защищать и продвигать её интересы во всех областях;

[597] La France et l'Europe dans le monde... P.67-100.

-действовать на международной арене в интересах мира, безопасности и прав человека;

-способствовать организованной глобализации в интересах долгосрочного и сбалансированного развития;

-оказывать госуслуги и защиту французам, проживающим за рубежом»[598].

Ранее, в бытность *Министерством иностранных и европейских дел*, миссии внешнеполитического ведомства определялись более информационно:

-Его основная миссия – информировать президента Республики и правительства об изменениях общей международной обстановки и о ситуации в иностранных государствах. Эта миссия выполняется посольствами и консульствами Франции за рубежом, которые на основе различных источников информации направляют в Париж депеши политического, экономического, культурного характера или по другим вопросам сотрудничества.

-У него также есть миссия формирования внешней политики Франции. На основе собранной дипломатическими и консульскими учреждениями информации министерство предлагает ориентиры для нашей международной политики.

-Оно осуществляет и координирует международную деятельность Франции. Министерство представляет Францию перед иностранными правительствами и международными организациями. Посол также является представителем президента Республики перед властями страны, где он работает. Министерство иностранных дел координирует действия других министерств в отношении заграницы (т.е. посол, как представитель правительства, представляет и всех министров, входящих в его состав).

-Наконец, ему поручена защита французских интересов за рубежом и помощь французским гражданам вне нашей территории, выполняемая, в основном консулами и консульскими учреждениями[599].

Из материалов, размещённых на портале, можно вывести несколько текущих *классификаций* видов дипломатии. В подразделе «Сферы дипломатической работы» раздела «Министерство и его сеть» указана *политическая* дипломатия и *экономическая* дипломатия. Первая призвана «защищать интересы и позиции Франции» в таких областях, как «оборона и безопасность, права человека, экономическая безопасность, развитие, культурная дипломатия, франкофония и др.». Вторая – «защищать интересы Франции и её предприятий» следующим образом:

---

[598] Le ministère et son réseau. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/ (дата обращения: 30.05.2016).

[599] Эта информация сейчас доступна только через интернет-архив. [Электронный ресурс] URL: http://archive.wikiwix.com/cache/?url=http%3A%2F%2Fwww.diplomatie.gouv.fr%2Ffr%2Fministere_817%2Fmissions-organisation_823%2Findex.html (дата обращения: 30.05.2016).

-«способствовать международному развитию предприятий для увеличения занятости во Франции.

-защищать наши интересы при выработке европейских и международных правил.

-продвигать привлекательность французской территории для иностранных инвестиций и предприятий»[600].

В подразделе «Роль и миссии дипломатической сети за рубежом» того же раздела к двум вышеуказанным видам дипломатии добавлен третий – дипломатия влияния, занимающаяся «продвижением французской культуры, франкофонии и способствующая развитию». Интересно лингвистическо-визуальное пояснение этих задач: продвижение культуры описано как «распространение французской культуры», представленной пиктограммами музыки, кино, книг, моды и продуктов питания. Продвижение франкофонии определено как «защита франкофонии». Что касается развития, то оно включает научное, культурное, техническое и образовательное сотрудничество[601].

В тоже самое время главная страница официального сайта МИД содержала список из четырёх видов дипломатии и семнадцати областей внешнеполитической деятельности в соответствии с их предметом (которые как входят в указанные виды дипломатии, например, франкофония или сотрудничество в образовательной сфере, так и не входят ни в одну из них, например, оборона и безопасность)[602]. Это культурная, экономическая, цифровая и научная дипломатия. Интересно, что этот список ни иерархизирован, ни классифицирован, а расположен в алфавитном порядке. Пользователю, зашедшему на портал с конкретным вопросом, так легче искать то, что требуется. Однако, такое представление информационных ресурсов логически означает их равнозначность, что, очевидно, не так, как по значимости для Франции и международных отношений в целом, так и месту, объёму внимания, трудовым и финансовым затратам, которое они занимают в деятельности министерства.

В МИД, где информационной работой, как основной, занимаются все дипломаты, есть, тем не менее, и ещё более специализированное на информации подразделение. Министр Мишель Жобер в 1973 г. создал первое такое подразделение – Центр анализа и прогноза (Centre d'analyse et de prevision, CAP), в который кроме опытных дипломатов, были приглашены учёные. Задачами центра стали исследование изменений международной ситуации и её средне- и долгосрочных проблем с использованием

---

[600] Le ministère et son réseau. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/ (дата обращения: 30.05.2016).

[601] Le ministère et son réseau. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/roles-et-missions-du-reseau-diplomatique-a-l-etranger/ (дата обращения: 28.05.2016).

[602] France Diplomatie. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/ (дата обращения: 28.05.2016).

различных научных подходов; выработка рекомендаций для министра по действиям, нацеленным на многолетнюю перспективу; поддержание тесных рабочих связей, прежде всего, с такими учебно-исследовательскими центрами, как IFRI, IRIS, CERI, Sciences Po. В рамках реформы 2009 г. Б. Кушнер преобразовал CAP в Управление прогнозирования (Direction de la prospective). В 2013 г. новый министр Л. Фабиус переформатировал его в Центр анализа, прогноза и стратегии (Centre d'analyse, de prévision et de stratégie, CAPS). Этот «мозговой центр» МИД возглавил профессор Ж. Ваис, специалист по США, а также по исламу во Франции.

Рефлексия современного информационного процесса дипслужбы Министерством иностранных дел

Говоря о современном состоянии работы с информацией и коммуникации французской дипломатической службы необходимо напомнить о её разделении на два вида: *публичную* и *внутреннюю*. На основе информации на портале «Дипломатия» (что характерно, поскольку подчёркивает современный – электронный характер информации и коммуникаций), можно исследовать, как в результате длинной практической и научной традиции современная французская дипломатическая служба рефлексирует и описывает свой современный информационный процесс в целом и по частям. Прежде всего, это раздел «**Поиск информации»,** в котором, в частности, определено:

«Информация, передаваемая в депешах посольств, является главным и первичным источником информации, вырабатываемой и распространяемой министерством». Поиск сведений является, может быть, самой древней миссией посольств. Но уже давно с ними конкурирует пресса. Журналист полностью отдаётся своей информационной задаче, которая для посольства только одна среди других. Поэтому часто ему первому удаётся узнать ещё необъявленную новость. Поэтому посольства не стремятся победить информационные агентства в скорости. Кроме того, современная техника порождает новых соперников дипломатов: интернет даёт каждому способность повсюду распространять информацию в реальном времени и на любую тему.

Растущее значение медиа и развитие новой информационной и коммуникационной техники существенно изменили информационную работу посольств, скорее, в сторону её улучшения. Дипломатическая информация сохраняет своё первостепенное значение по многим причинам:

-«Это привилегированная информация. Посол собирает её из источников, близких к руководству. Они, зная, что их собеседник и его правительство сохранят тайну, если их об этом попросить, не говорят с ним также, как с журналистом, которому сообщают то, что

предназначено для общественности. По меньшей мере, посол, таким образом, передаёт своему правительству конфиденциальную информацию.

-Это критическая информация. За редким исключением посольство не передаёт голые факты, уже известные от (информационных) агентств, но проверяет их и комментирует на основе своих досье, предыдущих наблюдений, опыта и контактов посольства. Нынешний рост количества информации делает эту критику ещё более необходимой. По каждой теме дипломат должен прилагать усилия, чтобы быть лучшим экспертом на месте (событий).

-Это направленная информация, в том смысле, что, оставаясь объективной, она не нейтральна, но активна. Она направлена на действие, в отличие от информации прессы. Её предназначение помогать правительству принимать решения. Обязанностью посла является извлекать уроки из информации, которую он посылает, представлять предложения и рекомендации»[603].

О деятельности посла в разделе портала «Дипломатические специальности», в основном, рассказано с позиции представительских функций. Информационные же следует реконструировать из формулировки «он отвечает за всё, что интересует Францию в стране, где он находится»[604]. Зато в описании задач других дипломатов загранпредставительств информационные вопросы уже определены непосредственно. Прежде всего, это касается так называемой *канцелярии* (*chancellerie*, по-фр. произносится «шансельри»). Исторически так называлось защищённое, охраняемое место, где на документы ставились государственные печати, т.е. происходило их завершающее юридическое оформление. Сегодня это, в основном, название политических отделов французских посольств, т.е. там, где работает сам посол и его ближайшие сотрудники[605]. Эту небольшую группу возглавляет «номер два» диппредставительства, как сказано на портале, т.е. советник-посланник, который помогает послу во всех его делах и даже замещает его при необходимости, оставаясь временным поверенным в делах. Поскольку «посол в приоритетном порядке выполняет задачи внешнего характера (демарши, представительство, общение), именно его заместителю в это время надлежит «вести машину». Он организует движение корреспонденции и проверяет её упорядоченность, следит за координацией технических служб, осуществляет ежедневное управление. Как

---

[603] Recherche de l'information. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/recherche-de-l-information (дата обращения: 25.10.2015).

[604] L'Ambassadeur. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/metiers-et-services/article/l-ambassadeur (дата обращения: 25.05.2016).

[605] В современной Франции *Chancellerie* это также имя собственное Министерства юстиции по аналогии с Кэ д'Орсэ – МИД. Кроме того, под влиянием французского языка и дипслужбы также называются и политические отделы многих других государств.

правило, он же является «офицером безопасности», ответственным за защиту дипломатов и документов». «Канцелярия включает советников, секретарей и атташе, в количестве, зависящем от страны – от около пятнадцати в посольстве в Вашингтоне или в представительствах при ООН и ЕС до всего одного-двух в большинстве государств. Каждый ведёт какую-либо категорию досье. Когда сотрудников мало, один отслеживает, например, ситуацию в стране пребывания, другой – отношения с Францией. Когда дипсостав больше, эти досье делятся, и каждый сотрудник имеет более узкую специализацию… Каждое утро посол проводит совещание этой команды, описывая текущую обстановку и распределяя работу.

Сердцем канцелярии является шифровальная служба, поскольку она отправляет главные сообщения. Сегодня шифрование телеграмм осуществляется автоматически, а передача – постоянной. Время занимает их распределение (между адресатами). Поэтому действует тенденция замены бумаги на экраны. Центр архивов и документации посылает, получает и размещает на хранение весь объём корреспонденции. Нешифрованная переписка, т.е. письма (которые называются «депеши») передаются дипломатической почтой. Секретариат, работа которого с материалами сегодня значительно облегчена (компьютерными) информационными средствами, переводит на иностранные языки документы, которые сотрудники департаментов готовят по-французски во Франции»[606].

В других подразделах раздела «Дипломатические специальности» портала «Дипломатия» раскрывается современное видение *коммуникации*. В частности, отмечается, что хотя «функция коммуникации дипломатических миссий не значится ни в одном официальном тексте, именно она придаёт значение всем остальным (функциям). Каковы же цели коммуникации дипломатического представительства? То, что посольство делает, оно должно сделать известным: коммуникация – это современная форма представительства. Посол, чтобы представлять (своё государство), вести переговоры, информировать, действовать должен хорошо знать своих собеседников и быть известным им. Он должен вести коммуникацию во всех смыслах этого термина.

Осуществлять коммуникацию, это, во-первых, объяснять то, что делает Франция, местным властям и всем тем, кто может оказывать какое-либо влияние. И не только о политике Франции по отношению к стране пребывания, но о её позициях по всем актуальным темам. Каждый день Департамент коммуникации и печати передаёт из Парижа в диппредставительства официальные тексты и заявления о международных событиях, которые сопровождаются комментариями посредством (дипломатических)

---

[606] La chancellerie. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/metiers-et-services/article/la-chancellerie (дата обращения: 25.05.2016).

телеграмм. Дипмиссиям надлежит использовать эти, исходя из обстоятельств. Они не действуют одинаково в Соединённых Штатах, где «лоббирование» регулируется, и в какой-либо авторитарной стране, где слишком активное в отношении общественного мнения посольство быстро будет обвинено во вмешательстве (во внутренние дела).

Осуществлять коммуникацию в более широком смысле – это знакомить с Францией, преодолевая стереотипы. Конечно, Франции не стоит отказываться от своей кухни и парфюмерии, но задачей является всё время напоминать, что она также производит высокоскоростные поезда и является четвёрной экономической державой мира. С кем осуществлять коммуникацию? Коммуникация происходит с распространением документов, журналов, досье, но также посредством встреч. Посол это тот, кто слушает и говорит, по возможности на языке страны пребывания, как с частными, так и официальными лицами. Но также в самых широких кругах: университетах, на коллоквиумах, перед широкой публикой через медиа. Посол должен иметь большую записную книжку. По прибытии, он наносит визиты многим важным персонам и постоянно расширяет этот круг в столице и провинциях. Он должен лично быть знакомым с большинством членов правительства и высших чиновников, а также основными парламентариями, банкирами, промышленниками, представителями университетов, профсоюзов, писателями и актёрами. Через несколько месяцев он должен знать, кто является самым компетентным собеседником по каждой теме, и быть способным позвонить ему. Следовательно, ему необходимо завязать отношения более личные, чем простые формальные контакты. Это – цель светской стороны дипломатической работы, которая порой заставляет непрофессионалов улыбаться или раздражаться: люди больше говорят с бокалом в руке, чем в офисе[607].

Там же даётся и современное видение *переговоров*:

«Вести переговоры – это:

-вести диалог до тех пока не будет найдена основа для согласия. Это не значит навязывать свою волю, хотя давление не исключено. И это, вопреки предубеждению, не обман своего партнёра: ложь производит договоры не лучше, чем насилие;

-объяснять свою позицию и стараться правильно понять то, чего хочет другой;

-определять, что является главным для каждой из сторон, чтобы сбалансировать уступки, преодолеть противоречия усилиями воображения – ключа к успеху. Поэтому

[607] Communication sur le terrain. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/communication-sur-le-terrain (дата обращения: 25.05.2016).

переговоры – это искусство, которому может быть учатся, но которому нельзя научить»[608].

Согласно декрету 1979 г. о полномочиях посла, «посол ведёт переговоры от имени государства»[609]. Говоря о политиках и профессиональных дипломатах, «иногда с ностальгией вспоминают времена, когда великие послы в далёких столицах от начала и до конца проводили решающие переговоры. Однако (и тогда) переговорщики запрашивали инструкции в Париже и получали их весьма жёсткими. Тогда это требовало больше времени, чем теперь. Но, в любом случае, переговоры требуют времени. А у политиков его нет. Нужно «расчистить площадку» для них, избавить от второстепенных вопросов, показать им главные пункты, предложить на выбор решения. Затем надо контролировать исполнение заключённых договоров или обсуждать варианты их исполнения. При этом, с развитием международных отношений объём вопросов для переговоров постоянно растёт. Всё это хорошо для профессионалов»[610]. Констатируя, что функция переговоров остаётся в сердце дипломатической профессии и даже развивается, портал в тоже время пишет о «перераспределении задач», «изменении процедур». «Значительная часть переговоров теперь ведётся представителями (других) государственных органов. Даже если послу приходится подписывать договор …, переговорная функция в двусторонних посольствах, если не исчезла, то уменьшилась. Обратное происходит в представительствах при международных организациях. Избавленные от большинства функций классической дипломатии, это – машины по переговорам, полностью предназначенные для этой задачи, решаемой в различных формах: советов, ассамблей, комитетов и прочих рабочих групп, официальных или нет»[611].

Информационный процесс дипслужбы с точки зрения рефлексивной социологии

Кроме личных инициатив дипломатов в отставке или на пенсии, политологов, социологов, журналистов, сам МИД заказал научной группе CNRS масштабное социологическое исследование дипслужбы, результаты которого (неизвестно, насколько полные) дважды публиковались (в виде краткого отчёта и большой монографии) с интервалом в несколько лет[612]. Поэтому приведение их результатов и точки зрения не только наиболее квалифицированно, но и показывает методологию самой современной французской социологии. Исполнители проекта – социологи Ф. Пьоте, М. Лориоль и Д. Дельфоли выделяют следующие основные составные *части* информационной работы

[608] Négociation…
[609] Décret n°79-433. Op.cit.
[610] Négociation…
[611] Ibid.
[612] См.: *Loriol M., Piotet F., Delfolie D*. Op.cit.; *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op. cit.

своих дипломатов: «*собирать информацию, информировать, общаться*». Они же излагают и свой собственный теоретический взгляд на информацию[613]: *информация* вообще – это представление факта или идеи, несущих новое, дополнительное знание, в принципе полезное адресату. В контексте государственного управления информацией следует считать любые данные, сбор, обработка и использование которых предназначены и способствуют выполнению соответствующих функций (государственного управления). Т.е. речь должна идти не просто о каких-то фактах, но о фактах *отобранных, надлежащих образом обработанных, оформленных и прокомментированных*. *Задачами* дипломатической информации являются продвижение к взаимному пониманию и сближению позиций правительств различных государств.

Социальные группы, профессионально работающие с информацией, такие как журналисты, учёные и те же дипломаты посвящают значительное время производству, анализу и передаче информации, в которой можно выделить две особые характеристики:

Во-первых, производимая ими информация имеет политический оттенок.

Во-вторых, она носит частично или полностью закрытый, секретный характер. При том, что официальная позиция государства излагается публично.

Сохранение режима секретности в современную эпоху (и демократическую, и развития электронных СМИК) авторы объясняют тем, что получаемая информация – это не только всем известные факты, но также мнения, личные суждения людей, иногда очень доверительные, которые могут подвергаться опасности, в случае раскрытия их как источника. Не говоря уже о личных данных их жизни, как таковых, даже если речь идёт не о высокопоставленных деятелях. Это же касается и интерпретации этой информации, в связи с чем, например, утечка некоторых документов, в т.ч. дипломатических телеграмм, через «Викиликс» привела в ряде случаев к отставке послов[614].

Описание частей информационной работы выглядит следующим образом:

I. Собрать информацию.

1. Определение (работы с информацией). Суть работы. Дипломаты не собирают как попало и какую попало информацию.

1.1. Прежде всего, дипломаты *собирают информацию, отбирая её в соответствии с основным политическим курсом*. Например, сбор информации о «мерзостях» режима Бен Али перестал быть основной задачей, когда Париж стал считать, что он – надёжный оплот противостояния исламскому интегризму. Дипломаты вполне справляются со сменой

[613] Ibid. P. 336-337.
[614] Ibid. P. 337-339.

приоритетов, поскольку их общая высокая университетская культура состоит из представлений об очень широком круге вещей. В целом же, каждое диппредставительство занимается отслеживанием внутренней политики государства пребывания и его внешних связей. Постоянные представительства при международных организациях ещё более узко нацелены – только на содержание работы этих самых организаций. Но, конечно, в посольствах и МИД существуют большие массивы документов, как архивных, так и по текущим досье, которые представляют широкий спектр вопросов и всегда могут быть использованы при необходимости[615] [616].

1.2. *Информация ищется по запросу Центра*.

2. Адаптация информационных источников.

Типичный (но, конечно, в зависимости от страны пребывания) массив входной информации в посольствах выглядит следующим образом: ежедневные ДТ и документы из Центра по Интранет, около 20-ти местных газет, 5-6 журналов и дайджест местной прессы, реже несколько теле-радиоканалов, всё чаще Интернет-источники (блоги, аналитические сайты), сообщения АФП. Каждому сотруднику всё прочитывать не получается, особенно послу. Поэтому главное – просмотреть и выбрать то, что относится к главным текущим досье и задачам. Зато вся эта информация из медиаисточников планомерно архивируется.

2.1. *Контакты*. Самый предпочитаемый дипломатами источник качественной информации – это контакты с людьми, действующими лицами досье, над которыми идёт работа. В связи с тем, что каждый сотрудник ведёт свои вопросы, у него складывается и соответствующий круг контактов. На это разделение направлений накладывается иерархическая, должностная разница, т.е. необходимость соблюдения статусных уровней общения (министры – это уровень посла, а не советника, чьим уровнем может быть помощник министра). Хотя эти границы чётко не определены.

2.2. *Сети*. Для получения качественной информации необходимо «подключиться», как часто теперь говорят дипломаты, к хорошей сети контактов, имея ввиду не какое-то сообщество, а набор собеседников (которые могут быть из разных сообществ или не входить ни в какое), общение с которыми даёт хорошую картину для досье, над которым дипломат работает[617]. Как правило, создание такой группы – это не простой и длительный процесс. Поэтому всегда вновь прибывший дипломат опирается на уже существующую

[615] Ibid. P. 341-342.

[616] Вместе с тем, надо пояснить, что любой массив документов, как и любой отдельный документ, эффективен только, если он правильно оценивается, используется с учётом текущего контекста. В частности, сведения о личностях (их позициях и пристрастиях, манере мышления и поведения и проч.) могут устаревать, поскольку исс и исп человека может меняться, что необходимо отслеживать), особенно, если политики переходят из правящих в оппозиционные и наоборот.

[617] В других местах своей книги социологи отмечают, что это же важно и в самом МИД.

сеть, которую ему оставляет предшественник. Вообще, заключают социологи, общение с людьми, как источниками информации большинство дипломатов определяют как основное подтверждение смысла и значения своей профессии[618].

II. Информировать (производить информацию для заказчика).

1. Понимать специфический язык и владеть им.

Передача информации между дипломатами, посольствами и МИД происходит в разных формах, но самой важной являются дипломатические телеграммы (ДТ). И дело не только в их защищённости (зашифрованности), но, главным образом, потому, что этот официальный документ попадает в сеть очень чётко ограниченного круга читателей – самого высокого политического уровня. Качество ДТ создаёт репутацию их авторам, во многих случаях накапливаемую. Это иногда приводит к тому, что адресаты постепенно стараются обращать внимание на телеграммы, прежде всего, таких авторов[619]. И Ф. Пьоте, М. Лориоль, Д. Дельфоли приводят обоснованные опасения о последствиях этой специфики ДТ. С одной стороны, желание стать замеченным приводит порой к появлению телеграмм, содержащих малозначимую или непроверенную информацию. С другой стороны, оценка работы диппредставительства по количеству ДТ может побудить посла поощрять сотрудников их писать, в т.ч. разбивая один текст на несколько. Результатом может стать потеря интереса и внимания к такому источнику в т.ч. и в будущем, когда из него поступит информация, действительно заслуживающая внимания. Т.е. возможно формирование отрицательного стереотипа. Отсюда предельное внимание и концентрация, уделяемая дипломатами, прежде всего, послами ДТ. Кроме краткого ясного языка и качественного содержания ценится также *скорость реакции на актуальные события* (т.е. как быстро посольству удаётся «отписаться» по возникшей теме), сообщение *об успехе предпринятых инициатив*[620]. Хотя официально посольства обязаны сообщать в Центр всю информацию, которая может быть полезной для осуществления внешней политики.

Растёт и поток традиционной документарной информации, передаваемой диппочтой, а также разговоры по телефону и видеоконференции. Такие сообщения менее формальны и потому более гибки, тем более, по вопросам, требующим обсуждения. Однако, рост количества сообщений приводит к тому, что каждому уделяется всё меньше внимания, т.е. снижается ценность каждого документа, сообщения, контакта.

---

[618] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op. cit. P. 349.

[619] Интересно, что такой же эффект был отмечен ещё русскими дипломатами 19 в. : тогдашний мининдел Российской империи А.М. Горчаков часто сам интересовался, нет ли сообщений от К.Н. Леонтьева, который к тому же не был послом. См.: *Литвак Н.В*. К методологии дипломатической переписки: анализ донесений К.Н. Леонтьева // Политические исследования. – 2014. – №4. – С. 166-170; *Литвак Н.В*. Презентация книги «К.Н. Леонтьев. Записки и донесения» // Вестник МГИМО (У). – 2013. – №6. – С. 322-323.

[620] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op. cit. P. 355.

1.1. *Политический синтез*. Однако сбор и даже отбор и классификация информации – это только начало. Прежде всего, необходимо оценить её и поместить в общеполитический контекст, потому что на её основе будут приниматься политические решения, причём политиками, как правило, не специалистами в узких вопросах, да к тому же ещё и из разных ведомств.

1.2. *Слышимая информация*. Авторы приводят случаи в подтверждение своего тезиса о том, что «история французской дипломатии богата примерами, когда дипломаты не были услышаны, потому что их предупреждения противоречили основной политической ориентации и «сетке чтения» принимавших решения политиков»[621]. Отсюда, кстати, необходимость, как отмечают авторы, учитывать мнения тех, кто будет читать ДТ. Как это совместить при несовпадении информации и ожиданий – большое искусство. При этом необходимо чётко отличать информацию от заявления какой-либо своей позиции по обсуждаемому вопросу.

Ещё одной важной характеристикой дипломатической информации является её помещение в дипломатический же контекст. Например, специализация на конкретной стране с её острейшими проблемами, соответствующем регионе и даже континенте ещё не гарантирует успеха предложениям посла или другого сотрудника. Гораздо важнее может оказаться понимание механизмов работы ООН и общей международной обстановки, только с учётом которых и нужно формировать, казалось бы, локальные предложения. Таким образом, у дипломатической информации одновременно можно выявить такие разные и иногда *противоречивые* функции, как информировать (т.е. сообщать факты), ориентировать (показывать место этих фактов в более широком контексте), убеждать, переводить факты в официальное поле, объединять их и проч.[622].

1.3. *Закодированная коммуникация*.

В связи со спецификой дипломатической информации, дипломатами выработан своеобразный язык (жаргон), не всегда понятный другим. Например, когда посол в ДТ отвечает на инициативу Центра «запрашиваемое действие затруднительно», это означает, что предложение представляет собой полную ерунду. Но новичкам это не всегда ясно. Как и то, что дипломатия – это не только древнее, но и преемственное занятие, не требующее всякий раз изобретения велосипеда. Этот особый язык, этот код нигде не прописан и постигается только постепенно, как и написание документов на практике под руководством, опекой, во взаимодействии со старшими, более опытными коллегами[623].

2. Информировать – высокотехнологичный коллективный процесс.

---

[621] Ibid. P. 359.
[622] Ibid. P. 360.
[623] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op. cit. P. 361.

Синтез информации не только творческий процесс, но и рутинный. Необходима проверка сведений, их уточнение, не говоря уже о согласованиях. Социологи приводят примеры того, как позиции и «красные линии», цели, возможности на планируемых переговорах, тексты заключительных документов вырабатываются совместно (центром и переговорщиками на местах) в т.ч. посредством дипломатических телеграмм. Конечно, кроме пользы коллективного труда имеется в виду и необходимость избежать требования невозможного в инструкциях для переговоров. Коллективные усилия для выработки максимально возможной объективной оценки ситуации и предложений о действиях в ней предполагают качественный информационный обмен и работу с информацией. Однако, есть и прямо противоположные ситуации, одна из которых подробно описана дипломатом, много лет проработавшим на Балканах в период распада Югославии, в т.ч. послом Франции в Загребе в 1992-1994 годах. Он сетует, что в самых разных ответственных ситуациях у него просто отсутствовала информация по целому ряду важнейших проблем. В частности, Ж.-М. Шеню перечислил в этом списке не только планы Парижа по мирному урегулированию в конкретных бывших югославских республиках, но и вообще позиции, которые отстаивала Франции на различных международных конференциях и встречах по этому региону[624]. Другой дипломат – бывший посол Франции в Вашингтоне и директор САР МИД Ж. Андреани частично объяснял эту ситуацию рутиной, текучкой, которая отнимает очень много времени у сотрудников центрального аппарата МИД, в связи с чем, они не поддерживают диалога необходимой интенсивности с зарубежными представительствами. По его мнению, это естественная тенденция в любой администрации – стремление работать в своей замкнутой структуре, никого не слушать и не видеть кроме себя, забывать о тех, кто работает для тебя вовне[625].

III. Осуществлять коммуникацию.

1. Внутренняя коммуникация, взорванная новыми средствами информации и коммуникации? Не умаляя роли ДТ, с начала 2000-х годов в МИД растёт использование постоянно улучшаемого Интранета (внутренней сети), е-мэйлов, списков рассылки, что обеспечивает более быстрое движение информации, менее запротоколированное и иерархичное (т.е. не всегда визируемое всеми вышестоящими, как в случае с формальным бумажным документом). Но и только. Т.е. эта скорость, меньшая забюрократизированность и большая доступность информации никоим образом не заменяют способностей анализировать, контекстуализировать, синтезировать

[624] См.: *Chenu G.-M.* Balkans (1991-1995), une amère expérience / Cohen S. (dir.) Les diplomates.
[625] См.: *Andréani J.* Etre ambassadeur auprès de la première puissance mondiale / Cohen S. (dir.) Les diplomates.

информацию, что по-прежнему в значительной степени зависит от продолжительности (стажа) работы и накопленного опыта, усвоенного ноу-хау. Тем более в посольствах по-прежнему проводятся ежедневные и еженедельные совещания, на которых и происходит основной обмен информацией, её обсуждение как по горизонтали (между различными подразделениями, секциями посольства), так и по вертикали (между сотрудниками разных рангов и должностей). Тем не менее, сотрудники по-разному высказываются о новых эффектах от применения электронных средств информации и коммуникации. С одной стороны, упрочивается чувство общности работы. Но вместе с тем, личный вклад всё более обезличивается. К тому же появляется новый вид неравенства, связанный с подключением к сети, местом в списке рассылки, поскольку не всех везде включают. В общем, допуск к информации и всегда был ограничен. Однако, как отмечают социологи, в большой степени такие формальные барьеры могут преодолеваться вследствие длительных доверительных отношений между дипломатами, вместе учившимися, служившими и т.п. Кроме этого, электронные СИК также минимизируют личное общение с другими сотрудниками, особенно в Центре, как потому, что резко возросло количество сообщений, так и потому, что сообщения прямо заменяют личные разговоры. Некоторые считают, что это приводит к снижению эффективности работы[626].

2. Пути коммуникации с внешним миром.

Дипломаты извлекают информацию из большого количества внешних и внутренних документов и сами создают новые документы, которые передают коллегам. Современные ЭСИК позволили резко увеличить это количество, чем все участники информационных процессов и воспользовались. Кроме этого, само количество сотрудников, распределённых в сети министерства и его загранпредставительств, также весьма велико в сравнении с информационными возможностями одного человека. Специализация, а тем более «тейлоризация» этого процесса весьма ограничена, поскольку в большинстве случаев решения, действия в разных странах взаимосвязаны. В любом случае, необходима координация работы многих сотрудников и подразделений, не говоря уже о внешней координации с другими госорганами и обществом в целом. Таких методов не много. Во французском МИД, с точки зрения рассматриваемого случая работы с информацией, применяются: иерархический *контроль* (количество уровней которого зависят от размера и структуры организации), *стандартизация* документа (исходного и конечного), процедур работы с информацией, квалификации сотрудников, и *координация* производителей и получателей информации с целью улучшения качества работы.

---

[626] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P. 370-374.

Любой, даже самый срочный документ, должен быть завизирован всеми, кому это положено, т.е. фактически всеми начальниками, стоящими над непосредственным его автором, выполняющим в свою очередь поручение высшего начальника, за чьей подписью этот документ выйдет во внешний мир. Причём, как отмечают социологи, речь идёт не только о проверке с целью недопущения неверной или неточной информации, искажённой позиции или стилистической правке, но и о разделении ответственности и даже потенциальной защите всех нижестоящих сотрудников от обращения к ним напрямую, тем более чиновниками, в т.ч. высшими, из других структур. Т.е. любой сотрудник всегда может (и должен) сослаться на необходимость согласования чего бы то ни было с начальством, которое, таким образом, всегда находится в курсе любых запросов, попыток получить информацию не формализованным путём (через официальный запрос соответствующего уровня)[627]. Конечно, при современных ЭСИК это становится сложнее – всё больше соблазна отправить и получить в ответ мэйл, вместо длинного бюрократического пути. Тем более, что ввиду большого количества стран и частых случаев неожиданного и бурного развития событий в современном мире или точнее – более быстром получении новостей о них, работа, как правило, проходит в *дефиците времени*, что плохо сочетается с иерархическими механизмами и просто человеческими возможностями. Кроме того, постоянно действуют факторы, способствующие неформальному общению информационных агентов (дипломатов немного – почти все друг друга знают, легче устанавливаются и поддерживаются контакты между выпускниками одних вузов, одного поколения и т.п.).

Важно, что в иерархических структурах необходим не только контроль сверху и замыкание на себя потоков информации, но и координация работы подчинённых, особенно в условиях срочности рассматриваемых вопросов. И вот, как отмечают социологи, такой организационной работе специально в МИД не учат. Этот навык формируется с опытом, который можно получить вовсе не на любом месте работы. По мнению одного из директоров департамента, послом можно назначать только сотрудника, поработавшего замдиректора департамента, потому что только на этой должности можно овладеть навыками настоящего руководства коллективом[628].

Стандартизация также является весьма непростым занятием. Если в самом министерстве ещё более-менее возможно устанавливать формы справок и других документов, то документы, поступающие извне, весьма разнообразны. Поэтому сотрудники, получающие такие документы – от секретаря экспедиции до адресата,

[627] Ibid. P. 99.
[628] Ibid. P. 100.

фамилия которого может быть указана непосредственно, должны обладать знанием, как работает всё министерство, чтобы классифицировать, «расписывать» документы тем, кому они могут быть нужны[629]. Довольно распространённой практикой является письменное закрепление некоторых правил, процедур, знаний, что является обязательным в современных корпорациях как элемент интеллектуального капитала (кстати, являющегося собственностью корпораций), но в МИД носит во многом факультативный характер, не определено каким-либо приказом, обязательным к исполнению. Характерным примером является «Справочник советника», созданный и обновляемый сотрудниками постпредства Франции при ЕС[630]. В нём подробно изложены правила и процедуры, которые необходимо знать и выполнять, чтобы эффективно добиваться поставленных задач при работе в организации с десятками членов, выработанные на основе многолетнего опыта сотрудников французского представительства. Существует также некоторая формализация и по другим вопросам. Например, вновь назначенный посол Франции, получает инструкции от Генерального секретаря МИД, частично сформулированные на основе отчёта его предшественника. Через полгода после вступления в должность посол представляет план своей работы на весь предстоящий срок, который одобряется Генеральным секретарём. В конце командировки посол пишет отчёт о том, что сделано, что ещё осталось сделать и что надо было бы сделать. Также генеральный секретариат регулярно рассылает указания о ДТ – их своевременности, размере, лаконичности и проч. Всякая хорошая телеграмма должна содержать краткое резюме, факты, анализ этих фактов и предложения посла. Гораздо менее формализованы правила написания справок и других подобных документов. Опыт их создания приходит только со временем посредством создания большого их количества при содействии других опытных дипломатов, редактирующих справки новичков, общающихся с ними, разъясняющими нюансы этого вида информационной работы.

Наконец, метод *координации* осуществляется, прежде всего, посредством совещаний, которые проводятся как в регулярном формате (от ежедневных и еженедельных у посла и директора департамента до ежегодных совещаний послов под руководством министра, открываемых Президентом Республики)[631]. Но кроме этого – смыслового согласования, понимания всеми, о чём идёт речь, какие задачи поставлены и т.п., есть и ещё такой вид согласования, как выработка (иногда совместно) терминов и формулировок, которые используются руководителями и предлагаются, таким образом, к

[629] Конечно, речь идёт не о стандартной переписке между ведомствами, а о документах, которые, даже имея адресата, в частности, министра, на самом деле должны рассматриваться другими сотрудниками.
[630] См.: *Perrorin V., Zylberglajt N.* Le guide du conseiller.
[631] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P. 105.

использованию и всеми остальными сотрудниками. Наконец, видом согласования является и сама организация работы, в частности в центральном аппарате, когда младшие сотрудники располагаются в основном по двое в кабинете и должны быть в курсе, чем занимается коллега, чтобы заменить его в случае необходимости. Вообще, по некоторым оценкам, время, которое уходит на всякие согласования, может достигать трети от всего, затрачиваемого на документ (посмотреть прежние образцы, обсудить с коллегами, узнать, кому и в какой момент его показать и предварительно согласовать и проч.)[632].

Большой раздел исследования посвящён *переговорам*. По свидетельству социологов, именно их большинство современных французских дипломатов называют специфической чертой, сутью своей профессии. В таких многосторонних инстанциях, как ООН, ЕС, НАТО, переговоры – это практически основное занятие дипломатов. В результате интенсивной работы центрального аппарата МИД, администраций Премьер-министра и Президента, которые наблюдают за ходом переговоров дистанционно, вырабатываются «красные линии» позиций на переговорах и инструкции переговорщикам. Однако, кроме таких «институциональных» переговоров, профессиональные дипломаты называют и считают переговорами также любые отношения с любыми организациями и людьми. Одни эксперты полагают, что такова специфика компетенций дипломатов, их технология работы, ноу-хау[633], другие – что французские дипломаты просто банализировали понятие переговоров[634]. Вместе с тем, возможно, что они просто на интуитивном уровне определили преимущественно такой тип общения, как доминирующий в современном демократическом обществе вообще.

Подробно излагая различные теории переговоров, Ф. Пьоте, М. Лориоль и Д. Дельфоли называют «спонтанной»[635] классификацию самых разных типов и видов переговоров профессиональными действующими дипломатами, из чего можно сделать вывод, что в практической работе теоретические построения не используются как основа для действий, а деятельность во многом ситуативна, осуществляется без постоянного теоретического анализа относительно характера и существа самой этой (переговорной) деятельности. Как выяснили авторы, дипломаты называют переговорами и дву-, и многосторонние переговоры между представителями делегаций разных стран, и отношения с коллегами в министерстве и других органах власти, а также с представителями общественности и СМИК. Конечно, во всех этих случаях происходит коммуникация между заинтересованными лицами. Но авторы обращаются к теории

---

[632] Ibid. P. 103, 362.
[633] См.: *Cogan Ch.* Diplomatie à la française…
[634] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P.391.
[635] Ibid. P. 402.

переговоров как раз с целью показать, что не всегда интуитивное понимание переговоров дипломатами соответствует анализу теоретиков переговоров, что, возможно, снижает их эффективность. По мнению социологов, сегодня общепринятым является понимание переговоров, как вида *торговли*, исходящей из различия интересов, результат которой представляет собой нулевую сумму. Т.е. если кто-то что-то выиграл, то другой это же проиграл. Отсюда спонтанное определение переговоров как искусства скорее войны, чем мира, своего рода покера с целью скорее обмануть, чем придти к совместному регулированию (интересов). Показательно следующее приведённое высказывание на эту тему одного из послов: «Вести переговоры не учат ни в Сьянс По, ни в ENA, ни даже на Кэ д'Орсэ! (со смехом)… Вести переговоры по определению это убеждать, это добиться компромисса, это иметь цели, это защищать интересы…»[636]. Пусть и интуитивно, но опытный дипломат изложил суть дела, только в обратной последовательности. Иными словами, вести *переговоры* означает: получить и понять инструкции, т.е. интересы и цели (поскольку дипломатические переговоры ведутся всегда от имени государства), изучать и понимать позицию противной стороны, находить и излагать аргументы, необходимые для достижения *компромисса, т.е. любого шага к своим целям и недопущения нарушения своих интересов*.

Социологи заключили также, что существо проводимой дипломатами информационной и коммуникационной работы – это создание *сети личных доверительных отношений* с целью максимально возможного снижения информационных и когнитивных неточностей, неясностей, которые важны для любых переговоров. Для этого дипломаты используют такой существенный институциональный ресурс, как дипломатическая должность, которая сама по себе несёт определённую легитимность. Т.е. любой дипломатический ранг позволяет в стране пребывания облегчённый доступ к контактам, как минимум, соответствующей должности[637]. Весьма интересна рефлексия дипломатов о роли личных отношений с иностранными контактами, в первую очередь, с официальными лицами страны пребывания. Вполне очевидно, что продуктивность контактов с ними, как и с иностранными коллегами по дипкорпусу, зависит, как и отношения с любыми людьми вообще, от качества неформальных связей, искренности (не путать с болтливостью) и прочих человеческих характеристик. Но важно, что французские дипломаты используют такие отношения и для передачи официальной позиции, информации, которая заведомо неприятна, неприемлема принимающей стороне, причём в двух смыслах. Во-первых, неофициально проговаривая что-то вроде «мне это тоже не

[636] Ibid. P. 403.
[637] Ibid. P. 405.

очень нравится, но это прислано из центра, поэтому я вынужден…» таким образом смягчается негативное восприятие передаваемого документа, поскольку такие комментарии означают «не все у нас так считают» или «позиция может и измениться». Т.е. поддерживать насколько это возможно информационный канал и двусторонние отношения хотя бы на личном уровне, даже в случае неприятных событий. Во-вторых, если речь идёт не просто о заявлении, но о рабочем документе или информации, то, как свидетельствуют французские дипломаты, хорошие личные отношения иногда позволяют не только смягчить восприятие собеседника, как в первом случае, но и побудить его к поискам компромисса, начать обсуждение и придти к какому-то взаимному, более приемлемому варианту документа. Наконец, в-третьих, такие отношения, особенно многолетние, т.е. показавшие свою жизнеспособность, отдачу и относительную безопасность, позволяют в ряде случаев повысить эффективность переговорной работы. В частности, приведены примеры работы в ООН дипломатов из России, США и Франции, которые познакомились и установили дружественные связи ещё в начале своих карьер, а будучи назначены в представительства своих стран Нью-Йорк теперь иногда гораздо быстрее, чем это сделали бы недавно познакомившиеся люди, достигали нужных, сбалансированных результатов, доверительно сообщая о некоторых «красных линиях»[638].

Важно внимание, уделяемое качеству сетей контактов. Кроме коллег-иностранных дипломатов и официальных лиц страны пребывания полезны самые разнообразные контакты среди депутатов различных уровней, политиков, в т.ч. оппозиционных, журналистов, сотрудников НКО, университетов, профсоюзов. Основными методами завязывания таких знакомств являются приёмы, а также общественные мероприятия. Цель состоит в получении общей и секторальной картины ситуации в стране или отдельных её аспектов, причём как от непосредственных действующих лиц (например, от журналистов о ситуации с местными СМИК), так и от других местных наблюдателей (о тех же СМИК от политиков или учёных). Причём не только непосредственно, но также с теми, кто может передать информации от интересующих лиц, с которыми сам дипломат не знаком. И в этой связи необходима значительная интеллектуальная работа по определению информации, которую дипломат может предоставлять своим собеседникам. Поскольку, как показывает многолетняя наблюдаемая практика, эффективность контактов зависит от *обмена* информацией, а не от одностороннего её получения.

Важное значение дипломаты придают проблеме *понимания* позиции собеседника и противоположной стороны в целом, точного смысла употребляемых понятий вплоть до того, что называют работу по её выяснению «расшифровкой» того, что собеседники на

[638] Ibid. P. 409.

самом деле имеют в виду. В этой связи они считают основным фактором учёт и, следовательно, изучение культурных различий между странами, с которыми ведутся конкретные переговоры или вообще строятся отношения, но также и психологических особенностей каждого собеседника (т.е. как именно он лично излагает свои мысли). Тем более, что и сама профессия дипломата в большинстве случаев способствует изложению скорее обтекаемому, чем резкому. К специфике информационной работы можно отнести особый тип внимания к собеседникам, источникам, самой информации, основанный на понимании другой, отличающейся от собственной, культуры и потому – смысла, который несут высказывания и тексты партнёров по коммуникации. Т.е. необходимость рефлексии как *смыслового межкультурного перевода*. А, кроме того, понимание того, кто на самом деле, а не только формально, представляет источник существенной информации, реального влияния на события. Отсюда символическое сравнение с королевскими дворами с их не всегда ясными силовыми линиями и правилами, требующими соответствующего «сословного ноу-хау» (т.е. в данном случае, сословия дипломатов), в т.ч. искусство наблюдать и определять друзей и врагов, контролировать свои эмоции[639] и привязанности, презентовать себя и вести переговоры, понимать смыслы, скрытые за символами, одним словом – «искусство работать с людьми»[640]. Также, как уже упоминалось, основными (информационными) факторами переговоров являются, во-первых, поиск логических элементов в своих и чужих позициях, безотносительно их содержания, которое во многом предопределяется политическими установками. Нахождение таких элементов позволяет найти и общие пункты, которые могут стать основой для изучения и будущих соглашений. Этой методикой французские дипломаты, по свидетельству иностранных наблюдателей[641], владеют хорошо. Очевидно, что обязательное обучение философии в старших классах школы и постоянное внимание к ней в вузах тем более элитных, откуда черпаются дипломатические кадры, даёт отдачу. Во-вторых, наоборот – внимание к содержанию чужой позиции, «перевод» её смысла на язык своей культуры, чтобы облегчить понимание вопроса и его решение политиками и другими неспециалистами. Это не всегда получается, но и удачных примеров не мало[642]. Тем не менее, оказывается, особенно в периоды кризисов, что вместо попыток понимания

[639] В частности, Ф. Пьоте, М. Лориоль и Д. Дельфоли приводят примеры, когда приходится общаться с главами государств или другими высокопоставленными политиками, коррупционное или даже кроваво-криминальное прошлое которых хорошо известно. Но также и особенно в случаях бурных внутренних событий в странах пребывания, к кторым иногда бывает трудно оставаться равнодушным.
[640] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P. 495.
[641] См., например, *Cogan Ch.* Diplomatie à la française.
[642] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P. 517-518.

собеседников и учёта социокультурных факторов, как правило, всё возвращается к избитым штампам наподобие «американцы понимают только силу».

Ещё более парадоксально выглядит рефлексия различий среди самих французских дипломатов. О. Жерминьяноглу, исследовавший в соответствии с концепцией операционального кода представления руководства французского МИД о современном международном терроризме, показал их значительную субъективность, обусловленную полученным образованием и приобретёнными определёнными стереотипами мышления и поведения. Он показал, в частности, как видение этой проблемы отличается у мидовцев, пришедших на службу после ENA и «Восточного конкурса». По-разному и в соответствии с этим своим предыдущим опытом дипломаты видят не только терроризм, но и врага, мир вообще и даже свои служебные обязанности. Также и решения, принимаемые руководителями МИД, в частности, по антитеррористической борьбе, основываются не только на соображениях безопасности, но также материальной, эмоциональной, когнитивной и моральной мотивациях по отношению к своему государству[643].

Интересны замечания социологов по поводу «интересов Франции»: они не заданы раз и навсегда, тем более в конкретных случаях, а постепенно формируются и уточняются в результате длительной работы[644], рефлексии. После выдвижения своей инициативы – проекта резолюции, решения, причём желательно опережающего по времени, проводится работа по недопущению конкурентных проектов документов. Необходимо постепенное переманивание на свою сторону союзников, их присоединение с помощью – *ассоциации и диссоциации* альтернативных предложений, в частности, к уже имевшимся похожим прецедентам, указание на одностороннюю, эгоистичную для одной стороны, а не всеобщую пользу и т.д.

В международных организациях (ООН, НАТО, ЕС), несмотря на разнообразие стран, складываются свои специфические процедуры, механизмы переговоров, представления документов и сам язык. Стороны привыкают к ним, знают и используют, как и сложивший баланс сил и его динамику, новички воспринимают уже сложившуюся культуру и это потому, что такое знание позволяет быстрее достигать целей, а также в большой степени заранее оценивать перспективы своих инициатив. Кроме собственно содержания, всем участникам переговоров приходится иметь дело с огромным массивом технической, формальной документации. Причём, иногда суть дела, а тем более новизна, отличающая его от более раннего, заключается в одном абзаце, в одной фразе, что не

---

[643] *Germiyanoglu O.* La lutte contre le terrorisme vue par les hauts fonctionnaires du Quai d'Orsay : pour une contribution française au concept d'operational code. Thèse de doctorat en Science politique. Soutenue le 09-12-2014 à Lille 2 .

[644] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P.426.

всегд легко отследить. Ведь сам документ, ссылаясь на многие другие, подтверждая многие тезисы, может быть на десятки страниц. Вообще, общей особенностью электронных ресурсов является возможность их быстрого редактирования. Если раньше требовались часы и дни, чтобы напечатать документ и тем более его размножить, а затем распространить адресатам (например, справочник министерства – другим органам госвласти и своим и иностранным посольствам), то теперь это делается в считанные секунды. В этой связи актуальным становится как указание времени доступа, так и отслеживание изменений. А документы могут быть большими и гипертекстовыми. Т.е., возможно, имеющими изменения и на связанных гиперссылками других страницах.

Французы напомнили также о концепции британского дипломата К. Росса о том, что структура многосторонних организаций и последовательность прохождения документов оказывает существенное влияние на конечные решения. Общий принцип – экспертное знание на нижних этажах, в комитетах и комиссиях, и максимальное упрощение с каждым новым этажом вверх – на пути к тем, кто и решит. В результате, руководители, принимающие решения, бывают некомпетентны в деталях в отношении конкретных стран и регионов, и решения получаются неадекватными ситуации. Другими факторами, влияющими на решения, являются *публичность* переговоров и модальности конечных соглашений. Сами переговоры никогда не ведутся публично – непосредственно в Совете Безопасности или Европарламенте, но на закрытых, рабочих заседаниях. Даже если в высших инстанциях стороны и выступают с заявлениями, противоречащими принимаемым резолюциям, то их цель не столько склонить на свою сторону других участников заседаний, сколько публично, т.е. для общественного мнения и сторон, не участвовавших в переговорах, заявить свои аргументы, желание продолжить переговоры и проч. Даже в случаях, когда это сопровождается использованием права вето в СБ ООН[645].

Опираясь на высказывания дипломатов, социологи сделали вывод, что специфичность дипломатической профессии состоит в её предмете – постоянно неопределённой, меняющейся ситуации в международных отношениях, которая к тому же сложна и создана не только нами или вообще не нами. Дипломатия – это особое искусство благоразумной работы с этим особым, всегда неопределённым предметом[646]. Бывший посол Франции в Москве П. Морель определяет дипломата, как *фамильярного*, привычного к *непостоянному*[647]. Дипломаты «конструируют реальность на основе обработки большого массива информации, собранной из всё более

[645] Ibid. P. 435-436.
[646] Ibid. P. 493.
[647] См.: *Morel P*. Le diplomate, de l'exceptionnel au quotidian // Études, 1996, Numéro 4. 1996. P. 325-336.

разнообразных источников, особенно дипломатами на местах»[648]. А кроме того, как определил один из опрошенных дипломатов, «раскрывать сложность, показывая, что всё не так просто», но также и упрощать (синтезируемую информацию – прим. Н.Л.), чтобы облегчить принятие политических решений, особенно в условиях нехватки времени. И это при том, что и эта картина, и текущий анализ должны быть сопряжены с общей политической линией, с «домашней доктриной», достаточно стабильной, определённой, во всяком случае, на некоторый политически определённый период времени. Социологи констатируют, что такая доктрина не только определяет внешнюю политику, но и часто становится фильтром при работе с информацией, ведущим к конформизму в анализах. Также и всякий стандартный документ-сообщение (справка, телеграмма) содержит факты, их анализ и предложения о действиях или занятии определённых позиций. И в нём нет достаточно места для сомнений, колебаний. Упоминается и концепция М. Вебера о чиновниках как особой социальной группе, влияющей на политиков, на политические решения (что также развивал Р. Арон). Выяснилось, что небольшие группы технократов, занимающие определённые позиции в госаппарате, а также представители местных властей, просто не могут не влиять на правительство и общество в целом. Т.е. происходит «политизация функций» чиновников. Это проявляется и в дипломатической работе. Таким образом, в современную эпоху развитой технократической (специализированной, обладающей знаниями и компетенциями) бюрократии, политические решения принимаются в результате процесса их *обсуждения*, и разной, конечно, степени *согласования* между политиками и этой бюрократией. В т.ч. сама бюрократия выдвигает политические инициативы, а не просто исполняет поручения[649]. Подобно тому, как сами формы получения и обработки информации влияют на её содержание, новые политические решения обуславливаются уже существующим законодательством, балансом сил и даже неформальных обычаев. Поэтому специалисты, в рассматриваемом случае – дипломаты, постоянно занимающиеся каким-либо направлением или проблемой, конечно, более компетентны и поэтому не могут не привлекаться к формированию новых решений, чтобы они были максимально эффективны, а не подвергались немедленному и обоснованному оспариванию. Социологи прямо указали, что профильный департамент МИД в таких случаях выступает не просто координатором, согласующим действия различных министерств и ведомств, но и своего рода «гарантом рациональных действий государства» как

[648] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 498.
[649] Ibid. P. 499-507.

такового[650]. Интересно, что одним из методов модерации авторы называют *инерцию* работы служб или бюрократические проволочки, в т.ч. в период финансово-экономических трудностей (а он теперь длится чуть ли не постоянно) можно увязать новую инициативу с финансированием, что практически делает её невыполнимой (поскольку выделение дополнительных средств, как правило, не поощряется).

Наблюдение за работой советников посольств и дипломатов в центральном аппарате МИД привело социологов к выводам, что эти сотрудники постоянно находятся в состоянии колоссальной *когнитивной перегрузки* (сверхчастые прерывания деятельности (звонки, встречи, сообщения), в т.ч. не имеющие отношения к работе, частая смена задач, часто без оформления конечного результата). Однако, часто самостоятельно инициированная смена деятельности. Например, во время утреннего чтения ДТ сотрудник сам внезапно может перейти к работе над справкой или отчётом и, не закончив, начать смотреть в Интернете какую-то информацию, при этом одним глазом следя за постоянно включённым в кабинете телевизором (чаще с выключенным звуком), а затем вернуться к чтению ДТ. Только написание ДТ, как правило, происходит с наименьшим отвлечением на другие дела. С точки зрения социологии обычного труда это – сильнейшая его фрагментация, которая выглядит как растрата сил. Социологи приводят следующие объяснения такому стилю работы: во-первых, стремление не отстать от новостей, приводящее к эффекту «приклеености» к монитору из-за боязни что-то пропустить. Чем выше ранг сотрудника, тем чаще он может поручить эту «бдительную» работу кому-то из подчинённых. Во-вторых, учёные предположили, что такая работа с информацией может служить средством борьбы с ежедневной рутиной и скукой и сохранить на целый длинный рабочий день ритм быстрой работы. Наконец, последнее объяснение – такая форма фрагментации деятельности может в итоге облегчить интеграцию дипломатом информации из очень разных источников каким-то общим его видением[651].

Однако, следует прокомментировать это наблюдение: поскольку речь идёт о работе с информацией, то это наблюдателю кажется, что виды деятельности разные. На самом деле дело одно – обработка информации. Просто используются её разные источники и носителя. Не важно, что было в начале (телеграмма побудила написать справку или она содержала нужный элемент для уже задуманной справки), но каждый контакт с информацией (ДТ, сайтом, справкой, собственной памятью) совершается субъектом, обладающим в своей психике уже широкой, пёстрой, но структурированной картиной мира (в нашем случае – международных отношений). Поэтому каждый новый элемент

[650] Ibid. P. 509.
[651] Ibid. P. 376, 378.

классифицируется и помещается в неё или инициирует создание нового элемента или новых связей между ними или направляет посмотреть соответствующие источники (сайты, справки) и т.п. Поэтому никакой фрагментарности нет. Наоборот, можно говорить о высокой концентрированности на очень широкой гамме вопросов, своего рода энциклопедичности (ограниченной, конечно, служебными и шире – дипломатическими рамками). Причём дипломат, таким образом, абстрагируется от формы носителя, источника (хотя классифицирует и его по степени доверия и проверяемости) и сосредотачивается на содержании, т.е. информации, приведённой к одному знаменателю (конечно, с некоторой точки зрения, согласно теме, досье, над которым он работает).

Однако в любом случае постоянный контакт с новостями приводит к уменьшению, а в пределе – к отсутствию, времени на анализ, размышление над получаемой информацией, заставляет действовать срочным порядком. Т.е. можно заключить, что скорость подачи информации и её прочтения общественным мнением высока, вследствие чего и власти вынуждены реагировать с такой же скоростью. При том, что речь идёт о разных процессах – узнал, зафиксировал или онлайн выложил в медиапространство событие или процесс – это деятельность по фиксации происходящего. Реакция властей – это деятельность по переработке информации – оценке ей и предложении действий (или объяснение бездействия). Но тогда дипломаты сталкиваются с дилеммой: или пытаться сообщить информацию, не имея достаточно времени на её обработку, или потратить время, дольше над ней поработать, рискуя, что политики не будут ждать и решение будет принято на основе других элементов. Интересно, что авторы видят выход в предвидении, прогнозировании возможных событий, чтобы иметь уже готовые заготовки ответов на них или время для их осмысления, что уже названо в литературе «активным ожиданием»[652].

Дипломатические архивы

В качестве ещё одного практического примера вышеописанных процессов следует затронуть вопрос, что происходит с дипломатической информацией после её использования, огромное количество которой находится в *дипломатических архивах*. Любой архив имеет несколько целей. Это и расширение очень ограниченной человеческой физиологической памяти, и хранение аргументов, доказательств, фактов, договорённостей, и их использование в качестве образцов, прецедентов для создания новых, и опыт, который можно почерпнуть из текстов и других артефактов. По мере накопления документов появляется возможность исследования не только их отдельных экземпляров, но и их множеств, совокупностей, а также их связей и зависимостей между

[652] *Neumann I. B.* To be a Diplomat // International Studies Perspectives, 2005, Volume 6, Issue 1. February. P.72–93.

ними. Французская служба дипломатических архивов кроме всего этого демонстрирует стремление наряду или даже вместо науки вырабатывать или хотя бы помогать вырабатывать методологию самой дипломатической деятельности, а также и исследовать международные отношения. В этом нуждаются дипломаты, находящиеся на оперативной работе. Но сами они, в силу занятости другими задачами, нехватки времени и компетенций, не могут производить такие методологию и знания. В лучшем случае речь может идти о случайных, редких, индивидуальных удачах, в связи с чем, появляются выдающиеся руководители МИД, переговорщики, аналитики, «золотые перья». Однако и в этом случае, речь идёт только о конкретных событиях, документах, дипломатических победах и удачах. Исследование же этой практики, её обобщение и формулирование в теорию, которую затем можно отформатировать в практическое, экспертное знание и методологию – это, конечно, работа не оперативного сотрудника.

Согласно информации, размещённой французами на сайте Совета Европы, архивная служба их МИД прошла в своей истории три этапа. Первый начался в 1671 г. с организации архива Госсекретарём по иностранным делам, третий – в 1907 г., когда дипломатические архивы становятся самостоятельными от общегосударственных архивов, а внутри самого МИД – от политического департамента, и их роль смещается от преимущественно хранилища к обеспечению текущих управленческих, юридических, кадровых задач. Сегодня это Управление МИД, возглавляемое дипломатом, сотрудники которого занимаются сохранением исторического наследия и научными исследованиями документов. Профессор СьянсПо (Париж) и член Комиссии по изданию документов М. Ваисс считает дипломатические архивы исходной информацией не только для исторических или аналитических исследований, но и «сырьём» международных отношений вообще[653]. В целом, можно выделить две основные цели этой работы. Во-первых, поиск и предъявление аргументации своей позиции. Наибольший эффект приносит обнародование секретных документов, что особенно было характерно для периода до Второй мировой войны. С 1960-х годов главным смыслом публикаций отдельных документов и, как правило, сборников, стало освещение своей позиции в исторической перспективе. Во-вторых, это поиск аналогий событий в прошлом и настоящем, которые могли бы быть полезны для изучения и понимания современных событий.

Схематично информационный процесс в современной французской дипслужбе состоит из следующих элементов:

Инфраструктура:

[653] См.: *Vaïsse M.* Op.cit.

-Заказчик информации (политическое руководство)

-Исполнители (дипломаты)

-Источники (политики, дипломаты, общественность, наука, госаппарат – посредством личных контактов, текстов, наблюдения;)

Информация:

Первичная информация (беседа или документ), вторичная (запись беседы или анализ документа), третичная (справка – выводы и предложения).

Темы информации:

-Политические и иные официальные позиции, концепции, планы (в т.ч. только готовящиеся и/или добываемые неформально)

-Данные политического и социологического *контекста* – общая ситуация в стране, правящем слое, госаппарате, общественном мнении; общественно-политические концепции, направления деятельности, статистика)

-Данные *не* политического и социологического *контекста* – статистика по самому широкому кругу областей жизнедеятельности человека и общества (ресурсы природные, людские, экономические, военные, научно-образовательные и проч.; процессы, интересы, цели, планы)

-Качества личностей, социальных и политических групп, народа.

-Информация, подготовленная по инициативе исполнителей (дипломатов), потенциально интересная заказчику («всё»)

-Информация, подготовленная исходя из собственных интересов исполнителей и службы в целом (субъективное видение своей страны, страны пребывания и их отношений в зависимости от происхождения, образования, опыта практической работы, локалитиса, личной психологии, семейной ситуации и проч.)

Коммуникация:

Компетенции исполнителей (смотреть и видеть, анализ и синтез)

Понимание (языки, терминология, ценности)

Общение (психология (внимание, терпение, мотивация), способность аргументация)

Обратная связь (влияние на заказчика)

Новые практические задачи:

-тактические: поиск научно-технической информации, помощь в экспорте и инвестициях, привлечение в страну и на службу талантливой молодёжи (соответственно, иностранной и французской);

-стратегическая: выживание посредством не только обороны, но влияния на внешнюю среду.

Выводы Главы 3.

-Внедрение электронных средств информации и коммуникации в общественную жизнь и международные отношения вызвало существенные изменения в социально-политической среде и процессах в ней. Резко увеличилось количество и разнообразие акторов, в т.ч. негосударственных, а также политической коммуникации с ними и между ними, производимой, распространяемой и получаемой ими информации. Уже более половины жителей планеты постоянно производят и передают количество сообщений, которое давно не в состоянии использовать ни один человек или организация. В т.ч. колоссально и продолжает расти количество сообщений о происходящем за рубежами каждой страны, создаваемых и передаваемых многочисленными негосударственными организациями и частными лицами, всё менее контролируемых государствами. Все эти акторы включаются в различные сети социальных отношений. Это не является специфичным для современного социума. Тем не менее, как и в случае с информационным обществом в целом, в настоящее время развивается новый этап реализации сетевого принципа в социальной коммуникации. Сегодня он формируется под влиянием ЭСИК и потому характеризуется теми же свойствами, что и современное информационное общество: «исчезновение» пространства, расстояния (т.е. возможность подключиться к сети независимо от местонахождения не только в конкретном государстве, но и на планете вообще), «сжатие» времени подключения к сети и общения в ней до «исчезновения» длительности контакта и передачи информации, установления общения «он-лайн» (т.е. немедленно и постоянно с любым членом сети).

-Ускорение и усложнение социума и его динамики, вызвали существенные изменения и в работе дипломатической службы. Отвечая на новые рукотворные вызовы, дипломатическая служба осуществляет процесс своей технической и структурно-функциональной модернизации, обновления, прежде всего, в части коммуникации и работы с информацией, определяемых как «цифровая революция». В современных условиях (развития средств массовой информации и коммуникации, прежде всего электронных и сетевых, придающих новое качество глобо-локализации), дипломатическая служба, как и остальные органы государственной власти, стремится сохранить доверие к себе, как необходимому элементу государственной власти, а также как и к профессиональному сообществу. Отсюда широкое присутствие в интернете, максимально возможная открытость относительно деятельности Министерства иностранных дел, большой объём публично доступного информационного материала, применение современных социальных интернет-технологий в коммуникации с внешней средой и в своём собственном социо-профессональном сообществе. В результате дипслужбе в целом

удаётся выявлять и рефлексировать количественные и качественные изменения социально-политической внешней (в международных отношениях) и внутренней (в своей стране) среды, в которой она действует, включая новизну её инфо-коммуникационных аспектов. Как следствие возникли новые виды дипломатии (культурная, научная, публичная, трансформационная, сетевая, НПО-дипломатия и др.), во многом опирающиеся на ЭСИК. Главным специфическим фактором является межкультурный характер среды (причём, как в своей, так и в других странах), в которой современные дипломатические агенты действуют осознанно и целенаправленно, профессионально рефлексируя, отдавая себе отчёт в различиях и динамике культур, интересов, социальных практик, знание которых является для них неотъемлемыми условиями профессии, профессиональной деятельности. Это предопределяет необходимость высокого уровня общего и специализированного культурного развития, глубокого знания не только других культур, но и своей собственной, т.е. рефлексии и саморефлексии, которые только и *позволяют выявлять и понимать сходства и различия культур* для выполнения профессиональных задач – успешной коммуникации и нахождения точек соприкосновения, взаимовыгодных соглашений.

-Деятельность дипломатической службы – это *социально-политический рефлексивный информационный и коммуникационный процесс,* осуществляемый ею как системой специализированных органов (Министерство иностранных дел и его заграничные представительства) по выполнению внешнеполитических задач, поставленных высшим политическим руководством страны, исходя из общих государственных интересов, *специфическими – дипломатическими средствами*. К этим средствам, используемым не только во внешней среде, но и в своей собственной инфраструктуре, относятся: дипломатическая *коммуникация рефлексивного типа* с целью сбора законными для каждой страны пребывания способами, производства и обмена информацией, посредством передачи официальной информации (послания, переговоры, представительские функции, контакты с гражданами страны пребывания и в местном дипкорпусе), целенаправленного квалифицированного наблюдения за происходящим (установление и описание фактов, сбор материальных носителей данных), активных политических, культурных, научных и экономических мероприятий, *работа с информацией* (установление источников, верификация, анализ, сравнение, классификация фактов и документов, производство новой, синтетической информации (оценка, выводы, предложения) для своих коллег и заказчиков), и *рефлексия* как внешней среды (международных отношений, внешних к дипслужбе акторов – представителей

иностранных и собственного государства, их действий), так и *саморефлексия* (самой дипслужбы, дипломатических агентов, своих инструментов и методов).

ГЛАВА 4. КЕЙС-СТАДИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И РЕФЛЕКСИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ЭПОХУ СЕТЕВЫХ ЭСИК

4.1. Социология и рефлексивная специфика современной дипслужбы Франции

Набор и подготовка кадров, прохождение службы, ценности

Поскольку дипломатическая служба представляет собой составную часть системы государственной службы вообще, сегодня во Франции она имеет те же характерные черты, что и многие другие части госслужбы. В смысле кадрового состава это заключается в, можно сказать, органичном сочетании династий и «разночинцев» с минимальным количеством «парвеню», не допускать которых настроена система образования и отбора кадров. Но на протяжении нескольких веков критерии и способы претерпели некоторые изменения. Бывший посол Франции, Вице-президент Международной дипломатической академии[654] А. Лёван осуществил социологический анализ кадрового состава французской дипломатии с 1588 г., исследовав, прежде всего, место и роль аристократов – дипломатов «с частицами» перед фамилиями[655]. Несмотря на «окончательную отмену» титулов в 1789 г. и даже казни многих дворян, включая некоторых дипломатов, в действительности их количество на дипломатической службе снижалось постепенно. В XIX в. французский дипломатический корпус ещё практически полностью рекрутировался из аристократии: в 1840 г. из 9 послов 8 были дворянского происхождения. И только в 1871-1872 и затем в 1877-1880-м годах, вследствие политических изменений, установления III Республики, госаппарат действительно несколько демократизируется. К власти приходят представители буржуазии, а некоторые кадры центрального аппарата МИД делают карьеру в важных посольствах. Однако, в целом такие изменения в дипслужбе и тогда были не велики. Несмотря на законодательно оформленный переход к конкурсам на замещение должностей, МИД сохраняет за собой возможность кооптации кадров: в 1894 г. там учреждается стажировка для кандидатов, выдержавших конкурс, с целью оценить их «характер, образование и навыки», прежде чем принять их на дипломатическую службу[656]. Даже сегодня, уже не составляя большинство в МИД, продолжаются традиции целого ряда дипломатических династий (причём, включая и женщин), имеющих аристократическое происхождение[657].

---

[654] L'Académie Diplomatique Internationale (ADI) [Электронный ресурс] URL: http://www.academiediplomatique.org/fr/ (дата обращения: 20.10.2015).

[655] *Lewin A.* Grandeur, tradition et servitude : Noblesse de la diplomatie, diplomatie de la noblesse ? [Электронный ресурс] URL: http://admi.net/archive/20070621/www.geoscopies.net/geoscopie/acteurs/a203nodiplo.html (дата обращения: 22.10.2015).

[656] См.: *Kessler M.-C.* Op.cit.

[657] При этом следует отметить, что во Франции существуют исследования и полемика по поводу «настоящих» и прочих аристократов относительно времени и обстоятельств получения титулов.

Но при всём значении происхождения в прошлом, а постепенно и всё больше – *образования* (которое, как оказалось, также находится под определённым влиянием происхождения) и личных способностей будущих дипломатов, в отношении послов остаётся такая особенность, как *политическое назначение*, т.е. получение этой должности, благодаря их связям с власть предержащими. Поэтому практически все французские правительства назначали и назначают послами в т.ч. и *не*-дипломатов. Причём это соответствует законодательству, в котором не содержится никаких ограничений для Президента и премьер-министра назначить любого, кого они пожелают. С другой стороны, известно, и это также вытекает из вышеуказанных полномочий высших политиков, что любой посол может быть в любое время отозван, что делает послов, как социальную группу, очень чувствительными политически. И небезосновательно. В 1981 г. после прихода к власти социалистов, послами были назначены более десяти непрофессиональных дипломатов. Социалистический же премьер П. Береговуа (1992-1993-е годы) обновил в конце своей работы в этом качестве сразу треть послов. Тем не менее, полагает, например, М.-К. Кесслер, есть и немаловажный модерирующий, смягчающий такие поступки фактор. Средний возраст назначения послом во Франции – 58 лет, и он фактически совпадает с вершинами политической и бюрократической карьеры. Не-дипломаты назначаются в не самые ответственные страны, и такие назначения представляют собой некий вид дополнительной компенсации в конце политической карьеры. В то время, как на более престижных постах в самых важных странах могут оказаться молодые блестящие сотрудники ведущих политиков, делающие более быструю карьеру[658].

По подсчётам А. Лёвана, в начале XXI в. среди примерно 3600 французских дипломатов было всего 84 с аристократическими фамилиями («с частицами»), т.е. менее 5%. В т.ч. 6 послов, 26 посланников (из всего, примерно, 230), 22 советника (из, примерно, 1300), 24 секретаря (из, примерно, 600), и 12 за штатом (т.е. ожидали назначения). 41 из них пришли в МИД после ENA, 15 – после конкурса секретаря по Востоку (concours de secrétaire du cadre d'Orient, к которому готовит, в частности, Школа восточных языков, l'École des Langues Orientales) и 17 – после конкурса замсекретаря по Востоку (concours de secrétaire adjoint du cadre d'Orient). В тоже время 37 из них пришли в МИД другими путями, в частности, после службы в администрации Заморских территорий Франции. Лёван считает, что в посольствах до сих пор существует ряд должностей, на которых количество аристократов относительно выше. Это, прежде всего, военные атташе, но в

[658] См.: *Kessler M.-C.* Op.cit.

ряде случаев также и политические советники, торговые, культурные и пресс-атташе[659]. Тем не менее, учитывая количество аристократов вообще, их доля в МИД остаётся непропорционально большой. Ассоциация взаимопомощи французских дворян (l'Association d'entraide de la noblesse française), основанная в 1932 г., сегодня объединяет только около 2600 семей (примерно 6000 человек), которые были признаны ею таковыми. Однако, на наш взгляд это обстоятельство следует поставить в заслугу и Французской республике, и французской аристократии. В тоже время уже отмечено такое явление, как возникновение новых династий – семей, в которых дипломаты работают уже по меньшей мере в двух поколениях. Это des Baeyens, des Billecocq, des Brugère, des Charles-Roux, des François-Poncet, des Gaussen, des Delaye, des Lucet, des Mérillon, des Andréani, des Puaux и др.

На высшие должности в МИД и послами назначаются по результатам конкурса, как правило, кадровые сотрудники, пришедшие после ENA, меньше – СьянсПо или специальный внутренний конкурс («Восточный»). Это – карьерный путь. Второй – назначение Президентом по предложению Премьер-министра, т.е. политический. И среди них есть политики, близкие к лидеру победившей партии, но лично проигравшие на выборах, министры, выведенные из правительства, послы, которым поручено заниматься определённой проблемой (правами человека, торговлей людьми, крушением французского самолёта Рио де Жанейро-Париж, и т.п.). Таким образом, социологически французский дипкорпус не представляет всего разнообразия французского общества, как, впрочем, и другие элиты Франции. В МИД работает большое количество выходцев из социально привилегированной среды. В 2001 г. социологическое исследование послов показало, что менее 5 из них были детьми рабочих. Другой факт – крайне низкое представительство в то время женщин, в т.ч. среди дипломатов в целом. Из примерно 180 послов и постпредов их было менее 20 [660].

На приход молодёжи в профессию влияет и обращение к ней действующих и бывших дипломатов, причём не только в стиле мемуаров. Например, высокопоставленный бельгийский дипломат Р. Делькорд развенчивает целый ряд стереотипов о дипслужбе, живущих не одно уже столетие, широко растиражированных литературой и порой приобретающих карикатурный характер: это и чуть ли не богемная, но как минимум светская и, в частности, салонная жизнь, особенно послов – непременно аристократов[661]. Но он также критикует и полярные оценки роли дипломатов от чуть ли не аналога

---

[659] См.: *Lewin A.* Op.cit.

[660] *Chastand J.-B.* Un ambassadeur a presque le pouvoir de vie ou de mort sur ses personnels. Le Monde, 10.06.2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2010/06/10/un-ambassadeur-a-presque-le-pouvoir-de-vie-ou-de-mort-sur-ses-personnels_1369135_823448.html (дата обращения: 16.06.2010).

[661] *Delcorde R.* Op.cit.

шпионской деятельности до полной бесполезности, особенно после появления телефона, которым теперь при необходимости могут воспользоваться руководители государств без каких-либо посредников, роль которых до электронных СМИК, конечно, принадлежала дипломатам. В капитальном труде о современной французской дипломатической службе «Блеск и нищета дипломатической работы»[662] были отражены специфика работы и повседневной жизни сотрудников министерства и дипломатов в зарубежных миссиях и членов их семей, подготовка кадров и карьерный рост. Эта книга явилась частью большой работы, проводимой министерством на стратегическую перспективу – привлечь и отобрать кадры, которые составят его основу через годы и десятилетия. С этой целью многие высокопоставленные сотрудники периодически встречаются со студентами специализированных вузов, рассказывая о внешней политике Франции и профессии дипломата в рамках специальной программы «За стенами Кэ д'Орсэ»[663].

Представление о том, какая работа ведётся на перспективу, даёт изучение подготовки новых сотрудников французского МИД. Сегодня будущим французским дипломатам, в частности, приблизительный аналог нашего МГИМО – Институт политических исследований (Париж) (IEP de Paris, «Sciences Po»), среди прочих предлагает курс «Трансформационной дипломатии» с уточнением в скобках – «техника государственного переворота»[664]. Преподавание этой теперь уже, надо понимать, «дипломатической» дисциплины ведётся академично: 24 академических часа, язык обучения – французский, форма обучения – «практический семинар». Для успешного изучения курса от студента требуется предварительное овладение минимумом знаний по дисциплинам «международные отношения» и «международное право», а также знакомство со странами Кавказа и Юго-Восточной Азии, которые выступают примерами для излагаемой теории. Описание этого курса кратко и предельно информативно, поэтому имеет смысл привести его целиком:

«Понятие техника государственного переворота было впервые использовано Малапарте. Он, таким образом, подчеркнул, что смена режима в Риме[665] не была результатом народного восстания, но результатом деятельности организованного меньшинства. США первые поняли, что интернет (который является американской индустрией) открыл новые перспективы для свержения диктаторов посредством паралича государства. Успех такой операции, тем не менее, включает в себя использование

---

[662] *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit.

[663] Programme «le Quai d'Orsay hors les murs». [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/evenements-et-actualites-du/le-quai-d-orsay-hors-les-murs/ (дата обращения: 11.02.2015).

[664] Diplomatie transformationnelle (technique du coup d'état). Semestre : Printemps 2014-2015. [Электронный ресурс] URL: http://formation.sciences-po.fr/en/enseignement/2014/kint/3300 (дата обращения: 10.05.2015).

[665] Имеется в виду приход к власти Б. Муссолини.

традиционных дипломатических и военных средств. (Предлагаемый) курс в первых двух частях анализирует элементы, составляющие американскую мощь, и современную технику госпереворота. Две другие части посвящены исследованию примеров Грузии и Бирмы».

Столь же показательна и Программа курса «Трансформационная дипломатия (техника государственного переворота», подготовленная советником-посланником Ж.-М.Лакомбом:

«Элементы, составляющие американскую мощь.

1. Обновление элит: мозговые центры (Think-tanks), фонды, неправительственные организации.

2. Армия с не имеющим аналогов бюджетом и явное превосходство в ключевых компонентах: силы быстрого развертывания, силы специального назначения. Электронная война и интернет, торговля оружием.

3. Культурная гегемония, глобализация культуры.

4. Создание благоприятной среды. От вмешательства (как помощи – прим. Н.Л.), добровольно принимаемого, до гуманитарного вмешательства (как интервенции – прим. Н.Л.). ОБСЕ и Хельсинкские соглашения.

Техника ненасильственного государственного переворота.

1. Предшественники и теоретики манипулирования толпой: Ганди, Чахотин, Мюнценберг, Джин, Шарп.

2. Сеть поддержки эффективного управления. НПО и специализированные фонды.

3. Анализ учебника для активистов. Свержение Слободана Милошевича.

Изучение грузинского случая.

1. Контекст Кавказа. Энергетическое оружие и призвание к порядку (remise en ordre) Президента Путина.

2. Роль миссии ОБСЕ. Защита границ, Южная Осетия, месхетинская проблема, наблюдение на выборах.

3. Применение техники госпереворота. Отъезд Президента Шеварднадзе. Украинский случай.

Изучение бирманского случая.

1. Обзор Бирмы и расклада сил: Аун Сан Су Чжи, армия и этнические меньшинства, Буддизм.

2. Противостояние. Политика санкций, циклон Наргис, силовое столкновение с бонзами. Причины неудачи.

3. Временный компромисс с хунтой.

Заключение»[666].

Для усвоения курса и получения положительной оценки обязательно прочтение следующих четырёх произведений:

-«Экспорт демократии» Ги Эрме (Exporter la Démocratie. Guy Hermet, 2008).

-«Грузия. Выход из империи» Сильвии Серрано (Géorgie, sortie d'empire. Silvia Serrano, 2007).

-«Ловушка: Хельсинки и падение коммунизма» Жака Андреани (Le Piège : Helsinki et la chute du communisme. Jacques Andreani, 2005).

-«Мэйнстрим. Исследование культуры, которая нравится всем» Фредерика Мартеля (Mainstream. Enquête sur cette culture qui plaît à tout le monde. Fréderic Martel, 2010).

Книги эти разные, в т.ч. содержащие общетеоретические поиски того, как люди вообще становятся гражданами, побуждающие к дальнейшему размышлению над методами и результатами экспорта демократии. Но, в общем, и этого вполне достаточно, даже без построения предположений о том, что же тогда говорится за «закрытыми дверями»? Хотя будущим дипломатам предлагается и сразу несколько курсов по истории и теории *разведки*. Это направление в подготовке кадров для французской дипломатии развивается в контексте американского подхода к международных отношениям, внешней политике и дипломатии.

Существенные изменения в подготовке мидовских кадров произошли с 1945 г. – после учреждения Национальной школы администрации (l'École nationale d'administration, ENA). «Восточный конкурс» (concours d'Orient), организованный при III Республике остался, но основной набор кадров стал происходить из выпускников НША. Как считает М.-К. Кесслер, высокий уровень конкуренции и профессионализма приёмных и выпускных экзаменов в НША и, как следствие, её репутации, сделали учёбу в ней будущих послов *легитимацией* высшего уровня с бюрократической и профессиональной точек зрения[667]. Однако оказалось, что для работы в МИД только академического образования, даже такого высокого уровня, не достаточно. После долгих поисков финансирования и доказывания необходимости таких шагов, министерство смогло, открыть сначала Институт по подготовке административных и консульских работников (L'Institut de Formation aux Affaires Administratives et Consulaires, IFAAC, Нант, 1993 г.)[668], затем Дипломатический институт (L'Institut diplomatique, ID) и, наконец,

[666] Diplomatie transformationnelle (technique du coup d'état) Jean-Michel Lacombe. [Электронный ресурс] URL: http://formation.sciences-po.fr/sites/default/files/enseignement/2014/KINT3300_plan.pdf (дата обращения: 10.05.2015).

[667] См.: *Kessler M.-C.* Op.cit.

[668] L'Institut de Formation aux Affaires Administratives et Consulaires (IFAAC) [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/formation-des-diplomates-et-des/article/l-institut-de-formation-aux (дата обращения: 19.10.2015).

Дипломатический и консульский институт для подготовки собственно дипломатов. IFAAC, как ясно уже из названия, готовит для МИД соответствующие технические кадры, подчиняясь непосредственно Управлению кадров. За более, чем двадцать своей работы, там было подготовлено и переподготовлено свыше 6 тыс. сотрудников[669]. Инициатор создания Дипломатического института министр Ю. Ведрин объявил своим дипломатам главный мотив: «необходимость провести ясную границу … между любителями, даже очень много знающими, и профессионалами, которым мы должны быть»[670]. С очень небольшим бюджетом и даже без собственного помещения (не говоря о здании), ID принимал на каждый курс около тридцати слушателей со стажем работы 10-15 лет, которых кадровики намечали на повышение, в т.ч. около десяти не из МИД. Интенсивный двухмесячный курс включал занятия по управлению персоналом, технике переговоров, коммуникации, кризисному управлению, оценки страновых рисков, а также краткую учебную командировку. В 2008 г. парламентом страны такая практика была признана полезной, но крайне ограниченной, не восполняющей пробел в начальном специализированном образовании дипслужащих, в связи с чем было предложено создать полноценную учебную структуру. В результате, 6 апреля 2010 г. начал работу Дипломатический и консульский Институт (L'Institut diplomatique et consulaire, IDC)[671] МИД. Сегодня он предлагает слушателям два курса – базовый, теперь *обязательный* для *всех* новых сотрудников категории «А», т.е. собственно, дипломатов, только что поступивших на службу, и, как и до того ID, переподготовки для тех, кто находится примерно в середине своей дипломатической карьеры. Базовый курс – начальной подготовки – имеет главными задачами формирование групповой сплочённости, знакомство и привитие новичкам *профессиональной культуры МИД*, приобретение ими первичных профессиональных навыков. Поскольку слушатели, в основном, имеют сильное академическое образование, упор делается на практику, приобретение компетенций и разнообразного опыта. В течение трёх с половиной месяцев новым агентам предлагаются различные модули: организация и функционирование МИД (средства работы, написание дипломатических документов, безопасность, «деонтология» – корпоративная этика), мидовские профессии (переговоры, управление бюджетом и бухгалтерия, коммуникация, кризисное управление), личные, коллективные и профессиональные аспекты «карьеры», тематические модули (европейское измерение,

---

[669] Ibid.

[670] Déclaration et point de presse de M. Hubert Védrine, Paris le 15 mai 2001. [Электронный ресурс] URL: http://discours.vie-publique.fr/notices/013001698.html (дата обращения: 15.11.2014).

[671] Formation des diplomates et des agents [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/formation-des-diplomates-et-des/article/l-institut-diplomatique-et-107591 (дата обращения: 19.11.2015).

юридическое измерение, многосторонние вопросы, глобальные проблемы, франко-немецкий и франко-британский модули, консульские вопросы, экономическая и торговая дипломатия), практики французской дипломатии, публичные выступления. Ведётся обязательная языковая подготовка – совершенствования *английского* и одного-двух языков, на усмотрение департаментов, где предполагается их дальнейшая работа. Как правило, кроме стажировки в различных департаментах своего министерства, проводятся поездки в Берлин и Брюссель. По окончании курса никакого документа не выдаётся, но учёба и стажировка, полученные навыки слушателей оцениваются и принимаются во внимание, в частности, при назначении и дальнейшем рангировании[672]. Курс «середины карьеры» предназначен для агентов, прослуживших в среднем 15 лет, перед первым назначением на должность Заместителя Директора департамента. Каждый год Департамент кадров составляет список таких дипломатов, чтобы готовить сотрудников к восхождению в иерархии министерства. Главными задачами этого курса являются укрепление управленческих компетенций и углубление знаний по основным направлениям французской международной деятельности (экономическая дипломатия, дипломатия влияния, безопасность и оборона, европейское сотрудничество, изменение климата). Ведётся и языковая подготовка. Слушатели работают как в группе, так и индивидуально. Поскольку все они находятся на службе, курс адаптирован к такой ситуации, разбит на 6-7 модулей по 1-2, максимум 3 дня[673]. Послам перед назначением предлагается курс консульской работы, встречи в страновых департаментах, язык и др.

Профессиональная подготовка проводится на основе соответствующих учебников, в которых помимо теории рассматриваются конкретные случаи переговоров. Тем не менее, когда французский МИД организовал для вновь принятых на службу молодых дипломатов учебные переговоры («деловую игру» по бюджету Евросоюза под руководством опытных дипломатов, имеющих многолетнюю практику таких многосторонних переговоров), очень быстро процесс, полностью оторвавшись от контекста, превратился в пародию, торговлю с шагом в миллиарды (виртуальных, конечно) евро. Примерно то же происходит и в вузах. Из чего социологи делают вывод, что проблема состоит не в интеллектуальном уровне стажёров, а в самом методе обучения, который нуждается в изменении. Причём, очевидно, что переговорам нельзя научиться только теоретически[674]. Важно, что каждый вновь поступивший на службу в

---

[672] Ibid.

[673] Formation des diplomates. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/formation-des-diplomates-et-des/article/l-institut-diplomatique-et-107591 (дата обращения: 19.11.2015).

[674] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit.

МИД (кроме посла) теперь перед назначением в загранпредставительство первые три года работает в центральном аппарате.

В 2006 г. во Франции был составлен Общеминистерский регистр профессий госслужбы[675]. Функциональный раздел «Дипломатия» содержит перечень из десяти профессий – от переводчика до посла. Из общего регистра нельзя определить принципиальных отличий дипломатических профессий (за исключение сугубо технических деталей). Большинство обязанностей, особенно связанных со сбором и обработкой информации, требуется выполнять чиновникам и других министерств. Тем не менее, приведём примеры информационных и коммуникационных функций посла и политического советника – главы посольства и его основного сотрудника. Политический советник (Conseiller politique - FPEDIP03) должен анализировать политическую ситуацию, разъяснять французскую позицию и составлять синтетические (обобщающие) документы. С этой целью в круг его основной *деятельности* входят постоянные контакты с МИД и посольствами иностранных государств, обмен с местными властями официальными документами, регулярный анализ ситуации в стране пребывания и её значения для Франции, контакты с дипломатами других стран, представителями политических и общественных кругов страны пребывания. Политический советник должен *уметь* понимать различия культурного контекста, поддерживать качественные личные отношения в этом – другом культурном контексте, писать синтетические (обобщающие) документы, анализировать и прогнозировать, вести переговоры. Политический советник должен *знать* английский язык и язык страны пребывания, страну и регион (историю, устройство, международные отношения), многостороннюю европейскую проблематику, основные национальные и международные медиа[676].

Посол-актор – руководитель дипломатического представительства (Ambassadeur-chef de poste diplomatique - FPEDIP01) – представляет Францию, развивает французское влияние, информирует и координирует французские службы за рубежом или при международных организациях. Среди видов его основной деятельности (обратимся только к имеющим отношение к информационному характеру): представление французских властей за рубежом, всестороннее информирование французских властей о стране аккредитации, информирование страны аккредитации о французской позиции, ведение диалога с иностранными властями, усиление французского присутствия в стране аккредитации, переговоры и подписание международных договоров. Посол должен *уметь*

[675] Le Répertoire interministériel des métiers de l'Etat [Электронный ресурс] URL: http://rime.fonction-publique.gouv.fr/ (дата обращения: 15.10.2015).
[676] Le Répertoire interministériel des métiers de l'Etat [Электронный ресурс] URL: http://rime.fonction-publique.gouv.fr/emploi-reference_conseiller-politique_21.html (дата обращения: 15.10.2015).

руководить коллективом, вести с ним диалог, вести общение в другом культурном контексте, быть посредником, вести международные переговоры. Посол должен *знать* международный контекст, политические науки и международные отношения, несколько языков и иностранных культур, вопросы обороны и стратегии[677].

Специфика дипломатического социально-профессионального сообщества

С одной стороны, дипломатическая работа в сравнении со многими другими профессиями имеет свои специфические и очень привлекательные свойства. Прежде всего, что наиболее доступно для наблюдения, эта деятельность проходит в самых разных частях света, что само по себе привлекательно, особенно для молодёжи, любителей путешествовать и просто разнообразных впечатлений. К тому же работать доводится, как правило, в исторических или просто красивых зданиях различных эпох, где сотрудники могут провести большую часть жизни, в т.ч. с её разной степени пышности приёмами. С другой стороны, большое количество стран переживает, во всяком случае, последние столетия, бурные события, связанные как с внутренней политикой (революции, мятежи, преступность), так и с международными отношениями (войны). Задачей же дипломатических сотрудников является наблюдение ситуации в интересах развития, но также и защиты, безопасности интересов и самих жизней и имущества своих граждан. Поэтому им неизбежно, т.е. уже в силу самих своих обязанностей, приходится наблюдать, отслеживать и оценивать, прежде всего, негативные или потенциально негативные явления и процессы. А это сродни работе сотрудников органов поддержания правопорядка, которые, общаясь в основном с преступниками, получают в результате, как показывает психология и статистка, специфический взгляд на общество и отношение к нему. Конечно, дипломатическая служба лишена такой однобокости, поскольку основным для неё всё-таки является развитие отношений с зарубежными странами, а значит общение со всем спектром общества с целью содействия такому развитию.

Следующий фактор – полукочевой образ жизни – между министерством и различными загранпредставительствами в среднем каждые три-четыре года. Феномен постоянных переездов накладывается на ностальгию, смешанную с частичным принятием или отторжением некоторых, всякий раз разных, местных культурных привычек, а также на весьма специфическое положение семьи, похожее на положение семей военнослужащих.

---

[677] Le Répertoire interministériel des métiers de l'Etat [Электронный ресурс] URL: http://rime.fonction-publique.gouv.fr/emploi-reference_ambassadeurchef-de-poste-diplomatique_19.html (дата обращения: 15.10.2015).

Французские социологи классифицировали следующие три *особенности* современной дипломатической работы, связанные с её выбором и обучением:

1. На дипломатическую службу приходят по призванию (подтверждаемому, конечно, вступительным отбором в министерство), о чём по имеющимся данным, за крайне редким исключением, заявили все опрошенные дипломаты. Тем не менее, столь расплывчатый термин скрывает под собой целый набор разнообразных причин, которые определяются при дальнейшем исследовании. Все они восходят к разным событиям в детстве и юности и среди них – любовь к путешествиям, к иностранным языкам и культурам, детство или учёба за рубежом, где работали родители (не обязательно на дипслужбе). Затем, уже в МИД это любое такое первоначальное влечение переосмысливается и добавляется такими причинами, как возможность быть рядом с великими людьми своего времени, участвовать некоторым образом в делании истории, заниматься необычайно интересными вещами[678].

2. Профессию изучают в одиночку. После отбора в МИД происходит погружение в профессию. Конечно, как и в случае с другими государственными должностями, все новые сотрудники предварительно проходят обучение в ENA, других «гранд эколь» или в одном из десяти Институтов политических исследований (Instituts d'études politiques, IEP, самый известный из которых парижский L'Institut d'études politiques de Paris (IEP de Paris), часто фамильярно называемые «Sciences Po», «Сьянс По». Затем, и теперь обязательно, все новые сотрудники проходят дополнительное профессиональное обучение уже в структуре МИД. Но даже в случае с IFAAC, обучение профессии у дипломатов весьма отличается от других. Главное, на чём все настаивают, что дипломатия – это не ремесло, которому подобно большинству других профессий вполне себе обучают практически кого угодно. Дипломатии учатся и учатся самостоятельно. Хотя и под руководством своего рода наставника, который в т.ч., конечно, и передаёт некоторые секреты профессии. Но ни наставник, ни кто-либо ещё не *учит* дипломатии. Это скорее специфический взгляд на происходящее, сродни искусству. Кроме этого, обучение идёт на практике через понимание того, что именно требуется в каждом конкретном случае, при составлении каждого нового документа, и это – всякий раз посредством своего рода рецензирования проделанной работы вышестоящими коллегами. Как пример, один из советников на собеседовании рассказал о глубокой признательности к своему послу, который потратил личное время и отредактировал текст его первого публичного выступления в новой стране назначения, изменив не столько само содержание, сколько очерёдность подачи его аргументов, чтобы оно соответствовало локальной культуре. По

[678] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Op.cit. P. 483-484.

вопросам, по которым нет пока общей точки зрения, собираются совещания. Но, в любом случае, процесс познания, например, как и какие документы писать весьма длительный и в большинстве случаев болезненный (вышестоящие начальники всё время правят их, исходя из самых разных соображений, что постигается только методом проб и ошибок на протяжении длительного времени)[679]. Кроме этого, есть и сугубо формальные нормы движения информации, в частности, документов, которые, особенно в многосторонних форматах (международных организациях, прежде всего), требуют соответствующих знаний и внимания. В этой связи, дипломаты в таких структурах составляют для своих молодых или новых коллег некие подобия справочников, в которых указаны абсолютно необходимые процедуры. В основном это касается согласований и подписей, которые необходимо сделать даже в условиях нехватки времени.

3. Дипломатия это «сословное ноу-хау»[680].

Что касается дипломатов, как специфической социальной группы, то М.-К. Кесслер рассматривает её в сравнении с формированием других подобных *элитарных* групп. Факторами, содействующими этому, она называет внутреннюю сплочённость, а также множественность участников и силу сетей, которые им удаётся построить. В свою очередь, проявлением такой сплочённости служит, осознание принадлежности к группе, в смысле значимости «чести мундира». Это чувство приходит в результате практической работы в центральном аппарате или загранучреждении. Неофиты ассимилируются, учатся выполнять свои функции. Изолированность в чужой стране, работа в команде оказывают на них весьма эффективное влияние[681]. В качестве одного из аргументов можно отметить, как часто послы и другие дипломаты в своих публичных выступлениях или текстах приводят примеры того или иного посла, в своё время оказавшего на них влияние своим характером, своими практическими действиями. Т.е. кроме формальной учёбы, большое значение имеет не только практическое освоение знаний, но и значительный пласт ещё неформализованных знаний и практик, передаваемых только в процессе работы от более опытных старших сотрудников младшим.

Подобно другим ветвям госслужбы, дипломатическая сформировала за уже довольно длительный период своего существования собственный неписанный кодекс. Согласно ему, дипкорпус хочет ассоциироваться с двумя противоположными достоинствами: с одной стороны, со спокойствием, профессиональной сдержанностью, в т.ч. в связи с секретностью части работы, а с другой – с известной отвагой, личной

---

[679] Ibid. P. 488-489.
[680] Ibid.
[681] См.: *Kessler M.-C.* Op.cit

ответственностью, смелостью. Это – качества «большого посла» («grand ambassadeur»). А, кроме того, это видение будущего, чувство ответственности в трудных ситуациях[682].

Ф. Рено в своей книге-расследовании «Дипломаты: за фасадами посольств Франции»[683] пишет о целом ряде факторов, затрудняющих работу сотрудников, снижающих её эффективность. Прежде всего, это происходит из характера работы как *службы*. Посол является представителем Президента, который не только назначает его, но может и отозвать. В свою очередь любой дипломат в посольстве, находясь на государственной службе, тем не менее, полностью зависит от своего непосредственного начальника. Если он чем-либо не понравится послу, в т.ч. лично, тот может организовать его быстрый отъезд на родину. С другой стороны, не только в силу дипломатического иммунитета, но также и по внутрикорпоративным и личным причинам были случаи, когда в посольствах скрывали или замалчивали даже такие преступления, как педофилия (в конце 1990-х годов впервые такой случай был расследован и доведён до суда, и теперь считается, что проблема сокрытия преступлений решена).

Эту книгу о внутренней жизни современных французских посольств некоторые рецензенты критиковали за, в основном, намёки и слухи, а не факты. Однако во многом это объективно, связано с затронутой темой – социологией и психологией малых групп, включая девиационное поведение, что не только из-за научной этики, но и в силу действующего законодательства весьма затруднительно для сбора информации и открытого изложения. Тем не менее, в ней выделена проблема ухудшения в некоторых посольствах внутреннего морального климата в коллективах, особенно, небольших, где «малый персонал», которых находится в большой зависимости, если не во власти, руководства, порой некомпетентного, ведущего себя «по настроению». Периодические скандалы проливают свет на случаи фаворитизма, не ясных причин продвижения по службе, растраты и без того небольших денежных средств, туризма под видом командировок, коррупции и даже педофилии. Причинами автор называет *удалённость* от Парижа и огромную *разницу* в формальных и социальных *статусах* (например, посол по закону может немедленно откомандировать любого сотрудника на родину). Преданность рядовых сотрудников, работающих, в общем, в плохих условиях, по его мнению, недостаточно вознаграждается, особенно если учесть, что они занимаются тяжёлой работой по защите интересов граждан и страны в нашем неспокойном мире. В то же время, и после модернизации 2008-2010-ого годов, ухудшившей условия работы рядовых сотрудников, вследствие бюджетной экономии, не ставится под вопрос шикарная жизнь

[682] Ibid.
[683] См.: *Renaud F*. Diplomates : derrière la façade des ambassades de France. P. : Nouveau Monde Éditions, 2010.

дипломатов высшего ранга, прежде всего, послов. Сегодня все страны поделены на три зоны. В примерно 50 странах зоны А и примерно 80 – зоны В занятие должностей и продвижение по службе происходит быстрее, в качестве компенсации за особо и среднетяжёлые условия жизни и работы. Кроме того, дипломаты не только знают свои личные планы перемещения в ближайшие 10-15 лет, предлагаемые кадровой службой, но и могут участвовать в их изменении. Дипломаты со знанием редких языков, особенно восточных, тем более поступившие по «Восточному» конкурсу, первые две командировки должны отработать в соответствующем регионе по распоряжению руководства, и только затем претендовать на страны с лучшими условиями.

К факторам малой группы и удалённости от своей корпорации и национального общества необходимо добавить и такой сильный изолирующий фактор, как секретность. Под этим предлогом, в принципе всё, что касается службы, включая и личные отношения между сотрудниками, и их личные же поступки в коллективе, может быть официально объявлено запрещённым к обсуждению, тем более судебному разбирательству. Ф. Рено заявляет, что «социологически дипломаты не представляют современное общество и это не в их пользу»[684], имея в виду, что у разных социальных групп французов есть разные интересы. В этой связи, по его мнению, службе нужна «новая кровь», больше женщин, больше людей со стороны, даже если это не всегда просто, как в случае с послом Франции в Сенегале Ж.-К. Рюфаном[685]. Однако, на наш взгляд, это замечание не по адресу. МИД – это часть госаппарата. Разве любая правящая партия и даже президент представляет интересы всех, а не того большинства, т.е. всё же части общества, которая проголосовала за него? Тем более, что дипломаты – это профессиональные сотрудники, специалисты по коммуникации и работе с информацией в соответствии с задачами, которые им ставит политическое руководство. Конечно, собственное мировоззрение, саморефлексия, реальный или воображаемый социальный статус накладывают определённый отпечаток и на коммуникацию, и на информацию, которые производит каждый из сотрудников. Но система МИД в целом работает именно как организация, структура из большого количества сотрудников, следующих правилам коллективной и иерархизированной работы с информацией. А о личных позициях общество узнаёт, как правило, после отставки дипломатов, если вообще не из посмертно издаваемых мемуаров и архивов. Напротив, случай с Ж.-К. Рюфаном показывает, что социологически МИД –

---

[684] *Renaud F*. Les diplomates ne représentent pas la société d'aujourd'hui. [Электронный ресурс] URL: http://www.20minutes.fr/monde/589585-20100825-monde-franck-renaud-les-diplomates-ne-representent-pas-la-societe-d-aujourd-hui (дата обращения: 25.10.2012).

[685] Jean-Christophe Rufin, известный писатель, член Французской академии, будучи на посту посла Франции в Сенегале публично поддержал борьбу с коррупцией в стране пребывания, что вызвало конфликт с президентом Сенегала и досрочный скандальный отъезд.

квалифицированная государственная структура. Будучи на службе, чиновники выполняют поручения, стараясь делать это как можно лучше. Несогласие с поручениями, общей политикой должно завершаться отставкой (добровольной или принудительной). Такова сущность госаппарата.

О *коррупции* пишут на протяжении столетий. В случае дипломатов она выглядит, как принятие решений, сообщение информации и проч., для получения личных выгод, прежде всего, вознаграждения, от властей другого государства. Отношение к этому фактически предательству всегда и везде, в т.ч. в среде дипломатов было резко отрицательное. Тем не менее, и теперь, время от времени, хотя очень редко, появляются сообщения о таких происшествиях, в которых оказываются замешаны французские дипломаты или существуют устойчивые подозрения. В частности, П. Верлюиз обсуждает тему развития деятельности крупных французских и транснациональных компаний за рубежом и её влияния на внешнюю политику Франции. Конечно, помощь своему бизнесу вообще входит в обязанности дипслужбы. Однако, по свидетельству бывших сотрудников МИД, в течение десятилетий многие внешнеполитические решения можно объяснить не на основе декларируемых идеалов, а только целями личного обогащения. Конечно, речь, в первую очередь, в выплате денег тем, кто принимает решения в развивающихся странах. Но и политические посредники, умеющие наладить такие связи за помощь в заключении больших экспортных контрактов, особенно в сфере энергетики, строительства и вооружений, могут получать большие и, конечно, незаконные комиссионные (хотя до судов доходят единичные случаи)[686].

О французской специфике дипломатической службы

В большом количестве работ о дипломатии приводятся характеристики и особенности национальных дипслужб, в т.ч. и французской. Строго говоря, т.е. с учётом широко распространённого и признаваемого мнения о значительном французском влиянии на современную дипломатию, дипломатическую службу, протокол и язык, логически правильно говорить об особенностях других стран, отличающих их от французов. Однако, после Второй мировой войны американцы, как новые лидеры западного мира, говорят и пишут об особенностях других, в т.ч. в коммуникации, переговорах. Показательно, что с самого начала этой новой эпохи – лидерства США на Западе, а после 1991 г. и в мире, американцы смотрели на остальных свысока. Уже для «Джи-Ай» – американских солдат, высадившихся в Европе после открытия Второго фронта в 1944 г., был подготовлен краткий справочник «112 Gripes about the French», приблизительный смысловой перевод которого – «112 недоразумений о французах».

[686] См.: *Verluise P.* Op.cit.

Другие североамериканские союзники – франкоязычные канадцы позже перевели его на французский как «Наши друзья Французы» (Nos amis les Français). В преддверие нового глобального – информационного дипломатического наступления американцев после терактов 9 сентября 2001 г., была инициирована целая серия новых книг, посвященных особенностям дипломатий некоторых государств, в т.ч. и Франции. В 2005 г. была переведена на французский вышедшая двумя годами ранее книга ныне американского журналиста и эксперта по международным отношениям, а ранее – профессионального разведчика, в т.ч. в течение пяти лет руководившего резидентурой ЦРУ в Париже, Ч. Когана «Дипломатия по-французски»[687]. Автор выделил несколько, как он посчитал, специфических для французских дипломатов особенностей «вести переговоры», и сам Ю. Ведрин (министр иностранных дел Франции в 1997-2002-м годах, автор концепции американской «гипердержавы» – «hyperpuissance») в предисловии к переводу отметил, что, несмотря на некоторые клише, большая часть написанного верна. Но вот руководитель хотя и отдела исторических исследований, но всё-таки Министерства обороны (что показательно) А.-О. Инкимбер полагает, что «интересными» в книге можно признать разве что такие действительно французские особенности, как «верность богине Разума», «культ государства» или «острое осознание истории». В остальном же это сочинение мало отличается от справочника для американских солдат, вышеупомянутый перевод которого на французский сотрудница военного ведомства сочла «циничным», поскольку так в Канаде говорят о домашних любимцах – собаках и кошках[688].

Между прочим, сам факт выхода книги и её перевода, т.е. публичное объявление того, что американцы изучают методы действий французских дипломатов, провели и проводят в отношении Франции, как и в отношении многих других государств, серьёзную подготовительную работу, является средством информационного давления (как и на все страны, которым посвящены главы этой книги). И французы отдают себе в этом отчёт, понимают, что не следует думать, что «оранжевые революции», использование НПО, интернета и проч. планируется в отношении только «развивающихся» стран или только в отношении обычных граждан, обывателей. Информационному, психологическому воздействию подвергаются *все*, включая, конечно, политиков и дипломатов, сама работа которых представляет собой коммуникацию и состоит из информационных процессов.

Тем не менее, этот труд Ч. Когана был вовсе не пропагандистским. Главной мыслью его исследования является тезис о том, что разные культуры и разное понимание истории

---

[687] См.: *Cogan Ch*. Diplomatie à la française; *Cogan Ch*. French Negotiating Behavior : Dealing with La Grande Nation. Washington: United States Institute of Peace, 2003.

[688] См.: *Inquimbert A.-A.* Charles Cogan, Diplomatie à la française // Revue historique des armées, 2007, n° 246. P. 133.

представляют собой критически важные источники *непонимания* друг друга. Т.е. в международной политике ещё далеко от точного расчёта баланса сил и даже интересов, поскольку расчёт этот делается субъективно – разными по культуре и даже темпераменту людьми. Ч. Коган перечисляет *шесть* основных на его взгляд специфических категорий французской культуры: традиция (сильного) государства; особенности французской политической культуры; антиамериканизм; французский темперамент; влияние картезианства; влияние французской системы образования, сравнивая каждую из них с американскими. Основное место посвящено выяснению причин антиамериканизма, проистекающего, как из уже состоявшейся истории экспорта в Европу и Францию американской культуры и ценностей, так и нынешней глобализации, которой руководит единственная «гипердержава». Неприятие американской силы можно вывести и из более ранних тяжёлых поражений Франции в Европе, память о которых жива до сих пор в общественном сознании. Что же касается коммуникации, то автор правильно определил французский подход: однажды, после интеллектуальной и политической работы выработанная и зафиксированная позиция становится для французов основой последующей коммуникации, переговоров, смысл которых состоит в объяснении этой – единственно правильной позиции своим контрагентам. Для этого используется логика, логическая аргументация. Коган считает, что это голлистское наследие. Однако, как было показано выше, эта традиция восходит к Декарту и самым первым профессиональным сотрудникам французской дипслужбы. Этот подход полностью противоположен американскому, допускающему компромиссы, стремящемуся к ним, если это в их интересах, прагматически оправдано, в т.ч. из-за нежелания тратить время на длинные абстрактные дискуссии. Этот подход также покоится на убеждении в высочайшем качестве французского высшего образования и превосходстве (интеллектуальном, прежде всего) над другими получающих его французов, в т.ч. дипломатов. Практический вывод Когана заключается в том, что американским переговорщикам, дипломатам следует принимать эту особенность французов *всерьёз*. Т.е. пусть и действительно с американской – прагматической точки зрения непрактичное поведение, определяемое таким граничащим с оскорблением англо-французским неологизмом во французском издании, как «агрессивный неудачник» («*Un* underdog *aggressif*») некогда «Великой нации», теперь живущей с соответствующим комплексом, должно быть понято с уважением к её славному прошлому, терпеливо воспринято. Причём, возможно, без достижения желаемого компромисса.

Что касается самих французов, то, например, активный французский исследователь международных отношений и дипломатии П. Верлюиз выделил *четыре* типа

(французского) поведения, которые могут препятствовать использованию полезной информации. Это: наблюдение за ситуацией посредством «зеркала заднего вида», плохое знание внешнего мира, недостаточное внимание к имеющейся информации и соперничество внутри государственных органов[689]. Многие французские специалисты обращают внимание на такую проблемную черту человеческого характера, как *высокомерие*. С одной стороны, французов в этом часто обвиняют иностранцы. Тот же П. Верлюиз приводит размышления французского дипломата, с большим сожалением полагающего, что высокомерие французов постоянно проявляется в переговорах в рамках Евросоюза (где ему пришлось работать). Причём, похоже, что французы вообще считают нужным высказываться по любому поводу с не всегда уместной важностью, по любому поводу декларируя великие принципы. Возможно, что такое поведение основано на претензии на универсализм. Но французы идут ещё дальше, продолжая декламировать даже тогда, когда собеседник уже сказал «нет», споря, насколько это возможно, с политкорректными англосаксами. Они не уделяют достаточно времени, чтобы выслушать чужие аргументы, всё время стремятся преподать другим урок (в чём их постоянно обвиняют в ЕС), считают себя центром мира. Но другие дипломаты замечают это и за другими французами, в т.ч. миллионами туристов, которые критикуют не только местную еду, но и самих местных жителей в странах, в которые они едут отдыхать[690].

П. Верлюиз пишет о ещё двух часто упоминаемых иностранными дипломатами качествах, в которых они упрекают французов, – *самонадеянности* и *лицемерии*. Они порой вмешиваются в процессы, о которых у них нет полных данных с точки зрения возможных проблем и расклада сил. Когда французы выступают с позиции великих, якобы универсальных принципов, иностранцы улыбаются и считают их лицемерами, скрывающими амбиции власти за якобы благородными принципами. Даже тогда, когда они осуществляют «гуманитарную» миссию, французы имеют репутацию тех, кто прикрывает образом благотворителя комплекс превосходства. Дж. Лафлэнд отмечает и такое отличие французов от американцев: американцы считают французов высокомерными, также как и французы крайне чувствительны к американской гегемонии, усматривая в ней высокомерие. Разница же в том, что у американцев при этом есть стратегия[691].

П. Верлюиз приводит высказывание европейского переговорщика, которому приходилось многократно сталкиваться с некомпетентностью высокопоставленных французских должностных лиц при обсуждении экономических и финансовых вопросов в

[689] *Verluise P.* Op.cit.
[690] Ibid.
[691] Ibid.

рамках Евросоюза. Прежде всего, это касалось Германии – её истории, культуры, менталитета, особенностей отношения к работе. Причём, эти же французы произносили загадочные фразы вроде «Для Франции нет никакой опасности в федеративных отношениях с Германией: настолько мы хитрее этих болванов! У нас всегда будет получаться их контролировать и ими манипулировать». Между тем, искусство и способ, с которыми немцы навязали французам свою концепцию экономического союза, свидетельствует об обратном. Этот комплекс превосходства у некоторых членов французской элиты по отношению к немцам (среди которых он упоминает и Президента Ф.Миттерана), имеет истоки в непризнаваемом комплексе неполноценности. Причём не только из-за поражений от Германии, в т.ч. во Второй мировой войне, но и из-за поведения (не «безупречного», как пишет Верлюиз) в период оккупации 1940-1944-ого годов[692]. Историк Э. Юссон полагает, что по этой же причине с 1960-х годов проводилось недостаточно исследований по истории Германии, особенно периода 1871-1945-ого годов, включая нацизм и военные преступления, чтобы не нанести ущерба дружбе с Германией и курсу на сотрудничество в рамках евроинтеграции. Но в тоже время, и из-за опасений такими исследованиями «разбудить спящего волка». При том, что травматизм излечивается не замалчиванием, а обсуждением, чтобы покончить с недосказанностью и недоверием. Непонимание же, в данном случае немцев, основанное на их незнании, приводит к беспокоящему наивному мнению о возможности ими манипулировать[693].

Похожая ситуация и с изучением и пониманием современной России. Во-первых, все французские знания о ней, как пишет П. Верлюиз, были полностью уничтожены феноменом «перестройки», затем ещё раз – исчезновением СССР и, наконец, отставкой Б. Ельцина в 1999 г.[694]. Во-вторых, сегодня выросло уже целое поколение французов, которое не получило в школе какой бы то ни было чётко описанной картины, внятно сформулированного видения истории СССР и России. Без этого мало кто понимает, что происходит в современной России и поэтому, как в ней и с ней работать политикам и предпринимателям. Наконец, если редкие интересные работы французских исследователей всё же появляются, французской спецификой является то обстоятельство, что политики и бизнесмены их мало и редко читают. Поэтому, и тем более в нынешнее время многих интеллектуальных, дипломатических и экономических вызовов вследствие изменений в Центральной и Восточной Европе, такая дисфункция ошеломляет, приводит

[692] Ibid.
[693] Ibid.
[694] Как и американцы, и специалисты-историки и даже советологи из других стран, французы предполагали длительное сосуществование двух систем и их, в лучшем случае, постепенную конвергенцию.

к тому, что политики только реагируют на события, вместо того, чтобы их предвидеть[695]. Хотя эти точки зрения были оформлены в начале 2000-х годов, они имеют своё значения, по меньшей мере, как этап в развитии французской науки и дипломатии.

П. Верлюиз постулирует: «С 1870 по 1945-й годы Германия и Франция противостояли друг другу в трёх войнах. С 1950 г. обе страны часто представляются в качестве столпов европейской интеграции. Тем не менее, сколько французов действительно знают историю немецкой нации? На основе революционного наследства, французы сначала думают об универсальном человеке (человеке вообще – прим. Н.Л.). Это затрудняет для них говорить: «Это – немец, это – англичанин ... а я – француз». Даже если они формально придают гражданство иностранцу, они в целом мало знают историю, которая за этим стоит, и то, что из этого следует. Короче говоря, французы испытывают культурные трудности понимания и признания особенностей, которые определяют отличия другого, его инаковости»[696]. Приводя мнение Председателя Комиссии Сената по международным делам, обороне и вооружённым силам К. де Вильпена (отца министра иностранных дел и премьер-министра Д. де Вильпена) о том, что французские специалисты, как в прошлом, так и сейчас недостаточно знают и понимают, как устроены и что происходит в супердержавах «холодной войны» - России и США, П. Верлюиз добавляет, что это же можно сказать и об Африке, и даже о Европе. Отсюда следует вывод об общей проблеме: как вообще французы формируют своё представление о мире?

Следует отметить, что приводимые многочисленные высказывания французских послов о таком достойном сожаления и изменения поведении, как туристов, так и чиновников, свидетельствуют как раз о том, что они – дипломаты, как квалифицированные наблюдатели, видят, замечают это высокомерие и невнимание к другому, сами работая иначе. Более того, с 1998 г. МИД и информационная служба Правительства начали систематические исследования образа французов за рубежом. Однако пока не ясны выводы и действия на основе получаемых данных. Хотя и у дипломатов, как и у всех, присутствует субъективный фактор. Иностранцы удивляются, каким образом сочетаются труднейшие конкурсы на право занятия административных должностей и кооптация таких, безусловно, способных, талантливых кадров в советы директоров самых крупных государственных, смешанных и даже частных компаний. Столь же удивительным кажется назначение на посты экономических и торговых атташе в посольствах Франции чиновников, без какого бы то ни было опыта в бизнесе. П. Верлюиз пишет о недостаточном знании даже дипломатами своих международных партнёров,

[695] *Verluise P.* Op.cit.
[696] Ibid.

причём, даже европейских. По словам одного из крупных еврочиновников, французы настолько провинциальны в этом смысле, что обращаются к иностранным собеседникам, как будто те окончили те же «гранд эколь», что и они. Они задают рамки, стиль мышления, изложения, аргументации, понятные тем, кто с ними учился, но абсолютно чуждые иностранцам, озабоченностей которых они не замечают. Наконец, существует и узость мышления, а именно – кроме европейского, сосредоточение ещё только на африканском направлении. Но мир не ограничивается Африкой, – замечает П. Верлюиз, – и чтобы наилучшим образом действовать в XXI в. «стоило бы открыть глаза и уши, определить адекватную стратегию, отказаться от европейской двусмысленности, отбросить примитивный антиамериканизм и лучше узнать Азию»[697].

Тем не менее, следует определить как именно французский подход стремление к рациональности, выработанное французскими же выдающимися философами и социологами, прежде всего, Р. Декартом и О. Контом, а в последствии развитым Э. Дюргеймом и другими. Выделяемая нами, как французская специфика, рациональная исходная для переговоров позиция включает искренность, честность, открытость целей, того, что французская дипломатия стремится достичь, аргументированность своей позиции, логическое, можно сказать, научное её разъяснение другой стороне, внимание к собеседнику с целью понимания его позиции, интересов, терпеливое, но настойчивое стремление добиться собственных целей, объясняя контрагенту, что так будет лучше для всех. Хотя, при возможности, найти взаимовыгодное решение. Однако, такой подход содержит и противоречия. Во-первых, как быть в ситуации, когда цели французов ясны другой стороне и они полностью противоположны их собственным? Убедить, что то, что выгодно Франции, выгодно и другой стране – это не просто, если вообще возможно в целом ряде ситуаций (например, при территориальных спорах). Во-вторых, рационализация переговоров, аргументация, логическое её изложение предполагает, как минимум, возможность такого же мышления другой стороны. Но как быть, если принцы в прошлом или некоторые политики современности не владеют логикой, а то и неграмотны в прямом смысле слова (это, конечно, в минувших эпохах, но именно тогда эти принципы переговоров были заложены)?

[697] Ibid.

4.2. Французская дипломатическая служба и общие социально-политические процессы

Проблемы рефлексии организационной структуры дипслужбы

Первой проблемой инфокоммуникационного характера французской дипслужбы следует назвать *частое изменение инфраструктуры* – управлений и департаментов МИД, посольств и других загранучреждений. Разумеется, что дело не в смене их названий. За каждым новым наименованием управления или отдела следует определение ему новых задач и функций. При этом, их должны выполнять либо прежние сотрудники, либо новые – узкие специалисты по новым направлениям, однако не знакомые со спецификой МИД. Соответственно должны меняться параметры собираемой информации и её дальнейшее движение. Таким образом, затрудняется квалифицированное наблюдение на длительном отрезке времени, что делает любого специалиста всё более и более ценным, тем более дипломата. Составной частью этой проблемы является также довольно частая смена министров. Если в XVII в. их (госсекретарей по иностранным делам) сменилось 12, в XVIII в. – 35 (министров иностранных дел), в XIX в. – 86 и в XX в. – 75, то в XXI в. темп всё нарастает; нынешний министр Ж.-И. Ле Дриан – уже 11-й в этом веке[698]. Причём, как и в случае с прочими сотрудниками, только некоторые из них являются профессиональными дипломатами. Парадоксально, но среди нынешнего (на начало 2016 г.) высшего руководства МИД такого нет ни одного (ни министр, ни все три госсекретаря). Понятно, что все эти должности, с одной стороны, рассматриваются как политические, а с другой, – как вполне стандартные чиновничьи, хотя от них и отличаются обязанности и компетенции собственно дипломатов, работающих под их руководством. Однако, над всем МИД – в структуре правительства и вообще президентской республики и так уже есть политики (прежде всего, президент), которые адаптируют его ведомственное видение более широким, исходящим из общегосударственных задачам. Не говоря уже о том, что и дипломаты, как это было показано, составляют свои отчёты и предложения с учётом адресатов, не столь профессиональных в сфере внешней политики, особенно по конкретным странам и проблемам. И в это же самое время дипломаты назначаются на высшие посты в другие государственные структуры, в частности, разведывательные. Наконец, сюда же следует отнести и большую ротацию кадров – в среднем дипломат находится на посту 3 года, затем переезжает, и так – в течение 20-30 лет.

---

[698] Liste des ministres français des Affaires étrangères. [Электронный ресурс] URL: http://www.wikiwand.com/fr/Liste_des_ministres_fran%C3%A7ais_des_Affaires_%C3%A9trang%C3%A8res (дата обращения: 26.05.2017).

К этой внутренней проблеме министерства примыкает такая проблема всего госаппарата, как создание (в дополнение к аппарату президента республики) во многих госорганах *квазипараллельных МИД структур*, занимающихся внешними связями. Все их служащие – специалисты в своих (ведомственных) областях, имеют собственные, поставленные их собственным руководством (т.е. ведомственные) задачи. Сегодня таких госслужащих количественно гораздо больше, чем дипломатов. Причём некоторые их группы могут и по отдельности превосходить количество мидовцев вообще (прежде всего, разведка) или в отдельных посольствах, в основном, крупных (например, представители министерства финансов). Поскольку речь о госслужащих, то их информация (как и цели) объективно вступает в конкуренцию с дипломатической при принятии решения профильными министрами или высшим политическим руководством. П. Верлюиз называет парадоксальными действия госадминистрации по такому разъединению представительства Франции за рубежом, когда всё большее количество министерств и ведомств посылает за границу всё больше собственных представителей. Он приводит мнение бывшего посла Франции Бернара Дорана о том, что невозможно вести успешные переговоры, если по каждому вопросу существует пятнадцать разных точек зрения. Т.е. вновь напоминает о старой проблеме – необходимости, чтобы все министерства действовали через МИД[699]. Но, между прочим, не очень ясно, как именно можно было бы решать проблемы и в этом случае, учитывая количество этих вопросов и численность мидовцев.

Вторая по степени важности проблема заключается в *разрыве* между *задачами*, которые должен решать МИД, и *количеством его сотрудников*. Её упоминает практически 100% тех, кто вообще пишет о дипслужбе и дипломатии.

Третья проблема похожа на предыдущую, связана с ней и состоит в *разрыве* между *количеством сотрудников* и количеством *документов* и *информации*, с которыми им приходится работать. Это разделение – важное. Информация в данном случае скрыта за количеством документов, не равна им. Документ может повторять одну и ту же информацию или её часть, или не содержать ничего, что нужно в конкретном случае. Но узнать это можно только ознакомившись с ним, что требует времени. А чтобы не делать это ещё многократно, надо также отреферировать, классифицировать и архивировать документ. При том, что современная техника позволяет легко и массово производить документы в физическом смысле (тиражировать их), независимо от информационного содержания. В то время, как автоматизировать, сделать машинным также и ознакомление с ними пока не получается, если это вообще возможно полностью. Конечно, эта проблема

[699] См.: *Verluise P.* Op.cit.

не исключительно мидовская. Зато сайт министерства являет собой наглядный пример проблемы: он находится в постоянном движении. И это хорошо, поскольку постоянно появляется новая актуальная информация о происходящих событиях. Однако сайт, как уже отмечалось, очёнь большой в информационном плане; там есть и общая, не часто (а по мере необходимости) обновляемая информация (структура, задачи министерства, разделы самого сайта). Но кое-что и удаляется. И чтобы знать, что именно, или проследить какой-либо вопрос ретроспективно, необходимо *постоянно* отслеживать и фиксировать изменения огромного количества материала.

Проблема рефлексии финансирования дипслужбы

Большинство экспертов, не говоря уже о сотрудниках МИД, считает, что основные проблемы, в конечном счете, сводятся к лимиту денег, отпускаемых министерству. Несмотря на зависимость между эффективностью деятельности дипслужбы и её финансированием, МИД получает примерно только четверть (т.е. меньшую часть) средств, ассигнуемых на государственную международную деятельность. Остальное поступает в Министерство обороны, министерство экономики и Французское агентство по развитию (L'Agence française de développement, AFD). Кроме того, из денег МИД выплачиваются взносы в ЕС и ООН, а также совершаются расходы по осуществлению различных многосторонних операций, в которых участвуют французские войска. Таким образом, министерство получает менее 1% госбюджета, что, возможно, и не мало, но недостаточно, когда растёт и усложняется международная активность всех государств и ещё более многочисленных негосударственных акторов. В течение 14 лет президентства Ф. Миттерана бюджет министерства колебался между 0,9 и 1 % госбюджета с максимумом в 1,07 % в 1992 г., в котором был подписан Маастрихтский договор. Затем тенденция к снижению продолжилась: 0,97 % в 1996 г., 0,93 в 1997 г., 0, 91 % в 1998[700].

Выйдя в отставку, не только послы, но и министры высказываются о ситуации гораздо резче. В июле 2010 г. сразу двое – А. Жюппе и Ю. Ведрин выступили на страницах «Лё Монд» с призывом «Хватит ослаблять Кэ д'Орсэ!». Они привели данные о том, что бюджет МИД, в общем, всегда был занижен, не превышая в лучшие годы 1,2-1,3% от всего госбюджета (минус, напомним, упомянутые вычеты, которые только проходили через министерство). Общее снижение денег выделяемых на его деятельность за 25 лет сократилось на 20%, чего не было ни в одном другом министерстве. Практически также сократился и персонал. Но за это же время резко увеличился объём работы, и Франции более, чем когда либо необходимы средства сбора информации и её анализа. Другие страны не разрушают свой дипломатический механизм: численность

[700] См.: *Verluise P.* Op.cit.

Госдепартамента растёт на 4-5% ежегодно; количество сотрудников Форрин офиса уже больше, чем на Кэ д'Орсэ; развиваются дипслужбы других стран и т.п. [701]

Помимо уже упоминавшейся забастовки, социологи выяснили, что теперь уже хронический недостаток финансов в МИД породил у дипломатов два типа реакции: первый заключается в констатации *некомпетентности* чиновников минэкономики и минфина, считающих главными собственные (экономические) переговоры с другими государствами, и не понимающих, таким образом, что такое внешняя политика, которая вовсе не сводится к экономике. Кроме того, этим экономистам не хватает дипломатических, исторических, культурных факторов, чтобы понимать своих иностранных партнёров. Второй заключается в том, что дипломаты принимают доминирование экономического блока правительства как *данность*, но видят возможность изменения ситуации посредством улучшения межминистерской координации[702]. А есть также оценка, что ситуация с бюджетом и штатами МИД – это часть гораздо более общего процесса. Франция после исчезновения СССР просто поверила в «конец истории» Ф. Фукуямы и совершила непоправимое – закрыла свои исследовательские и испытательные структуры по ядерному оружию в АТР в то время, как предусмотрительные США ассигновали миллиарды на развитие своего центра ядерных испытаний в Неваде. Кроме того, Париж ликвидировал свои заводы по производству расщепляющихся материалов и распустила группы прекрасных учёных, которые там работали[703].

Весьма критично влияние нехватки денег на состояние кадров. Хорошая дипслужба стоила и стоит дорого. Сюда входит и многолетняя подготовка дипломатов, и их содержание, тем более, когда речь идёт об ожидании от них качестве информации. С ростом задач требуется *количественное* увеличение числа сотрудников (для сбора, обработки, проверки, производства данных), отбор лучших из кандидатов, дальнейшая подготовка и специализация на решении конкретных задач (наблюдения, переговоров, стратегического исследования). Хотя подготовка французских дипломатов остаётся высококачественной, можно выделить некоторые признаки проблем, в т.ч. перспективного характера. Во-первых, сокращения персонала, практиковавшиеся на протяжении целых многолетних периодов, не могут не вызывать сомнений в надёжности, стабильности службы именно в этом министерстве. Конечно, процессы бюджетной оптимизации затрагивают и другие ведомства. Но МИД – совсем небольшая структура,

---

[701] См.: *Juppé A., Védrine H.* Cessez d'affaiblir le Quai d'Orsay! Le Monde, 06.07.2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2010/07/06/cessez-d-affaiblir-le-quai-d-orsay_1383828_3232.html (дата обращения: 12.12.2012).

[702] См.: *Verluise P.* Op.cit.

[703] Ibid.

относительно министерств образования или здравоохранения. Во-вторых, набор будущих дипломатов осуществляется во всё более жёсткой и возрастающей в последние годы *конкуренции*. На наш взгляд, прежде всего, со стороны собственной разведки. С 2009 г. DGSE начала набор 690 гражданских кадров, в т.ч. из «гранд эколь», экспертов по языкам, особенно редким. В течение всего нескольких лет состав службы существенно поменялся. Сегодня в ней, некогда военной и мужской, таковых сотрудников осталось только 30%. Остальные – гражданские, а число женщин выросло с 6 до 25%. Конечно, (по разным данным) около пяти тысяч её сотрудников – это просто «шхуна против американского трансатлантического парохода» ЦРУ, не говоря уже о других спецслужбах. Однако, французы считают, что берут качеством. По имеющимся данным в 2011 г. их разведка подготовила 7 тысяч аналитических материалов по самому широкому кругу проблем[704]. В результате грамотной информационной работы сегодня во Франции работа в спецслужбе больше не является постыдной болезнью, которую надо скрывать, - замечает кадровик В. Нибурель: «У наших английских соседей, которые уже в течение веков знают, что знание это сила, сливки Оксфорда или Кембриджа спешат в спецслужбы, чтобы получить работу там. Нам надо наверстать упущенное время, особенно, поскольку мы являемся одной из немногих служб, не получивших никакого усиления после терактов 11 сентября». Сегодня, после терактов во Франции 2015-2016-х годов, можно говорить о точности этой оценки. Кроме того, в мае 2014 г. прошла последняя пока реформа французской контрразведки: в результате очередной реорганизации (в т.ч. поглотившей DCRI) было создано Главное управление внутренней безопасности (ГУВБ) МВД (Direction générale de la Sécurité intérieure, DGSI). Одним из основных новшеств стала большая, в т.ч. финансовая автономия новой спецслужбы, позволяющая ей нанимать любых специалистов высокого уровня (не только полицейских) для борьбы, прежде всего, с исламским терроризмом. На ближайшие четыре года план набора кадров был установлен в количестве 430 человек – переводчики, инженеры, компьютерщики, психологи, эксперты по геополитике и ядерному оружию, историки, аналитики и т.д. Если до сих пор выпускникам «гранд эколь», желавшим применить свои знания для борьбы с терроризмом, надо было сначала поступить в полицию, пройти подготовку и рисковать оказаться уличным регулировщиком, то теперь они могут быть приняты сразу как соответствующие специалисты. В т.ч. служба получила возможность платить им привлекательные зарплаты, особенно, если речь идёт о выпускниках вузов, только начинающих работать. Целью изменений кадрового состава было лучше предупреждать

[704] См.: *Garroté M*. Espion mode d'emploi – DGSI et DGSE. Le 13 Mai 2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.dreuz.info/2014/05/13/espion-mode-demploi-dgsi-et-dgse/ (дата обращения: 12.06.2014).

угрозы посредством использования новых – информационных технологий – интернета, социальных сетей[705].

Причём, речь идёт не только о новичках. Кадровый дипломат, арабист, посол Франции в Сирии (а ранее – в Турции) Ж.-К. Куссран в 2000 г. впервые был назначен главой Главного управления внешней безопасности Министерства обороны Французской Республики (Direction générale de la Sécurité extérieure, DGSE), т.е. службы внешней (политической) и военной разведки. Через два года (и до 2008 г.) на этом посту его сменил другой карьерный дипломат, посол в Венгрии и Израиле П. Брошан. Наконец, в апреле 2013 г. руководителем разведки стал ещё один дипломат-арабист Б. Бажоле, пришедший с поста посла Франции в Афганистане (а ранее – в Иордании, Боснии и Герцеговине, Ираке и Алжире). Таким образом, информация, её правильная оценка и прогноз становятся, очевидно, важнее, чем применение силы, которое почти всегда запаздывает, совершается как реакция на произошедшее. Можно было бы расценить эти назначения как рост аппаратного и информационного веса мидовцев, как наиболее компетентных как в работе с информацией, так и в понимании противника (в данном случае ближневосточных исламских экстремистов). Но, скорее, это процесс «вымывания» и высших кадров.

Кроме других государственных органов, в т.ч. разведки, которая имеет много общего с дипломатией, в т.ч. и работу за рубежом, ещё одним давним и сильным конкурентом за кадры является бизнес, причём, как частный, так и государственный (во Франции успешно действует целый ряд транснациональных компаний с высокой долей государственного участия). Поэтому, что принципиально, для работы как раз в МИД (хотя и в разведке тоже), необходима мотивация не только финансово-экономического характера. Т.е. желание работать за заведомо меньшие деньги, но в интересах народа, страны, государства, как инструмента, выражающего и осуществляющего общественные интересы. Однако, мотивация, проявляемая новичками и уже профессиональными дипломатами, не одна и та же. В частности, в блогах дипломатов, которые размещены на официальном портале «Дипломатия» в числе первых, один из сотрудников особо выделяет возможность много путешествовать. Кадровый дипломат делится воспоминаниями: пятнадцать лет назад, проходя в МИД конкурс категории «В», он, как и вся остальная молодёжь вместе с ним, включая тех, кто уже даже имел некоторый опыт работы на технических должностях, получили прекрасное академическое образование и по нескольку лет прожили за границей. Но практически никто не представлял, что именно делают дипломаты и технические сотрудники. Зато, приближаясь к тридцати годам, они уже хотели большей стабильности в жизни, позволявшей одновременно не отказаться

[705] Ibid.

совсем от мечты о путешествиях и неизвестном. Должность дипломатического сотрудника (категории «А») не только кардинально отличала для них такого человека от другого – сотрудника технического состава (категорий «В» и тем более «С»), но просто завораживала своим статусом, возможностями назначения в любое место в мире, огромной ответственностью и экзальтирующим образом жизни. Большинство молодёжи именно потому и пришли в эту профессию, причём на позиции технического сотрудника, и никто не пожалел, по наблюдениям автора блога[706]. Т.е. речь идёт об удовлетворении своих желаний, своего любопытства, если не сказать тяги к развлечениям, за государственный счёт. Конечно, романтика, романтическое отношение часто присуще молодёжи при выборе любой профессии. Кроме того, дипломатическая служба – это действительно служба, причём, профессионала, т.е. способность хорошо делать свою работу там и тогда, где и когда это нужно руководству организации, в которой специалист решил работать, а тем более служить. Это не всегда совпадает с желаниями, тем более юного возраста. Постоянные переезды, большинство стран с непростыми условиями для жизни и работы, особенно семьи, трудности репатриации во Францию по окончании службы – все эти проблемы дипломатических агентов замечены, изучаются социологами и психологами; принимаются меры к их смягчению. В этом контексте желание путешествовать, пусть ещё и не представляя себе, в чём именно состоит дипслужба, представляет собой неплохое качество для потенциального сотрудника. Вопрос состоит в балансе, сочетании этого желания с другими мотивами – узнавать, думать, предлагать и действовать. Ведь романтичным может быть не только возможность зарабатывать, так сказать, прожив всю жизнь за границей, но и сделать что-либо, в данном случае, для Франции или вместе с Францией. Сам автор блога, теперь заместитель директора управления коммуникации, не остановился на этом и после работы на технической должности успешно прошёл и конкурс «А». Он делится стереотипами, которые психологически очень мешали этому: о сложности конкурса, о большом влиянии типа предшествующего образования и чиновничьего опыта работы. Пришлось всё это просто отбросить, забыть, и оказалось, что всё вполне по силам. Оказалось, что также – перешли из категории «В» в «А», поступила примерно половина из тех, кто вместе с ним сдавал первые экзамены. Причём, как пройдя конкурс на должность категории «А», так и посредством внутреннего повышения по службе. Вывод, который сделал теперь уже кадровый дипломат с 15-летним стажем службы таков: «Кэ д'Орсэ, о котором говорят как о сильно приверженном традициям, является всё-таки настоящим социальным лифтом,

[706] См.: *Thierry V.* Quand j'étais secrétaire de chancellerie [Электронный ресурс] URL: http://blog.diplomatie.gouv.fr/Quand-j-etais-secretaire-de?lang=fr (дата обращения: 10.02.2016).

предлагающим самым способным, самым мотивированным и иногда самым удачливым карьеры, согласно размеру их амбиций. Поэтому агенты так сильно привязаны к этому министерству»[707]. А ведь они проходят сильную подготовку, как любые чиновники. Затем конкурс, в т.ч. «Восточный», в самом МИД. Т.е. те, кто стремится именно в МИД, прикладывают очень большие усилия, (отказываясь, кстати, от других карьер, куда достаточно диплома и/или места в рейтинге выпускников из лучших вузов). И абсолютное большинство французских дипломатов считает, что министерство не ценит это их стремление работать именно там, а тем более личные пожелания по страновым или региональным направлениям, функциям (консульская служба или направление культурного сотрудничества и проч.). Однако именно приверженность профессии, стремление работать именно в МИД очевидно является ресурсом, до конца не осознанным руководством и потому полностью не используемым[708].

Вообще, то, что происходит с кадрами можно интерпретировать как слабые позиции мидовцев в госаппарате и французском политическом сообществе целом. Непоследовательность, противоречивость кадровой политики (сочетание увольнений и сокращения персонала с разнообразными попытками привлечь молодёжь, участие в программах рабочих мест для молодёжи без квалификации, обеспечение и в МИД при Президенте-социалисте формального *паритета* – равного количества мужчин и женщин[709], как и в других частях госаппарата – всё это удаляет от цели отбора лучших, а не приближает к ней).

Ж.-К. Шеснэ, Директор Национального института демографических исследований отмечает ещё одно несоответствие современной системы подготовки высших административных кадров нынешней же ситуации, характеризуемой высоким динамизмом, постоянной изменчивостью. Причём, не столько самой системы, сколько социологических последствий для тех, кто окончил «гранд эколь». Выпускники этих элитных вузов имеют возможность выбора будущей работы, причём на ответственных должностях и в самых престижных госучреждениях, включая МИД. Проблема же в том, что в случае *неудачи* в будущем, неэффективного выполнения своих обязанностей такие выпускники продолжают оставаться «наверху», т.е. оказываются в, своего рода,

---

[707] Ibid.

[708] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 485-586.

[709] На мидовском портале как огромное достижение представлена следующая статистика, причём зафиксированная на 8 марта 2016 г. : среди дипломатов женщин – 2900 из 5583 сотрудников или 52%, но «только» 27% на должностях директоров. На 13% - с 11 до 24% увеличилось количество послов-женщин (40 из 180) и т.д. Однако нет никаких данных о корреляции роста количества женщин и качества информации. Такой подход демонстрирует отношение к дипслужбе как к весьма примитивному и праздному занятию, не такому, как, например, математика или лечебное дело, в которых признание профессионалы получают за достижения.

«номенклатуре» советского образца. Молодой человек, ещё совсем недавно подросток, получает от Республики постоянные, неизменные привилегии. Это – наследие «старого режима», т.е. дворянства, однажды полученного и затем пожизненно дающего преимущества. Но это больше не имеет смысла в современную быстроменяющуюся эпоху. Если директор банка довёл его до банкротства, разве не следует ему сказать: «Дорогой друг, вы не подтвердили репутацию вашего управленческого сообщества. Мир большой, прощайте». И в тоже время, те, кто не окончили элитных вузов, но на практике доказали свои компетенции, должны иметь возможность попадания на стратегические посты. Тем более, что это происходит, как правило, уже в зрелом возрасте, в котором их талант гораздо более показателен, чем у молодёжи из «гранд эколь», которые, в сущности, были только очень хорошими учениками. Но этого мало. Поэтому необходимо обусловить привилегии (в частности, занятия должностей) динамикой практических достижений. При том, что от «народа» именно этого постоянно и требует эта же самая элита[710].

Переоткрытие роли дипломатии

Лорд Г. Палмерстон, в течение двадцати лет бывший секретарём (министром) по иностранным делам Великобритании (а впоследствии и премьер-министром), назвал «концом дипломатии» первую телеграмму, которую он получил в 1840 г. За полтора столетия разработки и всё более массового внедрения новых ЭСИК разговоры и исследования на эту тему многократно возросли

Финансово-экономические трудности, которые, в общем, есть почти всегда, в случае с МИД во многом порождены мнением, которое имеют о министерстве распорядители государственных финансов. Снижение финансирования именно этого министерства свидетельствует о доминировании довольно распространённого не только во Франции подхода, который выражается формулой «дипломаты больше не нужны». В качестве аргументов приводятся ЭСМИК и глобализация (которую новые технологии и активизируют). Новые СМИК резко увеличили возможности производства и распространения информации, оживив дискуссию о роли и месте дипломатии в современном мире, особенно по сравнению с прошлыми эпохами. Кроме того, в самом центральном аппарате министерства всё больше мнений, что ДТ из посольств мало чем отличаются от хороших обзоров медиа, и лишь немногие содержат действительно редкую информацию от доверительных контактов. Защищаясь, например, один из послов, соглашается, объясняя это тем, что иногда и пресса пишет интересные вещи, которые заслуживают внимания[711].

---

[710] См.: *Verluise P*. Op.cit.
[711] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 352.

По мнению социолога И. Базуни, реформа МИД 1993 г. не ограничилось только очередным изменением структуры и резким усилением европейского направления во внешней политике. Кроме этого, речь зашла о глубоком пересмотре профессиональной идентичности дипломатов, имеющей многовековую традицию. Эта реформа обозначила контуры «современного дипломата» – *менеджера* министерства, которое отныне видит себя «диспетчером» зарубежной деятельности государства. И главной ставкой этой реформы являлся конфликт представительства[712]. Однако малочисленность дипломатов вряд ли позволит им эффективно «курировать» и тем более «координировать» деятельность всех остальных уже только в силу разницы в масштабах. Бывший посол Франции в ЮАР, Бразилии, Японии и Великобритании и Директор Департамента Америки МИД Б. Доран в своей книге, написанной с использованием личного опыта[713], считает, что французская дипломатии образца рубежа тысячелетий напоминает динозавров, имея ввиду крайнюю, «безнадёжную» малочисленность центрального аппарата по сравнению с исполнительными органами – сетью посольств и консульств. И нам известно, – прогнозирует посол, – что случилось с динозаврами, правда, не сразу, а через несколько миллионов лет[714]. В качестве примера он приводит ситуацию 2001 г. в Департаменте Америки, где всего два сотрудника в ранге заместителя секретаря (secrétaire adjoint), примерно соответствующем российскому третьему секретарю или даже атташе, занимаются сразу двадцатью странами. Ещё трое такого же уровня сотрудников работают по Колумбии, Эквадору, Перу, Венесуэле, Боливии, Чили, Парагваю и Уругваю. Наконец, всего один отвечает за две такие важные страны, как Бразилия и Аргентина. «Учитывая, что заместитель секретаря – это один из самых низких рангов, и что его задача состоит не только в анализе телеграмм и справок, которые он получает из представительств, но также в разработке и составлении инструкций послам в странах, которые он курирует, можно определить степень абсурдности системы»[715].

Внедрение компьютеров и интернета играет неоднозначную роль в информационных процессах во французской дипслужбе. Проходившее параллельно продолжение сокращения количества сотрудников при противоположной тенденции роста количества участников международных отношений и их активности (т.е. производства всё большего количества документов, данных) можно объяснить только расчётом на то, что новые технические средства работы с информацией и её коммуникации позволят

---

[712] См.: *Bazouni Y.* Op.cit.
[713] См.: *Dorin B.* Appelez-moi Excellence. Un ambassadeur parle. Montréal: Stanké, 2001.
[714] Ibid. P. 38.
[715] Ibid. P. 41.

заменить людей. Но постепенно, оказалось, что, прежде всего, в Париже, в центральном аппарате сотрудников стало *критически* не хватать.

Дипломат и учёный Ф. Эсбур назвал МИД «перевёрнутой пирамидой», где слишком много послов, но недостаточно рук, необходимых для практического выполнения их и вышестоящего начальства указаний, планов и инициатив. Следствием стала *перегрузка* сотрудников, которая, в частности, в случае аналитиков часто приводит к *потере информации* из-за её недоступности или отсутствии времени на знакомство с нею[716]. Между тем, именно новые технические возможности ЭСМИК, и позволили осуществиться и продолжаться такому быстрому росту количества участников международных отношений и их активности. Т.е. уже один сам этот факт должен был бы привести к мысли о не сокращении, а увеличении количества сотрудников в дополнение к компьютеризации их информационной деятельности. Вообще, ЭСМИК позволили, в первую очередь, гораздо легче, чем прежде, можно сказать с минимальными, предельными затратами времени производить и передавать информацию в смысле её *тиражирования* и комбинирования. Но примером этих возможностей является и спам.

Другим фактором, крайне затрудняющим работу с информацией, особенно её изучение, осмысление, является нехватка времени, вызванная чрезвычайным характером или даже самой скоростью развития некоторых событий. Бывший посол Франции в Ливии и Ливане К. Греф описывает свой опыт работы в чрезвычайных условиях, когда ему пришлось столкнуться с захватом заложников, убийством военного атташе при французском посольстве в Бейруте и проч. В такие моменты руководитель дипмиссии живёт под гнётом неотложности (urgence) принятия решений. «Она оставляет мало времени для анализа и углублённого размышления над событиями и их контекстом; заставляет действовать прагматично..., что входит в противоречие с классической дипломатической работой»[717]. И в современном мире количество таких стран и целых регионов растёт.

Ф. Рено описывает унылые настроения в CAPS, сотрудники которого ощущают свою ненужность и ищут продолжения карьеры в других местах. Этим подразделением МИД гордился многие годы, но теперь (речь о периоде Л. Фабиуса) министр даёт только краткосрочные поручения. Что касается стратегического анализа и прогнозов, для чего, собственно, и был создан CAPS, то, сожалеют сотрудники, «мы поняли, что он (т.е.

[716] *Verluise P*. Op.cit.
[717] *Graeff Ch.* Tripoli-Beyrouth (1982-1987): l'ambassadeur dans la crise / Cohen S. (dir.) Les diplomates. P. 127.

министр – Н.Л.) уже достаточно взрослый, чтобы делать его сам»[718]. Возможно, что прогнозы, действительно, перестали устраивать не только министров, но и высшее политическое руководство. Однако, ни лучших теорий, ни лучших сотрудников пока нет. Дело в том, что высшие политики, даже министры, исполняют свои высшие функции очень короткий период времени, по сравнению с долгой профессиональной жизнью дипломата. А теоретически проблема прогнозирования и даже объективной оценки текущей ситуации действительно сложна. Р. Франк, о котором уже упоминалось, как и П. Ренувен и Ж.Б. Дюрозель, как и их предшественники, пока не смогли построить прикладную теорию исследования международных отношений, позволяющую в т.ч. прогнозировать их развитие, перевести теоретическое знание в экспертное. П. Ренувен и Ж.Б. Дюрозель принципиально отказывались устанавливать иерархию факторов, указывая, что наука международных отношений должна развиваться «эмпирически». Т.е. в каждой конкретной ситуации должно быть выполнено исследование *всех* факторов и их многочисленных взаимовлияний[719]. Р. Франк предлагает анализировать ситуацию во временном аспекте, т.е. не как факт, а как процесс, умеряя конструктивистский подход реализмом (эмпиризмом) и учитывая ценности и идеалы действующих лиц[720]. Но как практически это делать, остаётся неясным, а список факторов практически не отличается от такового, предложенного ещё д'Отривом. Не простая ситуация существует и в современной общей французской социологии[721].

Политики, занятые политикой, т.е. прежде всего внутренними проблемами, включая перевыборы, интересуются и знают внешнеполитическую проблематику поверхностно. По крайней мере, часть французских специалистов считает недостаточным текущий уровень и полноту даже научного изучения стран, регионов, международных отношений в целом. Казалось бы, потому и существуют и работают дипломаты, что речь здесь о недипломатических чиновниках и исследователях, не говоря уже о журналистах. Однако, такие чиновники, тем не менее, ведут переговоры по международным вопросам; учёных-исследователей мало, их работы в основном узкоспециализированы, а обобщающих, координирующих и синтезирующих структур (фондов, центров, институтов) нет или не хватает. Журналисты же, используя ЭСМИК, оказывают влияние на всех вышеперечисленных, а также и на избирателей, таким образом, ещё раз – с ещё одной

---

[718] См.: *Renaud F* . Quai d'Orsay : malaise à la direction de la prospective. Le Point.fr, 24.10.2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.lepoint.fr/politique/exclusif-quai-d-orsay-malaise-a-la-direction-de-la-prospective-24-10-2012-1520322_20.php (дата обращения: 12.11.2014).

[719] См.: *Duroselle J.B.* Toute empire périra...

[720] См.: *Frank R.* Penser historiquement les relations internationales. Annuaire français de relations internationales. Volume IV. La documentation Française, 2003. P. 42-65.

[721] См.: *Литвак Н.В*. К итогам XIX Международного Конгресса франкоязычных социологов: новые подходы к изучению неопределенности // Вестник МГИМО (У). – 2013. – № 1. – С. 188-191.

стороны влияя на политиков. Дипломаты же, напротив, оперируют закрытой информацией, доступной узкому кругу лиц, которые, если и читают эту (закрытую) информацию от дипломатов, в свою очередь также не могут ею свободно оперировать для решения текущих и выборных задач. В итоге, для дипломатов такая ситуация означает не только многократный численный перевес над ними некомпетентных в этой сфере людей, тем не менее, участвующих в принятии решений, но также рост дефицита *времени*, которого и так не хватает, из-за необходимости вести по существу научно-исследовательской работу, самостоятельно восполнять пробелы теоретических и прикладных наук. Возможно ли это в принципе? Для каждого дипломата, занимающегося конкретной страной, регионом, проблемой? Притом, что дипломаты постоянно заняты текущей конкретной практической работой по выполнению поручений, составлению документов, проведению переговоров, составлению отчётов и планов.

Общий фон – рост количества задач и уменьшение полномочий в пользу других министерств и аппарата президента страны (особенно послы были недовольны процессом изъятия из под их руководства культурного сотрудничества), уменьшение штата МИД и его финансирования – всё это сказывается на моральном состоянии сотрудников, особенно со стажем. «На Кэ д'Орсэ присутствует огромное беспокойство и много вопросов. Дипломаты спрашивают себя: Что мы делаем? Чему служим?»[722].

Профсоюзное движение в МИД как индикатор саморефлексии дипслужбы

По мнению, как исследователей дипломатии и госаппарата, так и самих дипломатов, существует несомненная (хотя не прямо пропорциональная, конечно) зависимость между эффективностью деятельности дипслужбы и её финансированием. П.Верлюиз замечает, что тенденция к снижению финансирования имеет и социологический аспект: дело в незначительности человеческого потенциала МИД, если рассматривать его сотрудников, как избирателей. Сколько их может выйти на улицу с экономическими требованиями, особенно по сравнению с такими министерствами, как образования или здравоохранения? Однако как служащие, работающие за зарплату, многие мидовцы также являются участниками профсоюзного движения, занимаются традиционной для таких организаций деятельностью. Это борьба за улучшение условий и оплаты труда, за сохранение рабочих мест и повышение компенсаций в случае увольнений. Т.е. в целом – это экономические цели и задачи. Вместе с тем, исторически профсоюзы участвовали и в социальной и политической борьбе, считая экономические условия производными от политической

[722] См.: Franck Renaud: «Les diplomates ne représentent pas la société d'aujourd'hui» [Электронный ресурс] URL: http://www.20minutes.fr/monde/589585-20100825-monde-franck-renaud-les-diplomates-ne-representent-pas-la-societe-d-aujourd-hui (дата обращения: 25.10.2012).

ситуации. В условиях МИД этот аспект профсоюзного движения выглядит весьма специфично.

Спецификой Франции вообще является чрезвычайно низкое участие работников в профессиональных союзах. Речь идёт не о сравнении с 60-70% занятых – членах профсоюзов, как в Дании или Голландии, но всего о 7,7 % (последние данные – за 2013г.), что ставит страну на предпоследнее место в Европе (меньше только в Эстонии) и третье с конца в ОЭСР (перед Турцией)[723]. С этой точки зрения профсоюзное движение в МИД весьма интенсивное, т.е. выше среднего по стране. Особенностью его является и то обстоятельство, что, в отличие от частного, коммерческого сектора, администрация в диалоге, а иногда и в противостоянии с которой, профсоюзы борются за права своих членов, состоит из таких же специалистов – в основном, профессиональных дипломатов. Другой особенностью является долгосрочная и целенаправленная борьба за стирание отличий в отношении прав дипломатического («А») и вспомогательного, технического состава («В» и «С»), несмотря, на объективную существенную разницу в их работе. Образование, квалификация, специализация, опыт, полномочия у этих групп сотрудников разные. Однако равенство, как один из основных принципов профсоюзного движения, предопределяет направления и формы конкретных действий. К тому же, конечно, есть и объективно общие цели – сохранение рабочих мест, повышение зарплаты и улучшение условий труда и др. Кроме отделений крупнейших общенациональных профсоюзов – CFDT-MAE[724], CGT/MAE, FO MAE, во французском МИД действуют также USASCC (L'Union syndicale des agents des corps de chancellerie), ASAM-UNSA (Association Syndicale des Agents du Ministère des Affaires Etrangères / Union Nationale des Syndicats Autonomes), SUPMAE (Syndicat Unitaire du Personnel du Ministère des Affaires Etrangères).

В тоже время, в этой работе есть несколько основных направлений, которые специфичны для профсоюзов работников именно французского МИД. Один из наиболее острых вопросов в специфической дипломатической социальной среде, в которой конкурирует очень небольшое количество специалистов очень узкой и при этом очень высокой квалификации, – это *кадровые назначения*. Только с избранием Президента-социалиста (Ф. Миттерана) в этой одной из самых консервативных служб начался определённый диалог по кадровым вопросам. В 1983 г. в МИД впервые и на паритетных началах между администрацией и сотрудниками были созданы паритетные министерские и местные консультативные комиссии (commissions consultatives paritaires ministérielles (CCPM) et locales (CCPL)) для обсуждения и предотвращения в т.ч. произвола при приёме

[723] OESD. Stat. Taux de syndicalisation. Электронный ресурс: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=UN_DEN&Lang=fr (дата обращения:23.04.17).

[724] В настоящее время крупнейший профсоюз служащих Франции. Его отделение в МИД действует с 1974 г.

на работу и увольнении. Хотя, как отмечали профсоюзы, их роль постепенно была сведена к минимуму[725], они стали началом нового для МИД процесса, затем периодически получавшего очередные импульсы.

Конечно, существует естественное движение кадров. Ежегодно МИД нанимает сотни сотрудников десятков профессий, потому что вакансии образуются вследствие завершения контрактов, выхода на пенсию или перехода на работу в другие места. Порядок, не меняющийся с 06.04.2016 (как это следует из даты последнего изменения соответствующей информации на официальном сайте)[726], предусматривает подачу претендентами заявлений (примерно с 11 мая по 11 июня) и затем их вызов на конкурс (экзамены и собеседования). Из новейших больших процессов – начатая 27 февраля 2017 г. серия заседаний рабочей группы по кадровому планированию GPEEC (gestion prévisionnelle des emplois, des effectifs et des competences – плановое управление рабочими местами, численностью персонала и компетенциями) под председательством Генерального директора по административным вопросам и модернизации Элен Фарно-Дефромон (Hélène Farnaud-Defromont Directrice générale de l'administration et de la modernisation, DGAM[727]) о прохождении службы всеми категориями сотрудников МИД («А», «В», «С»). Основа этих встреч – «мозговой штурм», к которому администрация пригласила всех представителей работников для предложений по всем вопросам без каких-либо «табу». При этом, как это следует из названия департамента, проводящего такую работу, предложения и их обсуждение должны быть основаны на определённых принципах. Во-первых, это определение текущей ситуации в министерстве на основе понимания современных международных отношений, и во-вторых, соответствующие потребности, цели и задачи для МИД в целом и его различных подразделений на ближайшие пять лет. Такими принципами являются поддержание универсальной сети диппредставительств и глобальная дипломатия, баланс между специалистами широкого и узкого профиля (т.е. концентрирующихся на деятельности отдельных департаментов), рост значения цифрового (т.е. компьютерного и коммуникационного) фактора, изменяющего рабочую среду. Среди основных обсуждаемых тем: повышении квалификации управления подчинёнными и использования информационных ресурсов для служащих категории «А», управление новыми профессиями, появляющимися в министерстве в связи с процессом его информатизации, и соответствующее повышение

[725] La transparence n'est pas de mise au MAE. 12 octobre 2012. Электронный ресурс: https://www.hdf.snes.edu/spip.php?article152 (дата обращения: 28.11.2016).
[726] Emplois, stages, concours. [Электронный ресурс] URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/emplois-stages-concours/ (дата обращения: 28.04.2017).
[727] Direction générale de l'administration et de la modernisation. Электронный ресурс: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/organigramme-de-l-administration-centrale/article/direction-generale-de-l-administration-et-de-la-modernisation (дата обращения: 28.04.2017).

квалификации сотрудников, разрыв между имеющимися человеческими ресурсами и их вероятной потребностью в будущем (в частности, прогнозируется сохранение переизбытка кадров категории «А», которые не склонны к ранней, досрочной отставке и выходу на пенсию), ожидаемое увеличение трудностей в заполнении руководящих должностей женщинами и др. Профсоюз вновь подтвердил своё предложение по слиянию категорий (корпусов) секретарей, советников и министров (советников-посланников). Кроме того, было обращено внимание на необоснованное применение срочных контрактов, особенно на должностях, требующих технических знаний, которое ставит таких сотрудников в ситуацию неуверенности (в то время, как срочные контракты должны применяться только в исключительных случаях). [728]

Ещё одним из важнейших направлений профсоюзной работы является борьба за *равенство*. Его основные аспекты: доступ к должностям, условиям труда, отдыха и отставки в соответствии с компетенциями, отношением к работе, затраченными усилиями при недопущении половой, расовой, возрастной, социальной (т.е. различий, обусловленных статусом сотрудника в министерстве) дискриминации. С этой целью постоянно ставится вопрос об унификации социальных прав и гарантий, а также приёма на работу и прохождения службы для всех категорий сотрудников («А», «В», «С»), но также всех трёх сетей (дипломатической, консульской, сотрудничества, в т.ч. культурного). В т.ч. CFDT неоднократно предлагало их сближение, если не слияние. Крупным достижением стало утверждение порядка приёма на работу посредством не только конкурсов, но и процедуры, специально названной прозрачность **(**transparence**).** На заседаниях CTM и CTAC администрация ставит перед профсоюзами задачу выработки согласованного механизма снижения численности сотрудников, поскольку план бюджетной экономии спускается в министерство из правительства. Влияние профсоюзов на этот процесс весьма ограниченно и состоит в его организации с соблюдением максимально возможной справедливости, равенства, социальных прав и гарантий. При этом профсоюзы поддерживают МИД в его разъяснительной работе с правительством и Президентом относительно необходимости сохранения мидовской сети загранучреждений как глобальной, что соответствует задачам, стоящим перед французской дипломатией и её внешней политикой в целом. Конечно, для членов профсоюза, как сотрудников министерства, любое сокращение финансирования сказывается непосредственно и означает «заморозку» денежного содержания или замедление продвижения по службе

[728] GPEEC cat. A : des pistes de réflexion intéressantes mais contraintes par une pyramide des corps inversée. 4 avril 2017. Электронный ресурс: http://www.cfdt-mae.fr/agents/agents-titulaires/at-categorie-a/sae/ata-sae-revendications/gpeec-a-pistes-de-reflexion-interessantes-contraintes-pyramide-corps-inversee-27-fevrier-2017/ (дата обращения: 22.04.2017).

(поскольку оно связано с повышением зарплаты и других выплат), т.е. «блокирование социального лифта», о чём они и пишут. Одним из средств действия в этой ситуации является согласованное уменьшение ежегодного приёма на работу новых сотрудников взамен уходящих на пенсию, соответствующее уменьшение должностей.

CFDT-MAE регулярно ставит вопрос о подготовке служащих к отставке – завершению карьеры в министерстве. Прежде всего, речь идёт о том, что общество заинтересовано в использовании опыта, накопленного за время службы, а сами отставники – в продолжении активной деятельности. Основными сферами приложения их знаний считаются частный сектор и местные органы госуправления. Такие программы к середине 2010-х годов уже были разработаны в министерствах обороны и внутренних дел. Однако профсоюз выражает опасения, чтобы проекты и подготовка к «жизни после МИД» касались не только высших кадров, а всех сотрудников[729]. CFDT-MAE наблюдает за исполнением закона о паритете при приёме на работу женщин, особенно на руководящие должности. И в этой связи периодически требует разъяснений по поводу заявлений администрации о соответствующих трудностях в МИД[730]. В 2017 г. профсоюзы добились изменения в расчёте оплаты труда служащих – иностранцев, нанимаемых по контракту за рубежом. Департамент финансов перестал вычитать при увеличении зарплаты из локального, в каждой стране роста цен размер французской инфляции[731].

Весьма показателен пример жалобы CFDT-MAE в секретариат по спорам Государственного совета на превышение полномочий в распоряжениях МИД об организации внешнего и внутреннего конкурсов на замещение должностей советников и секретарей МИД и секретарей восточной специализации (категория «А») и атташе (секретарей «шансельри», категория «В») от 12 февраля 2007 г. Жалоба была зарегистрирована 18 апреля, и 25 июня того же года Госсовет удовлетворил её, мотивировав своё решение тем, что «изменено существо этих конкурсов». Что, «с одной стороны, по новым условиям этих конкурсов «иностранные языки, которые требовались прежде, как обязательные и дополнительные, заменены на другие, и их количество сильно сокращено, а с другой стороны, изменилось содержание заданий, и был существенно повышен проходной балл» и т.д. Но главное, что в целом, эти условия вступали в силу

[729] Fins de carrière et transition vers la retraite des hauts fonctionnaires du MAE : cachez ces cadres que nous ne saurions voir – 12 décembre 2016. Электронный ресурс: http://www.cfdt-mae.fr/agents/agents-titulaires/at-categorie-a/ministre-plenipotentiaires/fins-de-carriere-transition-vers-retraite-hauts-fonctionnaires-mae-cachez-cadres-ne-saurions-voir-12-decembre-2016 (Дата обращения: 22.12.2016)

[730] Ibid.

[731] Commission coût-vie : fin de la double peine pour les agents recrutés locaux! [Электронный ресурс] URL: http://www.cfdt-mae.fr/agents/recrutes-locaux/commission-cout-vie-fin-de-double-peine-agents-recrutes-locaux-29-mars-2017/ (Дата обращения: 28.04.2017).

немедленно, что не позволяло кандидатам как следует подготовиться к экзаменам в октябре (!) того же года. А подготовка такого рода требует длительного времени[732].

Случаи назначений, особенно на посты глав дипмиссий – нескромные, протекционистские, неоправданные с точки зрения карьерных сотрудников, не редки. Многие такие назначения совершаются в связи со сменой президентской администрации, правительства, в качестве своеобразного награждения за проделанную работу. Так в связи с окончанием президентства Ж. Ширака его бывший пресс-секретарь Ж. Боннафон (47 лет) был назначен генконсулом в Нью Дели, его же бывший дипломатический советник Ш. Фрайз (44 года) – послом в Прагу, а дипломатический советник премьер-министра К. Фарно (43 года) – послом в Афины. Наконец, в 2008 г. генконсулом в Лос-Анджелесе стал 36-летний Д. Мартинон, бывший пресс-секретарь уже Президента Н. Саркози. В МИД всякий раз становилось всё больше недовольных таким ходом событий, тем более, что с 1996 г. было закрыто 18 генконсульств. Со временем такие случаи стали получать всё более публичную и скандальную огласку. В результате, чтобы успокоить растущее раздражение кадровых дипломатов, министр Б. Кушнер учредил комиссию с участием руководителей управлений и своего секретариата (кабинета министра). Чтобы обеспечить большую прозрачность назначений список вакансий стал публичным, все советники, отвечавшие соответствующим требованиям, могли на них претендовать, а кабинет министра представлял кандидатов Совету министров. Хотя это не исключило возможности появления в последний момент внешней кандидатуры.

В 2012 г. Профсоюз CFDT опротестовал назначение новым послом Франции в Таиланде Д.Лора, молодого дипломатического советника республиканца Н. Саркози. Ещё действовавший на тот момент Президент, желая, очевидно, вознаградить своего сотрудника, обезопасив его карьеру в случае поражения от социалиста Ф. Олланда, издал декрет о назначении между первым и вторым турами выборов (которые он в итоге проиграл). И дело было не в том, что хорошо бы новому Президенту самому решать, кто будет его представлять за рубежом, а в нарушении формальных правил таких назначений. Профсоюз подал сразу две жалобы – Президенту и в Государственный Совет, указав в них, что Д. Лора не соответствует требованиям, предъявляемым к таким назначениям. В частности, ст.62 Статута дипломатических и консульских агентов в редакции 2009 г. (реформа министра Б. Кушнера) предусматривает для должностей посла и советника-посланника прохождение службы в течение не менее 10 лет на руководящей должности категории «А», в т.ч. не менее 3 лет за рубежом. Однако Д.Лора никогда не занимал такие

[732] Conseil d'État, 2ème et 7ème sous-sections réunies, 25/06/2007, 304888, Publié au recueil Lebon. Электронный ресурс: https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriAdmin.do?idTexte=CETATEXT000018006649 (дата обращения: 22.12.2015).

должности, как Директор странового департамента МИД или консул (т.е. не руководил коллективами), а потому профсоюз назвал это назначение «незаконным» и «провокацией», подчеркнув, что дело не имеет политической окраски, а демарш осуществляется во имя обеспечения равенства (прав сотрудников)[733]. При этом, Д. Лора – высокопрофессиональный сотрудник, выпускник ENA, кадровый дипломат, к своим 42годам поработавший и 1-м секретарём Постоянного представительства Франции при ООН, в секретариате министра иностранных дел Ф. Дуст-Блази (2005-2007) и советником по отношениям с Америкой, Россией, Кавказом, Балканами и Центральной Азией в аппарате дипломатического советника Президента Республики (2007-2012). Профсоюз отдавал себе отчёт, что рассмотрение дел в Госсовете занимает обычно 2-3 года и, тем не менее, выразил надежду, что ввиду специфики этого случая, срок может быть значительно уменьшен. И действительно, Что же до дальнейшей судьбы Д. Лора, то в октябре того же 2012 г. он был назначен на должность Генерального консула в Сан Пауло, на которой проработал 4 года.

Для CFDT-MAE это был уже не первый подобный опыт: в октябре 2011 г. профсоюз своим письмом Генеральному секретарю МИД уже запрашивал разъяснения в связи с предполагавшимся другим назначением того же Д. Лора – в тот раз на пост посла Франции в Бразилии. МИД официально не ответил, но назначение не состоялось. CFDT также воспрепятствовал незаконной карьере других близких к Н.Саркози сотрудников – добился неназначения посла в Монако И. Марека и отзыва посла из Индонезии (Bertrand Lortholary), который уже приступил (!) к своей работе в феврале 2012г.[734] Своим решением от 23 июля 2012 г. Госсовет аннулировал эти назначения в связи с тем, что упомянутые послы не занимали руководящих должностей и, таким образом, не доказали свою способность управлять другими сотрудниками, что является обязательным условием. В результате, Б.Лорторари в августе 2012 г. поехал Генконсулом в Нью-Йорк, а послом (во Вьетнаме) стал в 2016 г.

Как крупный работодатель преподавателей, МИД испытывает определённое давление и со стороны других профсоюзов, в частности, самого крупного профильного профобъединения – Национального объединённого синдиката школьных учителей (Syndicat National Unitaire des Instituteurs, Professeurs des écoles et PEGC, SNUIPP). Сообщая о конкурсах, организуемых для учителей для работы за рубежом в учреждениях, контролируемых МИД, профсоюз критически комментирует их организацию. В

[733] La nomination du futur ambassadeur contestée par la CFDT. 11 mai 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.lepetitjournal.com/bangkok/communaute/actu-communaute/106622-communaute--la-nomination-du-futur-ambassadeur-contestee-par-la-cfdt.html (Дата доступа: 25.06.2014).

[734] Quai d'Orsay : la CFDT fait valser les ambassadeurs sarkozystes. 18 juillet 2012. Электронный ресурс: http://da-esterel.over-blog.fr/article-quai-d-orsay-la-cfdt-fait-valser-les-ambassadeurs-sarkozystes-108278978.html

частности, он отмечает, что, несмотря на механизм рассмотрения и утверждения кандидатур паритетными консультативными комиссиями (CCPM), не все кандидатуры проходят через них, многие утверждаются *до* комиссий, и профсоюзы постоянно протестуют против такой практики[735].

Интересным представляется то обстоятельство, что практически все мидовские профсоюзы в той или иной мере излагают своё *видение идеального министерства* иностранных дел. Причём не только с точки зрения прав сотрудников, но и роли и места министерства во французском государстве, его внешней политике, в международных отношениях в целом. Социальный процесс в МИД и вокруг МИД имеет разноплановый характер. С одной стороны, администрация, имея интересы, имманентно противоположные интересам трудящихся, сотрудников на зарплате, причём, самого разного уровня квалификации и выполняемых обязанностей, ведёт себя с ними как управленец и (в экономических категориях) представитель собственника. Государство и, в части экономических вопросов, прежде всего, министерство финансов, постоянно требует снижения издержек, «оптимизации» персонала и его функций. Сокращение (относительное, а по некоторым статьям и абсолютное) финансирования, кадровое сокращение – это долговременный процесс, неуклонно проводимый уже не одно десятилетие, независимо от того, кто заседает в Елисейском и Матиньонском, Люксембургском и Бурбонском дворцах. Нововведением последних лет стала передача части консульских функций, прежде всего, визовых, на аутсорсинг. Профсоюзы выступили и выступают резко против этих процессов. Между прочим, история с визовыми и подобными вопросами имеет и ещё один аспект. В XXI в. французские дипломатические сотрудники впервые бастовали. МИД – очень маленькое министерство. Резонанс и эффект от забастовок даже всех его агентов и вспомогательного персонала (что вряд ли можно даже себе представить). У Президента и премьера есть собственные, пусть и небольшие, аппараты дипломатических советников. Поэтому наиболее заметными забастовочные действия могут быть только там, где дипломатическое ведомство соприкасается с массовым заказчиком своих услуг, т.е. по консульским вопросам, чаще всего – визовым. В тоже время, есть и объективные причины этих реформ. Прежде всего, это резкий рост мобильности граждан большинства стран мира (в т.ч. и французов), которые обращаются за услугами. В свою очередь, многие услуги не требуют высокой квалификации, могут выполняться менее квалифицированным персоналом под руководством опытного и компетентного управленца.

[735] Les postes au MAEDI. 10 août 2016. Электронный ресурс: http://www.snuipp.fr/Les-postes-au-MAEDI

Важным обстоятельством является противоречие между принципом солидарности, основным для профсоюзного движения, и принципами уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств, основных для дипломатической деятельности. Если внутри страны призывы профсоюзов к массовым мероприятиям (1 мая, забастовки) и участие в них дипломатов и вспомогательного персонала ещё могут быть объяснены правом на выражение личной позиции, не связанной с работой министерского чиновника, то поддержка протестных акций за рубежом, очевидно, противоречит принципам нейтралитета и невмешательства, которые дипломат обязан соблюдать во время своей службы. В этой ситуации и центральной администрации, и руководителям загранучреждений приходится действовать ещё осторожнее. Одним из путей решения таких проблем администрация видит в перекладывании ответственности на местные профсоюзы. Со своей стороны профсоюзы, поддерживая граждан других стран, нанятых во французские учреждения за рубежом, выступают против защиты их прав местными профсоюзами. Например, в 2013 г. прошло несколько забастовок французских преподавателей Миссии по образовательному и языковому сотрудничеству (Mission de coopération Éducative et linguistique, MICEL), работавших в университетах и лицеях Турции. После очередной реформы (2012 г.) этот институт сотрудничества продолжил действовать под эгидой МИД, но в качестве финансово автономного учреждения. В 2009 г. было принято решение перейти от бессрочных к пятилетним контрактам преподавателей. И вот по мере приближения истечения их сроков протестные настроения нарастали. Спецификой ситуации было то, что возврата к прежнему порядку требовали не только французы, но и их турецкие коллеги, а также и ректоры вузов. Главный довод заключался в том, что качественному обучению вредит частая и насильственная ротация преподавателей. Французским дипломатам в Турции пришлось действовать весьма осторожно, хотя решение зависело от Центра, Главного управления по глобализации (Direction Générale de la Mondialisation, DGM).

Сами по себе *условия труда* обсуждаются везде, где есть отношения найма рабочей силы. Но в МИД существует своя специфика, которая накладывает отпечаток и на трудовые отношения. Одним из крупных вопросов, находящихся на постоянном контроле профсоюзов, является регламентация *баланса рабочего и личного времени* сотрудников, характер работы которых подразумевает непредвиденные, а также и планируемые переработки. В этом вопросе можно выделить две крупные темы: регламентация и планирование служебных обязанностей и соответствующего служебного времени и право на полноценный отдых. В первом случае речь идёт о том, чтобы минимизировать практику незапланированных, «в последнюю минуту», особенно в конце рабочего дня или

рабочей недели, разного рода мероприятия, прежде всего, совещания. Во втором случае, в центре внимания профсоюзов реализация так называемого закона о праве на неконтактирование. В условиях современного тотального использования средств связи, сотрудник, даже покинув рабочее место, может в любой момент быть вызван . Даже если при этом не требуется его возвращение в офис или другое перемещение в пространстве, уже сам факт того, что и на отдыхе сотрудник должен думать о служебных вопросах, т.е. по сути – продолжать работать, является во Франции с 1 января 2017 г. нарушением.

В МИД действует Технический комитет Министерства (Le comité technique ministériel, CTM), формально возглавляемый министром, которого обычно представляет Генеральный директор по административным вопросам и модернизации (Directeur général de l'administration et de la modernisation, DGAM[736]), и в который, наряду с представителями администрации, входят представители профсоюзов. Комитет является консультативным органом, собирается дважды в год. Его члены избираются на 4 года, а заседания носят непубличный характер. Подлежат обязательному рассмотрению комитетом все вопросы и проекты документов, касающиеся организации и функционировании министерства (мидовская сеть учреждений, проект МИД XXI века), планирования управлением рабочими местами, численностью персонала и компетенциями (GPEEC), руководящих принципов кадровой политики (Хартия времени, качество жизни на рабочем месте, премии и надбавки), установленных законом норм о статусе госслужащего (протокол Жакоба[737], закон Соваде[738]), технологических разработок (портал «Дипломатия»), профессиональной подготовки, трудоустройства и профессионального равенства (паритет мужчин и женщин, борьба с дискриминацией). Активно занимается этой проблемой CFDT-MAE. Так, после трёх лет усилий, 31 октября 2016 г. профсоюз, наконец, констатировал положительные изменения в выработке внутренних регламентов, которой занимался CTM, а затем и CTAC, созданный в декабре 2014 г. после очередных профсоюзных выборов. Цель выработки и соблюдения этих внутренних регламентов состоит в гармонизации служебной деятельности и личной жизни на основе Хартии времени, права на отключение (le droit à la déconnexion) и т.п. В соответствии с дорожной

[736] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/organigramme-de-l-administration-centrale/article/direction-generale-de-l-administration-et-de-la-modernisation

[737] Так называемый «Протокол Жакоба» (protocole Jacob) – протокол, подписанный в 2006 г. министром гражданской службы (ministre de la Fonction publique) Кристианом Жакобом, определившим новые права граждан на индивидуальное пожизненное профессиональное обучение в рамках социального диалога с работодателями.

[738] Так называемый «закон Соваде» (loi Sauvadet) – закон 2012 г. об улучшении условий труда состоящих на государственной службе, борьбе с дискриминацией и проч. (LOI n° 2012-347 du 12 mars 2012 relative à l'accès à l'emploi titulaire et à l'amélioration des conditions d'emploi des agents contractuels dans la fonction publique, à la lutte contre les discriminations et portant diverses dispositions relatives à la fonction publique), разработанный под руководством министра гражданской службы Франсуа Соваде (François Sauvadet). Электронный ресурс: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2012/3/12/MFPF1116839L/jo/texte (Дата доступа: 23.06.2014).

картой по профессиональному равенству (Feuille de route en matière d'égalité professionnelle) и решением СТМ от 1 октября 2013 г. был начат эксперимент по переопределению внутренних регламентов циклов и часов работы служб центрального аппарата. Добровольно первыми подразделениями стали Управления Африки и Индийского океана, ООН, Управление Америки.

Среди промежуточных результатов были отмечены обеспечение взаимозаменяемости заместителей директоров управлений, позволяющее им отныне нормально проводить отпуска. Вместе с тем сохранились некоторые «дурные привычки», в частности, объявление совещаний после 18.00, поручения секретариата министра, направляемые подчинённым в последнюю минуту. Но главное, отметили профсоюзные активисты, так и не налажен контроль рабочего времени, в т.ч. сколько сотрудники перерабатывают сверх установленных законом норм. Пожалуй, этот вопрос является одним из самых трудно решаемых, поскольку непосредственно связан со спецификой дипломатической работы. Если ряд документов носит вполне планируемый характер, то невозможно учесть непредвиденные события, которые могут произойти и время от времени происходят в почти 200 странах мира. А по каждому экстренному случаю, как правило, МИД готовит не только собственную реакцию, но и материалы по запросам других госорганов. К этому стоит добавить и объективную временную разницу (часовых поясов) с большим количеством государств. Т.е. работать строго с 9.00 до 18.00 возможно только в теории, либо снизив ответственность за выполнение своих обязанностей. Тем не менее, совместная позиция CFDT, CGT и ASAM заключалась в том, что такой эксперимент не должен продолжаться бесконечно, и новые внутренние регламенты использования рабочего времени должны быть выработаны в разумные сроки, прежде всего, точно учитывая переработки сотрудников (посредством использовнаия системы баджей – электронных пропусков). Пока же сотрудники получают только поощрительные премии, прямо не связанные с количеством лишних часов. В 2014 г. CFDT предложил ликвидировать дежурства в выходные дни, мотивируя это созданием системы дежурств в кризисном центре и возможностью заменить личное присутствие дежурных в кабинетах телефонной связью с ними. Однако в том же году только 3 управления выработали такие регламенты, а 2015 год не дал вообще никаких результатов в этой области, и профсоюзы предложили сделать эту работу критерием управленческих компетенций руководителей подразделений, раз они не в состоянии разработать документы о своей собственной работе. Администрация же объясняла, что этот процесс такой медленный из-за того, что требуется много времени, чтобы обсудить вопрос с каждым сотрудником, и сложно провести общее собрание. Наконец, в 2016 г. сначала 4, а затем ещё 5 управлений

представили вниманию CTAC свои регламенты, и Главное управление по административным вопросам заговорило о «маленькой внутренней революции» и «изменении мышления», что было одобрительно встречено профсоюзами. Тем не менее, на заседаниях CTAC не все регламенты были одобрены; представители профсоюзов отмечали изъяны в подготовительной работе, формальный подход, не учитывавший мнения и нужды сотрудников в некоторых управлениях (в частности, в Управлении архивов, Управлении протокола, Управлении финансов)[739]. А в связи с очередным заседанием рабочего комитета CTAC 4 апреля 2017 г. CFDT выступил с заявлением об отсутствии прогресса в выполнении Хартии о рабочем времени 2015 г. и предложил администрации организовать работу по шести направлениям. Кроме уже упоминавшихся ускорения выработки всеми управлениями внутренних регламентов рабочего времени и реализации права на отключение, это внедрение электронного учёта рабочего времени, прежде всего, с целью точного определения переработок[740].

Уже долгое время длится конфликт мидовских профсоюзов с правительством по поводу сотрудников, здоровью которых был нанесён ущерб из-за работы в здании «Трипод» в Нанте. Современный по тем временам офис, построенный с использованием асбеста, был открыт в 1972 г. За 20 лет до его закрытия, а затем и сноса в нём успели поработать свыше 1800 служащих министерства, а также некоторых других ведомств. Асбест запрещён во Франции; действует программа льгот тем, кто пострадал от его применения в различных видах. Однако до сих пор, несмотря на постоянные обращения профсоюзов к премьер-министру, мидовцы, работавшие в «Триподе» так и не признаны пострадавшими и не включены в соответствующую программу (в т.ч. на сегодняшний день около 400 таких человек продолжает трудиться)[741].

Несмотря на то, что самый крупный мидовский профсоюз CFDT-MAE описывает ситуацию такими словами, как «последовательное разрушение МИД, страдания (сотрудников) на работе, нестабильность положения работников, нанимаемых на местах, пауперизация сотрудников категории «С»», он же констатировал *снижение участия* в выборах представителей работников в CTPM министерства (Comité technique paritaire

---

[739] Règlements intérieurs sur le temps de travail à l'administration centrale, après trois ans de surplace, on avance enfin! 31 octobre 2016. Электронный ресурс: http://www.cfdt-mae.fr/actualites/reglements-interieurs-temps-de-travail-a-ladministration-centrale-apres-trois-ans-de-surplace-on-avance-enfin/ (Дата обращения: 22.11.2016)

[740] Charte du temps : deux ans déjà et un maigre bilan – 28 mars 2017. 4 avril 2017. Электронный ресурс: http://www.cfdt-mae.fr/dialogue-social/ctac/charte-temps-deux-ans-deja-maigre-bilan-28-mars-2017/ (Дата обращения: 28.04.2017)

[741] Amiante: les anciens du tripode de Nantes ne veulent pas être «les oubliés». [Электронный ресурс] URL: http://www.leparisien.fr/laparisienne/sante/amiante-les-anciens-du-tripode-de-nantes-ne-veulent-pas-etre-les-oublies-19-01-2017-6588894.php (дата обращения: 25.02.2017).

ministériel du Ministère des affaires étrangères) – до 42%[742]. При этом, в выборах представителей в CAP в 2008 и 2009 г. участвовало 76%. В этой связи профсоюз отмечает необходимость разъяснения значения работы этой относительно новой (с 2006 г.) структуры.

	4 мая 2006			8 июля 2010		
	голоса	%	места	голоса	%	места
CFDT	3 428	35,1%	8	3 084	41,4%	9
ASAM	1 795	18,4%	4	1 314	17,6%	4
CGT	1 568	16,1%	3	1 206	16,2%	3
USASCC	1 362	13,9%	3	567	7,6%	1
FO	818	8,4%	1	524	7,0%	1
FSU	576	5,9%	1	383	5,1%	1
Liste d'U.	219	2,2%	0	-	-	-
CFTC	-	-	-	372	5,0%	1
Total	9 766	100%	20	7 450	100%	20

Второй по численности в МИД профсоюз ASAM (1442 чел., отделения в 90 странах) среди основных направлений своей работы профсоюз защиту специфических профессий и специфического приёма на работу в МИД, поддержание универсальности мидовской сети, как гарантии рабочих мест, и центральной роли министерства во внешнеполитической деятельности государства, системы попеременной службы в центральном аппарате и за рубежом, рост зарплат и премий, а для местного персонала за рубежом – с учётом реальной инфляции компенсаций за проезд, продолжение усиления безопасности загранпредставительств, для всех сотрудников и членов их семей – бесплатно один билет на самолёт на человека в год, выдача всем сотрудникам единого удостоверения «агент МИДМР» (Министерства иностранных дел и международного сотрудничества), формирование жилищной политики в Париже, Нанте и крупных зарубежных городах с дорогим наймом квартир[743].

Имели место и, казалось бы, немыслимые в принципе, забастовки[744]. Например, в декабре 2003 г. из-за нескольких причин: сокращение рабочих мест, проектов и финансирования вплоть до надбавок и компенсаций за работу за рубежом. Только в 2003 г. расходы были урезаны на 1,6%, а сокращение составило 116 человек (на места уходивших на пенсию не набирали новичков). Всего же по подсчётам профсоюзов, с 1980 г. количество сотрудников было уменьшено с 12051 до 9293, т.е. на 2758 бюджетных мест.

[742] La CFDT première organisation syndicale du ministère des Affaires Etrangères. 16.07.2010. [Электронный ресурс] URL: https://interco.cfdt.fr/portail/interco/actualite/l-actu/la-cfdt-premiere-organisation-syndicale-du-ministere-des-affaires-etrangeres-recette_38450 (дата доступа: 12.03.2016).

[743] Revendications. [Электронный ресурс] URL: http://www.asam-unsa.org/revendications/ (дата доступа: 12.03.2016).

[744] Ibid.

Бюджет МИД в 2003 г. снизился до 4 млрд. евро (1,25% общего бюджета государства)[745]. В октябре в течение трёх дней в МИД не было бумаги, поскольку поставщики не получили оплаты, половина лифтов в здании не работала из-за отсутствия денег на ремонт, и всё чаще послы приглашали собеседников пообедать за свой счёт, а не по статье представительских расходов. При этом, перед забастовкой стало известно об инвестициях десятков миллионов евро во франкоязычный телеканал во имя интеллектуального «вещания». Профсоюзы[746] были также огорчены призывом к сотрудникам «адаптироваться», поскольку сокращения денег и людей привели к тому, что в некоторых загранучреждениях сотрудникам приходится работать по 14 часов. С другой стороны, власти говорили, что в первую очередь нужна «передислокация» сил, приводя в пример Германию, где на фоне европейской интеграции по-прежнему работает целых девять консульств. Но также и целый ряд развивающихся стран, где можно было бы эффективнее использовать и помещения, и персонал, избегать дублирования, объединив консульства с культурными центрами. Ведь действительно – Франция обладала очень большой и разнообразной сетью загранпредставительств, сравнимой с американской: 154 посольства, около сотни консульств, около полутысячи культурных центров разных видов. В них работали 9200 дипломатов (3900 во Франции и 5300 за границей), а также 11 000 технических сотрудников (от шофёров до преподавателей и переводчиков, даже если большая их часть набиралась на местах). Наконец, по слухам, сам Президент Ж.Ширак был раздосадован, обнаружив «чрезмерное» количество дипломатов в посольстве Франции в Вашингтоне. Отсюда новый лозунг дня – «производительность»[747]. Забастовка 1 декабря 2003 г. была масштабной (многие посольства и консульства закрыты, в других количество бастующих доходило до 70-80%, хотя участвовали всё-таки не все загранучреждения), но не привела к успеху и была повторена 18 декабря того же года.

Таким образом, можно сделать вывод о существенном влиянии на отбор, состав и деятельность сотрудников французского МИД характера политических сил, которые контролируют, прежде всего, исполнительную власть. Но также свой вклад в этот процесс вносит и законодатель. Серьёзные изменения в кадровой работе, которая во многом предопределяет последующую собственно дипломатическую деятельность сотрудников, производились в периоды, когда у власти были Президенты-социалисты (Ф. Миттеран и

---

[745] Grève historique au Quai d'Orsay. [Электронный ресурс] URL: http://tempsreel.nouvelobs.com/societe/social/20031128.OBS0435/greve-historique-au-quai-d-orsay.html (дата обращения: 12.11.2014).

[746] Как и во многих других учреждениях и компаниях Франции, в МИД действует несколько профсоюзов, наиболее многочисленным из которых в то время был l'UNSA.

[747] *Vernet H.* Quand le Quai d'Orsay se met en grève. [Электронный ресурс] URL: http://www.leparisien.fr/politique/quand-le-quai-d-orsay-se-met-en-greve-27-11-2003-2004570267.php#xtref=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 12.11.2014).

Ф. Олланд). При этом, сменявшим их республиканцам было не просто отменить принятые законы и указы. В тоже время, процесс замены новыми кадрами тех, кто уже работал в министерстве, постепенный, растянутый на десятилетия, поскольку французские дипломаты (т.е. собственно дипломаты, сотрудники категории «А»), это высокообразованные, высокоразвитые интеллектуально специалисты по международным отношениям. Т.е. даже те, кого справедливо или нет обвиняли в карьеризме, использовании протекции и проч., были и остаются высококлассными профессиональными международниками.

Рефлексия использования дипломатической информации

Использование дипломатической информации, т.е. полученной и выработанной дипломатами дипломатическими же средствами, является одной из ключевых проблем дипломатической службы, концентрирующей в себе все остальные проблемы самого этого социального сообщества и его отношений с остальным обществом. Наличие информации и её использование представляют собой взаимосвязанные, но вовсе не просто следующие одно за другим явления. П. Верлюиз привёл пример секретного доклада Центра анализа и прогноза МИД (CAP) с критикой африканской политики Франции и предложениями по её переопределению и изменению. Однако, из опасений нарушить статус-кво ничего из предложенного сделано не было. И только в сентябре 1997 г. правительство Л. Жоспена с согласия Президента Республики начало что-то менять. Но ведь в течение 23 лет проводилась дорогостоящая военная поддержка режимов, «порой предосудительных», – как дипломатично выразился П.Верлюиз, – с которыми, справедливо или нет, но Франция ассоциируется как в Африке, так и за её пределами[748]. Вообще, в последнюю четверть XX в. Франция практически беспрерывно вела «традиционные» военные операции – в Чаде, Заире, Ливане, Мавритании, ЦАР, Ираке, Сомали, Руанде, на Балканах. Другими словами, она никогда ещё не демонстрировала большей воинственности, чем после того, как со всей решимостью осудила применение силы [749]. А, кроме того, Франция борется за третье-четвёртое место продавца оружия в мире.

М. Вебер определил политику как «стремление влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них»[750], включая государства. Политикам, высшему политическому руководству, бюрократия, нанимаемая и управляемая, необходима для обоснования и осуществления своей власти над остальным обществом, в первую очередь, над «сословиями», под которыми социолог понимал социальные группы, обладающие силовым или хозяйственным ресурсом. По мере социально-экономического

[748] См.: *Verluise P*. Op.cit.
[749] Ibid.
[750] *Вебер М*. Политика как призвание и профессия. С. 652.

развития растёт и масштаб чиновничества, которое само приобретает значение и влияние, характерное для сословий, для борьбы с которыми и регулирования которых оно и появилось. Вебер прогнозировал развитие и превращение чиновничества в «совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь»[751]. Это касалось и дипломатов в Европе, где «прежде всего под влиянием донесений венецианских послов, жадно читаемых в дипломатических профессиональных кругах, дипломатия в эпоху Карла V — эпоху Макиавелли — впервые становилась сознательно практикуемым искусством, адепты которого, по большей части гуманистически образованные, рассматривали себя как вышколенный слой посвящённых, подобно гуманистически образованным государственным деятелям в Китае в последнюю эпоху существования там отдельных государств»[752]. Вместе с тем, несмотря на замечание социолога о росте значения и влияния бюрократии, он, тем не менее, высказал и важное эмпирическое наблюдение (обосновав его и теоретически) о примате политического руководства. Эмпирическое потому, что М. Вебер, прежде всего, писал о министрах, как о политиках, замещавших высшее политическое руководство в непосредственной управленческой деятельности и потому нёсших ответственность перед другими политиками, парламентом, народом, снимая её, таким образом, с монарха или президента. Т.е. министру и не нужно было быть самому специалистом в отрасли, которую он возглавлял, поскольку его основной задачей была задача политическая – по взаимодействию с другими членами кабинета, парламентом и обществом. Но для исследования дипслужбы важно другое замечание М. Вебера по поводу представления министром высшей политической власти: он «должен был выступать представителем её политических масштабов и применять эти масштабы для оценки предложений подчиненных ему чиновников-специалистов или же выдавать им соответствующие директивы политического рода»[753]. Это замечание очень важно для понимания места и проблем дипломатической службы в государственном аппарате и государственной политике, в т.ч. и внешней.

---

[751] Там же. С. 657.
[752] Там же. С.658.
[753] Там же. С. 661-662.

Конечно, только в отставке, но, тем не менее, некоторые дипломаты, в т.ч. послы, всё более откровенно комментируют не только уже свершившиеся и ставшие историей события, но и текущую ситуацию. Бывший посол на Гаити, в ЮАР, Бразилии, Японии и Великобритании Б. Доран заявлял о необходимости осудить поддержку Францией диктаторских и коррумпированных режимов в Африке, поставку военной авиации Ираку, совершившему агрессию против Ирана и бомбардировки курдских поселений, улыбки в адрес китайских руководителей после геноцида тибетцев и побоища на площади Тяньаньмэнь, продажу боевых вертолётов Турции, ведущей кровавые репрессии против курдов. Он также чрезвычайно резко высказался по поводу принципа нерушимости границ, особенно в случае с Африкой, границы которой были произвольно проведены колонизаторами и до сих пор являются источником непрекращающихся конфликтов[754].

Бывший посол Ж.-М. Шеню, описал свою работу в Югославии, как полную едва ли не болезненных разочарований: «В течение пяти лет, когда я официально работал в регионе, я постепенно обнаружил, что моя страна, одна из самых вовлечённых и в события на земле, и в переговоры, проводила нерешительную и вялую политику, с постоянно растущим отрывом от событий и, особенно, в явном противоречии с нашими главными этическими принципами и нашими европейскими и международными целями. В течение трёх войн, свидетелем которых я был, французские власти легко смирялись с чрезвычайными страданиями, которым подвергались европейцы же. Кроме того, они согласились с тем, что их граждане, направляемые на место с мирными миссиями (наблюдателей, «голубых касок», гуманитарных операций), подвергались бы, как и их зарубежные коллеги, очень большому риску, не требуя, чтобы Организация Объединенных Наций предоставила им серьёзную защиту. Короче говоря, Франция вела себя как трусливый и циничный европейский партнёр и как «плохая мать»[755].

В фокусе критики информационно-аналитические способности французской дипломатии оказались в связи с «арабской весной», которая была оценена французскими политиками и общественным мнением, как неожиданная, непредвиденная и проч. Уже в самом начале событий в СМИК Франции по этому поводу разразилась острая полемика между журналистами и политиками, между политиками и дипломатами, и между самими дипломатами. Кроме предсказуемых в таких случаях порой излишне эмоциональных обвинений в некомпетентности и халатности (которые политическое руководство попробовало погасить заменой посла в Тунисе и даже самого профильного министра[756]),

---

[754] См.: *Dorin B.* Appelez-moi Excellence...

[755] *Chenu G.-M.* Balkans (1991-1995) : une amère experience / Cohen S. (dir.) Les diplomates. P. 129.

[756] А именно – отпуск, проведенный главой МИД Мишель Аллио-Мари в Тунисе в конце 2010 г. в компании тунисского бизнесмена, близкого к властям, который перевозил на личном самолете её и её супруга на фоне

дискуссия всё же переместилась в конструктивное русло – а как вообще можно и нужно эффективно работать с информацией? В результате, были определены такие основные элементы этого информационного процесса, как сбор информации, её анализ и оценка, её передача тем, кто принимает решения, основания принятия решений. Т.е. оказалось, что важно, не только наличие информации, её качество и оценка, но и, казалось бы, технический фактор – коммуникация между участниками процесса, а также ценности, на основании которых принимаются решения. Все эти факторы столь же важны, как и сама информация. Прежде всего, посол в Тунисе был обвинён в неправильной оценке серьёзности ситуации, что в свою очередь, было обусловлено *недостаточностью и односторонностью его источников информации* – за два года, предшествовавшие рассматриваемым событиям, он ни разу не встречался ни с кем из представителей оппозиции (конечно, официальной). Поэтому был абсолютно далёк от тунисского общества. Следующая проблема: политические руководители пожаловались на недостаток информации, поступавшей от дипломатов. Однако, в ответ, что весьма нетипично, сразу несколько послов в отставке выступило с аргументированным опровержением. Посол в Тунисе в 2002-2005-м годах И.О. де ла Мессюзьер заявил, что в действительности посольством и МИД высшее политическое руководство Франции было прекрасно информировано о сути и проблемах режима Бен Али[757]. Однако, *иметь* ту или иную даже очень полную и достоверную *информацию* о том, что происходит в том или ином зарубежном государстве, ещё *не означает действовать на её основе*, поскольку политические решения принимаются из более фундаментальных соображений. В случае с Тунисом, режим, несмотря на его характер, поддерживался с учётом его борьбы с исламистами и нелегальной миграцией во Францию. Поэтому власти могут слышать только то, что хотят или готовы услышать. Это иногда вызывает и такое негативное следствие, как подготовку некоторыми дипломатами отчётов, которые отражают точку зрения таких властей, а не реальное положение дел[758].

Бывший посол в Мавритании, Судане и Зимбабве М. Рембо в своей книге «Буря на Большом Ближнем Востоке» описал события, произошедшие в регионе в нынешнем веке, как реализацию плана американских неоконсерваторов. Возникшая там теперь ситуация

начавшихся народных волнений. Затем, за три дня до бегства Бен Али министр предложила ему помощь французских полицейских экспертов в восстановлении порядка. Хотя сначала Президент и премьер-министр публично поддержали М. Аллио-Мари, 27 февраля было всё же объявлено об её отставке. См.: Мишель Аллио-Мари: «Когда я в отпуске, я не министр» // RFI (Radio France internationale), 06.02.2011. [Электронный ресурс] URL: http://ru.rfi.fr/frantsiya/20110206-mishel-allio-mari-kogda-ya-v-otpuske-ya-ne-ministr (дата обращения: 10.03.2012).

[757] *Литвак Н.В*. Информационные процессы во французской дипломатической службе…

[758] Это, помимо прочего, приводит к тому, что такие дипломатические сотрудники становятся «козлами отпущения», на которых власти списывают ошибки в случае неудач.

не только дестабилизировала арабо-мусульманский мир и переконфигурировала международные отношения, но и породила волны, несущие насилие и достигающие Европы. Более того, по мнению французского дипломата, сам формат «Большого Ближнего Востока» был определён Дж. Бушем после терактов 11.09.2011 от атлантического побережья Северной Африки, Сенегала и Балкан до центрального Китая и Индонезии, а стратегией для этого региона стал *хаос*. Но и это также не было началом. Начало – исчезновение СССР, сразу после которого начались события в Ираке и Югославии. М. Рембо называет мир после исчезновения СССР «однополярным», а вовсе не многополярным, натовские бомбардировки Ливии «полностью незаконными», нарушающими все положения Хартии ООН об операциях в других странах, и т.д. Союзниками США в «арабской весне» стали исламисты, и всё это не имеет ничего общего с демократией и правами человека. М.Рембо замечает, что вообще у американцев никогда в истории и не было «прогрессивных» союзников [759]. «Конечно, никогда не существовало сотрудничества между аль-Каидой и Саддамом Хусейном. Вся эта история была большим мошенничеством»; аль-Каида была создана американцами для борьбы с СССР в Афганистане, - заявляет этот французский дипломат[760]. По словам М. Рембо, Запад не только помогал «революциям», но придумал и само название «арабская весна», хотя и началась она в Тунисе зимой. Вообще же эта концепция принадлежит французским интеллектуалам и журналистам, которые провели параллель с демократическими выступлениями против европейских монархий ещё 1848 г., затем «пражской весной» 1968 г. и майскими событиями 1968 г. во Франции. Однако на этот раз «демократическими» преобразованиями оказались затронуты все арабские страны, кроме монархий (не считая Бахрейна, где главная причина конфликта – в шиитском большинстве населения, управляемого суннитскими королями). Также М. Рембо называет натовские бомбардировки Ливии «полностью незаконными», нарушающими все положения Хартии ООН об операциях в других странах. Наконец, он обращает внимание на то, что и Президент Ф.Олланд продолжал утверждать, что Б. Асад и «Исламское государство» - двойники, что привилегированными союзниками Франции являются Катар, Турция и Саудовская Аравия, поддерживающие «умеренных» террористов и «демократических» джихадистов. А министр иностранных дел Л. Фабиус посчитал, что, признанная даже американцами, как террористическая организация, ан-Нусра делает в Сирии «хорошую работу». При том, что французские послы в Ливии и Сирии предупреждали своё

[759] *Raimbaud M*, ancien ambassadeur français : « Les États-Unis n'ont qu'une logique : celle du chaos ». 04.03.2015. [Электронный ресурс] URL: http://reseauinternational.net/michel-raimbaud-ancien-ambassadeur-francais-les-etats-unis-nont-quune-logique-celle-du-chaos/ (дата обращения: 06.03.2015).
[760] Ibid.

правительство о происходящем в действительности. Но первый был заменён, а второму «дали по рукам», и он, в конце концов, присоединился к официальной политической линии. Даже понимая происходящее, у Европы и Франции, по мнению французского дипломата, немного возможностей – «План Маршалла имел цену для французской национальной независимости. И Европейский Союз, задуманный американцами больше, чем самими европейцами, сыграл свою роль в этом смысле. Вся история атлантизма, идея сделать из НАТО армию Европы не является французской концепцией Европы»[761]. На прямой вопрос корреспондента, – как так получилось, что французское знание Ближнего Востока не сработало? – М. Рембо ответил, что у Франции действительно большая дипломатическая традиция в самом положительном смысле. Но специалисты по Востоку, арабисты были отправлены в ЮАР и т.п., а им на смену приехали технократы, отчёты которых ничтожны, а анализ – несерьёзен... Поэтому после успешной арабской политики де Голля постепенно наступили другие времена[762].

Дипслужба – часть госаппарата. Она объективно, по самому своему предназначению выполняет поручения своего политического руководства (Президента, правительства), для него же готовит информацию и предложения. В литературе описан феномен *локалитиса* – очевидно, следствие эмпатии дипломатов, долгое время работающих на одном направлении, в одной стране, вследствие чего, позиция этой страны пребывания становится чуть ли не ближе, чем позиция собственного государства. «Лекарством» от этого, профилактикой как раз и является обязательная ротация дипломатов (хотя у неё есть и другие причины – принципы справедливости, равенства, карьерного роста). Но кроме этого – «внешнего» – локалитиса, можно выделить и «внутренний» – когда информация, предложения, позиции самого МИД считаются предпочтительнее, чем те, которые в конечном итоге принимаются политиками на основе дипломатической информации. Конечно, в этом есть и элемент экспертного недовольства в отношении дилетантов, недоумения и даже снисходительности. Но зато основная масса дипломатов осознаёт место и роль своей службы в общей работе госаппарата. Это возможно вследствие соответствующей подготовки, образования и опыта. И это подтверждается тем, что как показал, например, скандал с информацией по Тунису, дипломаты за исключением таких экстремальных случаев, соблюдают «правила игры», понимают, что политические решения по своему определению основываются на гораздо более широкой базе информации, а главное – интересов, поскольку кроме внешнеполитических включают

[761] Ibid.
[762] Ibid.

и внутриполитические – основные для любого действующего политика. А кроме того, имеет в виду приоритет – интересы Франции.

Всё это позволяет сделать вывод о значильном отличии дипломатической бюрократии от остальной. Сотрудники категории «В» - это операциональные бюрократы, эксперты по операциям с документами, организации мероприятий. Но сотрудники категории «А» - это эксперты по культурам, смыслам и ценностям. Чтобы знать и понимать другие культуры необходимо не только обладать обширными знаниями и развитым интеллектом, но и высокоразвитой собственной культурой. Т.е. уровень компетенций дипломатов может быть достигнут, а компетенции практически использоваться – т.е. понимать другую культуру, общаться с ней, осуществлять двусторонний перевод смыслов, только на основе понимания собственного культурного уровня, себя, как личности, специалиста, гражданина, только отталкиваясь от своей культуры, сравнивая с ней культуры контрагентов. Поэтому веберовским идеалом бюрократа является программное обеспечение компьютера или редуцированный по сути к монотонному ручному труду труд, что и позволяет, например, в визовом вопросе, заместить дипломатов в сущностном смысле этого слова операциональными бюрократами или вообще аутсорсинговыми частными компаниями.

4.3. Рефлексия противоречий традиционных и современных информационных и коммуникационных аспектов дипломатической службы

Несмотря на ещё только набиравшее силу мнение о переходе международных отношений в глобальное наднациональное состояние и окончательное размывание значения государств под напором ЭСМИК, уже в 2002 г. исследователь (CERI) и преподаватель (Sciences Po, Paris) С. Коэн утверждал, что, несмотря на конкуренцию других государственных и негосударственных участников международных отношений (имея в виду, прежде всего, НПО), *дипломаты сохраняют за собой основную роль в этой области*. Она, по его мнению, даже *возрастает*, пусть бы и сами заинтересованные лица не отдавали себе в этом отчёта. Связано это с тем, что новые «турбуленции» в мире вовсе не ослабляют, а наоборот – усиливают потенциал и необходимость активности государств и дипломатов в силу их умения «понимать и интерпретировать изменения в международных отношениях, предлагать решения для глобальных проблем, осуществлять коммуникацию»[763]. Т.е. исчезновение СССР, резкое увеличение количества участников международных отношений и технических возможностей коммуникации между ними, а также со всеми гражданами всех государств, появление, по мнению С. Коэна,

[763] *Cohen S.* (dir.) Les diplomates. P. 14.

международного гражданского общества (вследствие глобализации), создают необходимость *постоянных*, перманентных *переговоров*, которые, прежде всего, носящие международный характер, являются специфической компетенцией как раз дипломатов. В подтверждение он собрал в своей книге материалы целого ряда бывших высокопоставленных французских дипломатов, работавших в разных регионах мира.

Классическим примером современной – сложной и всё более усложняющейся ситуации во всём мире можно считать США, где такая ситуация (хотя и в рамках одного государства) сложилась раньше (и, возможно, на основе этого опыта, была выработана американская стратегия и для внешнего мира, которая другими странами, с другими опытом и устройством воспринимается, как хаос). По свидетельству Ж. Адреани, «…власть в Соединённых штатах очень распылена. Двумя основными причинами являются роль Конгресса и федеральное государственное устройство»[764]. Это влияет и на работу с информацией – хотя она, в основном, открыта, её слишком много, часть её трудно верифицировать и отделять от манипуляций и т.п.

Несмотря на растущее количество участников международных отношений в самой Франции и расширение их полномочий, в целом присутствует понимание необходимости их если не совместной, то согласованной деятельности. В первую очередь, это касается государственных органов, но также и негосударственных организаций. Отсюда постоянные поиски места МИД как координатора внешнеполитической деятельности французских государственных и негосударственных участников международных отношений. Р. Делькорд также указывает, что, с одной стороны, появление большого количества новых субъектов международных отношений снижает роль дипломатии, как государственного института. И это объективно, поскольку изменяется сам объект международных отношений – вместо только государств в них теперь участвует огромное количество НПО. Но парадоксальным образом, оказывается, что при этом одновременно государства по-прежнему оказываются нужны. Причём, например, Р. Делькорд считает, что даже больше, чем прежде. Ведь мы наблюдаем, как большинство этих НПО для достижения своих целей в конечном итоге апеллируют к государствам! Соответственно остаётся и даже, в зависимости от оценки ситуации, растёт и роль дипломатии и дипломатов, как специалистов по переговорам, особенно многосторонним. Кроме того, как минимум, глобальные проблемы, в частности экологические, в принципе не могут решаться одним или несколькими государствами, но только с участием подавляющего большинства, если не всех стран[765]. Дипслужба, дипломаты могут преуспеть, не только

[764] *Andréani J.* Etre ambassadeur auprès de la première puissance mondiale / Cohen S. (dir.) Les diplomates. P. 45.
[765] См.: *Delcorde R.* Op.cit.

организуя и модерируя коммуникацию, переговоры, выработку решений в своих странах и на многосторонних площадках, но и изучая соответствующую тематику. Конечно, вероятно не до уровня узкого специалиста, но шире, чем просто политики, которые имеют гораздо более широкие интересы и меньшее время для детального изучения вопросов.

Однако, на наш взгляд это не парадокс, а диалектическое противоречие: чем лучше работает МИД и, соответственно, расширяются отношения с другими государствами, тем больше национальных агентов – госорганов, компаний, организаций и частных лиц вступает в прямые контакты за рубежом. Координировать и даже отслеживать всё это множество вряд ли возможно. Но в задачу МИД входит ведь не контроль, а создание наиболее благоприятных условий для своих граждан и организаций. Кроме того, вообще договариваться о чём-либо могут только те органы, которые имеют на это полномочия. Очевидно, что любое министерство, отправляющее куда-либо за рубеж своих сотрудников, имеет полномочия только по своим узковедомственным вопросам. Тогда как при любой проблеме более общего характера требуется участие МИД, готовящего предложения для высшего политического руководства.

Таким образом, деятельность дипломатической службы имеет диалектический характер и диалектический же результат в плоскости отношений со своим собственным государством и обществом. В случае успешной работы дипслужбы происходит периодическое двойное диалектическое отрицание как *усиления*, так и *ослабления* роли дипломатии в развитии дву- и многосторонних отношений с иностранными государствами. Или другими словами, дипломатическая деятельность, как специфическая функция государственного аппарата, содержит присущее ей диалектическое противоречие. Чем больше успехов у дипслужбы, тем лучше состояние двусторонних отношений, а, следовательно, больше двусторонних самостоятельных контактов самых различных участников этих самых двусторонних (т.е. международных) отношений – от госорганов до частных лиц. Но с ростом этих контактов, принятием новых решений и действий на их основе, влияние дипслужбы уменьшается. Ведь рамки сотрудничества установлены и теперь наполняются своим содержанием. Тем не менее, чем больше таких контактов и действий, тем больше и различных случаев конфликта интересов, и новых ситуаций, не предусмотренных ранее. И вновь дипломаты становятся нужны.

Несмотря на то, что сравнение с ЭСМИК в скорости и качестве информации – не в пользу МИД, можно привести, как минимум, три существенных возражения. Во-первых, резкий рост количества информации, документов, о которых столько говорят, это результат, прежде всего, всё растущей производительности *техники*, позволяющей теперь многократно легче *тиражировать* носители информации (с документами,

текстами, картинками, звуками), но такой рост носителей не только не сопровождается таким же ростом содержания информации, но пропорционально затрудняет контакт с ним. Более того, лёгкость такого тиражирования позволяет также и тиражирование начальниками задач исполнителям, в первую очередь, всё более разнообразных отчётов, всё тем же «копипастом» с разного вида изменениями. Ситуацию отчасти спасает развитие техники также и для машинного, технического мониторинга этих носителей для поиска нового. Однако часто изменения, даже иногда незначительные, не позволяют эффективно решать эту задачу. Во-вторых, любую информацию всё равно должен оценить специалист. Рост количества документов, не сопровождаемый ростом количества специалистов, уменьшает время контактов. В-третьих, информация журналистов и дипломатов принципиально отличается. Особенность дипломатической информации в её нацеленности на последующие действия. Или, как минимум, действия всегда подразумеваются. В большинстве случаев анализ собранных фактов, ситуации в целом непосредственно завершается предложениями или рекомендациями своему руководству по принятию тех или иных решений. В то время, как журналистам достаточно описать то, что они наблюдают и думают по этому поводу. Журналисты смотрят на происходящее своими глазами, как личности, и ещё как своего СМИК. Дипломат работает на своего заказчика – страну, народ, интересы которых и задачи ему формулирует высшее политическое руководство.

Наконец, на фоне этого роста количества данных у дипломатов, работающих в посольствах, усиливается значение такой традиционной функции, как верификация самого медиаисточника (кто это на самом деле), а также выяснения истинного смысла написанного или сказанного (например, при помощи звонка или встречи со знакомым журналистом, чей материал был замечен), что возможно только при личном знакомстве, встречах. Кроме того, остаются страны (авторы приводят пример Ирана и Северной Кореи), в которых информации СМИК мало и сейчас, а, следовательно, личные контакты остаются основным способом получения информации. Но и там, где можно говорить о переизбытке информации в медиаисточниках, как и прежде дипломатам приходится её анализировать и синтезировать, проверять и подтверждать. Т.е. с этой точки зрения ничего не изменилось[766].

Г. Саад на примере французской печати ещё в 1986 г. наглядно показал, как журналисты работают с информацией и производят её, исходя из совершенно других принципов, чем дипломаты. Он исследовал описание во французской печати посреднической миссии 1975 г. в Ливане, где начались кровавые вооружённые

[766] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 352-352.

столкновения между местными конфессиями и палестинскими беженцами, которую выполнял М. Кув де Мюрвиль, бывший посол, министр иностранных дел и премьер-министр Франции. Были рассмотрены сообщения четырёх газет, придерживающихся разных политических взглядов: la Croix, le Monde, l'Humanite et l'Aurore. Несмотря на количество статей и заметок, по мнению Г. Саада, читатель так толком ничего и не узнал о том, что происходит в Ливане, каковы причины войны и есть ли перспективы у мира. Зато, каждая газета по своему, но все вместе они – типично журналистскими и газетными приёмами (подобранными цитатами, игрой в кавычки, драматическими заголовками, расположением на полосе и т.п.) – достигли другого результата: Кув де Мюрвиль стал медийной суперзвездой. В этой печати он из начального «посланца мира», «ловкого переговорщика» и т.п. превратился в «миссионера» и, наконец, «мессию». По мнению Г. Саада, в этом типичном для медиа случае дело заключалось в стремлении к главной цели газет. Но не информировать, как они сами о себе пишут, а продавать. А лучше продаётся известное, популярное, которое становится таковым, если приложить соответствующие усилия – упоминать о ком-либо или чём-либо в соответствующем ключе и как можно чаще. В результате, информация становится спектаклем, а тот, о ком пишут – актёром. Этот случай, как и многие другие, – это просто случай, повод для этих четырёх газет написать (и заработать), заключает исследователь[767]. В действительности же, несмотря на контакты с конфликтующими сторонами, французскому дипломату не удалось достичь своей цели, война разгорелась и продолжалась до перемирия 1990 г.

Поэтому для выяснения того, что происходит в действительности, принятия обоснованных решений опора на информацию медиа не может дать качественного результата по определению. Конечно, в конечном счёте, и дипломатия нацелена на создание наиболее благоприятных условий для своих граждан, организаций и компаний по выгодному сотрудничеству, зарабатыванию денег, в конце концов, и чаще всего. Однако и в этом случае отличие в том, что целью журналистов является прибыль только одного – своего издания, а то и вообще – только лично самого журналиста. По существу же, ответственность и последствия преувеличения или преуменьшения чего-либо, неправильных оценок и даже лжи («фейковые» новости) в журналистских и дипломатических материалах несопоставимы. И с этой точки зрения, перспективы дипломатии и дипломатов – хорошие. Даже ведя пропаганду, политики хотят знать, как обстоит дело на самом деле. Иначе поражение неминуемо.

---

[767] См.: *Saade Gh*. Le star-system ou la deformation de l'information dans le cadre d'une mission diplomatique francaise au Liban. Thèse de doctorat en Sciences de l'information et de la communication Soutenue en 1986 à Paris 4 .

Проблема знания всего каждым политиком или дипломатом, тем более обычным гражданином и избирателем, неразрешима в принципе, причём не только сегодня. Информации много, она разная, неструктурированная и неиерархизированная. Нет и более-менее точных в естественнонаучном смысле концепций международных отношений и даже отдельных обществ (в связи с чем, как и в экономической науке, не получаются и прогнозы). Поэтому речь может идти только о качестве системы движения информации от различных (узких) специалистов к центрам принятия решений и ценностных установках в отношении информации тех, кто решения принимает (какую информацию заказывать, какую изучать, насколько и кому доверять и как проверять информацию. И всё это – вне вопроса о собственно сущности политических решений, а только о том, что касается работы с информацией, в данном случае, дипломатической).

Хотя упоминавшаяся группа французских социологов подтвердила мнение о том, что сегодня дипломатия потеряла своё былое влияние, а, следовательно, и значение, монополию на международные отношения (напомнив, что ещё Бжезинский говорил об «анахронизме» дипломатов), тем не менее, из их исследования можно почерпнуть и признаки оптимизма. Социологи сделали интересные наблюдения относительно самооценки дипломатов и своего влияния на госаппарат в целом. С одной стороны, все дипломаты, подчёркивая, что они не такие чиновники, как другие, затруднились объяснить, почему. Многочисленные, но расплывчатые ответы авторы свели к следующим общим формулировкам: из-за важности вопросов, которыми они занимаются, потому, что их работа не может быть точно определена и требует не только знаний, причём самых разнообразных, поскольку приходится работать с самыми разными людьми, но и интуиции. Собственные же выводы авторов таковы: То, как дипломаты работают и самоорганизуются, чтобы так работать, стали *примером для всех остальных министерств*. Из наиболее важных достижений, которые гораздо позднее были описаны как правила для предпринимательского менеджмента, дипломаты стали заниматься проектной деятельностью, т.е. в их случае – досье (страны, проблемы, договора); работать с большой автономией на всех уровнях иерархии (в первую очередь, по поиску и обработке информации), что лишь позднее стало поощряться и в бизнесе в отношении сотрудников на зарплате; демонстрировать функциональную политизацию (в силу высокой общей культуры и компетенций). Сформированные ими методы согласования позиций и даже сам язык общения на эти темы были просто переняты как инструменты всеми остальными чиновниками для координации действий между министерствами и ведомствами, а также политическими партиями и даже некоторыми иностранными правительствами в целом. Причём речь не

о том, что создана идеальная модель, а просто о констатации факта, что методология дипломатов была передовой и поэтому её переняли все остальные. Поэтому дипломаты теперь стали такими же чиновниками, как и другие, которые переняли у них их принципы деятельности[768].

Тем не менее, дипломаты продолжают отличаться предметом своей деятельности (международными отношениями), а также способностью упрощать сложность мира и делать его управляемым политиками. Кроме этого, они единственные, кто продолжает заниматься крайне сложной и требующей глубокого личного участия работой по *пониманию инаковости других культур*, адекватность которого часто имеет определяющее значение для результатов внешнеполитической деятельности. Итоговой же функцией всей деятельности дипслужбы является само существование и институционализация международных отношений[769].

Растёт область решений, принимаемых и самими дипломатами – без политиков. Это, прежде всего, огромное множество решений в рамках работы международных организаций, особенно Евросоюза. Конечно, большинство таких вопросов носят формальный характер, а дипломаты действуют на основе инструкций своих правительств. Однако, масса этих вопросов пусть и в основном технического характера такова, что руководители делегаций постоянно говорят о том, что ни у министра, ни у других ответственных сотрудников просто нет времени, чтобы заниматься этими вопросами. Есть примеры, когда послы брали на себя ответственность в некоторых случаях и за самостоятельные политические демарши, о которых даже постфактум не уведомлялся МИД. Причём, все отдают себе отчёт, что в случае неудачи, скандала, ухудшения отношений, для дипломатов это означало бы ущерб карьере[770].

Кроме общей для любого бюрократического сообщества или группы солидарности и специфических интересов относительно государства и общества, современные дипломаты, с позиции имеющейся у них информации, но также и как граждане, рефлексируют и по поводу внешнеполитических и внутриполитических решений, вырабатывают и заявляют собственные позиции по некоторым политическим вопросам. Конечно, в силу своих служебных обязанностей они непосредственно участвуют в формировании и обосновании официальной позиции своей страны по международной повестке. Но это происходит непублично. Напротив, такие случаи, как вышеупомянутая критика официальной позиции Парижа в связи с событиями в Тунисе и Ливии в начале 2010-х годов или президентская кампания 2017 г., продемонстрировали саморефлексию

[768] См.: *Piotet F., Loriol M., Delfolie D*. Op.cit. P. 515.
[769] Ibid. P. 516-517.
[770] Ibid. P. 510.

дипломатов нового качества. Министр и целый ряд высокопоставленных дипломатов участвовали в предвыборной агитации, и при этом выступили с беспрецедентными заявлениями не только для сотрудников МИД, но и чиновников вообще. В частности, Посол Франции в Японии Т. Дана за полтора месяца до первого тура президентских выборов 2017 г. поместил на портале «Монд» открытое письмо одному из кандидатов с совсем недипломатичным заголовком: «Мадам Лё Пен, я откажусь служить дипломатии Национального Фронта»[771]. Карьерный дипломат в небольшом тексте продемонстрировал целый спектр позиций и рефлексий, возможно, разделяемых многими его коллегами, которые помимо прочего показывают сложный, конфликтный, становящийся (по П. Штомпке) характер ценностей и практик этого социально-профессионального сообщества. Он предсказывает презрительное отношение Лё Пен к своему посланию, замечая, что может быть использован аргумент о том, что только народ является носителем суверенитета, и, конечно, не чиновникам оспаривать его выбор (если победит этот кандидат). И, конечно, посол служит государству и представляет Францию. Но он также должен лояльно защищать позиции своего правительства. Именно это и сможет честно делать автор письма, поскольку считает, что позиции Национального фронта противоречат его собственных, которые он считает также и отвечающим принципам, на которых устроена современная Франция. Конфликт между необходимой, по умолчанию подразумеваемой лояльностью дипломатического агента и его личной позицией этот посол разрешает открытым способом: он заявил, что адресату его послания (т.е. возможно, будущему Президенту) не придётся наказывать его за плохую службу ему, поскольку он просто откажется служить ему (заметим – Президенту, а не Франции).

Предостережение П. Бурдьё социологам контролировать воздействие на их исследования социальных детерминант актуально и для дипломатов. Хотя, с одной стороны, им нет нужды рефлексировать происходящее в смысле определения «истин», которые не понимают политики, поскольку дипломаты изначально сознательно действуют как инструмент этих политиков. Но с другой стороны, кроме локалитиса, формирующегося под влиянием другой – зарубежной культуры, формируется и *внутренний, профессиональный локалитис*. Дипломаты рассматривают все политические процессы, тем более внешнеполитические, с позиции своего сообщества, своей парадигмы. В этом смысле, «очищение» от политических установок, позволяющее сохранять объективный взгляд на явления и процессы, не только допустимо, но и необходимо. Дело в том, что политика собственного государства, на которое работают

[771] См.: *Dana T.* «Mme Le Pen, je refuserai de servir la diplomatie du Front national». Le Monde, 07.03.2017. [Электронный ресурс] URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/03/07/mme-le-pen-je-refuserai-de-servir-la-diplomatie-du-front-national_5090830_3232.html (дата обращения: 10.03.2017).

дипломаты, может существенно измениться, причём в широком диапазоне субъективных взглядов тех, кто приходит к власти, как на международные отношения в целом, так и на отношения с конкретными странами. И тогда сохранение, обладание знанием об объективном состоянии этих отношений является как раз той основой, которую дипломаты смогут учитывать при изменении внешнеполитического курса своего высшего политического руководства. «Бдительность» же Бурдьё (и не только) важна в той мере, в которой дипломатическое сообщество не ставит, подобно бюрократии вообще, свои собственные задачи, цели и методы, в качестве основных, целей и методов самих по себе. Т.е. получение «диплома» - заключение дву- или многостороннего договора, пусть и на основе учёта собственных национальных интересов, но как самоцель может проистекать из такого понимания существа дипломатической деятельности. Он не является ошибочным, но находится всегда только в контексте общей политики государства.

На подходе же, возможно, ещё одно поле (в прямом и переносном смысле) деятельности, доступное только дипломатическим агентам в силу рефлексивной специфики их деятельности. Рост *интенсивности* инфо-комуникационной среды создаёт, в т.ч. в международных отношениях, такие новые реалии, как «абсолютные события» и «не-события», предложенные Ж. Бодрийяром. В частности, социолог подчёркивает конкретное символическое значение теракта 11 сентября 2001 г., без которого это трагическое событие «превращается в чистую случайность, становится совершенно произвольным действием, убийственной фантасмагорией нескольких фанатиков, которых просто вовремя не уничтожили» [772]. Но важно при этом, что независимо от собственной интерпретации Ж. Бодрийяром произошедшего, определяющим фактором в исследовании события является его *рефлексия*. Сам социолог подчёркивает, что «без нашей глубокой сопричастности это событие никогда не вызвало бы такого воздействия, и символическая стратегия террористов, несомненно, была рассчитана на это наше постыдное соучастие»[773]. И это отношение позволяет ему заключить, что в случае с терактами в Нью-Йоркском Всемирном торговом центре мы имели дело с *абсолютным событием*, событием в чистом виде, т.е. таким, которое как бы концентрирует в себе все события, которые никогда не происходили. Другой вид этой новой реальности, интерпретация которой оказывается не только релятивной, но и виртуальной, *не-событие*, примером которого Ж. Бодрийяр считает войну в Персидском Заливе. Конечно, боевые действия коалицией во главе с США там велись, причём

[772] По мнению социолога, специфическая реакция на это трагическое событие на Западе, позволяет говорить о том, что якобы «в каждом из нас присутствует этот смутный объект желания» (разрушить американское сверхмогущество); «они это сделали, но мы этого хотели».
[773] См.: *Baudrillard J.* L'esprit du terrorisme. Le Monde, 3 novembre 2001.

масштабные и очень высокотехнологичные. Но их подача общественному мнению, больше походившая на телесериал, превратила их в не-событие, т.е. не в войну, как уникальную и непредсказуемую трагедию, а монотонный поток фантомной информации, бессмысленных обстрелов, лживых и патетических речей[774]. Работать с такими событиями и такой информацией и их интерпретацией возможно, по нашему мнению, только при качествах, которыми обладают агенты рефлексивной дипломатической службы.

Выводы Главы 4.

-Отбор в дипслужбу, её состав и деятельность находятся под сильным влиянием характера политических сил, которые контролируют, прежде всего, исполнительную власть, а также от общей, в т.ч. внутриполитической конъюнктуры. Кроме того, саморефлексия также послужила основой организации институтов специальной, дипломатической подготовки для целенаправленного производства соответствующих специалистов, обладающих широким набором знаний и навыков для деятельности, выполнения поставленных задач в мультикультурной среде. На примере французского МИД показана рефлексия в кадровой работе, которая во многом предопределяет собственно дипломатическую деятельность сотрудников, производились в периоды, когда у власти были Президенты-социалисты (Ф. Миттеран и Ф. Олланд). Сменявшим их республиканцам было не просто отменить принятые законы и указы, направленные на постепенную демократизацию этой специальной службы, включая повышение прозрачности одного из самых болезненных для неё вопроса – назначений на должности. В тоже время, под теми же, в целом, объективными предлогами демократизации, равенства, социальной справедливости, как общие социальные процессы во французском обществе, так и частично профсоюзное движение в МИД, действуют в направлении потери мидовской кадровой специфики, как наиболее высокообразованных и высококвалифицированных специалистов. Такие формальные требования, как количественный паритет мужчин и женщин, количество лет, проведённых на той или иной должности для занятия следующей или якобы «равный» подход к проблемам сотрудников разных категорий (от собственно дипломатов до вспомогательного персонала) без экспертного и объективного учёта индивидуального вклада и способностей, не способствуют валидной оценке труда работников, престижу профессии. В условиях затяжного экономического кризиса знания и компетенции мидовцев как социально-профессионального сообщества в целом, их вклад в общее социально-экономическое развитие страны также специально не учитываются. Главным фактором, поддерживающим высокий уровень образования и компетенций дипломатов, остаётся

[774] Ibid.

система учёбы и поступления на службу посредством жёсткого контроля и отбора тех кандидатов, для которых характерна саморефлексия.

-Несмотря на внедрение самых современных средств и технологий коммуникации и информации, дипломаты-акторы, как правило, оставаясь в том же количестве, что и до эпохи ЭСИК, оказались вынуждены рефлексировать относительно всё возрастающих информационных перегрузок, отслеживая всё более многочисленные и активные информационные источники в условиях современного всё более «высокоскоростного общества» (Х. Роза). Т.е. обостряется *противоречие между информационными и коммуникационными возможностями эпохи ЭСМИК и естественными (биологическими) и культурными возможностями личности*, отдельного человека, члена общества (невозможно понимать, знать и узнать всё), и даже специализированного социально-политического института в целом (в данном случае – дипслужбы).

-Современная дипломатическая служба трансформируется в соответствии с новым состоянием международных отношений и глобального информационного пространства, складывающихся под влиянием новых информационных и коммуникационных технологий, новых реалий сетевого, «текучего» и ускоряющегося общества. Сегодня электронные СМИК сообщают о подавляющем большинстве событий публично и в режиме реального времени, а граждане, включая высших политических руководителей, имеют возможность получать эти сообщения через развитые системы массовых коммуникаций, а не только по дипломатическим каналам. В результате валидная информация, системно собираемая и производимая дипломатами, столкнулась с сильной конкуренцией быстрой, но поверхностной информации ЭСМИК, в которой доминируют «не-события». Это вызвало в общественном и политическом сознании новый всплеск настроений о снижении значения и роли профессиональной дипломатической службы. Несмотря на это, современные дипломатические службы остаются востребованными и даже усиливают своё значение. Это связано, во-первых, с увеличением количества и культурного разнообразия акторов (к тому же политически поддерживаемого в условиях глокализации), и хаотичного характера производимой ими информации, что усложняет согласование совместных, компромиссных, взаимоприемлемых позиций и действий. Во-вторых, такое согласование возможно именно дипломатическими средствами и силами профессиональных дипломатических агентов, сама суть деятельности которых заключается в определении и понимании специфики разных культур, позволяющих находить пути для их согласования посредством рефлексии интересов, ценностей, личностей контрагентов и своих собственных. В-третьих, для достижения результатов негосударственным организациям и частным лицам в конечном итоге приходится по-

прежнему обращаться к государствам и их дипломатическим службам, бороться за своё влияние на них или представительство в них.

-Дипслужба действует в социально-политической среде, выполняя информационные и коммуникационные задачи, поставленные высшим политическим руководством своего государства. В этом взаимодействии постоянно существует и воспроизводится противоречие между подходами и позициями дипломатических агентов, как экспертов-специалистов, и политиков, между глубоким пониманием дипломатами политических процессов в международных отношениях в целом и в отдельных странах и международных организациях, как отражающих идущие там социальные, политические, экономические, культурные процессы, и другого характера задачами высшего политического руководства, ставящего дипломатам задачи и использующего подготовленную ими дипломатическую информацию. Постоянство и воспроизводство этого противоречия происходят не из различий в уровнях подготовки и даже компетентности в вопросах международных отношений и внешней политики, но из разных интересов. Политиками международные и внешнеполитические обстоятельства рассматриваются не сами по себе, а только в контексте, взаимосвязи с совокупностью общегосударственных, внутриполитических, а иногда и частных (социальных групп, отдельных личностей) интересов, в основе которых может лежать и интерес сохранения нахождения у власти. Урегулируется это противоречие диалектически: соблюдая бюрократические, корпоративные нормы, действующие дипломатические агенты выполняют указания руководства, в т.ч. противоречащие их пониманию ситуации и собственным предложениям. Но в тоже время, впоследствии, не связанные более службой дипломаты (в отставке) часто публично высказывают собственные взгляды, критику решений, принятых политиками, даже если их собственные позиции во время дипломатической службы были сформулированы под влиянием нередкого для этой профессии эффекта локалитиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере французской дипслужбы можно проследить классическое диалектическое развитие, как самой этой части госаппарата и её отношений с внешней к МИД средой, основанной на постепенно становящейся рефлексии, так и её саморефлексии. В древности посольства были кратковременными миссиями, поскольку сводились в основном либо к контактам по поводу подтверждения прав на захваченные владения, либо к требованию компенсации за оскорбление, либо к предложениям о заключении союза. Поэтому дипломатическая задача заключалась только в демонстрации доказательств своих текущих (т.е. на данный момент, фактических) прав, что, в общем, не требовало никакого искусства. Таковы же были и ответы противоположной стороны (в связи с чем не требовались и переговоры): посол (министр) либо получал удовлетворение, либо объявлял войну государю, к которому он приехал с поручением. После длительного процесса формирования профессиональных, современного вида дипслужб, а с XVIII в., как правило, годами стали вестись переговоры не только по ключевым проблемам, но и по самым незначительным, очень простым, для продолжения которых изыскивались многочисленные столь же незначительные причины. Для этого, как и для таких длительных переговоров, требовался уже дипломатический, политический талант[775]. А также глубокую профессионализацию и соответствующую подготовку кадров. В тоже время, конфликты, напряжения в отношениях и даже войны вовсе не прекратились. Несмотря на концептуализацию рациональной дипломатии уже в первой половине XVII вв., не только внешнеполитическая деятельность суверенов, монархов по-прежнему использовала силовой, военный инструментарий, но и сама дипломатия, в частности, новой, революционной Франции, вновь вернулась к политике ультиматумов. Эти флуктации, динамизм означают, что даже достигнутые не только теоретические знания, но и практические компетенции отдельных дипломатов и всей дипслужбы в целом не есть постоянные факторы. Поскольку любое общество обновляется в силу конечности жизни каждого отдельного человека, решение тем или иным способом, в той или иной мере проблемы *воспроизводства* специалистов, а также их мировоззрения, определяет качество, возможности и результаты деятельности социальной структуры в каждый конкретный момент времени, в историческую эпоху.

Международные отношения и деятельность дипломатических служб развиваются диалектически: дипломатия, родившаяся как ответ на новую ситуацию – определённый баланс сил, развившаяся в настоящее искусство всё более точной оценки своих и противника сил и переговоров по этому поводу, была также результатом общего развития

[775] См.: *Pecquet A.* Op.cit. Préface. P. XVI-XVII.

общества, наук, философии и социологии. Это общее развитие вызвало также качественное изменение этого самого общества таким образом, что в повестке дня оказалась антимонархическая революция. В результате, все наработки дипломатии по сосуществованию держав оказались ненужными в связи с новой концепцией войны – не ради обогащения королей, а революционной, во имя освобождения народов от монархов. Но ненужными – только временно.

Исследованный Ф. Мартелем современный аспект глобальной культуры, «которая нравится всем», это не её война против остальных культур, а процесс, этих всех остальных поглощающий. Как и капитализм в целом, такая культура развивается в направлении *спроса*, даже если он самим капитализмом формируется и придумывается. Отсюда и не один – «классический» стандарт, а множество «нишевых» субкультур. Для капитализма главное – прибыль, получаемая на капитал, т.е. посредством обмена, торговли, бизнеса. Капитализм – это уход от прямого насилия посредством создания посредника – товара. США имеют то преимущество, что они сами – современный мир в миниатюре[776]. Т.е. капиталистические принципы, на которых построена текущая культура «мэйнстрима», являются принципами их собственной культуры в широком смысле, принципами устройства общества в целом. Производится и продаётся на рынке только то, что находит своего покупателя. Конечно, в товары закладываются и некоторые ценности, но и они присутствуют там только, как подготовленные к продаже.

Французская дипломатическая служба имеет определённые успехи в деле поиска и привлечения в страну перспективных студентов и учёных. Однако, как и в области образования и культуры вообще, политики либо не понимают разницы сущности и схем функционирования этих секторов у лидера – США, либо не готовы или не хотят осуществлять необходимые изменения. С рыночной точки зрения Франция и другие продолжают проигрывать США. Перестроиться по их образу значит вступить в конкуренцию по-американски, такую, в которой участвуют, живут акторы внутри Америки. Т.е. с возможностями, как стремительного роста, так и постоянных и массовых банкротств. Если речь, конечно, но о системообразующих финансовых структурах, которые, собственно, и определяют правила игры и политику. Кроме того, в таком случае Франция, как страна с меньшим количеством населения, компаний, худших по сравнению с Америкой стартовых условий, будет нести, во всяком случае, в первое время (а может и всегда – это рыночный риск), издержки проигравшего в рыночной конкуренции. А на крайний случай у Штатов есть ещё самые сильные в мире вооружённые силы. Но и не идя по этому пути, пытаясь только скопировать американские схемы, институты, политику, в

[776] См.: *Martel F.* Mainstream...

т.ч. в дипслужбе, не наполнив их американским же содержанием, невозможно получить американские результаты. Но реформы, проводимые французскими политиками, не учитывают пока этого обстоятельства.

В отличие от США, которые сегодня рассматривают дипломатию только как один из элементов «умной силы» в дополнение к силе обычной – военной, опирающейся на самый мощный экономический и научно-технический фундамент, у Франции в сравнении с США, т.е. в мире, определяемом французами как однополярный, есть только дипломатия. Отсюда необходимость соответствующего внимания к ней, поддержания и совершенствования её работы во всех аспектах. Однако, по мнению Ф. Рено, нынешняя мидовская верхушка (включая послов) по-прежнему верит во всеобщее предназначение Франции[777]. На фоне же того, что было показано в сфере коммерциализирующейся культуры, заявления французских руководителей о приоритете социальных ценностей в сфере экономики настраивают на пессимистические прогнозы. Разительный контраст с таким подходом к экономической дипломатии являют подходы к дипломатии влияния (программа PIPA) и, особенно, научной дипломатии и образовательной дипломатии. Отбор перспективных молодых людей, привлечение их в страну показывают понимание, что такое на самом деле нарождающееся общество знаний и чем чревато непонимание его природы. Привлечь лучшими условиями и перспективами, т.е. конкурировать рыночно – таков единственный путь пусть не к полному успеху, но к продолжению борьбы за само существование. Поэтому в области научной дипломатии и есть признаки тех же перспектив, что открывались в дипломатии культурной, как в рассмотренном случае с телеканалом CFI-TV.

Таким образом:

1. С концептуально-теоретической и исторически-практической точек зрения французская дипломатическая служба, её организаторы и руководители внесли основополагающий вклад в становление и развитие *дипломатической службы в современный рефлексивный институт*. Эта современная служба во многом опирается на концепции и опыт именно французской дипломатии прошлых эпох, хотя сама Франция сегодня играет не первостепенную роль в международных отношениях. В частности, ведущая сегодня – американская дипслужба – имеет такие же характеристики, как французская при своём основании Ришелье: самый большой географический охват и количественный состав, самую высокую активность информационной и коммуникационной работы, а также *воздействие* на *все* другие государства. Эта последняя характеристика всё больше приближается к «эталону» работы французского

[777] См.: *Renaud F*. Diplomates...

МИД в первые годы после революции 1789 г. Как лидер и научно-технологического развития, США усиливают все эти свои действия тотальным применением новейших ЭСИК.

2. В условиях военного паритета между двумя военно-политическими блоками, сложившимися по итогам Второй мировой войны, глобальные войны пока прекратились. «Горячие», вооружённые конфликты вновь стали локальными; центр противостояния переместился в научно-техническую область, которая была осознана правящими политиками как источник вооружений, с целью количественно и всё более – качественно превзойти соперничающий блок. Соперничество в вооружениях не только экономическое, но, прежде всего, научно-техническое потребовало соответствующих кадровых ресурсов, вызвав качественное и количественное развитие систем образования. Научно-техническое развитие, фундаментальные открытия и прикладные изобретения породили не только новые виды и даже системы вооружений, но также и связи, и работы с информацией. Задачи обеспечения связи и обработки данных были (и остаются) актуальны как для вооружённых сил, так и для промышленности, производящей для них вооружения, и для промышленности, создающей оборудование и материалы для промышленности вооружений. Сложность новых систем вооружений вызвала и способствовала развитию сложных систем коммуникации и информации, включая ЭВМ, которые также превзошли коммуникационные и вычислительные возможности человека, его память и др., как ядерные ракеты его физические способности на поле боя. Идеологическая работа обоих блоков с населением для поддержания его боевого духа в рамках подготовки к возможной новой тотальной войне использовала эти новые средства коммуникации и информации. Радио и особенно телевидение стали мощными средствами распространения промышленно и на научной (гуманитарной) основе производимого культурного содержания, нацеленного на укрепление собственной правоты и превосходства и напротив – морально-идеологическое разложение противника. В результате этой информационной борьбы один из блоков потерпел поражение. Исчез и его лидер – СССР. Этот успех был развит победителем – США в отношении всего остального мира. В это же время были созданы и массово внедрены и новые средства коммуникации – интернет и мобильная связь, а гуманитарные науки, в которых США постарались обеспечить себе такое же лидерство, как и в естественных, добились новых успехов в разработке как общекультурных, так и прикладных, воспитательно-педагогических, психологических подходов и технологий. Сегодня, единолично лидируя во всех этих областях, США уже открыто поставили перед собой задачи в отношении всего остального мира и последовательно их выполняют. Эти процессы идут в культурной, информационной

сфере, как максимально эффективной и к тому же не разрушающей материальные ресурсы. Ныне применяемая американцами концепция «умной силы» называет все вещи своими именами.

3. Дипслужба в современных условиях (развития СМИК, прежде всего электронных, сетевых, в т.ч. придающих новое качество глобализации), как и остальные органы государственной власти, находится в фокусе внимания общественного мнения. Её руководство осознаёт это. В этой связи, в ней происходят процессы, которые, по мнению идеологов дипслужбы, должны изменить эту часть общественной структуры в соответствии с новыми условиями. В т.ч. сохранить доверие к ней, как к необходимому элементу государственной власти, а также как к социально-профессиональному сообществу. Отсюда (что хорошо видно на примере французского портала «Дипломатия») такое активное присутствие в интернете, максимально возможная открытость относительно деятельности министерства, большой объём информационного материала, доступного каждому гражданину и адаптированного для использования неспециалистом. МИД же применяет и большинство современных социальных интернет-технологий: краудсорсинг (по содержательному наполнению сайта, его оценке, включая исправление ошибок), параллельное присутствие в большинстве соцсетей и др.

4. Дипломатические кадры сегодня представляют собой исключительно высокопрофессиональное сообщество. Это позволяет им не только вырабатывать собственный путь для реформирования и соответствия реалиям научно-технического развития, внутренних и международных политических процессов, но и во многих отношениях служить примером для остальных госструктур, особенно во Франции. Однако поскольку любые кадры меняются, тем более, испытывая сильное влияние общих социально-политических процессов, как будет происходить эта смена в МИД, покажет время. В этом процессе присутствуют противоположные тенденции[778].

5. Общая схема информационного процесса в МИД следующая:

-как составная часть, инструмент государства МИД выполняет поручения политического руководства по передаче информации зарубежным контрагентам, по поиску ответов на поставленные ему вопросы, сбор и анализ информации о текущей ситуации за рубежом, составление сценариев развития событий, прогнозов, предложений по достижению поставленных целей,

-как самостоятельная исполнительная единица, МИД имеет собственную методику сбора, анализа и выработки информации, подготовленные для этого кадры и

[778] *Litvak N.* Les élites du savoir. Une approche informationnelle // The Journal of Quality in Education. 2015. № 6. С. 104-114.

систему их подготовки. Хотя методология работы с информацией и тем более документооборот внешнеполитической информации встроен в систему общегосударственного документооборота, его специфика (более глубокая тематическая специализация) требует представления конечного продукта в форме, определяемой вышестоящим руководством, т.е. в определённом объёме и с использованием понятной терминологии.

-решение задач, поставленных руководством, а тем более инициативный поиск и выработка предложений, требует более широкого исследования ситуации, чем сравнительно простые ответы, фиксируемые в отчётах. Поэтому МИД имеет и собственные средства поиска, хранения и переработки информации, и собственные задачи, определяемые уже его собственным руководством, а также каждым сотрудником. Тем более, что каждый сотрудник имеет личные качества и установки, в т.ч. в отношении информационной работы.

Многие дипломаты с момента формирования дипломатической службы были и остаются социологами, историками, психологами и политологами не только объективно, в силу самого характера дипломатической работы, применяя в своей практической работе те знания и методы, которые они почерпнули в ходе своего общего образования. Можно сказать, что и в научном плане они (во всяком случае, выдающиеся дипломаты, многие из которых были упомянуты в данной книге) действовали вполне на уровне этих наук своего времени, а некоторые даже опережали этот уровень, т.е. развивали и саму науку.

6. К настоящему времени в целом произошла трансформация дипслужбы из структурно-функционального социально-политического института, элемента госаппарата по коммуникации, а затем сбору и производству специфической, дипломатической информации, в *рефлексивный институт*, специфическое социально-профессиональное сообщество. Дипломатические агенты постепенно и последовательно перешли к *рефлексии* задач, которые ставит высшее политическое руководство, среды, в которой им приходится выполнять эти задачи (государственных структур и акторов зарубежных государств и всей системы международных отношений), самого этого высшего политического руководства, и, наконец, своего собственного специфического социально-профессионального сообщества, дипломатической службы и её акторов, а также их отношений с остальной, внешней к дипслужбе в своём государстве и зарубежной социально-политической средой. Эпоха ЭСИК ускорила и усилила этот процесс, изменив как среду, в которой действует дипслужба, так и инструменты и методы её собственной работы. В настоящее время социологами отмечается нарастание рефлексивности социума. В т.ч. М.С. Арчер предупреждает не только о явных, но и о латентных последствиях этого

процесса, идущего, по её мнению, в направлении «переструктурирования конфликта, гражданственности и гражданского общества»[779]. Это проявляется и в проблемах, с которыми сталкивается современная дипслужба, в т.ч. под действием фактора смены поколений. Также заслуживает внимания так называемый «парадокс Гидденса», согласно которому, скорость (действий, коммуникации, рефлексии) в социуме существенно искажает восприятие людьми последствий результатов своей деятельности[780].

При всех трудностях и проблемах, испытываемых дипломатической службой в целом и каждым из её сотрудников, тем более, что и дипслужба, и её среда – *становящиеся* реальности, мотивация к работе покоится на постоянном обращении к фундаментальному диалектическому постулату о единстве и борьбе противоположностей, как основному свойству всего и источнику его развития. Т.е. преодоление одних трудностей не означает исчезновение трудностей, как таковых, а переход дипломата или объекта, с которым он работает, в новое состояние, в котором есть свои проблемы.

7. Подход к современной дипломатической службе как становящемуся рефлексивному институту, представленный в работе рефлексивно-информационный подход позволяют исследовать в динамике сложные социально-политические системы, находящиеся в многофакторном поле влияния более общих социально-политических процессов, прогнозировать их развитие.

---

[779] См.: The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rh–6th September 2007. Glasgow Caledonian University. P. 36–37.
[780] *Giddens A.* The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 2.

Библиография

1. *Авдулов А. Н.* Информационное общество: эволюция, современный этап, уроки для России // Россия и современный мир. – 2005. – № 4. – С. 5-21.
2. *Алексеева Т. А*. Современные политические теории. М. : РОССПЭН, 2007. 463 с.
3. *Алексеева И. Ю.* Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. – 1999. – №1. – С. 30-35.
4. *Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталев М.А*. Основы теории международных отношений. М. : МГИМО, 1988. 141 с.
5. *Араб-Оглы Э. А.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М. : Молодая гвардия, 1973. 301 с.
6. *Бакулев Г.П.* Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М. : Аспект Пресс, 2005. 192 с.
7. *Бауман З*. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
8. *Бек У*. Общество риска. М. : Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
9. *Бек У*. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. 303 с.
10. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества / Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 330-342.
11. *Бергер П., Лукман Т*. Социальное конструирование реальности. М. : Academia-центр, Медиум, 1995. 323 с.
12. *Бехманн Г.* Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 10-28.
13. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010. 247 с.
14. *Бодрийар Ж.* Город и ненависть // Логос. – 1997. – № 9. – С. 107-116.
15. Большая советская энциклопедия. Третье издание: в 30-ти т. М. : Советская энциклопедия, 1969-1978.
16. Большой Российский энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. 1887 с.
17. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Том XXI. СПб., 1897. 500 с.
18. *Бурдьё П.* За рационалистический историзм // Социо-логос постмодернизма. М. : Ин-т экспериментальной социологии, 1996. С. 9-29.

19. *Бурдьё П.* Опыт рефлексивной социологии / Теоретическая социология : Антология: в 2 ч. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Т. 2. С. 373-429.

20. *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.

21. *Бурдьё П.* Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

22. *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.

23. *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.

24. *Бурдьё П.* Структуры, habitus, практики / Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. 120 с.

25. *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.

26. Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961 года. [Электронный ресурс:] http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel (дата обращения 16.03.2014).

27. *Виндельбанд В.* Фридрих Гельдерлин и его судьба / Вильгельм Виндельбанд. Избранное : Дух и история. М. : Юристъ, 1995. 687 с.

28. *Воронина Т.П.* Информационное общество: Сущность, черты, проблемы. М. : ЦАГИ, 1995. 110 с.

29. Всемирный доклад ЮНЕСКО по коммуникации и информации. 1999-2000 гг. Париж : UNESCO publ., 2000.

30. *Гидденс Э.* Модерн и самоидентичность / Современная теоретическая социология : Энтони Гидденс : рефератив. сб. / под ред. Ю. А. Кимелева. М. : ИНИОН РАН, 1995. 155 с.

31. *Гидденс Э.* Социология. М. : Едиториал УРСС, 1999. 704 с.

32. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб. : Питер, 2004. 208 с.

33. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.

34. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.

35. *Глаголев В.С.* Нематериальные факторы в международных отношениях / Современная наука о международных отношениях за рубежом. Под общей редакцией И.С. Иванова. М., 2015. С. 10-18.

36. *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003. 575 с.

37. *Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М. : Книжный дом «Университет», 2001. 216 с.

38. *Гофман А.Б.* Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. – 2005. – № 1.

39. *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.

40. *Дебор Г.* Общество спектакля. М. : Логос, 2000. 224 с.

41. *Дзоло Д.* Сложность и демократия: реалистический подход. М. : ГУ–ВШЭ, 2010. 320 с.

42. Дипломатическая служба зарубежных стран: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М. : Аспект-Пресс, 2015. 400 с.

43. Дипломатия иностранных государств. Под ред. Т.В. Зоновой; МГИМО (У) МИД РФ. М. : РОССПЭН, 2004. 352 с.

44. *Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т.* Неформальная политическая коммуникация. М. : РОССПЭН, 1997. 197 с.

45. *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора. М. : РОССПЭН, 1998. 332 с.

46. *Дмитриев А.В.* Общая социология. М.: Современный гуманитарный университет, 2001. 427 с.

47. *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002. 524 с.

48. *Дубинин Ю.В*. Мастерство переговоров. М. : «АвиаРус - XXI», 2007. 285 с.

49. *Дука С.И.* Информационное общество. Социогуманитарные аспекты. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 168 с.

50. *Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д*. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 130 с.

51. *Дюркгейм Э*. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 576 с.

52. *Егоров В.В.* На пути к информационному обществу. М. : Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2006. 191 с.

53. *Еляков А.Д.* Российское общество в информационном измерении // Социологические исследования. – 2009. – № 7.

54. *Ермоленко Д.В*. Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и проблемы социологических исследований международных отношений). М. : Международные отношения, 1977. 230 с.

55. *Замошкин Ю.А.* «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. – 1990. – № 3.

56. *Зарубина Н.Н.* Деньги как социокультурный феномен. М. : Анкил, 2011. 194 с.

57. *Землянова Л.М.* Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник МГУ, серия 10 Журналистика. – 1999. – № 2 .

58. *Зонова Т.В*. Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития. М. : РОССПЭН, 2003. 336 с.

59. *Иванов Д.В.* Виртуализация Общества. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.

60. *Игнатьев В.И.* Социология информационного общества. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. 336 с.

61. *Ионин Л.Г.* Социология в обществе знаний : от эпохи модерна к информационному обществу. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007 . 431 с.

62. *Кант И.* Критика чистого разума / Собр. соч.: В 6 т. Т.4. М. : Мысль, 1964.

63. *Качалин А*. Керри: при разрешении конфликтов США не забывают о главном - своей экономической мощи. ТАСС, 13.04.2016 [Электронный ресурс] http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3198616 (дата обращения: 13.04.2016).

64. *Комлев Н.Г*. Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО, 2000. 657 с.

65. Конституция Французской Республики / Конституции государств Европейского Союза. Под общей редакцией Л. А. Окунькова. М. : Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 665-682.

66. *Кравченко С. А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. М. : Издательство «МГИМО-Университет», 2006. 172 с.

67. *Кравченко С.А*. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М. : МГИМО-Университет, 2016. 431 с.

68. *Кравченко С.А*. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. – 2010. – №10. – С. 14-25.

69. *Кравченко С.А*. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 13-22.

70. *Кравченко С.А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М. : Анкил, 2009. 224 с.

71. *Кравченко С.А*. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М. : МГИМО-Университет, 2011. 408 с.

72. *Кравченко С.А.* Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. – 2015. – № 14. – С. 13-29.

73. *Кравченко С.А*. Социологическое знание через призму стрелы времени: востребованность гуманистического поворота. М. : МГИМО-Университет, 2015. 342 с.

74. *Кравченко С.А*. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография. М. : МГИМО-Университет, 2012. 306 с.

75. *Кравченко С.А*. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 12-23.

76. *Кузнецов С.А*. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт. 1998. 1536 с.

77. *Лазарев И.А., Хижа Г.С, Лазарев К.И.* Новая информационная экономика и сетевые механизмы развития. М. : Дашков и Ко, 2006. 239 с.

78. *Литвак Н.В*. Информационное общество: перманентная эволюция. М.: Колос, 2008. 416 с.

79. *Литвак Н.В*. К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социологические исследования. – 2010. – №8. – С. 3-11.

80. *Литвак Н.В*. О классификации концепций информационного общества // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – № 3. – С. 223-234.

81. *Литвак Н.В*. Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2011. – № 1. – С. 207-217.

82. *Литвак Н.В.* Информационный подход к анализу современных социальных, межнациональных и межконфессиональных отношений // Право и управление. XXI век. – 2012. – №1. – С. 69-71.

83. *Литвак Н.В.* К вопросу о коллективной теоретической работе // Вестник МГИМО (У). – 2012. – №4. – С. 232-236.

84. *Литвак Н.В*. О некоторых аспектах информационной борьбы на Ближнем Востоке // Конфликтология. – 2012. – №4. – С. 125-133.

85. *Литвак Н.В*. Современные концепции информационного общества. Учеб. пос. М. : МГИМО (У), 2013. 140 с.

86. *Литвак Н.В*. К итогам XIX Международного Конгресса франкоязычных социологов: новые подходы к изучению неопределенности // Вестник МГИМО (У). – 2013. – № 1. – С. 188-191.

87. *Литвак Н.В*. Экономический и информационный подходы к определению человеческого капитала // Вестник МГИМО (У). – 2013. – №3. – С. 138-139.

88. *Литвак Н.В*. Презентация книги «К.Н. Леонтьев. Записки и донесения» // Вестник МГИМО (У). – 2013. – №6. – С. 322-323.

89. *Литвак Н.В*. Философия как общеобразовательная дисциплина, находящаяся в поле конфликтов. Опыт Франции и России // Конфликтология. – 2013. – № 4. – С.7-21.

90. *Литвак Н.В*. Информационный подход к определению межкультурной коммуникации / Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А.В. Шестопала, М.В. Силантьевой; отв. ред. А.В. Мальгин. М. : Аспект Пресс, 2013. С. 274-282.

91. *Litvak N*. Обобщение информации и воспроизводство общества / XXIII World Congress of Philosophy. Abstracts. Athens 04-10 August 2013. – University of Athens, School of Philosophy University Campus – Zografos. Greek Philosophical Society & FISP, 2013. – P.409.

92. *Литвак Н.В*. Обобщение информации и воспроизводство общества. Доклад на XXIII Всемирном философском конгрессе. Афины, 2013. [Электронный ресурс]. http://www.congress2013.dialog21.ru/Doklady/litvak.htm. (дата обращения: 09.03.2017).

93. *Литвак Н.В.* Запад-Россия-Восток: ценности национальные, географические и исторические // Вестник МГИМО (У). – 2014. – №2. – С. 250-252.

94. *Литвак Н.В*. К методологии дипломатической переписки: анализ донесений К.Н. Леонтьева // Политические исследования. – 2014. – №4. – С. 166-170.

95. *Литвак Н.В*. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции: учебно-методическое пособие. М. : МГИМО-Университет, 2015. 86 с.

96. *Литвак Н.В*. Блеск и нищета дипломатической работы // Международная жизнь. – 2015. – №3. – С. 176-178.

97. *Литвак Н.В.* Научная этика в эпоху электронных коммуникаций // Вестник МГИМО (У). – 2015. – № 3. – С. 276-279.

98. *Литвак Н.В.* Школьная история, как инструмент формирования политического сознания современной Франции // Вестник МГИМО (У). – 2015. – № 6. – С. 146-154.

99. *Литвак Н.В.* Дипломатия будущего – новый источник конфликтов? // Конфликтология. – 2015. – № 3. – С. 46-52.

100. *Литвак Н.В*. Информационные процессы во французской дипломатической службе // Международная жизнь. – 2015. – № 11. – С. 76-95.

101. *Литвак Н.В*. Вопрос о границах межкультурной коммуникации / Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / Под ред. А.В. Шестопала, М.В. Силантьевой; отв. ред. А.В. Мальгин. М. : Издательство «МГИМО-Университет», 2015. С. 52-55.

102. *Litvak N*. Les élites du savoir. Une approche informationnelle // The Journal of quality in education. 2015, n° 6. P. 104-114.

103. *Литвак Н.В., Медведева С.М.* Объективные политические риски в отношениях общества и науки // Страховое дело. – 2015. – № 10. – С. 30-36.

104. *Литвак Н.В.* Межкультурная коммуникация как информационная борьба: ценностный аспект // Международная аналитика. – 2016. – № 3. – С. 122-126.

105. *Литвак Н.В.* Образование как вид информационной борьбы // Страховое дело. – 2016. – №11. – С. 15-19.

106. *Литвак Н.В.* Информационные процессы в современной дипломатической службе. Опыт Франции. Монография. М.: «МГИМО-Университет», 2016. 486 с.

107. *Литвак Н.В., Шестопал А.В*. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО (У). – 2016. – № 5. – С. 106-114.

108. *Литвак Н.В., Медведева С.М*. Учёные и журналисты: в поисках взаимопонимания // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2016. – Том 11, №3. – С. 15-25.

109. *Литвак Н.В.* Мораль во внешней политике и дипломатии современной Франции // Международная жизнь. – 2016. – № 8. – С. 30-41.

110. *Литвак Н.В., Медведева С.М*. Введение в проблему популяризации науки: возможности и конфликты понимания // Конфликтология. – 2017. – № 1. – С. 174-188.

111. *Литвак Н.В.* Профсоюзное движение в современной дипломатической службе Франции // Международная жизнь. – 2017. – № 7. – С. 82-100.

112. *Литвак Н.В.* Языковой аспект в проблеме внутренней и внешнеполитической информационной безопасности // Международная жизнь. – 2017. – №13. Специальный выпуск «Россия и информационная безопасность». – С. 159-168.

113. *Литвак Н.В., Медведева С.М.* Социально-психологические проблемы восприятия науки и ее популяризации российской молодежью // Страховое право. – 2017. – №2. – С. 51-56.

114. *Литвак Н.В.* Историчность и современность национальных культур // Концепт. – 2017. – № 3. – С. 57-64.

115. *Литвак Н.В., Шестопал А.В*. Роль культуры во внешней политике новой России // Концепт. – 2017. – №3. – С. 29-43.

116. *Литвак Н.В., Шестопал А.В* Роль культуры во внешней политике новой России / 25 лет внешней политике России / Сборник материалов X Конвента РАМИ: В 5 томах. М. : МГИМО-Университет, 2017. Т.5, ч.1. С. 42-64.

117. Литвак Н.В. Военно-патриотическая подготовка: к рискам новых конфликтов или дипломатическим решениям? // Страховое дело. – 2018. – № 1. – С. 3-13.

118. *Литвак Н.В*. Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт // Политические исследования. – 2018. – №2. – С. 78-84.

119. *Лукман Т*. Герменевтика как социологическая парадигма? / Социальные процессы на рубеже веков: феноменологическая перспектива / общ. ред. С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2000. 125 с.

120. *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество / Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М. : Интеллект, 1998. 272 с.

121. *Луман Н*. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. 232 с.

122. *Луман Н.* Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.

123. *Луман Н*. Социальные системы. СПб. : Наука, 2007. 642 с.

124. *Луман Н.* Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып.3. СПб., 2000.

125. *Маркс К*. К критике гегелевской философии права / К. Маркс. ПСС. Издание второе М. : Издательство политической литературы, 1955. Т.1. С. 414-429.

126. *Маркс К.* Социология. Сборник. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 432 с.

127. *Маркузе Г.* Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : REFL-book, 1994. 368 с.

128. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966. 462 с.

129. *Мелюхин И.С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. 206 с.

130. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.

131. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М. : Едиториал УРСС, 2000. 240 с.

132. *Назарова Е.А.* Провокации в средствах массовой коммуникации / Провокация: сферы коммуникативного проявления: сборник статей / колл. авторов; под ред. чл-корр. РАН А.В. Дмитриева. М. : РУСАЙНС, 2016. С. 73-89.

133. *Носкова А.В.* Мировая и российская социология: сравнительный анализ предметных полей // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. – С. 332-334.

134. *Панфилова Т.В.* Конфликтология в поисках рецептов по урегулированию межкультурного взаимодействия // Конфликтология. – 2012. – №3. – С. 162-171.

135. *Подберезкин А.И.* Цифровая дипломатия в качестве средства стратегического сдерживания. ЦВПИ, 12.05.2017. [Электронный ресурс] http://eurasian-defence.ru/?q=node/38995 (дата обращения: 10.06.2017).

136. *Польре Б.* Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. – 2008. – № 2 (179). – С. 66-69.

137. *Попов В.И.* Современная дипломатия. Теория и практика. М. : Научная книга, 2000. 576 с.

138. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М. : Рефл-бук, 2001. 656 с.

139. Практическая психология для дипломатов. Под ред. Р.Ф. Додельцева. 2-е изд., расш. и перераб. М. : МГИМО-Университет, 2011. 508 с.

140. Провокация: сферы коммуникативного проявления: сборник статей / колл. авторов; под ред. чл-корр. РАН А.В. Дмитриева. М.: РУСАЙНС, 2016. 158 с.

141. *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М. : Политиздат, 1991. 287 с.

142. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). М. : Международные отношения, 2008. 408 с.

143. *Сальникова Л.С.* Коммуникационные разрывы: причины и последствия // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. № 1. – С. 124-134.

144. *Селянинов О.П.* Дипломатические отношения государств. М. : МГИМО (У), 2004. 312 с.

145. *Силантьева М.В*. Синкретизм в условиях политизации религии / В сборнике: Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса: Электронный ресурс. 2012. С. 4794-4800.

146. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Н. : Издательство Новосибирского университета, 1995. 120 с.

147. Современные международные отношения / под ред. *А.В. Торкунова, А.В. Мальгина*. М. : МГИМО (У) МИД России, Аспект-Пресс, 2012. 688 с.

148. *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 696 с.

149. *Тённис Ф.* Общность и общество // Социологический журнал. – 1998. – №3/4. – С. 333-357.

150. *Терин В.П.* Массовая коммуникация: социокультурные аспекты политического воздействия: исследование опыта Запада. М. : Изд-во Института социологии, 1999. 145 с.

151. *Торкунов А.В*. По дороге в будущее-2. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Аспект Пресс, 2015. 552 с.

152. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.

153. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011. 552 с.

154. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

155. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. 204 с.

156. *Тюлин И.Г*. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М. : Международные отношения, 1988. 182 с.

157. *Урри Д*. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.

158. *Урри Д*. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М. : Высшая школа экономики, 2012. 336 с.

159. *Урсул А.Д*. Информатизация общества. М. : Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1990. 190 с.

160. *Фролов С.С*. Особенности восприятия отношений власти представителями различных социальных групп // Социология власти. – 2012. – №2. – С. 102-111.

161. *Фуко М*. Археология знания. К. : Ника-Центр, 1996. 208 с.

162. *Фуко М*. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 488 с.

163. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М. : АСТ, 2006. 220 с.

164. *Цвылев Р.И.* Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М. : Наука, 1996. 136 с.

165. Цифровая дипломатия США. *РИСИ, 08.12.2014.* [Электронный ресурс] https://riss.ru/analitycs/7003/ (дата доступа: 06.05.2015) .

166. *Цыганков А.П., Цыганков П.А*. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М. : Аспект Пресс, 2008. 238 с.

167. *Цыганков П.А*. Политическая социология международных отношений. М. : Радикс, 1994. 208 с.

168. *Чугров С.В*. Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. – 2016. – №4. – С. 182-191.

169. *Шамуа Л. Р. де*. Представление об идеальном после. М.: Научная книга, 2004. 157 с.

170. *Шарков Ф.И.* Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 52-61.

171. *Шишло А*. Двенадцать стран ЕС недовольны работой дипслужбы сообщества. РИА Новости, 06.01.2012 [Электронный ресурс] http://old.rian.ru/world/20120106/533783290.html (дата обращения: 13.04.2016).

172. *Штомпка П*. Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

173. *Штомпка П*. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2008. 664 с.

174. *Эллюль Ж.* Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 147-152.

175. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

176. *Яницкий О.Н*. Экологическое мышление эпохи «великого передела». М. : РОССПЭН, 2008. 224 с.

177. *Alexander J.C.* The Drama of Social Life. Malden : Polity, 2017. 180 p.

178. *Alexander J.C*. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003. 296 p.

179. *Almuftah H., Weerakkody V., Sivarajah U*. E-Diplomacy: a Systematic Literature Review // Proceedings of the 9th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance. Montevideo, Uruguay, March 01-03, 2016. NY: ACM, 2016.

180. Amiante: les anciens du tripode de Nantes ne veulent pas être «les oubliés». [Электронный ресурс] http://www.leparisien.fr/laparisienne/sante/amiante-les-anciens-du-tripode-de-nantes-ne-veulent-pas-etre-les-oublies-19-01-2017-6588894.php (дата обращения: 25.02.2017).

181. *Andréani J*. Etre ambassadeur auprès de la première puissance mondiale / Cohen S. (dir.) Les diplomates. Négocier dans un monde chaotique. P. : Autrement, 2002.

182. *Andretta S., Péquignot S., Waquet J.-C.* (dir.) De l'ambassadeur. Les écrits relatifs à l'ambassadeur et à l'art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle. Rome: Publications de l'École française de Rome. 2015. [Электронный ресурс] http://books.openedition.org/efr/2907 (дата обращения: 14.10.2015).

183. *Arboit G.* La fin d'un monde : le bureau du chiffre du quai d'Orsay en 1904.Centre Français de Recherche sur le Renseignement. Note historique n°10. 06-01-2008. [Электронный ресурс] http://www.cf2r.org/fr/notes-historiques/la-fin-un-monde-le-bureau-du-chiffre-du-quai-orsay-en-1904.php (дата обращения: 11.02.2015).

184. *Archer M.S.* Culture and Agency : The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. 344 p.

185. *Archer M.S.* Structuration versus morphogenesis / S.N. Eisenstadt and H. J. Helle (eds), Macro-Sociological Theory, vol. 1. London: Sage, 1985. Pp. 58-88.

186. Archives des ministères des Affaires étrangères des États members. France. [Электронный ресурс] http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/France-FR.pdf (дата обращения: 12.12.2015).

187. *Arconville M.-G.-Ch.T. d. Vie du cardinal d'Ossat.* P., 1771, I.

188. *Argyros G.L., Grossman M., Rohatyn F.G.* The Embassy of the Future. Washington: The CSIS press, 2007. 76 p.

189. *Arnauld A., Nicole P*. La Logique ou L'art de penser. P. : Gallimard, 1992 (1662). 406 p.

190. *Aron R.* Memoires: 50 ans de reflexion politique. P. : Julliard, 1983. 778 p.

191. *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann-Lévy, 1962. 794 p.

192. *Aron R.* Une sociologie des relations internationales // Revue francaise de sociologie. 1963. Vol. IV. №3.

193. *Badie B., Smouts M.-C.* Le Retournement du Monde. Sociologie de la Scène Internationale. P. : Presses de Sciences Po, 1992. 252 p.

194. *Baillou, J., Lucet, Ch., Vimont, J*. Les affaires étrangères et le Corps Diplomatique Francais. T. I, II. P. : Editions du CNRS, 1984.

195. *Barluet A.* Le Quai d'Orsay envisage de créer des «super-ambassades». Le Figaro, 10.07.2008. [Электронный ресурс] http://www.lefigaro.fr/international/2008/07/11/01003-20080711ARTFIG00043-le-quai-d-orsay-envisage-de-creer-des-super-ambassades-.php (дата обращения: 10.07.2008).

196. *Baschet A.* Histoire du Dépôt des Archives des Affaires Etrangères: à Paris au Louvre en 1710, à Versailles en 1763 et de nouveau à Paris en divers endroits depuis 1796. P. : PLON, 1875. 590 p.

197. *Basini B.* Les Etats-Unis ont-ils gagné la bataille mondiale de la culture? Le Journal du Dimanche, 27 mars 2010. [Электронный ресурс] http://www.lejdd.fr/Culture/Actualite/Les-Etats-Unis-ont-ils-gagne-la-bataille-mondiale-de-la-culture-182282 (дата обращения: 12.04.2012).

198. *Bassi C., Chapsal A.-M.* Diplomatie.com. Cahier d'exercices. P. : CLE International, 2005. 96 p.

199. *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities or The End of the Social and Other Essays. N.Y. : Semiotexte, 1983. 123 p.

200. *Baudrillard J.* L'esprit du terrorisme. Le Monde, 3 novembre 2001.

201. *Bauman Z.* Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2007. 115 p.

202. *Bauman Z.* Strangers at Our Door. Wiley, 2016. 120 p.

203. *Bazouni Y.* Le métier de diplomate. P. : Harmattan, 2005. 300 p.

204. *Beck U.* Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 201 p.

205. *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive modernization. Stanford : Stanford University Press, 1994. 228 p.

206. *Belissa M.* Les Lumières, le premier partage de la Pologne et le «système politique» de l'Europe. AHRF, n° 356, 2009. P. 57-92.

207. *Belissa M. Fraternité universelle et intérêt national (1713-1795). Les cosmopolitiques du droit des gens.* P. : Kimé, 1998. 462 p.

208. *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y. : Basic Books, 1973. 507 p.

209. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y. : Basic Books, 1976. 301 p.

210. *Bell D.* The End of Ideology : On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe: The Free Press, 1960. 416 p.

211. *Bély L.* Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. P. : Fayard, 1990. 907 p.

212. *Bernoux Ph.* La Sociologie des entreprises. P. : Éditions du Seuil, 1995. 307 p.

213. *Bernoux Ph*. Theories sociologiques et transformations des organisations. [Электронный ресурс] http://ses.ens-lyon.fr/articles/theories-sociologiques-et-transformations-des-organisations-25419 (дата обращения: 10.06.2014);

214. *Berridge G. R., Keens-Soper M., Otte T. G*. Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. 216 p.

215. *Berthoud G., Cerqui D., Clément F., Ischy F., Simioni O.* La «Société de l'Information»: une idée confuse? Lausanne : Université de Lausanne. 2000. 141 p.

216. *Berthoud G.* L'horizon d'une surveillance omniprésente ? // Revue européenne des sciences sociales. 2002, Tome XL, № 123. P. 155-168.

217. *Blau P*. The dynamics of bureaucracy. A study of interpersonal relationships in two governments agencies. Chicago: The university of Chicago press, 1973. 322 p.

218. Bonjour du Monde. [Электронный ресурс] http://www.bonjourdumonde.com/ (дата обращения: 15.05.2015).

219. *Bourdieu P*. La noblesse d'Etat. Grandes écoles et esprit de corps. P. : Éditions de Minuit, 1989. 568 p.

220. *Bourdieu P*. The Forms of Capital / Richardson J. (eds), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. NY : Greenwood, 1986.

221. *Bourdieu P*. Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. P. : Seuil, 1992. 480 p.

222. *Bourdieu P*. Les structures sociales de l'économie. P. : Seuil, 2000. 304 p.

223. *Bourdieu P., Wacquant L.J*. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 332 p.

224. *Bouthoul G*. Traité de polémologie. Sociologie des guerres. P. : Payot, 1970. 560 p.

225. *Braillard G*. Theories des relations internationales. P. : PUF, 1977. 459 p.

226. *Brzezinsky Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y. : The Viking Press, 1970. 355 p.

227. *Busino G*. Les Théories de la bureaucratie. P. : PUF, 1993. 127 p.

228. Cabinet du Président de la République. Présidence de la République française [Электронный ресурс] http://www.elysee.fr/la-presidence/le-cabinet-du-president-de-la-republique/ (дата обращения: 18.05.2016).

229. *Callières F. de*. De la manière de négocier avec les souverains : de l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyez, et des qualitez necessaires pour réussir dans ces emplois. Amsterdam : La Companie, 1716. 252 p.

230. *Callières F. de*. Du bon et du mauvais usage dans les manieres de s'exprimer. Des façons de parler bourgeoises, et en quoy elles sont differentes de celles de la cour. Suitte des Mots à la mode. P. : Chez C. Barbin, 1698. 242 p.

231. *Camacho P*. FOS de la diplomatie, le métier de diplomate. N° 21 – 291. *Français des affaires / Avancé* B2. [Электронный ресурс] http://www.bonjourdefrance.com/exercices/contenu/21/francaisDesAffaires/334.html (дата обращения: 12.12.2015).

232. *Cardin Le Bret*. De la souveraineté du Roy. P. : Quesnel, 1632.

233. *Castells M*. (ed.). Europe's Crises . Polity, 2017. 476 p.

234. *Castells M*. Another Economy is Possible: Culture and Economy in a Time of Crisis. Polity, 2017. 224 p.

235. *Castells M*. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford: Blackwell, 1996-1998.

236. *Castells M*. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Polity, 2015. 328 p.

237. *Castells M*. The Network Society: A Cross-Cultural Perspective. Cheltenham: Edward Elgar, 2004. 488 p.

238. Centre National de Ressources Textuelle et Lexicales, CNRTL [Электронный ресурс] http://www.cnrtl.fr/ (дата обращения: 14.10.2015)

239. *Chamoy L. R. de*. L'idée du parfait ambassadeur. P. : Delavaud , 1912. 55 p.

240. *Chappey J.-L*. Entre communication et civilisation. Les langues et les dynamiques politiques entre République et Empire (1795-1808) [Электронный ресурс] http://etudes-romantiques.ish-lyon.cnrs.fr/wa_files/Langues-Chappey.pdf (дата обращения: 09.06.2014)

241. *Charmelot J*. Le « smart power » américain, un défi pour l'Europe. Questions d'Europe n° 127. 9 février 2009. [Электронный ресурс] http://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0127-le-smart-power-americain-un-defi-pour-l-europe (дата обращения: 16.10.2014).

242. Charte du temps : deux ans déjà et un maigre bilan – 28 mars 2017. 4 avril 2017. Электронный ресурс: http://www.cfdt-mae.fr/dialogue-social/ctac/charte-temps-deux-ans-deja-maigre-bilan-28-mars-2017/ (Дата обращения: 28.04.2017)

243. *Chastand J.-B.* Un ambassadeur a presque le pouvoir de vie ou de mort sur ses personnels. Le Monde, 10.06.2010. [Электронный ресурс] http://www.lemonde.fr/politique/article/2010/06/10/un-ambassadeur-a-presque-le-pouvoir-de-vie-ou-de-mort-sur-ses-personnels_1369135_823448.html (дата обращения: 16.06.2010).

244. *Chenu G.-M.* Balkans (1991-1995) : une amère experience / Cohen S. (dir.) Les diplomates. Négocier dans un monde chaotique. P. : Autrement, 2002.

245. *Cogan Ch.* Diplomatie à la française. P. : Éditions Jacob-Duvernet, 2005. 375 p.

246. *Cogan Ch.* French Negotiating Behavior : Dealing with La Grande Nation. Washington : United States Institute of Peace, 2003. 364 p.

247. *Cohen S.* (dir.) Les diplomates. Négocier dans un monde chaotique. P. : Autrement, 2002. 184 p.

248. *Cohen S.* Les États face aux « nouveaux acteurs » // Politique internationale, n°107, printemps 2005. [Электронный ресурс] http://www.politiqueinternationale.com/revue/read2.php?id_revue=21&id=62&search=&content=texte (дата обращения: 22.06.2014).

249. Commission coût-vie : fin de la double peine pour les agents recrutés locaux! [Электронный ресурс] http://www.cfdt-mae.fr/agents/recrutes-locaux/commission-cout-vie-fin-de-double-peine-agents-recrutes-locaux-29-mars-2017/ (Дата обращения: 28.04.2017).

250. Communication sur le terrain. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/communication-sur-le-terrain (дата обращения: 25.05.2016).

251. Conseil d'État, 2ème et 7ème sous-sections réunies, 25/06/2007, 304888, Publié au recueil Lebon. Электронный ресурс: https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriAdmin.do?idTexte=CETATEXT000018006649 (дата обращения: 22.12.2015).

252. *Cornette J.* L'affirmation de l'État absolu 1492-1652. Hachette Éducation, 2012. 352 p.

253. *Crampe-Casnabet M.* Europe et cosmopolitisme. La question de la paix : l'abbé de Saint Pierre, Jean-Jacques Rousseau, Kant / Michel Perrin (éd.). L'idée de l'Europe au fil de deux millénaires. P. : Beauchesne, 1994. P. 151-159.

254. *Crozier M.* État modeste, État moderne. Stratégies pour un autre changement. P. : Seuil, 1986. 310 p.

255. *Crozier M.* Le Monde des employés de bureau. P. : Seuil, 1965. 238 p.

256. *Crozier M.* Le phénomène bureaucratique. P. : Seuil, 1963. 413 p.

257. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. : Grasset, 1979. 298 p.

258. *Crozier M., Friedberg E.* L'acteur et le système. P. : Seuil, 1977. 437.

259. *Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y., 1975. 221 p.

260. CSIS Commission on Smart Power : a smarter, more secure America / cochairs, Richard L. Armitage, Joseph S. Nye, Jr. Washington: The CSIS press, 2007. 82 p.

261. *Curban G. de R. de*. La science du gouvernement, ouvrage de morale, de droit et de politique qui contient les principes du commandement et de l'obéissance, où l'on réduit toutes les matières de gouvernement en un corps unique dans chacune de ses parties et où l'on explique les droits et les devoirs des souverains, ceux des sujets, ceux de tous les hommes, en quelque situation qu'ils se trouvent. Paris: Amsterdam, Aix-la-Chapelle, 1761-1765. 8 vol.

262. *Dana T.* «Mme Le Pen, je refuserai de servir la diplomatie du Front national». Le Monde, 07.03.2017. [Электронный ресурс] http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/03/07/mme-le-pen-je-refuserai-de-servir-la-diplomatie-du-front-national_5090830_3232.html (дата обращения: 10.03.2017).

263. *De Rosnay J.* 2020 : Les Scénarios du futur. P. : Des Idées & des Hommes, 2007. 315 p.

264. *De Rosnay J.* La révolte du pronétariat. Des mass media aux media des masses. P. : Fayard, 2006. 252 p.

265. *De Wicquefort A.* L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye: Steucker, 1680. 2 Vols. (457-461).

266. Déclaration et point de presse de M. Hubert Védrine, Paris le 15 mai 2001. [Электронный ресурс] http://discours.vie-publique.fr/notices/013001698.html (дата обращения: 15.11.2014).

267. Décret n° 2014-1033 du 11 septembre 2014 *relatif aux attributions du ministre de l'économie, de l'industrie et du numérique (JORF du 12 septembre 2014).*

268. Décret n° 2014-404 du 16 avril 2014 *relatif aux attributions du ministre de l'économie, du redressement productif et du numérique (JORF du 19 avril 2014).*

269. Décret n° 2014-400 du 16 avril 2014 relatif aux attributions du ministre des affaires étrangères et du développement international ; la loi n° 2001-420 du 15 mai 2001 modifiée relative aux nouvelles régulations économiques, notamment son article 144 ; la loi n° 2003-721 du 1er août 2003 pour l'initiative économique, notamment son article 50 ; Décret n° 59-178 du 22 janvier 1959 relatif aux attributions des ministres ; le décret n° 2001-1091 du 21 novembre 2001 modifié relatif à l'organisation et au fonctionnement de l'Agence française pour les investissements internationaux ; Décret n° 2002-772 du 3 mai 2002 modifié relatif à l'organisation des services à l'étranger du ministère de l'économie, des finances et de l'industrie ; Décret n° 2004-103 du 30 janvier 2004 modifié relatif à Ubifrance, Agence française pour le développement international des enterprises. [Электронный ресурс]

https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000028858262 (дата обращения: 18.09.2015).

270. Décret n°79-433 du 1 juin 1979 relatif aux pouvoirs des ambassadeurs et à l'organisation des services de l'Etat à l'étranger. [Электронный ресурс] https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000516462 (дата обращения: 20.05.2016).

271. *Delcorde R.* L'evolution du metier de diplomate. Annuaire Français de Relations Internationales. Volume X, 2009. [Электронный ресурс] http://www.afri-ct.org/L-evolution-du-metier-de-diplomate (дата обращения: 25.09.2015).

272. *Deny J.* Ecole Cent-Cinquantenaire de l'ecole des Langues Orientales. Histoire Organisation et Enseignements de L'ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes. P. : Imprimerie Nationale de France, 1948. 468 p.

273. *Derriennic J.-P.* Esquisse de problematiqie pour une sociologie des relations intemationales. Thèse : sc. pol. P. : IEP, 1978. 351 p.

274. *Desbazeille M.* (dir.). L'Europe, naissance d'une utopie ? *G*enèse de l'idée d'Europe du XVIe au XIXe siècle. P. : Harmattan, 1996. 140 p.

275. *Devin G.* (dir.). Méthodes de recherche en relations internationales. P. : Presses de Sciences Po (P.F.N.S.P.), 2016. 270 p.

276. *Devin G.* Sociologie des relations internationales. P. : La Découverte, 2009. 125 p.

277. *Devin G.* (dir.). Dix concepts sociologiques en relations internationales. P. : CNRS Éditions, 2015. 220 p.

278. *Dickson D.* The new politics of science. Chicago : University Of Chicago Press, 1984. 411 p.

279. Dictionnaire de la langue française, par É. Littré, [Электронный ресурс] http://www.littre.org/definition/communiquer (дата обращения: 14.10.2015).

280. Dictionnaire de l'Académie Française, 7ème édition. P.: l'Académie Française, 1835. [Электронный ресурс] http://fr.academic.ru/dic.nsf/daf_1835/6053/COMMUNICATION (дата обращения: 14.10.2015).

281. *Diderot D., Alembert J. Le R. d*. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de letters. P. : Briasson, 1751-1772.

282. Diplomatie transformationnelle (technique du coup d'état) Jean-Michel Lacombe. [Электронный ресурс] http://formation.sciences-po.fr/sites/default/files/enseignement/2014/KINT3300_plan.pdf (дата обращения: 10.05.2015).

283. Diplomatie transformationnelle (technique du coup d'état). Semestre : Printemps 2014-2015. [Электронный ресурс] http://formation.sciences-po.fr/en/enseignement/2014/kint/3300 (дата обращения: 10.05.2015).

284. Documents diplomatiques 1914, la Guerre européenne. P. : Hachette, 1914. 228 p.

285. Documents Diplomatiques Français (DDF) http://www.diplomatic-documents.org/editions/france

286. *Dorin B.* Appelez-moi Excellence. Un ambassadeur parle. Montréal : Stanké, 2001. 328 p.

287. *Doucin M*. Les ONG et la diplomatie. Novembre 2004. [Электронный ресурс] www.dauphine.fr/globalisation/doucin.pdf (дата обращения: 12.12.2014).

288. *Doucin M*. Les ONG : le contre-pouvoir ? P. : Editions Toogezer, 2007. 366 p.

289. *Douët d'Arcq L*. Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI. P. : Chez Jules Renouard, 1863. 2 Vols. (462-471 p.).

290. *Drucker P.* Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1992. 212 p.

291. *Drucker P.* The Age of Discontinuity. Guidelines to our Changing Society. N.Y., 1969. 394 p.

292. Du Louvre au Quai d'Orsay [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/patrimoine-historique-du-quai-d-orsay/article/du-louvre-au-quai-d-orsay (дата обращения: 24.03.2016)

293. *Dubarle D*. Une nouvelle science : la cybernétique – Vers la machine à gouverner… Le Monde, 28.12.1948.

294. *Dumont J*. Corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam : Chez P. Brunel, 1726.

295. *Dupuy F., Thoenig J.C.*, Sociologie de l'administration française. P. : Armand Colin, 1983. 206 p.

296. *Duroselle J.B.* Toute empire périra. Une vision théorique des relations internationales. P. : Publications de la Sorbonne, 1981. 357 p.

297. *Ellule J.* Changer de révolution: L'inéluctable prolétariat. P. : Seuil, 1982. 290 p.

298. Emplois, stages, concours. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/emplois-stages-concours/ (дата обращения: 28.04.2017).

299. Entretien avec M. Michel Doucin. Propos recueillis par Henri Bauer et Nathalie Delcamp (Irenees). Paris, marzo 2008. [Электронный ресурс] http://www.irenees.net/bdf_fiche-entretien-73_es.html (дата обращения: 22.04.2010).

300. Essai sur le plan à établir relativement à la correspondance concernant l'économie politique, les sciences et les arts, en Italie, en Suisse, en Espagne et en Portugal, an III (1795). MAE, M. D. France, 655, fol. 91-189.

301. European External Action Service. [Электронный ресурс] http://eeas.europa.eu/index_en.htm.

302. *Fabius L., Filippetti A*. Notre ambition pour une diplomatie culturelle au XXIe siècle. Le Figaro, 15.07. 2013. [Электронный ресурс] http://discours.vie-publique.fr/notices/133001762.html (дата обращения: 12.12.2015).

303. *Félice F.-B. de*. Code de l'humanité, ou la législation universelle, naturelle, civile et politique. Yverdon, impr. Felice, 1778. 39 vols.

304. Fins de carrière et transition vers la retraite des hauts fonctionnaires du MAE : cachez ces cadres que nous ne saurions voir – 12 décembre 2016. [Электронный ресурс] http://www.cfdt-mae.fr/agents/agents-titulaires/at-categorie-a/ministre-plenipotentiaires/fins-de-carriere-transition-vers-retraite-hauts-fonctionnaires-mae-cachez-cadres-ne-saurions-voir-12-decembre-2016 (Дата обращения: 22.12.2016)

305. *Flassan G. de R. de*. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française depuis la fondation de la monarchie jusqu' à la fin du règne de Louis XVI. P. : Lenormant, 1809. 7 vols.

306. Formation des diplomates et des agents [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/formation-des-diplomates-et-des/article/l-institut-diplomatique-et-107591 (дата обращения: 19.11.2015).

307. *Fossaert R*. Inventaire du 21e siècle. Tome 1. La dynamique du système mondial. 2006. [Электронный ресурс] http://classiques.uqac.ca/contemporains/fossaert_robert/inventaire_21e_siecle_t1/inventaire_21e_siecle_t1.html (дата обращения: 26.06.2015).

308. *Foucault M.* L'Archéologie du savoir. P. : Gallimard, 1969. 294 p.

309. *Foucault M*. The order of discourse / R. Young (ed.) Untying the text: A post-structuralist reader. L. : Routledge, 1981. P. 48-78.

310. France Diplomatie. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/.

311. Franck Renaud: «Les diplomates ne représentent pas la société d'aujourd'hui» [Электронный ресурс] http://www.20minutes.fr/monde/589585-20100825-monde-franck-renaud-les-diplomates-ne-representent-pas-la-societe-d-aujourd-hui (дата обращения: 25.10.2012).

312. *Frank R.* (dir.). Pour l'histoire des relations internationales. P. : PUF, 2012. 776 p.

313. *Frank R.* Penser historiquement les relations internationales. Annuaire français de relations internationales. Volume IV. P. : La documentation Française, 2003. P. 42-65.

314. *Fraser N*. Une réflexion pour l'ère postindustrielle. Le Monde, 23.01.2012. [Электронный ресурс] http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/01/23/une-reflexion-pour-l-ere-postindustrielle_1632567_3232.html (дата обращения: 05.03.2012).

315. *Fraser N*. Une réflexion pour l'ère postindustrielle. Le Monde, 23.01.2012. [Электронный ресурс] http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/01/23/une-reflexion-pour-l-ere-postindustrielle_1632567_3232.html (дата обращения: 05.03.2012);

316. *Garroté M*. Espion mode d'emploi – DGSI et DGSE. Le 13 Mai 2014. [Электронный ресурс] http://www.dreuz.info/2014/05/13/espion-mode-demploi-dgsi-et-dgse/ (дата обращения: 12.06.2014).

317. *Gerber F-P.* Le durcissement de l'idéologie sécuritaire en France: effet du projet utopique de société de l'information? Thèses de doctorat, Université Marc Bloch, 2008.

318. *Germiyanoglu O.* La lutte contre le terrorisme vue par les hauts fonctionnaires du Quai d'Orsay : pour une contribution française au concept d'operational code. Thèse de doctorat en Science politique. Soutenue le 09-12-2014 à Lille 2. 457 p.

319. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 188 p.

320. *Giddens A.* The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009. 276 p.

321. *Giddens A.* Structuralism, post-structuralism and the production of culture / Giddens A., Turner J.H. (eds), Social Theory Today. Stanford: Stanford University. 1987.

322. *Gilli P*. Bernard De Rosier et les débuts de la réflexion théorique sur les missions d'ambassade / Andretta S., Péquignot S., Waquet J.-C. (dir.) De l'ambassadeur. Les écrits relatifs à l'ambassadeur et à l'art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle. Rome: Publications de l'École française de Rome. 2015. [Электронный ресурс] http://books.openedition.org/efr/2907 (дата обращения: 14.10.2015).

323. Gouvernance [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/gouvernance/ (дата обращения: 15.05.2016).

324. *Gouldner A.* The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y. : Basic books, 1970. 528 p.

325. GPEEC cat. A : des pistes de réflexion intéressantes mais contraintes par une pyramide des corps inversée. 4 avril 2017. [Электронный ресурс] http://www.cfdt-mae.fr/agents/agents-titulaires/at-categorie-a/sae/ata-sae-revendications/gpeec-a-pistes-de-reflexion-interessantes-contraintes-pyramide-corps-inversee-27-fevrier-2017/ (дата обращения: 22.04.2017).

326. *Graeff Ch.* Tripoli-Beyrouth (1982-1987): l'ambassadeur dans la crise / Cohen S. (dir.) Les diplomates. Négocier dans un monde chaotique. P. : Autrement, 2002.

327. Grève historique au Quai d'Orsay. [Электронный ресурс] http://tempsreel.nouvelobs.com/societe/social/20031128.OBS0435/greve-historique-au-quai-d-orsay.html (дата обращения: 12.11.2014).

328. *Guibert-Sliedziewski E.* Volney, Daunou et la conception de l'Histoire // Roussel J. (ed.). L'Héritage des Lumières, Volney et les ideologues. Angers: Presses de l'Université d'Angers, 1988. P. 157-166.

329. *Guyot B. Guyot B.* Management de l'information dans les organizations. Eléments de method. P. : Editions Hermès-Lavoisier, 2006. 69 p.

330. *Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1968. 420 p.

331. *Habermas J.* On the logic of the social sciences. Cambridge : MIT Press, 1988. 220 p.

332. *Habermas J.* Technik und wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1968. 184 p.

333. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft). Frankfurt am Main, 1981. 1216 p.

334. *Hamilton K.* La diplomatie des archives sous la IIIe République, 1871-1914 // *Revue d'histoire diplomatique*, 2005, n° 4.

335. *Hauterive A. M. B. de L. de.* Conseils à un élève du ministère des Relations extérieures. P. : 1800. 166 p.

336. *Hauterive A. M. B. de L. de.* Quelques conseils à un jeune voyageur. P. : De l'Imprimerie royale, 1826. 93 p.

337. *Hermet G., Badie B., Birnbaum P., Braud Ph.* Dictionnaire de la Science politique et des institutions politiques. P. : Armand Colin, 1994. 280 p.

338. *Hertzberg H.* Smart Power. The New Yorker, January 26, 2009. [Электронный ресурс] http://www.newyorker.com/magazine/2009/01/26/smart-power (дата обращения: 10.10.2015).

339. Histoire de l'Europe et de la Méditerranée [Электронный ресурс] http://www.histoireeurope.fr/RechercheLocution.php?Locutions=Claude+II+de+L'Aubespine (дата обращения: 12.04.2016).

340. Histoire de l'administration française. Les Affaires étrangères et le corps diplomatique. P. : CNRS, 1984. P. 221-223.

341. *Hocking B., Melissen J., Shaun R., Sharp P*. Futures for diplomacy. Integrative Diplomacy in the 21st Century. Report 1 – The Hague : Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», 2012. 78 p.

342. *Hoffman S*. Classic Diplomacy in the Information Age // Foreign Affairs, 2001, 80 (4). Pp. 137-142.

343. *Honneth A*. Le savant et le politique. Les contradictions et échecs d'une grande théorie critique. Le Monde, 23.01.2012. [электронный ресурс:] http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/01/23/le-savant-et-le-politique_1633316_3232.html (дата обращения: 05.03.2012).

344. *Horkheimer M*. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main : Hrsg. von A. Schmidt u. G.Schmid Noerr, 1985.

345. *Hotman J*. L'Ambassadeur. P., 1603. 112 p.

346. Infographie "Le ministère des Affaires étrangères et du Développement international (MAEDI) en chiffres". [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-ministere-en-chiffres/article/infographie-le-ministere-des-affaires-etrangeres-et-du-developpement (дата обращения: 15.15.2016).

347. *Inquimbert A.-A.* Charles Cogan, Diplomatie à la française // Revue historique des armées, 2007, n° 246. P. 133.

348. *Jeannin P*. Les Négociations de Monsieur le Président Jeannin. P. : chez Pierre Le Petit, 1656. 757 p.

349. *Juppé A., Védrine H*. Cessez d'affaiblir le Quai d'Orsay! Le Monde, 06.07.2010. [Электронный ресурс] http://www.lemonde.fr/idees/article/2010/07/06/cessez-d-affaiblir-le-quai-d-orsay_1383828_3232.html (дата обращения: 12.12.2012).

350. *Kessler M.-C*. Les ambassadeurs : une élite contestée ? Journée d'études franco-italienne 25 avril 2003. [Электронный ресурс] http://www.cersa.cnrs.fr/IMG/pdf/MCK-Ambassadeurs.pdf (дата обращения: 26.10.2015);

351. L'Agence pour la diffusion de l'information technologique. http://www.adit.fr/.

352. L'Alliance Européenne d'Intelligence Stratégique. http://www.alliance-esia.com/fr/index.php

353. L'Ambassadeur. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/metiers-et-services/article/l-ambassadeur (дата обращения: 25.05.2016).

354. L'appui aux initiatives des ONG de solidarité internationale [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/partenariats-et-

societe-civile/relations-avec-la-societe-civile/article/appui-aux-initiatives-des-ong-de-solidarite-internationale (дата обращения: 25.09.2015).

355. L'Institut de Formation aux Affaires Administratives et Consulaires (IFAAC) [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/formation-des-diplomates-et-des/article/l-institut-de-formation-aux (дата обращения: 19.10.2015).

356. L'Institut français http://www.institutfrancais.com/fr/faites-notre-connaissance-0

357. L'Institut national des langues et civilisations orientales. http://www.inalco.fr/

358. La CFDT première organisation syndicale du ministère des Affaires Etrangères. 16.07.2010. [Электронный ресурс]

359. La chancellerie. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/metiers-et-services/article/la-chancellerie (дата обращения: 25.05.2016).

360. La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France 2008-2020. P. : La Documentation française, 2008. 137 p.

361. La nomination du futur ambassadeur contestée par la CFDT. 11 mai 2012. [Электронный ресурс] http://www.lepetitjournal.com/bangkok/communaute/actu-communaute/106622-communaute--la-nomination-du-futur-ambassadeur-contestee-par-la-cfdt.html (Дата доступа: 25.06.2014).

362. La politique étrangère de la France : quelle autonomie pour quelle ambition? Intervention de Laurent Fabius au Sénat (15.10.15). [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/maedi-une-diplomatie-globale-au-21eme-siecle/la-politique-etrangere-de-la-france-quelle-autonomie-pour-quelle-ambition/article/la-politique-etrangere-de-la-france-quelle-autonomie-pour-quelle-ambition (дата обращения: 15.11.2015).

363. La transparence n'est pas de mise au MAE. 12 octobre 2012. Электронный ресурс: https://www.hdf.snes.edu/spip.php?article152 (дата обращения: 28.11.2016).

364. L'Académie Diplomatique Internationale (ADI) [Электронный ресурс] http://www.academiediplomatique.org/fr/ (дата обращения: 20.10.2015).

365. Lancement du projet "Bonjour du Monde" par la FIPF. [Электронный ресурс] http://recife.ambafrance-br.org/Lancement-du-projet-Bonjour-du (дата обращения: 12.04.2013).

366. *Lane Ph.* French Scientific and Cultural Diplomacy. Liverpool : Liverpool University Press, 2013. 144 p.

367. *Lane Ph*. Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique. P. : La Documentation française, 2011. 126 p.

368. *Lane R.* The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society // American sociological review, 1966, Vol. 21, № 5.

369. *Laroche J.* Politique internationale. P. : LGDJ, 1998. 557 p.

370. Larousse [Электронный ресурс] http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/société/73150#IBjtdfUTmmDKQ5GT.99 (дата обращения: 12.02.2015).

371. Le ministère et son réseau. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/ (дата обращения: 16.04.2016).

372. Le rayonnement culturel international : une ambition pour la diplomatie française. Rapport d'information n° 458 (2008-2009) de MM. Jacques Legendre et Josselin de Rohan, fait au nom de la commission des affaires culturelles et de la commission des affaires étrangères, déposé le 10 juin 2009. [Электронный ресурс] http://www.senat.fr/rap/r08-458/r08-458.html (дата обращения: 15.12.2012).

373. Le Répertoire interministériel des métiers de l'Etat [Электронный ресурс] http://rime.fonction-publique.gouv.fr/ (дата обращения: 15.10.2015).

374. *Lefort C.* Éléments d'une critique de la bureaucratie. P. : Gallimard, 1979. 392 p.

375. *Lepage F.* De l'éducation populaire à la domestication par la « culture » // Le Monde diplomatique, mai 2009.

376. Les métiers du ministère des Affaires étrangères et européennes. Édition 2011. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/Brochure_metiers2011.pdf (дата обращения: 10.02.2014).

377. Les postes au MAEDI. 10 août 2016. [Электронный ресурс] http://www.snuipp.fr/Les-postes-au-MAEDI (дата обращения: 15.12.2016).

378. Lettres de l'illustrissime et reverendissime. Cardinal d'Ossat, Evesque de Baieux au Roy Henri Le Grand et a monsieur de Villeroy. Depuis l'année M. D. XCIV. IVSQVES a l'annee M. DC. IIII. P. : Bouillerot, 1624. 780 p.

379. *Lévy P.* L'Intelligence collective: pour une anthropologie du cyberspace. P. : Découverte, 1994. 243 p.

380. *Lewin A.* Grandeur, tradition et servitude : Noblesse de la diplomatie, diplomatie de la noblesse ? [Электронный ресурс] http://admi.net/archive/20070621/www.geoscopies.net/geoscopie/acteurs/a203nodiplo.html (дата обращения: 22.10.2015).

381. Liste des ministres français des Affaires étrangères. [Электронный ресурс] http://www.wikiwand.com/fr/Liste_des_ministres_fran%C3%A7ais_des_Affaires_%C3%A9trang%C3%A8res (дата обращения: 26.05.2017).

382. *Litvak N*. Les élites du savoir. Une approche informationnelle // The Journal of Quality in Education. 2015. № 6. P. 104-114.

383. LOI n° 2010-873 du 27 juillet 2010 relative à l'action extérieure de l'Etat. [Электронный ресурс] https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022521532 (дата обращения: 10.05.2015).

384. LOI n° 2012-347 du 12 mars 2012 relative à l'accès à l'emploi titulaire et à l'amélioration des conditions d'emploi des agents contractuels dans la fonction publique, à la lutte contre les discriminations et portant diverses dispositions relatives à la fonction publique [Электронный ресурс] https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2012/3/12/MFPF1116839L/jo/texte (Дата доступа: 23.06.2014).

385. *Lorée D*. Edition commentée du Secret des Secrets du Pseudo- Aristote.Université Rennes 2, 2012. P.198. [Электронный ресурс] https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00754357/document (дата обращения: 26.03.2014).

386. *Loriol M., Piotet F., Delfolie D*. Le travail diplomatique. Un métier et un art. Rapport de recherche pour le ministère des Affaires étrangères et européennes (MAEE). Université Paris I Panthéon Sorbonne – CNRS, 2008. 130 p.

387. *Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. Berlin: Walter de Gruyter, 1991. 236 p.

388. *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: rapport sur le savoir. P. : Les Editions de Minuit, 1979. 128 p.

389. *Mably B. De*. Collection complète des œuvres. V. Principes des négociations pour servir d'introduction au droit public de l'Europe fondé sur les traités, Paris: an III (1794-1795), rééd. M. Belissa. P. : Kimé, 2001. 176 p.

390. Magasin encyclopédique, ou Journal des sciences, des lettres et des arts. T. 29, 1799, p. 433-438 : Compte-rendu [par Brack] de la Dissertation sur les Antiquités de la Russie, contenant l'ancienne mythologie, les rites paysans etc… des Russes, comparés avec les mêmes objets chez les anciens et particulièrement chez les Grecs, par Mathieu Guthrie, conseiller de cour de Sa Majesté impériale, Saint Pétersbourg, de l'imprimerie du corps impérial des cadets nobles, 1795.

391. *Mansell R*. The Information Society. L. : Routledge, 2009. 4 vols. 1926 p.

392. *Mansell R., When U.* Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development. Oxford : Oxford University Press, 1999. 323 p.

393. *Marks S., Freeman Ch. W*. Diplomacy / Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] https://www.britannica.com/topic/diplomacy#toc59476 (дата обращения: 07.07.2014).

394. *Martel F*. De la culture en Amérique. P. : Gallimard, 2006. 620 p.

395. *Martel F*. Mainstream. Enquête sur cette culture qui plaît à tout le monde. P. : Flammarion, 2010. 458 p.

396. *Martens K. von*. Guide diplomatique ou Traité des droits, des immunités et des devoirs des ministres publics, des agens diplomatiques et consulaires dans toute l'étendue de leurs fonctions : précédé de considérations générales sur l'étude de la diplomatie, suivi d'un traité du style des compositions diplomatiques, d'une bibliographie diplomatique choisie, et d'un catalogue systématique de cartes de géografie ancienne et modern, rédigé par M. Ch. Picquet. P.: J. P. Aillaud, 1837.

397. *Martin V*. La diplomatie en Révolution : structures, agents, pratiques et renseignements diplomatiques : l'exemple des agents français en Italie (1789-1796). Thèse de doctorat en Histoire. Soutenue en 2011 à Paris 1. [Электронный ресурс] http://www.theses.fr/2011PA010662 (дата обращения: 14.10.2014).

398. *Martin V*. Le Comité diplomatique : l'homicide par décret de la diplomatie (1790-1793) ? La Révolution française [En ligne], 3 | 2012. [Электронный ресурс] http://lrf.revues.org/762 (дата обращения: 26.10.2015).

399. *Martin W.J.* The Information Society. L. : Aslib, 1988. 174 p.

400. *Masson F*. Le Département des affaires étrangères pendant la Révolution. P. : PLON, 1877. 570 p.

401. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Washington : Transaction Publishers, 1981. 178 p.

402. *Mattelart, A.* Histoire de la société de l'information. P. : La Découverte, 2001. 123 p.

403. *McLuhan, M*. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto : University of Toronto Press, 1962. 300 p.

404. *Merle M*. Sociologie des relations internationales. P. : Dalloz, 1974. 436 p.

405. *Merle M*. Sur la « problématique » de l'étude des relations internationales en France // Revue française de science politique, 1983, n°3. P. 403-427.

406. *Merton R.* The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review. 1936, Vol. 1, No. 6, pp. 894-904.

407. *Merton R.K*. Bureaucratic structure and personality // Social Force, 18 (4), May 1940. Pp. 560-568.

408. *Merton R.K*. On the Shoulders of Giants. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 348 p.

409. *Merton R.K.* The Self-Fulfilling Prophecy // R.K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Sztompka. Chicago: The University of Chicago Press. 1996. P. 183-204.

410. *Miège B.* L'imposition d'un syntagme: la Société de l'Information // Tic&société, Vol. 2, n° 2, 2008. [Электронный ресурс] http://ticetsociete.revues.org/467 (дата обращения: 20.05.2016).

411. Missions du ministère de l'Economie, de l'Industrie et du Numérique [Электронный ресурс] http://www.economie.gouv.fr/les-ministeres/missions-ministere-economie-industrie-numerique (дата обращения: 20.05.2016).

412. *Monin H.* Les institutions impériales et les réformes administrative. [Электронный ресурс] http://agora.qc.ca/documents/napoleon_bonaparte--biographie_de_napoleon_bonaparte__les_institutions_imperiales_et_les_reformes_administratives_par_hippolyte_monin (дата обращения: 19.10.2015).

413. *Morel P.* Le diplomate, de l'exceptionnel au quotidian // Études, 1996, Numéro 4. P. 325-336.

414. *Moreuil L.-J.-A. de*. Dictionnaire des chancelleries diplomatiques et consulaires, à l'usage des agents politiques français et étrangers et du commerce maritime : rédigé d'après les lois, ordonnances, instructions et circulaires ministérielles, et complété au moyen de documents officiels. P. : Jules Renouard et Cte, 1855. 2 vol. (528-426 p.)

415. *Morgenthau H.J.* Politics among nations: the struggle for power and peace. NY: A.A. Knopf, 1948. 489 p.

416. *Musso P.* Télécommunications et philosophie des réseaux, la postérité paradoxale de Saint-Simon. P. : PUF, 1997. 400 p.

417. Négociation. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/negociation (дата обращения: 25.05.2016).

418. *Neumann I. B.* To be a Diplomat // International Studies Perspectives, 2005, Volume 6, Issue 1. February. P. 72-93.

419. *Nora S., Minc A.* L'informatisation de la société. Rapport `a M. le Président de la République. P. : La documentation Française, 1978. 901 p.

420. OESD. Stat. Taux de syndicalisation. Электронный ресурс: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=UN_DEN&Lang=fr (дата обращения:23.04.17).

421. Office of eDiplomacy. [Электронный ресурс] https://www.state.gov/m/irm/ediplomacy/.

422. Organigramme de l’administration central [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/23022016_diplonetv2_cle88c8e2.pdf (дата обращения: 27.05.2016).

423. Organigramme MEAE [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/organigramme_meae_26052017_cle4a7c13.pdf (дата обращения: 25.11.2017).

424. *Outrey A.* Histoire et principes de l'administration française des Affaires Étrangères (I-II) // Revue française de science politique. 1953, Volume 3, Numéro 2, pp. 298-318 ; Numéro 3, pp. 491-510.

425. *Pecquet A.* Discours sur l'art de negocier. P. : Nyon fils, 1737. 168 p.

426. *Péquignot St*. Figure et normes de comportement des ambassadeurs dans les documents de la pratique : un essai d’approche comparative (ca. 1250 - ca. 1440) / De l’ambassadeur. Les écrits relatifs à l’ambassadeur et à l’art de négocier du Moyen Âge au début du XIXe siècle. Rome: Publications de l’École française de Rome, 2015. [Электронный ресурс] http://books.openedition.org/efr/2900#bodyftn63 (дата обращения: 25.09.2015).

427. *Petzinger T.* The New Pioneers: The Men and Women Who Are Transforming the Workplace and Marketplace. Simon & Schuster, 1999. 302 p.

428. *Pierry L*. Le Ministre des Affaires étrangères. Naissance et évolution d'un représentant de l'Etat. Thèse présentée pour obtenir le grade de Docteur en Droit de l’Université d’Avignon et des Pays de Vaucluse. 2011.

429. *Piotet F., Loriol M., Delfolie D.* Splendeurs et misères du travail des diplomates. P. : Hermann, 2013. 552 p.

430. Politique Européenne de Sécurité et de Défense, PESD/PESC. [Электронный ресурс] http://www.touteleurope.eu/les-politiques-europeennes/diplomatie-et-defense/synthese/la-politique-de-securite-et-de-defense-commune-psdc.html.

431. *Porat M.* Global Implications of the Information Society // Journal of Communication, 1978, № 28-1. Pp. 70-80.

432. *Porat M.* The Information Economy. Washington. US Department of Commerce, 1977. 319 p.

433. *Poster M.* The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Chicago : University Of Chicago Press, 1990. 188 p.

434. Programme «le Quai d’Orsay hors les murs». [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/evenements-et-actualites-du/le-quai-d-orsay-hors-les-murs/ (дата обращения: 11.02.2015).

435. Programme d’invitation des personnalités d’avenir (PIPA) [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/programme-d-invitation-des-personnalites-d-avenir-pipa/ (дата обращения: 15.15.2016).

436. Promotion des relations bilatérales. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/promotion-des-relations (дата обращения: 25.05.2016).

437. Quai d’Orsay : la CFDT fait valser les ambassadeurs sarkozystes. 18 juillet 2012 [Электронный ресурс] http://da-esterel.over-blog.fr/article-quai-d-orsay-la-cfdt-fait-valser-les-ambassadeurs-sarkozystes-108278978.html (дата обращения: 10.10.2014).

438. *Raimbaud M*, ancien ambassadeur français : « Les États-Unis n’ont qu’une logique : celle du chaos ». 04.03.2015. [Электронный ресурс] http://reseauinternational.net/michel-raimbaud-ancien-ambassadeur-francais-les-etats-unis-nont-quune-logique-celle-du-chaos/ (дата обращения: 06.03.2015).

439. Rapport 2015 sur la stratégie du commerce extérieur de la France et la politique commerciale européenne. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-economique-et-commerce-exterieur/actualites-liees-a-la-diplomatie-economique-et-au-commerce-exterieur/2015/article/diplomatie-economique-presentation-par-matthias-fekl-du-rapport-2015-sur-la#sommaire_1 (дата обращения: 25.01.2016).

440. Rapport d'information n° 2924 (2000-2001) de M. Yves Dauge, fait au nom de la commission des affaires étrangères de l'Assemblée nationale sur les centres culturels français à l'étranger. [Электронный ресурс] http://www.assemblee-nationale.fr/documents/index-information-11leg.asp (дата обращения: 15.12.2012).

441. Rapport d'information n° 428 (2007-2008) de M. Adrien Gouteyron, fait au nom de la commission des finances, du contrôle budgétaire et des comptes économiques de la nation sur la crise de la diplomatie culturelle française. [Электронный ресурс] http://www.assemblee-nationale.fr/documents/index-information-11leg.asp (дата обращения: 15.12.2012).

442. Rapport d'information n° 91 (2004-2005) de M. Louis Duvernois, fait au nom de la commission des affaires culturelles du Sénat, intitulé « Pour une nouvelle stratégie de l'action culturelle extérieure de la France : de l'exception à l'influence ». [Электронный ресурс] http://www.assemblee-nationale.fr/documents/index-information-11leg.asp (дата обращения: 15.12.2012).

443. Recherche de l’information. [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/recherche-de-l-information (дата обращения: 25.10.2015).

444. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Tome XIV. P. : Pochard, 1829.

445. Règlements intérieurs sur le temps de travail à l'administration centrale, après trois ans de surplace, on avance enfin! 31 octobre 2016. Электронный ресурс: http://www.cfdt-mae.fr/actualites/reglements-interieurs-temps-de-travail-a-ladministration-centrale-apres-trois-ans-de-surplace-on-avance-enfin/ (Дата обращения: 22.11.2016)

446. *Renaud F* . Quai d'Orsay : malaise à la direction de la prospective. Le Point.fr, 24.10.2012. [Электронный ресурс] http://www.lepoint.fr/politique/exclusif-quai-d-orsay-malaise-a-la-direction-de-la-prospective-24-10-2012-1520322_20.php (дата обращения: 12.11.2014).

447. *Renaud F*. Diplomates : derrière la façade des ambassades de France. P. : Nouveau Monde Éditions, 2010. 393 p.

448. *Renaud F*. Les diplomates ne représentent pas la société d'aujourd'hui. [Электронный ресурс] http://www.20minutes.fr/monde/589585-20100825-monde-franck-renaud-les-diplomates-ne-representent-pas-la-societe-d-aujourd-hui (дата обращения: 25.10.2012).

449. *Renouvin P., Duroselle J.-B.* Introduction à l'histoire des relations internationales. P. : Armand Colin, 1964. 523 p.

450. Représentation [Электронный ресурс] http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/metiers-de-la-diplomatie/l-activite-diplomatique-en-poste/article/representation (дата обращения: 23.05.2016).

451. Revendications. [Электронный ресурс] http://www.asam-unsa.org/revendications/ (дата доступа: 12.03.2016).

452. *Rey M.-P*. La tentation du rapprochement, France et URSS à l'heure de la détente, 1964-1974. P. : Publications de la Sorbonne, 1991. 355 p.

453. *Reynaud J.D*. Les Règles du jeu. L'action collective et la régulation sociale. P. : Armand Colin, 1989. 306 p.

454. *Richelieu Cardinal de.* Testament Politique. Édition Critique publiée avec une Introduction et des Notes par Luis André et une Préface de Léon Noël. P. : Laffont, 1947. 524 p.

455. *Riehl L., Soignet M., Amiot M.-H*. Objectif Diplomatie: Le Français des relations européennes et internationales: A1/A2. Hachette, 2007. 192 p.

456. *Riols Y.-M.* La révolution numérique du Quai d'Orsay. Le Monde, 17.07.2014 [Электронный ресурс] http://www.lemonde.fr/politique/article/2014/07/17/la-revolution-numerique-du-quai-d-orsay_4458919_823448.html (дата обращения: 28.10.2014).

457. *Ritzer G*. The Globalization of Nothing. L. : Sage, 2003. 280 p.

458. *Roquefort J.-B.-B. de*. Glossaire de la langue romane. P. : De Crapelet, 1808. 867 p.

459. *Rosa H*. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. Columbia: Columbia University Press, 2013. 512 p.

460. *Rosa H., Scheuerman W.E*. High-speed society : social acceleration, power, and modernity. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2009. 324 p.

461. *Rosergio B. de*. Ambaxiatorum Brevilogus (1436) / Hrabar V.E. De Legatis et Legationibus. Tractatus Varii. Dorpat, 1905. P. 3-28.

462. *Roszak T.* The Cult of Information. University of California Press, 1994. 267 p.

463. *Roszak T.* Where the Wasteland Ends. Politics and Transcendence in Postindustrial Society. N.Y. : Doubleday, 1972. 492 p.

464. *Roudometof V*. Glocalization. A Critical Introduction. Routledge, 2016. 188 p.

465. *Saade Gh*. Le star-system ou la déformation de l'information dans le cadre d'une mission diplomatique française au Liban. Thèse de doctorat en Sciences de l'information et de la communication Soutenue en 1986 à Paris 4 .

466. *Sainsaulieu R*. Sociologie de l’organisation et de l’entreprise. P. : Presses de la FNSP, 1987. 390 p.

467. *Saloff-Coste M.* Analyse de la crise économique sociale et écologique actuelle. [Электронный ресурс] http://knol.google.com/k/michel-saloff-coste/analyse-de-la-crise-économique-sociale/365890ye0z3mt/2# (дата обращения: 20.12.2010).

468. *Saloff-Coste M.* Futur des civilizations, civilizations du future / *Dartiguepeyrou C.* (dir) Prospective d'un monde en mutation. P. : Harmattan, 2010. Pp.71-96.

469. *Saloff-Coste M.* Comment l’entreprise élargie réenchante le monde / *Added E., Raffard W.* (dirs) Réenchanter le futur par la prospective RH. P. : Editions Village Mondial, 2009. Pp. 61-79.

470. *Schell E*. Principes de diplomatie. 2010. [Электронный ресурс] http://www.talleyrand.org/politique/principes_diplomatie.pdf (дата обращения: 12.11.2014).

471. *Schiller D.* Digital Capitalism. Cambridge : MIT Press, 2000. 320 p.

472. *Schiller H.* Old Foundations for a New (Information) Age / Schement J.R., Lievrouw (eds.) Competing visions, complex realities: Social aspects of the information society. Norwood : Ablex Publishing, 1987. Pp. 76-83.

473. *Scieur Ph*. Sociologie des organisations : introduction à l’analyse de l’action collective organisée. P. : Armand Colin, 2005. 180 p.

474. Secretary Condoleezza Rice. Georgetown University, Washington, DC. January 18, 2006. [Электронный ресурс] http://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm (дата обращения: 22.10.2014).

475. *Serna P*. Antonelle, lecteur de Condillac // Dix-huitième Siècle, 1997, n° 29. P. 393-410.

476. *Slatynska O*. La diplomatie, l'art de la négociation. Fiche pédagogique N° 21 – 536. *Fiches Pedagogiques / Autonome* B1. [Электронный ресурс] http://www.bonjourdefrance.com/ressources/fiches-pedagogiques/fos-diplomatie.pdf (дата обращения: 11.12.2015).

477. Société de la connaissance, société de l'information, société de contrôle. Entretien avec *Armand Mattelart* // Cultures & Conflits, 2006, n° 64. P. 167-183.

478. *Stehr N*. Knowledge Societies: The Transformation of Labour, Property and Knowledge in Contemporary Society. L. : Sage, 1994. 304 p.

479. *Stigler G.J.* Essays in the History of Economics. Chicago : University of Chicago Press, 1965. 391 p.

480. *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L. : Thames Methuen, 1983. 224 p.

481. Sur la nécessité d'une bibliothèque diplomatique sous chaque légation, mémoire remis par François Noël au commissaire des Relations extérieures, pour être communiqué à la Commission d'instruction publique, 14 floréal an II/3 mai 1794. MAE, C.P. Venise, 251, fol. 165.

482. *Sztompka P*. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Chicago: University Of Chicago Press, 1991. 219 p.

483. *Taillé Ch., Guérin M*. Constituer des réseaux d'influence : acteurs et vecteurs de la décision en affaires étrangères // Revue internationale et stratégique, 2003/4 (n° 52). Pp.109-111.

484. Testament Politique de Richelieu. Édité par Françoise Hildesheimer. P. : Société de l'Histoire de France, 1995. 387 p.

485. Texte n° 71 (2006-2007) adopté par le Sénat le 13 février 2007; Texte n° 257 (2008-2009) de M. Adrien Gouteyron, déposé au Sénat le 10 mars 2009. [Электронный ресурс] http://www.senat.fr/rap/r08-458/r08-4589.html (дата обращения: 15.12.2012).

486. The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rh–6th September 2007. Glasgow Caledonian University. P. 36-37.

487. *Thierry V*. Quand j'étais secrétaire de chancellerie [Электронный ресурс] http://blog.diplomatie.gouv.fr/Quand-j-etais-secretaire-de?lang=fr (дата обращения: 10.02.2016).

488. *Thompson K*. Moral Panics. London : Routledge, 1998. 168 p.

489. *Toffler A.* Future Shock. N.Y. : Random Hause, 1970. 505 p.

490. *Toffler A*. The Third Wave. N.Y. : William Morrow, 1983. 230 p.

491. *Touraine A.* La Société post-industrielle. Naissance d'une société. P. : Denoel, 1969. 319 p.

492. *Touraine A.* Pour la sociologie. P. : Seuil, 1974. 256 p.

493. *Touraine A*. Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P. : Fayard, 1984. 389 p.

494. *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et defférents. P. : Fayard, 1997. 395 p.

495. *Touraine A.* Sociology without Societies Pressures for Continuity in the Context of Globalization // Current Sociology. 2003. Vol. 51 (2). Pp. 123-131.

496. Transcript Of Clinton's Confirmation Hearing. Published January 13, 2009 12:36 PM ET. [Электронный ресурс] http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=99290981 (дата обращения: 10.09.2013).

497. *Urry J*. What is Future? Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.

498. *Vaillé E*. *Le Cabinet noir.* P. : Presses universitaires de France, 1950. 411 p.

499. *Vaïsse J*. Etats-Unis : le temps de la diplomatie transformationnelle // Cahiers du Chaillot, n° 95, déc. 2006. 124 p.

500. *Vaïsse M*. Les documents diplomatiques français : outil pour la recherche ? La revue pour l'histoire du CNRS [En ligne], 14 | 2006, mis en ligne le 03 mai 2008. [Электронный ресурс] http://histoire-cnrs.revues.org/1836 (дата обращения: 12.12.2015);

501. *Verluise P*. Quelle France dans le monde au XXI e siècle ? 2000. [Электронный ресурс] http://www.diploweb.com/france/35.htm (дата обращения: 12.12.2012);

502. *Vernet H*. Quand le Quai d'Orsay se met en grève. [Электронный ресурс] http://www.leparisien.fr/politique/quand-le-quai-d-orsay-se-met-en-greve-27-11-2003-2004570267.php#xtref=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 12.11.2014).

503. Vocabulaire des affaires étrangères (liste de termes, expressions et définitions adoptés) [Электронный ресурс] https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030103738 дата обращения: 14.04.2016).

504. *Volle M.* De l'Informatique: Savoir vivre avec l'automate. P. : Economica, 2006. 614 p.

505. *Volle M.* Économie des nouvelles technologies. P. : Economica, 1999. 348 p.

506. *Volney C.-F. de Ch*. Leçons d'histoire prononcées à l'École normale, en l'an III de la république française. P. : Baudoin, 1826. 400 p.

507. *Volney C.-F. de Ch*. Questions de statistique à l'usage des voyageurs / Œuvres complètes de Volney. P. : Bossange, 1821, 6 vol. T. 6. Pp. 383-402.

508. *Volney*. Leçons d'histoire [1793]. Oeuvres. P. : Fayard, 1981. 1990. 590 p.

509. *Weber M*. Économie et société. Tome 1 : Les catégories de la sociologie. P. : Pocket, 2003. 410 p.

510. *Webster F*. The Information Society Reader. Routledge, 2003. 464 p.

511. *Webster F*. Theories of the Information Society. Routledge, 1995. 264 p.

512. *Wolton D.* Informer n'est pas communiquer. P. : CNRS Éd., 2009. 147 p.

513. *Yanitsky O.N*. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. M. : Taus, 2010. 360 p.

514. *Zolberg A.R*. L'influence des facteures «externes» sur l'ordre politique «interne» / Grawitz M., Leca J. (eds). Traité de science politique. P. : PUF, 1985. 4 vol. 2701 p.

515. *Zorgbibe Ch*. Talleyrand et l'invention de la diplomatie française. P. : Éditions du Fallois, 2011. 238 p.